
Департамент по науке и инновациям ЯНАО
ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»

АРХЕОЛОГИЯ АРКТИКИ.
МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 80-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИИ
«ДРЕВНЕЕ СВЯТИЛИЩЕ УСТЬ-ПОЛУЙ».

vk.com/ethnograph

Екатеринбург
«Деловая пресса»
2012

ББК Т48(4/8)
УДК 902
А 87

Утверждено к печати Ученым советом ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики».

«Научный центр изучения Арктики» Археология Арктики. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Доклады. г. Салехард, 27 – 30 ноября 2012 г. — Екатеринбург: Издательство «Деловая пресса», 2012. — 224 с.

Издание осуществлено в рамках реализации окружной долгосрочной целевой программы «Развитие научной деятельности Ямало-Ненецкого автономного округа в области археологии на 2012 – 2015 гг.».

Ответственный редактор — Федорова Н.В.

Сборник подготовлен по материалам докладов, прочитанных на международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Конференция состоялась в г. Салехарде 28 – 30 ноября 2012 г. Авторы — исследователи различных проблем археологии Арктики из академических, университетских и музейных центров Российской Федерации, Финляндии, Венгрии и Германии. Хронологические рамки представленных в сборнике работ охватывают период от палеолита до средневековья. Издание предназначено для археологов, этнологов, историков и всех интересующихся археологией арктической зоны Евразии.

Авторы: А.В. Головнёв, А.Б. Мазурин, А.В. Плеханов, Ан. В. Гусев, Н.В. Федорова, А.П. Бородовский, Ал.В. Гусев, Д.А. Симонов, С.В. Хаврин, Ю.В. Ширин, Н.А. Алексахенко, Н.Н. Скакун, Р.М. Хантемиров, С.Г. Шиятов, Д.И. Ражев, О.Е. Пошехонова, А.Н. Багашев, Е.А. Алексеева, П.А. Косинцев, О.П. Бачура, О.М. Корона, А.Е. Некрасов, А.В. Пантелеев, Е.М. Данченко, Ю.Б. Сериков, Е.А. Окладникова, В.Д. Викторова, Е.М. Черных, В.А. Семенов, А.М. Мурыгин, А.Л. Багин, А.М. Белавин, Йенс Шнеевайсс, Клима Ласло, В.В. Питулько, О.С. Тупахина, И.В. Калинина, С.Н. Панина, Ю.П. Чемякин, Н.Б. Крыласова, Б.А. Раев, Г.Н. Паранина, В.А. Борзунов, А.Н. Сарапулов, Т.И. Щербакова, В.Ю. Могрицкая.

«Научный центр изучения Арктики».

ISBN 978-5-9904335-1-9

Издательство «Деловая пресса», 2012

I. ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО СВАТИЛИЩА УСТЬ-ПОЛУЙ

1. **Головнев А.В.** Усть-Полуй: реконструкция от антропологии движения 6
2. **Мазурин А.Б.** Археологический памятник Усть-Полуй. К вопросу изучения процесса исследований 13
3. **Плеханов А.В.** Сборы А.Ф. Палашенкова с Городища Усть-Полуй (1938 г.) 20
4. **Гусев Ан. В., Федорова Н.В.** Древнее святилище Усть-Полуй: размышления post factum 22
5. **Бородовский А.П.** Косторезные заготовки Усть-Полуя (по материалам исследований 2006–2011 гг.) 30
6. **Гусев Ал.В.** Камень в системе конструкций Усть-Полуя и этнографические параллели 36
7. **Симонов Д.А., Хаврин С.В., Ширин Ю.В.** Материалы к реконструкции бронзолитеных технологических комплексов, связанных с производством металлических изделий Усть-Полуя 48
8. **Алексахенко Н.А., Скакун Н.Н.** Результаты технологического и экспериментально-трассологического исследования материалов Усть-Полуя 56
9. **Хантемиров Р.М., Шиятов С.Г.** Дендрохронологические датировки древесины из археологического памятника Усть-Полуй 62
10. **Ражев Д.И., Пошехонова О.Е.** Результаты комплексного исследования палеоантропологических материалов Усть-Полуя 65
11. **Багашев А.Н., Алексеева Е.А.** Краниология Усть-Полуя: родственные связи и проблемы таксономии 72
12. **Косинцев П.А., Бачура О.П., Корона О.М., Некрасов А.Е., Пантелеев А.В.** Историко-экологические исследования археологического памятника Усть-Полуй 80
13. **Данченко Е.М.** Усть-Полуй в системе урало-сибирских древностей 86

II. ДРЕВНИЕ СВАТИЛИЩА СЕВЕРА ЕВРАЗИИ

1. **Сериков Ю.Б.** Древние святилища Шайтанского озера 91
2. **Окладникова Е.А.** Древние святилища Кольского полуострова 98
3. **Викторова В.Д.** Структура сакрального пространства святилищ раннего железного века 103
4. **Черных Е.М.** Сакральная топография ананьинских поселений Прикамья (на примере Зуевоключевского I городища) 109
5. **Семенов В.А.** Антропозооморфные изображения из Адакского пещерного святилища на р. Уса (раскопки 1984-1985 гг.) 116
6. **Мурыгин А.М.** Общие черты и особенности средневековых святилищ крайнего северо-востока Европы 120

7. **Багин А.Л.** Археолого-этнографические параллели элементам обрядности средневековых святилищ Европейского Северо-Востока 125
8. **Белавин А.М.** Антропоморфные фигуры северной Евразии: Перун, Войпель или Нуми-Торум 131
9. **Шнеевайсс Йенс.** Магические и культовые действия древних германцев (V в. до н.э. – V в. н.э.) 137
10. **Клима Ласло.** Письменные источники жертвоприношения народов лесной полосы и тундры Евразии 146

III. ДРЕВНЕЕ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСКУССТВО СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

1. **Питулько В.В.** Древнейшее искусство Арктики (объёмные изделия из Янской стоянки: зооморфная скульптура и бивни с гравировкой) 153
2. **Тупахина О.С.** Глиняная пластика поселения Горный Самотнёл-1 161
3. **Калинина И.В.** Об историческом соотношении образов Лося и Медведя в древнем искусстве Приуралья 166
4. **Панина С.Н.** Иконографический анализ образов культовой металлопластики иткульской культуры лесного Зауралья. Ранний железный век 170
5. **Чемякин Ю.П.** Усть-полуйская или кулайская? (о металлопластике усть-полуйской культуры) 176
6. **Крыласова Н.Б.** Урало-сибирские зооморфные навершия рукоятей плетей 182
7. **Раев Б.А.** Серебряный сосуд из с. Майкор (Пермский край) 188

IV. ФОРМИРОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ АДАПТАЦИЙ

1. **Паранина Г.Н.** Каменные лабиринты в системе полярной навигации 193
2. **Борзунов В.А.** Древнейшие укрепления Севера Евразии: неолит 200
3. **Сарапулов А.Н.** Костяные детали средневековой упряжи на территории Пермского Предуралья (к вопросу об оленеводстве и собаководстве) 208

V. АРХЕОЛОГИЯ В МУЗЕЕ

1. **Щербакова Т.И.** Макет ненецкого святилища в экспозиции Музея истории религии (СПб.) 213
2. **Могрицкая В.Ю.** Археологические фонды музея им. И.С. Шемановского: история формирования и место в деятельности музея 219

АРХЕОЛОГИЯ АРКТИКИ

Материалы международной научно-практической конференции,
 посвященной 80-летию открытия памятника археологии
 «Древнее святилище Усть-Полуй»

I. ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО СВЯТИЛИЩА УСТЬ-ПОЛУЙ

А.В. Головнёв
г. Екатеринбург

УСТЬ-ПОЛУЙ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ОТ АНТРОПОЛОГИИ ДВИЖЕНИЯ

Сложность и неоднородность Усть-Полуя породила споры о его двух- или многокомпонентности, принадлежности предкам угров или самодийцев, связям с обширным циркумпольным или далеким степным миром. Для перехода от обычной компаративистики к антропологии движения необходимо отринуть от привычки упрощать сложность и выбирать из нее «единственную правду». Усть-Полуй следует видеть во всем его многообразии и многомерности – не пятачком земли, а точкой пересечения больших пространств, перекрестком путей и культур.

Желательно также избавиться от навязчивого наукомифа о недавнем приходе предков ненцев в тундру откуда-то с юга (например, с Алтая). Порожденный романтическими и неудачными поисками корней финнов в Азии (М.А. Кастрен), этот наукомиф до сих пор популярен, и среди участников нашей усть-полуйской конференции оказалось немало поклонников этого конструкта, задававших мне вопрос: «Можно ли вообще говорить о ненцах в связи с Усть-Полуем, если они в это время еще не пришли в тундру?». Среди исследователей и читателей есть сторонники и другой этногенетической крайности, утверждающей поздний приход хантов в низовья Оби. Заранее обозначая свою позицию, обоснованную в книге «Кочевники тундры» [Головнёв, 2004]: ненцы (или их предки) — не поздние пришельцы, а исконные (с каменного века) обитатели урало-сибирских тундр и северных лесов; ханты (или их предки) с древности осваивали речные магистрали западносибирской тайги вплоть до тундры. В самом общем виде ненцы — кочевники открытых пространств (тундр, водоразделов, возвышенностей), ханты — обитатели таежных рек. На Усть-Полуе пересеклись

пути предков ненцев, осваивавших Север вдоль Полярного круга, и предков хантов, двигавшихся на Север по Обской магистрали.

По своему расположению Усть-Полуй — господствующая над окрестностями высота, с которой открывается вид на обе магистрали — течение Оби и гряды Урала. Здесь они максимально сходятся, образуя пересечение путей, чрезкаменных и обских. Здесь с древности до сих пор существует перекресток самодийской и угорской культур. Здесь же позднее сошлись пути коми-зырян и русских; не случайно здесь стоит и сегодняшняя столица Ямало-Ненецкого округа.

Перекресток — не то же самое, что граница. Это схождение путей и связей, а не полоса отчуждения. Возможно, рубеж эр — время активации разных путей и их взаимосвязей. Не исключено, что именно встреча и взаимодействие двух культур — самодийской и угорской — дали тот эффект резонанса, который лучше всего характеризует феномен Усть-Полуя с его впечатляющим многообразием. Само по себе появление оленеводства можно считать эффектом контакта, который вызывает дополнительный (часто решающий) импульс так называемым «отложенным открытиям», то есть давно приобретенным знаниям, которые активизируются и превращаются в инновации в условиях социальных мобилизаций.

Судя по множеству осколков керамической посуды, орудий и оружия, на Усть-Полуе жили люди. В то же время, судя по обилию культовых вещей и фантастических образов, — это святилище. Усть-Полуй был не только местом священнодействия, но и обиталищем жрецов — своего рода стойбищем-храмом. В определенное время года здесь могла располагаться ставка местных правителей-жре-

цов, к которой в назначенный срок сходились на ритуал люди со всего северного края.

Древние святилища, как и более поздние храмы, маркируют освоенное пространство. Древние храмы играли роль опорных точек и ориентиров ментальной карты — навигационной мировоззренческой системы ориентаций и сценариев движения. Святилища были не просто местами проведения обрядов и жертвоприношений, но и своего рода мифоритуальными лабораториями. Можно допустить, что на рубеже эр подобная роль центра обмена знаниями, информацией и выработки ментальной карты принадлежала Усть-Полую.

В фольклоре ненцев и хантов предания об Усть-Полуе не сохранились. Однако усть-полуйские духовные инновации, став традициями, вошли в мифологию и ритуальные практики потомков Усть-Полуя — ненцев и хантов. Поэтому для реконструкции усть-полуйского культового центра необходим учет угорской (хантыйской) и самодийской (ненецкой) традиций контроля над пространством.

Сакральная паутина хантов

Освоенность и устойчивость таежного пространства, разделенного на бассейны притоков Оби, в ряде мест отмечена культурами богинь — хозяйек рек. Покровительницей р. Аган считается богиня-лягушка Охэн-ими (Аганская женщина), которая, по преданию, была спущена с неба верховным богом Торумом «на нарте без оленей» и прошла вверх по реке к «семиручьевому истоку», обустроивая ях (богиня заключила временный брак с местным «урманым стариком» и расставила своих сыновей и дочерей хозяевами притоков и приметных мест Агана). На р. Войкар властвует Най-ими (Огненная женщина), пришедшая на Войкарский сор с Урала (она — дочь Кевву-ху-акем-ики, Каменной гряды старика); отвергнув сватовство местного духа Курьк-ики (Орла старика), она прошла вверх по Войкару до оз. Варчато. Хозяйка р. Казым — дочь бога Торума богиня-кошка Вут-ими (Верхняя женщина) — спустившись с Урала, прошла вверх по реке Казым. Побывав замужем за ненецким богатырем, она посекала саблей семерых ненцев (включая собствен-

ного мужа), облачилась в воинские доспехи и двинулась к вершине реки. В устье Казыма она оставила семь духов охранять спущенную Торумом небесную лестницу и загораживать реку железными сетями от посылаемых Нижним богом Хынь-ики болезней. Потерянная по пути правая рукавица Вут-ими превратилась в Мусян-ими, хозяйку речки Мозямы, левая рукавица — в Кещ-лор-ими, хозяйку озера Кислор. На вершину речки Амни был послан слуга Амня-тый-ател-лонх (Верховий Амни одинокий дух). На реке Вошьюган Вут-ими оставила свой шест-хорей (он превратился в сосну, из ствола которой выросла береза). В верховьях Казыма, у озера Нум-то, богиня остановила свою упряжку из трех белых оленей и основала святилище. В легендах ее зовут Касум-най-ими (Огненной женщиной Казыма), а ее территорию — «землей кошачьего локотка» [Перевалова, 2012, с. 89-91].

Притоки Оби — Аган, Войкар, Казым (по крайней мере, их верховья) — районы относительно поздней угорской колонизации, и предания передают сакральную версию реального продвижения угров по самодийским территориям. Во всех трех случаях обнаруживается сходный сценарий подъема богини от Оби до священных истоков. Эпизодический союз с местным духом-богатырем (временный брак, сюжет сватовства, убийство мужа), не исключая прототипичных реалий (колонизация нередко начиналась с брачной миссии женщины, за которой следовала ее родня), означает оплодотворение пришлой богини, после чего она движется вверх по реке, «плодясь и размножаясь». Освоение территории предполагает создание плотной сакральной сети, а образ женщины-хозяйки утверждает устойчивость занятого пространства.

Подобно людям, хантыйские боги связаны между собой сложной сетью родства-свойства, соотношенного с конкретными местностями. Например, предстающий в облике медведя Когтистый старик (Куншанг-ики), чей гнев сравним с «кипящим жиром в котле», — один из семи братьев, старшего из которых зовут Павлынг-ойка (Деревенский старик), а младшего — Мань отыр (Младший богатырь). Среди жен Когтистого старика — дочь Ванс-авэт-ики (Ванзеватского старика), дочь

Луи-ойки (Северного старика); последняя носит имя Тоя-павыл-эква (Весеннего поселения женщина). Снохой ему приходится дочь бога Уральских гор Нёр-ойки (Горы-старика), своенравная Най-эква (Огня женщина), в свою очередь имеющая семь дочерей (самая известная из них — богиня-кукушка Кук-кук-эква). Свиту Консынг-ойки составляют собиратели дани, старуха-служанка, играющие на варганах женщины и лесные духи менквы. На ритуалах боги собираются сами и собирают людей, принадлежащих к их кругу. Дороги к их главному святилищу в Вежакарах оберегают «три прабабушки глазастые» — Аяс-най (покровительница Горной Оби), Кук-кук-эква (покровительница Проточных юрт), Калтысь-анки (покровительница Калтысянских юрт); многочисленные протоки охраняет Ильпавыл-ойка (покровитель Новинских юрт). По наблюдению Е.В. Переваловой, мотив сбора богов — «не само по себе путешествие, а встреча, сотрапеза, единение родственных душ» [Перевалова, 2012, с. 88-89].

В этом фрагменте пантеона, напоминающем генеалогический куст, выстроена своего рода иерархия рек-местностей по отношению к центру сакрального ареала — Вежакарскому святилищу на Оби, где раз в семь лет устраивались семидневные «священные пляски». Съезд богов и людей на ритуал напоминает сбор всех рек и всего родства (для хантов это одно и то же — ях). Семеричность (7 богов, 7 лет, 7 дней) придает этой сети целостность. Вежакарская «ментальная карта» настроена на движение внутри сакрального пространства-времени в семеричном ритме ритуальных съездов и «плясок». Однако и в паузах между съездами священная паутина цела, поскольку ее нити (пути к Вежакарам) «охраняют» духи нескольких селений.

Вежакары — перекресток обских путей. Как локальные миры (ях) обустраивались богинями-женщинами, так и перекрестки контролировались богами-мужчинами. Не случайно у Когтистого старика (Куншанг-ики) было несколько имен на разных языках: Старик Священного города (*манс.* Ялпус-ойка, *хант.* Ем-вож-ики), Богатырь Лошадиного города (*манс.* Лув-ус-ойка). На Средней Оби подобный бог-медведь по имени Яун-и-

ки был держателем сургутского перекрестка обских и югано-тромъеганских путей.

На центральном перекрестке обско-угорских речных магистралей, у стечения Иртыша и Оби, в Белогорье (юртах Троицких), располагалось святилище бога-всадника, куда раз в три года ханты и манси должны были совершать паломничество. У этого бога — несколько десятков имен: Мув-кертгы-ху (Землю-вращающий-человек), Ма-ёхне-хум, Вит-ёхне-хум (Человек, объезжающий землю, Человек, объезжающий воду), Лувн-хум (Конный человек) и др. Более всего он известен под именем Мир-сусне-хум — (За-миром-смотрящий-человек).

Небесный всадник Мир-сусне-хум — центральная фигура угорского пантеона. Его многоименность связана не только с многодиалектностью манси и хантов, но и с собственной многоликостью. Он может обернуться гусем, лебедем, стерхом, ястребом, щукой, осетром; в облике человека он предстает всадником на крылатом коне, странником-купцом на оленьей упряжке, проказливым бабушкиным внуком, воином в мундире и кивере. Он — учитель шаманов, чудодеев в разноцветной шапке с собольей или лисьей оторочкой, с бутылкой водки и табакеркой в руках. Он покоряет мир сметливостью и шаманской изворотливостью: от опасности он улетает в обличье гуся, а своего коня превращает в обгорелый пенек; в птичьем царстве предстает птицей, в рыбьем — рыбой. С владыками всех миров он заключает союзы, взяв в жены дочерей подземного царя Куль-отыра, повелителя вод Вит-кана, хозяйки птичьей страны Мортим-эква, небесных домов Солнца (где жарко) и Месяца (где холодно). Он становится мужем не то шести, не то семи, не то ста женщин. Всех он одаряет сыновьями, всех вместе с приданым, — богатством их земель — собирает в свой земной дом. Из подводного царства Вит-кана он возвращается, наделяя людей обильными уловами, из южного царства Мортим-ма он весной летит на север со стаями перелетных птиц (по другой легенде, Мир-сусне-хум приобрел власть над птицами, пощадив птенцов огромной птицы Товлынг-Карс, ставшей его помощницей). Он одаряет людей добычей и обучает промыслам

(например, охоте на птиц сетями-перевесами), побеждает чудищ и исцеляет людские недуги. Мир-сусне-хум зримо и незримо присутствует на всех святилищах и в каждом доме, он участвует в медвежьих праздниках и шаманских камланиях. Знаками Мир-сусне-хума на священных местах являются металлические украшения и посуда, рог для табака, бубенцы, многоцветные халаты, шапки, пояса. Его главная ритуальная принадлежность — жертвенное покрывало ялпын улама — состоит из четырех, шести или семи частей-окон, в каждом из которых изображен всадник. В обряде покрывало накидывается на спину жертвенной лошади или оленя, символизируя их превращение в крылатого коня Товлынг-лув. В мифологии небесный всадник Мир-сусне-хум каждую ночь объезжает Землю на крылатом (семи-восьмикрылом) всевидящем коне Товлынг-лув с золотой гривой и серебряными копытами. Он вращает Землю (или Солнце вокруг Земли) и следит за порядком в мире.

Мир-сусне-хум олицетворяет динамику близких и дальних связей, диалог между небом и землей. При всем своем могуществе бог-всадник выглядит несколько чужеродно в болотах и буреломах сибирской тайги. Распространенной версией толкования образа таежного Всадника служит ссылка на южные связи угров. В.Н. Чернецов указывал на степняков сибиров, захвативших Северное Приобье в раннем железном веке; В.Н. Топоров и И.Н. Гемуев предпочли не археологический, а культурогенетический акцент на иранских корнях угорского «Митры»; А.В. Бауло реконструировал эффект воздействия иранской тореvтики на угорский мифоритуальный комплекс через болгарскую сеть контактов в средневековье [Чернецов, 1947, с. 113-134; Топоров, 1981, с. 146-162; Гемуев, 1990; Бауло, 2004]. И все же неоднократно отмеченная ассоциация Мир-Сусне-Хум — Митра не столь пряма, как иногда представляется. Самая яркая черта этого сходства — созерцание мира — не замкнута арийско-угорским коридором параллелей и выражена, например, в образе тюркского Тенгри. Более того, именно иконография Тенгри дает устойчивый образ всадника, тогда как Митра более расположен к небесной колеснице. Постоянный эпитет-титул угор-

ского Смотрящего-за-миром — Кан (Хан) — также тюркского происхождения. Свойство Мир-сусне-хума выступать, как Митра, в роли «бога договора» читается не столько в мифологических текстах, сколько в их научной интерпретации. Выводимое от арийской основы понятие «мир» могло попасть в угорскую лексику через посредство русского языка. Впрочем, приведенные замечания не отрицают ранних угорско-арийских связей, а указывают на пути более поздних, тюркского и русского, воздействий на изменчивый облик угорского Смотрящего-за-миром.

Кочевой пантеон ненцев

Кочевники обожествляют не покой, а движение. Все ненецкие боги и духи ездят: Нижний бог Нга и богиня Земли Я-Мюня — на мамонтах, владыка вод Ид-ерв — на белых медведях или щуко-быках, хозяин леса Пэдра-ерв — на волках или росомахах, даритель оленей Илибембэртя — на огромных оленях или волках, великан Сюдбя — на медведях или лосях, когтистая ведьма Парне — на мышах. Показ движения представляется ключевым приемом ненецкой мифологии. Герои-люди чаще различаются не внешностью, а мастью и числом упряжных оленей. Герои-духи не просто ездят по тундре, а летают по небу, оттолкнувшись от земли концами луков или подняв перед собой ноги. Особенно много кочует бог-даритель оленей Илибембэртя, который иногда считается ипостасью верховного бога Нума, а в некоторых сказаниях нарицательно именуется Мюсеня хасава (Кочующий человек). Бесконечно кочуют на «носах» облаков и сражаются друг с другом боги Юга Иба-сей и Севера Нгэрм-сей (правда, северный бог иногда рисуется сидящим и молчащим в ледяном чуме), вследствие чего гремят грозы, поднимаются снежные бури, наступает тепло или холод. Движением богов и их битвами объясняется природный круговорот, череда времен года. Состояние пути лежит в основе легенд о происхождении главных святилищ, и кочующие люди в своем жизненном и ритуальном цикле повторяют пути богов.

Одна из особенностей кочевого пантеона — ротация богов, вернее героев, становящихся

богами. Сказаний много, и принадлежащие к разным родам персонажи эпоса превращаются в одних и тех же богов, чаще всего — в небесного владыку Нума, хозяйку Земли Я-Миня, повелителя водного царства Ид-ерв, дарителя оленей Илибембэртя, бога верхних вод Явмал-хэсе. Это напоминает межродовую конкуренцию за небеса, однако мне ни разу не доводилось слышать суждений о захватах пантеона и торжестве какого-либо рода. Сказителей и слушателей ничуть не смущает очередное воплощение, и зимним вечером в разных тундровых стойбищах синхронно звучат альтернативные версии покорения пантеона. Более того, один сказитель может исполнить подряд несколько эпических произведений, в которых разные персонажи превращаются в одних и тех же богов.

Подобная многоликость пантеона обеспечивает состояние устойчивой подвижности и живой причастности к богам всего кочевого сообщества. Создается впечатление, что в ненецкий пантеон, как в реку, не войти дважды: всякий раз он чуть меняется, и каждый миг в нем что-то происходит. Поэтому, вероятно, при исполнении мифологического сказания слушатели воспринимают повествование живо, будто участвуя в нем, а сказители время от времени импровизируют, разбавляя сюжет дополнительными эпизодами.

Кочевой фольклор работает не только как хранилище традиций, но и как средство массовой информации. Он живо реагирует на происходящие перемены и представляет новые явления, после чего они остаются в сказаниях как вехи перемен. Например, в ходе «оленоводческой революции» бог Илибембэртя превратился из владыки диких оленей в учителя пастухов и дарителя домашних оленей.

Особой подвижностью в ненецком пантеоне выделяется Явмал (Яв'мал, Явмал-хэсе) — «Истоков-вод дух», «Края-морей дух», «смотрящий за миром», владыка южного/теплого/верхнего моря. По его воле с юга несутся внешние воды и приходит летнее тепло. У верхнего моря стоит нярава хард (медный дом), из окна которого Явмал наблюдает за миром. Ночью он мчится по небу на белом (белолобом, огненном) коне или упряжке белолобых оленей, объезжая и осматривая Землю. Он

вездесущ, его путь лежит от моря до моря — от теплых вод к северным льдам, где он спасает унесенных в море зверобоев; на острове Вайгач его образ запечатлен выложенными из камней кругами. Сын бога неба Нума и богини Земли Я-Миня, он оказывается в гуще земных событий, рождений и смертей людей, узаконения ритуалов и явления родовых духов-покровителей хэхэ. Явмал посещает подземелье, где обитают сихиртя и пасутся «земляные олени» — мамонты. Он сведущ в законах лесного мира великана Сюдбя и водной стихии Ид-ерв. Родственные узы связывают его с хозяином оленей Илибембэртя. В цикле мифологического времени «смотрящий за миром» ответствен за два пика — крайнего упадка и крайнего напряжения природы (зимнего и летнего солнцестояния): в зимней тьме, когда Нга крадет свет (Солнце и Луну), Явмал советует своему отцу Нуму хитростью вернуть светила из подземелья; в разгар лета, когда половодье превращается в потоп или тепло становится губительной жарой, ненцы приносят жертвы Явмалу и бьют по воде саблями, призывая бога умерить зной. Явмал носит саблю и доспехи (иногда мундир). Он покровительствует шаманам и воинам, выступает посредником в отношениях ненцев с хантами и русскими (иногда его прямо называют ненецко-хантыйско-русским богом). Его воплощениями оказываются гусь и утка, в одежде выделяется лисий мех, его дом-святилище располагается в «вершине» Оби (иногда с уточнением: в юртах Волторминских или Троицких).

Всадник Явмал слишком экзотичен для ненецких тундр, чтобы не заподозрить его чужеродность. Шаман лесных ненцев Ганька называл его «Василий Яумал» (благодаря чему имя бога становилось чем-то вроде фамилии) и пояснял, что он — переводчик Николая Угодника и идентичен русскому архангелу Гавриилу [Лехтисало, 1998, с. 74]. Есть прямые указания на его угорский прототип — образ «смотрящего-за-миром» Мир-сусне-хума. В целом (по месту в пантеоне) и деталям (например, лисьей и гусяной атрибутике) ненецкий Явмал и угорский Мир-сусне-хум сходны как близнецы.

В имени Явмал пересекаются два измерения: южное, выраженное буквальным смыслом «верхних вод», и северное/западное,

обозначенное цепью теонимов с основой юма-илма и значением «бог неба»: северо-пермский Йомаль (Йенм) — марийский Юмо — эстский Юммал — финский Юмала — саамский Юбмел (Йиммел); цепь замыкает известный по исландским сагам бог беломорских бьярмов Йомали, капище которого грабили заезжие викинги. Явмал «южного моря» соотносим через посредство угорского Мир-сусне-хума с арийским Митрой и тюркским Тенгри. Явмал «северного неба» связан через уральский теоним Юма/Йомали со скандинавским Тором (в исландской «Саге о Стурлауге» бог Йомали назван именем Тор).

При этом Явмал имеет свою этнонишу — он рисуется духом-родоначальником Хаби-тэнз (северных хантов). В ненецком фольклоре герой по имени Хаби-ерв (Остяк-вождь) живет в городе, общается с Белым (русским) царем, судит, собирает ясак, хранит в подвалах бочки с вином. Он же — глава стойбища, военачальник, сильный шаман, богатый оленевод. В эпосе герой Хаби часто превращается в бога по имени Явмал, который ездит на коне, живет в медном доме; этот бог сказочно богат пушной, вооружен саблей, одет в военный мундир.

В социальных чертах Явмал — мифологический слепок остяцкого (хантыйского) князя Тайшина, правившего западносибирской тундрой под эгидой русского царя. Выдвижение Явмала на вершину пантеона может быть напрямую связано с утверждением колониальной власти среди непокорных самоедов в лице князей Тайшиных (судя по имени и ряду других косвенных признаков, начиная с дорусской, ханской эпохи). Именно благодаря правлению династии Тайшиных северным хантам удавалось целыми родами проникать в тундру и занимать удобные пастбищные угодья. В свою очередь экспансия северных хантов в самоедские тундры была средством утверждения власти Тайшиных (неоднократно шатавшейся под напором самоедских восстаний и протестов). Это двойное усилие — власть остяцкого князя и движение по тундрам его кочевых соплеменников — и было траекторией действия, прочертившей путь в тундровый пантеон Мир-Сусне-Хума/Явмала. Мундиром, саблей, званием ненецко-хантыйско-русского бога он обязан деяниям остяцких князей —

можно не сомневаться в том, что Тайшины считали Явмала своим родовым покровителем и главой племенного пантеона Хаби-тэнз.

Не исключено, что Явмал был южным богом северного пантеона и до эпохи князей Тайшиных, которые, судя по родовому имени, происходили из ордынской элиты. До эпохи тюркских и монгольских ханств «За-миром-смотрящий» мог представляться не всадником, а птицеголовым духом, осматривающим мир с высоты полета (например, в образе птицы с личиной на груди). «Смотрящий-за-миром» всегда был многолик и изменчив, и по его облику можно судить о дрейфе образа бога движения в мире уральских культур.

***

В интервале между I в. до н.э. и I в. н.э., когда в низовьях Оби, на перекрестке водных (обских) и чрезкаменных (горных) путей, существовало святилище Усть-Полуй с удивительно богатым и разнообразным набором украшений и культовых предметов, центральным персонажем его пантеона мог быть бог Явмал. Его имя соотносимо с древнеуральским теонимом «небо» (Юмо-Йомали-Явмал). Уже тогда могла сложиться мифология «за-миром-смотрящего». В ту пору миронаблюдение могло передаваться образом птицы на спине идущего медведя (один из образов Усть-Полуя). Он мог играть роль хозяина нижнеобского перекрестка и быть почитаем на древнем усть-полуйском святилище. В ту пору у него еще не было тюрко-монгольских (звания «хан») и русских (мундира) черт, а преобладали саамо-самодийские (теоним Явмал) и угорские (медведь как владыка перекрестка) характеристики.

Помимо «За-миром-смотрящего», пантеон Усть-Полуя составляли, вероятно, духи окружающих пространств (так обычно строятся самодийские и угорские пантеоны). Судя по ряду соответствий, в усть-полуйский пантеон могли входить духи, сопоставимые с ненецкими Яптик-хэсе (по признаку жертвоприношений собак) и Илибембэртя (по признаку «обуздания оленей»), с хантыйскими Ем-вож-ики (по медвежьей иконографии) и Хынь-ики (по признаку существования «у

края земли» страны мертвых Хаманёл). Вполне допустимо, что в «семье богов» присутствовали «боги-родители», сходные с ненецкими и хантыйскими божествами Неба (*нен.* Нум, *хант.* Торум, *сев-угорск.* Нум-Торум) и Земли (*нен.* Я-мюня, *хант.* Торум-анки).

А.Б. Мазурин
г. Салехард

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауло А.В. *Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров.* — Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004. — 160 с.
2. Гемуев И.Н. *Мировоззрение манси: Дом и Космос.* Новосибирск: Наука, 1990. — 232 с.
3. Головнёв А.В. *Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров.* — Екатеринбург: УрО РАН, 1995. — 607 с.
4. Головнёв А.В. *Кочевники тундры: ненцы и их фольклор.* — Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.
5. Первалова Е.В. *Мифологизированные связи-пути локальных культур (обские угры)// Уральский исторический вестник. № 2 (35). 2012. — С. 88–95.*
6. Топоров В.Н. *Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии// Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье.* — М.: Наука, 1981. — С. 146–162.
7. Чернецов В.Н. *К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье// ТИЭ. Н.с. 1947. — Т. 1. — С. 113–134.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК УСТЬ-ПОЛУЙ. К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ИССЛЕДОВАНИЙ

В 2012 году исполнилось 80 лет с момента открытия археологического памятника — одного из самых интересных и знаковых для понимания исторических процессов, протекавших на рубеже эпох на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Этот памятник, широко известный сегодня как древнее святилище Усть-Полуй, продолжает удивлять и радовать своих исследователей, открывая им все новые горизонты давно ушедшей в прошлое жизни. В то же время он постоянно задает им все новые загадки, на которые приходится искать ответы в самых широких областях научных знаний.

Если на сегодняшний день практически нет сомнений в уникальности и насыщенности информацией находок, ежегодно получаемых археологами в ходе раскопок, то совершенно иная картина наблюдается в вопросе описания истории изучения самого археологического памятника. То есть можно констатировать, что в настоящее время в полный рост встала проблема сохранения и изучения памяти об этапах исследования археологического памятника Усть-Полуй.

К сожалению, абсолютное большинство из нас чаще всего начинает задумываться над пройденным путем исключительно в связи с юбилейными или круглыми датами, отмечаемыми какой-либо этап в жизни и трудовой деятельности. Возможно, для археологического памятника возрастом в две с лишним тысячи лет 80-летний период его изучения и покажется кратким мигом, но для человеческой жизни это гораздо больше, чем просто миг.

Человеческая память настолько короткая, что без постоянной фиксации полученных знаний в считанные годы способна превратить любое точное знание в миф. Что уж тут говорить о времени, включающем в себя восемь де-

сятелетий непростой истории и как минимум четыре-пять поколений исследователей. Кто-то из них просто не успел закончить свои работы (В.С. Адрианов), кто-то сделал отчет, но сохранил его в архиве города, на сегодняшний день вовсе не имеющего никакого отношения к этому памятнику, вследствие чего этот отчет не был востребован современными учеными (А.Ф. Палашенков). Чьи-то исследования до сих пор малоизвестны (С.Г. Пархимович, В.М. Морозов). Ну, а современные ученые заняты непосредственно изучением самого памятника (и правильно делают!), оставив изучение своей деятельности на откуп представителям СМИ, часто — в силу своей некомпетентности — рождающим и пестующим новые мифы.

Опять же, к сожалению, даже в преддверии 80-летнего юбилея не появилось отдельной публикации, посвященной самой истории изучения археологического памятника Усть-Полуй, хотя она вполне достойна отдельного изучения, как достойны памяти и уважения все люди, так или иначе включенные в орбиту исследований Усть-Полуя.

На сегодняшний день написано довольно много отдельных статей, в которых рассказывается о том, как был открыт археологический памятник Усть-Полуй. Однако в них встречается множество противоречий. Практически в каждой публикации говорится о том, что в 1932 году, в ходе строительства здания гидропорта, рабочие в комках земли нашли костяные и бронзовые изделия и показали их молодому ленинградскому ученому Василию Адрианову, случайно оказавшемуся тогда в Обдорске.

В статье самого В.С. Адрианова «Отчет о командировке в Сале-Хард в 1932 г.», опубликованной в 1934 году в журнале «Проблемы истории докапиталистических обществ» так-

же говорится о коллекции изделий из кости, собранной рабочими при рытье траншей для фундамента здания аэростанции гидроаэродрома. «...Рытье траншеи производилось в конце февраля и в начале марта 1932 г. В это время в Сале-Харде температура спускалась ниже 50°. Основным инструментом, употребляемым на этой работе, был лом, и, следовательно, в выбрасываемых неразбитых комьях мерзлой земли могло оставаться немалое количество предметов. По мере возможности предметы были собраны сотрудниками аэростанции как из выброшенной земли, так и непосредственно из культурного слоя...» [Адрианов, Отчет...].

В рассказе А.К. Омельчука «ГУЛАГовские тайны Усть-Полуя», вошедшем в его книгу «Частное открытие Сибири», говорится о том, что первые экспонаты на месте памятника нашел «... синоптик местной метеорологической станции Е.И. Жилин», который «... поспешил поставить в известность специалистов, а когда они приехали, деятельно помогал им» [1999, с. 347]. Эта же история приводится им в книге «Рыцари севера» на страницах, посвященных В.Н. Чернецову [1982, с. 169; 2006, с. 258].

В статьях А.В. Гусева «Усть-Полуй: к проблеме музеефикации» [2011, с. 44-49] и «Древнее святилище Усть-Полуй: история открытия» [2012, с. 62] упоминается, что часть вещей была собрана техником Н.В. Фадеевым, под наблюдением которого велись строительные работы, и передана В.С. Адрианову.

В предисловии к отчету об археологических разведках 1935 года В.С. Адрианов пишет: «... Техник Н.В. Фадеев, под наблюдением которого велась работа, все тщательно собрал, имея желание передать его в местный музей. Но безразличное отношение местных работников заставило его отказаться от передачи, и материалы были увезены в другие районы. К сожалению, за отсутствием времени в 1932 году мне не удалось осмотреть древний памятник в устье реки Полуя, а по осмотренным мной находкам, частично зафотографированным и зарисованным, создавалось впечатление о случайно вскрытом древнем жилище...» [Отчет В.С. Адрианова... 1935 года].

В отчете «Результаты разведочной раскопки древнего памятника в устье реки Полуя», приложенном к коллекциям Адрианова, хра-

нящимся в Музее антропологии и этнографии, упоминается, что большая помощь экспедиции 1935 года была оказана Е.И. Жилиным, В. Абросимовым и директором вокзала В.И. Дорониным [Отчет В.С. Адрианова... 1935 года].

В работе В.И. Мошинской «Археологические памятники Севера Западной Сибири» упоминается о том, что часть находок 1932 года впоследствии была передана в Музей антропологии и этнографии АН СССР [1966, с. 10]. В книге А.В. Матвеева и В.А. Заха «Памятники древних и средневековых культур Ямала» говорится о том, что часть извлеченных из земли вещей была доставлена в Салехардский исполком, а позднее — в Ленинград [1994, с. 7]. Приблизительно об этом же сказано в каталоге выставки «Усть-Полуй: I век до н.э.» [2003] и «Атласе археологических памятников города Салехарда» [2005]. А вот вышеупомянутая статья В.С. Адрианова «Отчет о командировке в Сале-Хард в 1932 г.» заканчивается следующей грустной фразой: «... Местонахождение в настоящий момент описанной выше интересной коллекции неизвестно, так как товарищи, нашедшие и сохранявшие ее, выехали из Сале-Хард в другие районы Союза, а местные органы, хотя и были предупреждены о ценности этой находки, ничего не предприняли для ее сохранения» [Адрианов, Отчет...].

В 1935 году Адрианов вносит в описание подъемного материала, собранного рабочими во время рытья фундамента для здания в 1932 году, всего две вещи: костяную ложку с головой гуся и обломок изделия с головой оленя [Отчет В.С. Адрианова...]. Однако в статье о командировке в Салехард в 1932 году [Адрианов, Отчет...] есть рисунок гребня, совпадающий с фотографией в статье об экспедиции 1935 года [Адрианов, 1937, с. 107].

В статье В.С. Адрианова «Вглубь истории», опубликованной в сборнике научно-популярных статей и очерков «Экспедиции АН СССР 1935 г.», изданном в 1937 году (через год после расстрела автора), ничего не говорится о находках 1932 года, но упоминается о том, что незадолго до прибытия экспедиции 1935 года в Салехард на территории памятника рыли яму для погребя, и все находки из нее сохранили и передали для Академии Наук [Адрианов, 1937, с. 107].

Таким образом, становится понятным, что из находок 1932 года сохранилось всего несколько предметов, а синоптик Жилин сотрудничал с экспедицией Адрианова в 1935 году.

В статье Л.В. Соломиной «Впереди много интересных открытий» приводятся сведения о том, что В.С. Адрианов делал доклад в августе 1932 года о работе своей научной экспедиции на заседании Малого Президиума Ямальского (Ненецкого) окрисполкома [Соломина, 2012, с. 77-79]. Из самой статьи непонятно, рассказывали ли Адрианов там об Усть-Полуе. Скорее всего, нет, поскольку искренне тогда считал, что находки, которые ему показывали весной 1932 года, — чистая случайность. В этой же статье упоминается о том, что основные строительные работы на площадке памятника начались в августе. Работали там спецпереселенцы, прикомандированные к Рыбтресту [Соломина, 2012, с. 77-79]. Что и в каких количествах находили рабочие при рытье траншей для фундамента здания вокзала гидропорта, осталось неизвестным. Адрианов ни словом не упоминает об этих моментах в своих немногочисленных статьях и отчетах. Зато упоминает о том, что в 1932 году так и не попал на памятник и сожалеет об утраченных коллекциях [Отчет В.С. Адрианова...].

В этой же статье [Соломина, 2012, с. 77-79] автор пишет о двух Адриановых, встретившихся в 1935 году в Салехарде. Вывод о назначении В.С. Адрианова на должность секретаря Общества изучения края несостоятелен, поскольку это назначение состоялось 28 июня 1935 года, а экспедиция Адрианова прибыла в Салехард с Ямала 10 августа и 28 августа уже вылетела в Ленинград.

Отчетов о раскопках Усть-Полуя за 1936 год не сохранилось, поскольку первый его исследователь в этом году был арестован и расстрелян органами НКВД. О том, чем занималась экспедиция 1936 года, известно только из статьи самого В.С. Адрианова, опубликованной в сентябре этого года в газете «Нярьяна Нгэрм» («Красный Север») [Адрианов, 1936; Адрианов В.С. «Археологические...»].

Через два года после раскопок Адрианова, с 24 июля по 28 августа 1938 года, в Салехарде и его окрестностях работала экспедиция Омского областного музея в составе историка-археолога А.Ф. Палашенкова, художника

Д.С. Сулова и географа Г.П. Белозерова. Целью этой экспедиции была паспортизация объектов исторического и культурного наследия северной окраины Омской области. В числе прочих исследованных и описанных объектов была и стоянка в устье реки Полуя. После окончания работ Омской экспедиции ее руководитель А.Ф. Палашенков был арестован органами НКВД в Салехарде и выпущен ими на свободу через полгода в Смоленске. По-видимому, отчет о проделанной работе он написал позднее, используя для его иллюстрации фотографии, присланные ему директором Салехардского музея С.А. Наговициным. Этот отчет сегодня хранится в Государственном историческом архиве Омской области (ГАОО, ф. 2200, оп. 1, д. 19).

В 1946 году на памятнике производили разведочные работы В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская. После них археологических работ на Усть-Полуе не производились вплоть до 1990 года.

В августе 1990 года отряд археологической экспедиции кооперативной научно-исследовательской и производственной археологической лаборатории «Архаика» под руководством С.Г. Пархимовича по договору о сотрудничестве с Салехардским краеведческим музеем произвел разведочные археологические обследования Усть-Полуйского городища [Пархимович, 1990]. В отчете о проделанной работе упоминается о сборе 47 фрагментов керамики, нескольких костяных и деревянных изделий, а также большого количества фрагментов берестяных сосудов и одной целой берестяной коробки. Место хранения этих находок не указано. Интересен фрагмент отчета, который хочется привести полностью.

«...Поиски городища были затруднены, во-первых, тем, что его привязка на местности была нечеткой (найденно при строительстве аэропорта, расположенного в 3,5 км от Салехарда, на берегу Полуя), во-вторых, топографический облик городища изменился (поверхность памятника была сnivelирована, рвы и валы исчезли). Привязка городища к аэропорту сбивала с толку исследователей. В.Н. Чернецов же имел в виду гидропорт. К счастью, здание гидропорта сохранилось по сей день в неизменном виде, что облегчило поиски городища и определение местонахождения раскопок Адрианова...» [Пархимович, 1990].

Летом 1991 года по открытому листу на Усть-Полуйском городище работал сотрудник лаборатории археологических исследований Уральского университета В.М. Морозов. В документальном фонде МВК хранится его письмо, адресованное Л.Ф. Липатовой, к которому приложены две фотографии с видами на площадку памятника, ситуационный план, профили разведочного шурфа и краткое описание проведенных работ. На ситуационном плане указано предположительное местонахождение рва. Этот ров был зафиксирован именно на указанном месте только в ходе раскопок 2010-2011 годов.

На фотографии экспедиции Пархимовича еще нет бетонной лестницы, а на ситуационном плане Морозова она уже указана. Значит, ее установили летом 1991 года. Были ли сделаны находки в процессе сооружения этой лестницы, неизвестно.

Может быть, дальнейшие исследования памятника не начались бы еще очень долго, но все изменил случай. В 1995 году Салехард отмечал 400-летний юбилей с момента своего основания. Уже в 1991 году в план мероприятий комплексной программы по подготовке к юбилею был включен пункт: начать работу по археологическим раскопкам [Документ..., 1991]. В декабре 1992 года директор окружного краеведческого музея Л.Ф. Липатова обращается с письмом к главе администрации Салехарда с предложениями от музея к юбилею, среди которых также есть пункт: археологическая работа [Документ..., 1992].

Предварительно Л.Ф. Липатова встретила с археологом из Екатеринбурга Н.В. Федоровой и предложила ей приехать и поработать на Усть-Полуе. В феврале 1993 года Уральский университет заключает с городским Советом народных депутатов договор на тему «Исследование памятника мировой культуры городища Усть-Полуй и историко-культурного наследия (памятники археологии г. Салехарда)» [Документ..., 1993].

Экспедиция, согласно этому договору, работала на Усть-Полуе три полевых сезона (1993-1995 гг.) В научном архиве МВК хранятся копии полевых отчетов о раскопках городища (жертвенного места) Усть-Полуй, произведенных летом 1993 и 1994 годов [Федорова, 1993; 1995].

Новейшая история исследований памят-

ника началась в 2006 году. Начиная с этого года, археологи здесь работают ежегодно. Таким образом, из 80-летней истории изучения Усть-Полуя фактические работы на нем проводились в течение 17 лет, причем стационарные плановые раскопки проводились на протяжении 11-летних полевых сезонов.

Основные этапы:

1932 год. Первые находки.

1935 г. Первые раскопки под руководством

В.С. Адрианова, давшие 12000 находок.

1936 г. Второй год раскопок В.С. Адрианова — более 11000 находок.

1938 г. Разведочный шурф А.Ф. Палашенкова.

1946 г. Разведочные шурфы В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской.

1990 г. Разведочные шурфы С.Г. Пархимовича.

1991 г. Разведочный шурф В.М. Морозова.

1993-1995 гг. Раскопки под руководством Н.В. Федоровой.

2006-2012 гг. Раскопки ЯАЭ под руководством Н.В. Федоровой и А.В. Гусева.

С 2006 по 2011 год Ямальская археологическая экспедиция базировалась в МВК. Ее руководители входили в штат сотрудников окружного музея. В 2004 году, в рамках совместной выставки МВК с музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамерой), которая называлась «Усть-Полуй: I век до н.э.», жители и гости Салехарда впервые смогли увидеть археологические находки, сделанные экспедицией В.С. Адрианова в 1935-1936 годах, а также наиболее интересные находки полевых сезонов 1993-1995 годов. В 2006 году, к 100-летию музея И.С. Шемановского, в МВК была открыта выставка «2000 лет искусства Ямала», на которой среди прочих были представлены художественные изделия Усть-Полуя. С 2010 года в МВК работает выставка «Ямальские древности», рассказывающая об археологическом наследии ЯНАО в целом и о памятнике Усть-Полуй в частности.

И еще одна история, напрямую связанная с историей изучения этого археологического памятника. Эту историю можно было бы назвать «Повесть о найденном и потерянном журавлике». Во время работы в Салехарде археологической экспедиции 1993 года в окружной музей

пришел местный житель и отдал сотрудникам выполненную в виде журавля кожаную проколку, найденную им на обрыве площадки памятника во время копания червей. Экспонат был настолько внешне привлекателен, что был включен в состав выставки «Во дни предначальные», которая представляла археологические находки экспедиций 1993-1995 годов с древнего святилища Усть-Полуй на Красноярской Международной Музейной Биеннале 1997 года. Эта выставка, оформленная дизайнерами екатеринбургской студии «Артефактум», была удостоена приза Биеннале. В этом же году выставка «Во дни предначальные» была представлена в музеях г. Екатеринбурга. Во время работы этой выставки в одном из музеев вместе с несколькими экспонатами был похищен Усть-Полуйский журавлик прямо из витрины экспозиции. Похитителя поймали, но он заявил, что все это сделал из хулиганских побуждений, а украденные экспонаты выбросил в мусорный контейнер. Дело было закрыто, а от журавлика остались только фотографии с его изображением и подробное описание, которое успела сделать сотрудница музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Н.А. Алексашенко. Это описание опубликовано в книге «Образы и сакральное пространство древних эпох», изданной в Екатеринбурге в 2003 году [Алексашенко].

История показательная и поучительная. Во-первых, сам факт многочисленных раскопок на Усть-Полуе, связанный с бесконтрольной хозяйственной деятельностью местного населения, долгое время не вызывал ни у кого особого интереса к себе. Во-вторых, сама территория памятника была ограничена символическим забором и отмечена щитом, извещающим, что за этим забором находится археологический памятник федерального значения, только в 2006 году, спустя 74 года с момента его открытия. В-третьих, сам факт долгого умолчания об утрате уникального экспоната совершенно непонятен. Если все-таки журавлик не был выкинут в мусор, а нашел свое место в какой-то частной коллекции (что вполне вероятно), то общественности следует знать, что он получен нынешним владельцем криминальным путем и что настоящее его место — в коллекции археологических

находок древнего святилища Усть-Полуй.

Поднимая тему изучения процесса исследования археологического памятника Усть-Полуй, я не ставил для себя задачи составления историографии его изучения. Хотя это тоже довольно интересный момент, и к тому же вполне назревший к настоящему времени. Я хочу предложить сектору гуманитарных исследований отдела историко-социальных исследований научного центра изучения Арктики договориться о месте концентрации документов и фотографий, фиксировавших и фиксирующих этапы изучения археологического памятника Усть-Полуй. Мне кажется, что это место очевидно: это документальный фонд и научная библиотека МВК.

Для этого предлагаю:

- создать в документальном фонде МВК отдельный раздел: «История изучения археологического памятника Усть-Полуй»;
- собрать по максимуму в этом разделе бытовые фотографии участников экспедиций 1993-1995 и 2006-2012 годов, сделанные ими на Усть-Полуе;
- объединить усилия в сборе и концентрации в научной библиотеке МВК всех опубликованных материалов об этом археологическом памятнике;
- объединить усилия в приобретении у Госархива Омской области копии отчета экспедиции А.Ф. Палашенкова 1938 года;
- приобрести у Омского государственного историко-краеведческого музея копии фотографий, сделанных экспедицией А.Ф. Палашенкова в 1938 году в Салехарде и его окрестностях (общее количество хранящихся там снимков на стекле — 78 шт.);
- объединить усилия в местонахождении и приобретении копий дневников, фотографий и отчетов Мангазейской экспедиции В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской 1946 года;
- объединить усилия в местонахождении и приобретении копии отчета о разведке в Салехарде в 1991 году В.М. Морозова;
- объединить усилия в местонахождении и приобретении полных копий отчетов о раскопках городища (жертвенного места) Усть-Полуй, произведенных Салехардским отрядом Уральской комплексной археологической экспедиции летом 1993 и 1995 годов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Документ. Мероприятия в комплексную программу по подготовке к 400-летию города. 20.11.1991/ Документальный фонд МВК /НВФ-3624/1
2. Документ. Письмо Главе администрации г. Салехарда Артееву В.Д. от директора Ямало-Ненецкого окружного краеведческого музея Липатовой Л.Ф. 05.12.1992/ Документальный фонд МВК /НВФ-3606
3. Документ. Письмо Председателю Салехардского городского Совета народных депутатов Морикову П.И. от проректора по научной работе УрГУ Третьякова В.Е. о хоздоговоре «Исследование памятника мировой культуры городища Усть-Полуй и историко-культурного наследия (памятники археологии) г. Салехарда». 1993/ Документальный фонд МВК /НВФ-3613
4. Пархимович С.Г. Отчет о рекогносцировочных исследованиях археологических памятников в г. Салехарде и Шурышкарском районе Тюменской области в 1990 году». Тюмень, 1990/Научный архив МВК, ф. 1, д.18, 18/1.
5. Федорова Н.В. Отчет о раскопках городища (жертвенного места) Усть-Полуй, произведенных летом 1993 года. Екатеринбург, 1993. /Научный архив МВК, ф. 1 д. 63 (копия).
6. Федорова Н.В. Отчет о раскопках городища (жертвенного места) Усть-Полуй, произведенных летом 1994 года. Екатеринбург, 1995. /Научный архив МВК, ф. 2, д. 558.
7. Адрианов В.С. Археологические раскопки в районе Сале-Харда. //Няръяна Нгэрм («Красный Север»). — №122 (7420) от 24.09.1936 г.
8. Адрианов В.С. Вглубь истории. //Экспедиции АН СССР 1935 г., М., — 1937, С. 107.
9. Мошинская В.И. Археологические памятники Севера Западной Сибири. //САИ.-ДЗ-8. — М., — 1966, С. 10.
10. Матвеев А.В., Зах В.А. Памятники древних и средневековых культур Ямала. Тюмень, — 1994, С. 7.
11. Усть-Полуй. I век до н.э. Каталог выставки. Салехард — СПб., 2003.
12. Атлас археологических памятников города Салехарда. НПО «Северная археология», 2005.
13. Федорова Н.В., Гусев А.В. Древнее святилище Усть-Полуй: результаты исследований 2006-2008 гг. //Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. — Вып. №9 (61). — Салехард, 2008.
14. Гусев А.В. Усть-Полуй: к проблеме музеефикации. //Музей. — №8. — 2011. С. 44-49.
15. Гусев А.В. Древнее святилище Усть-Полуй: история открытия. //Северяне. — №3 — 2012, С. 62.
16. Соломина Л.В. Впереди много интересных открытий. //Ямальский меридиан. — №9 - 2012. С. 77-79.
17. Омельчук А.К. ГУЛАГовские тайны Усть-Полуя. // Частное открытие Сибири. — Тюмень. — 1999. С. 347.
18. Омельчук А.К. Рыцари Севера. — Свердловск. — 1982. С. 169.
19. Омельчук А.К. «Лозум хум» Валерий Чернецов. // Рыцари Севера. — Тюмень, — 2006. С. 258.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

1. Адрианов В.С. Отчет о командировке в Сале-Хард в 1932 г. // режим доступа: <http://www.yamalarcology.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=118>
2. Адрианов В.С. Археологические раскопки в районе Сале-Харда. // режим доступа:
3. <http://www.yamalarcology.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=120>
4. Адрианов В.С. Памятники древнего поселения. // режим доступа:
5. <http://www.yamalarcology.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=247>
6. Адрианов В.С. Разведочная раскопка в устье реки Полуя у г. Сале-Харда. // режим доступа: <http://www.yamalarcology.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=169>
7. Алексащенко Н.А. «Журавлик» с Усть-Полуя // режим доступа: http://www.ihist.uran.ru/index/ru/articles?paper_id=14
8. Отчет В.С. Адрианова об археологических разведках 1935 года. Электронная копия документов.

А.В. Плеханов
г. Салехард

СБОРЫ А.Ф. ПАЛАШЕНКОВА С ГОРОДИЩА УСТЬ-ПОЛУЙ (1938 Г.)

Этим сообщением вводится в научный оборот новая информация, ранее не публикуемая в археологической литературе, касательно истории изучения древнего святилища Усть-Полуй. В 1938 году на месте раскопок В.С. Адрианова (1935-1936 гг.) производил обследование «городища Усть-Полуй» А.Ф. Палашенков. Коллекция по результатам сборов хранится в Омском государственном историко-краеведческом музее, а в Государственном архиве Омской области находится его отчёт о проведённых работах на Ямале.

Ключевые слова: Усть-Полуй, Палашенков, 1938 год, изделия из кости, керамика.

Данное сообщение имеет целью введение в научный оборот новой информации, связанной с историей изучения древнего святилища Усть-Полуй, ранее не упоминаемой ни в одном из трудов, связанных с этим памятником.

В 1933 г. Андрей Федорович Палашенков был репрессирован и отправлен в Карлаг. Выйдя из Карлага в 1936 г., он поселяется в г. Омске, где становится техническим, а затем научным сотрудником Омского краеведческого музея. Через два года после ареста В.С. Адрианова, в июле 1938 года, Палашенков отправляется в Заполярье к самоедам (ненцам). На Ямале он участвует в экспедиции, во время которой осуществляет сборы с мыса в Салехарде, на котором был когда-то основан Обдорск, и проводит осмотр песчаного выступа, образованного р. Полуй и левым берегом р. Шайтанки, где раньше находилось «остяцкое» кладбище.

26 июля, Палашенков: «В устье реки Полуя /километрах в 4 от Сале-Харда, где в 1935 и 1936 гг. производил раскопки Адрианов/ знакомился с древней стоянкой» [ГАОО, с. 6]. Несмотря на утерю актов о передаче материалов, в Омском государственном историко-краеведческом музее сохранились записи в книге поступлений фондов. Сохранились и сами коллекции. Из четырёх коллекций три отно-

сятся к сборам с городища на мысу, где был основан Обдорск. В эти сборы входят кости животных, камни, точильные бруски, мелкие фрагменты железа, черепки гладкой посуды. Четвёртая же коллекция более разнообразна, (далее цитирую по книге поступлений):

1. Обломки глиняных сосудов (орнаментированные) (43)
2. Кости разной величины (37)
3. Обломки брусков точильных камней (78)
4. Черепка грызунов (2)
5. Наконечники стрел костяные (20)
6. Проколки костяные (6)
7. Иголлка костяная (1)
8. Черенки костяные от копий (6)
9. Долота костяные (2)
10. Поделки из кости (1)
11. Куски шлака (4)
12. Фрагменты из костяных пластинок (8)
13. Обломки ложек из кости (9)
14. Каменные песты (2)

Эта коллекция зафиксирована под номером 4477, № актов 1233–1259, записана как «Стоянка Салехард, устье р. Полуя, обследования и сборы, проведенные А.Ф. Палашенковым в 1938 г».

Самыми яркими изделиями из кости, которые можно с достоверной точностью атрибутировать, являются:

Фрагмент костяной панцирной пластины. Рог, резьба. Сохранность: обломана по ширине верхняя часть, нижняя часть отсутствует. Размеры: высота оставшейся части — 12,6 см, ширина — 3,1 см. В пластине по вертикали — прорезаны четыре отверстия для крепления.

Костяной наконечник. Трубчатая кость, резьба. Сохранность полная. Размеры: длина — 16,2 см, и ширина — 2,4 см. По форме наконечник плоско-выпуклый. Возможно, использовался как наконечник для хороя.

Костяная накладка на лук. Рог, резьба. Сохранность полная. Размеры: длина — 10,7 см и

ширина — 1,7 см. Изделие имеет вид плоско-выпуклой пластины с одним заостренным концом, другим уплощенным. На верхнем заостренном конце на плоской стороне — желобок. Данный тип накладки имеет полную аналогию с раскопками Усть-Полуй [Гусев, 2011, с. 57, рис. Б. 126:2].

Костяная роговая заготовка Т-образной формы с размерами: основание длиной 2 см и шириной 1,4 см. Навершие шириной 4 см и длиной 3,8 см. Общая высота заготовки 5,8 см.».

В керамическом материале коллекции можно выделить три типа.

Первый тип — верхние части сосудов, количеством в семь штук, орнаментированных сочетанием гребенчатого штампа и различных фигурных штампов. Среди фигурных штампов — такие, как отпечаток «уточка», «короткий двучастный зигзаг», «крест», «змейка» и «уголок». Венчики сосудов этого типа прямые или с карнизом наружу и внутрь. Карнизы и сам венчик орнаментированы отпечатками гребенчатого штампа. Элементы узора: горизонтальные пояски, выполненные прямо или косо поставленными отпечатками штампа. На шести фрагментах присутствует ямочная зона. Есть композиция в виде шахматного чередования группы вертикальных отпечатков — группы горизонтальных, горизонтальные пояски, выполненные в виде волнистых линий [Гусев, 2011, с. 57, рис. Б. 126:2].

Ко второму типу отнесена керамика, в количестве восьми фрагментов, орнаментированных отпечатками только гребенчатого штампа в его различных модификациях. Венчики прямые, иногда с одним небольшим карнизом наружу. Венчики орнаментированы отпечатками гребенчатого штампа по плоскости верха или по его срезам. Элементы узора: горизонтальные пояски, выполненные прямо или косо поставленными отпечатками. Есть и чередование поясков отпечатков штампа и горизонтальные зоны, выполненные «проташенной» гребенкой. Сам гребенчатый штамп довольно разнообразен: мелкая и средняя гребенка, гребенка, поставленная на ребро, крупная гребенка. Семь из восьми фрагментов также имеют ямочную зону [Гусев, 2011, с. 76–77].

Третий тип керамики представлен тремя фрагментами сосудов. На них присутствуют однотипные короткие зигзаги, составляющие как горизонтальные, так и вертикальные

пояски. На одном из фрагментов имеются два ряда отпечатков гребенчатого штампа. На фрагментах наличествует уголковый штамп. На двух фрагментах имеются ямочные зоны.

Все вышеописанные изделия из кости и керамика первых двух типов являются характерными для основного комплекса древнего святилища Усть-Полуй. Третий тип керамики можно отнести к зеленогорскому этапу (VI–VII вв. н.э.). Наличие средневековой керамики в комплексе Усть-Полуя отмечалось и ранее, тем более, что памятник, на котором зафиксирован слой зеленогорского времени, расположен на соседнем мысу в приустьевой части р. Полуй [История Ямала, 2010, с. 75–76].

А.Ф. Палашенков в своем отчете описывает работы на месте раскопок В.С. Адрианова в 1935–1936 гг. Эти данные никогда не публиковались в отличие от его же работ на территории Омской области. Для воссоздания истории исследований на территории памятника, названного первооткрывателем «городище Усть-Полуй» и имеющего сейчас официальное название «древнее святилище Усть-Полуй», эти данные важны, так как способствуют восстановлению новой, ранее неизвестной в археологической литературе страницы в истории изучения древнего святилища Усть-Полуй.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАОО (Государственный архив Омской области) Ф. 2200, оп. 1, д. 19.
2. Гусев А.В. Отчёт о научно-исследовательской работе «Комплексные археологические исследования древнего святилища Усть-Полуй в 2011 году». Салехард, 2011.
3. История Ямала. Том I. Ямал традиционный. Книга 1. Древние культуры и коренные народы. Екатеринбург, 2010 г.
4. Книга поступлений. Фонд ОГИК музея. 4477, 4484, 4507, 4552.

Ан. В. Гусев, Н.В. Федорова
г. Салехард

ДРЕВНЕЕ СВАТИЛИЩЕ УСТЬ-ПОЛУЙ: РАЗМЫШЛЕНИЯ POST FACTUM

На прошедшей конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй», во время обсуждения итогов изучения этого памятника, представленных сотрудниками сектора археологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», среди участников развернулась довольно бурная дискуссия. Основное напряжение ее было сконцентрировано на двух направлениях: 1. характер памятника — святилище; святилище и поселение; поселение/городище; 2. сезон посещения/обитания памятника. Авторы настоящей статьи и одновременно раскопок памятника в 1993-1995 гг., 2006-2012 гг. опубликовали свой развернутый доклад под названием «Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты» до начала конференции. Но после состоявшейся дискуссии мы сочли возможным добавить некоторые соображения, отчасти вызванные замечаниями коллег, так сказать, размышления «post factum». Позволим себе напомнить некоторые положения опубликованного доклада.

Памятник, первоначально получивший название «городище Усть-Полуй», был открыт в 1932 году и частично раскопан В.С. Адриановым в 1935-1936 гг. Впоследствии культурные слои в небольшом объеме изучались В.Н. Чернецовым и В.И. Мошинской (1946 г.), В.М. Морозовым (1991 г.). С 1993 года памятник исследуется Ямальской археологической экспедицией под руководством Н.В. Федоровой и А.В. Гусева (1993-1995 гг.; с 2006 г. по настоящее время). Уже после раскопок 1993-1995 гг. возникло предположение, что памятник является не городищем (поселением), а культовым местом — святилищем. Исследования 2006-2012 гг. подкрепили эту гипотезу новыми фактами.

Полученные в ходе раскопок 1935-1936 гг. данные приводят В.С. Адрианова к осторожному выводу о том, что памятник представлял собой поселение или жертвенное место, впрочем, этот «важный вопрос» он оставил пока без окончательного решения. Аргументами в пользу поселения В.С. Адрианов считал наличие остатков кострищ и мощный культурный слой, отмечая при этом отсутствие каких-либо следов углубленных построек в толще культурного слоя или материка. В пользу возможного отнесения Усть-Полуя к жертвенному месту свидетельствовало, по его мнению, обнаружение в культурном слое большого числа высокохудожественных изделий.

Тем не менее, В.С. Адрианов назвал открытый им памятник городищем: «Древний памятник, находящийся в устье р. Полуй, относится к типу городищ, т.к. мы имеем здесь наличие остатков древнего поселения, окруженного защитными (оборонительными) сооружениями в виде вала и рва». В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская, также обратив внимание на наличие вала и рва, окружавших мыс с напольной стороны, писали: «...городище обнесено с напольной стороны валом и рвом» [Мошинская, 1953, с. 72]. В.Н. Чернецов предположил, что памятник, возникнув как поселение или городище, существовал так до определенного времени (II-I в. до н.э.) [Чернецов, 1953, с. 228], после чего площадка памятника продолжала использоваться в качестве жертвенного места.

Кратко подводя итоги изучения культурного слоя раскопами В.С. Адрианова и обобщения его данных, сделанного В.И. Мошинской, можно отметить следующее. Практически во всех раскопах фиксируются очаги (костри-

ща), в некоторых случаях вокруг них встречены остатки плавки металла. Многочисленные находки предметов, представляющих собой произведения древнего искусства, множество черепов собак со следами насильственного умерщвления, разрозненные кости чело-века, огромное количество обнаруженных во всех раскопах наконечников стрел — все это позволяет нам поставить под сомнение наличие здесь поселенческого слоя. Тем более что раскопки В.И. Мошинской и В.Н. Чернецова, проведенные в 1946 году на Обдорском холме, и последующие раскопки здесь же, проведенные в 2004-2005 гг. О.В. Кардашем, показали наличие жилища усть-полуйского времени с котлованом, углубленным в слой до 1 м.

В течение наших раскопок, проведенных в 1993-1995 и 2006-2012 гг., были изучены конструкции нескольких типов, зафиксированы следы действий людей, собрана коллекция уникальных артефактов.

Конструкции

Очаги. За все годы наших раскопок, несмотря на обилие в культурном слое следов углей и золы, очагов было зафиксировано всего пять: три из них располагались на краю площадки мыса, обращенном к реке, еще два — у моста-перехода через ров, с внутренней и внешней сторон его. Все очаги разводились неоднократно, после чего пересыпались светлым песком. Все они сооружались на слое, включавшем дерево, бересту, камни. Около очагов, расположенных на краю площадки, были собраны выкладки целых вещей и их фрагменты.

Металлообработка. Следы примитивной металлообработки фиксировались неоднократно — и в раскопах В.С. Адрианова, и в наших. Для них характерно наличие черного слоя с углями, находки сплесков бронзы и отливки культового характера, фрагменты тиглей. Практически обязательным фактом является наличие в этих комплексах сосудов на поддонах (от 1 до 4).

Настилы, вымостки, рамы. Все подобные сооружения располагаются в центральной части площадки святилища, на расстоянии от края террасы. Это сооружения в виде деревянных прямоугольных рам или насти-

лов, иногда перекрытых берестой. Обычно по краям их фиксируются выкладки из костей животных, артефактов. Рамы и настилы также пересыпались светлым песком.

«Круговые» комплексы. Также расположены на центральной части площадки. Представляют собой организованные в виде круга или овала комплексы, состоящие из вещей и камней. Иногда они располагались вокруг каменного груза. Наиболее многочисленными артефактами в таких комплексах были наконечники стрел, некоторые из них втыкались в землю под углом 45 градусов.

Конструкции из камней. Отдельные кучи камней и выкладки по краю рва [см. статью Ал.В. Гусева в настоящем сборнике].

Ров и мост. Пожалуй, наиболее интересными конструкциями были ров, ограничивающий площадь святилища с напольной стороны, и мост-переход через него. За четыре полевых сезона заполнение и границы рва удалось проследить на расстоянии около 35 м. Ров выкапывался от уровня древней поверхности, грунт из него, представленный чистым материковым песком без культурных остатков, выкидывался на внешний край рва, перекрывая древнюю погребенную почву. В настоящее время он фиксируется в виде слоя светлого песка мощностью до 25 см. Несколько меньший слой выкида фиксировался на внутренней части площадки. Собственно ров представлял собой траншею с плоским дном и (первоначально) вертикальными стенками, ориентированную по линии «запад-восток»; лишь в его верхней части наметился поворот на северо-восток. Глубина рва по отношению к древней дневной поверхности изначально различалась. С внешнего края она составляла около 1,2 м, с внутреннего, более высокого, — приблизительно 1,6-1,9 м, ширина по дну 1,3-1,6 м.

Были вскрыты также остатки деревянных конструкций, связанных с этим сооружением: хорошо сохранившиеся остатки деревянного моста-перехода, пересекавшего ров по линии «север-юг». Конструкция состояла из 5 мощных листовенных плах, обструганных со всех сторон и уложенных перпендикулярно рву. Наибольшая длина сохранившейся части моста 2,9 м, наименьшая — 1,6 м.

На внутренней стороне рва и в его заполнении было обнаружено не менее 15 деревянных кольев длиной от 0,3 до 1,0 м и диаметром 8-15 см. Два подобных кола были в свое время обнаружены В.С. Адриановым. Коля преимущественно березовые с остатками коры, имеющие карандашную заточку одного из концов. Самые мощные колья найдены у моста-перехода. Роль кольев стала понятна после обнаружения трёх фрагментов конструкции из веток, похожей на части плетня: такие фрагменты длиной от 1 до 2 м и высотой до 0,4 м были нанизаны на березовые колья. По-видимому, обнаруженные куски некогда являлись частью плетня, опоясывавшего площадку мыса.

Обнаруженные вблизи моста-перехода и под ним верхние части стволов лиственницы удалось датировать по методу дендрохронологии. Два образца дали один и тот же абсолютный возраст — 77-76 г. до н.э.¹ Исходя из того, что ров выкапывался от уровня древней почвы, а выкид из него не содержал культурных остатков, можно предположить, что с этого действия и начиналось сооружение древнего святилища, что и произошло, по-видимому, около 76 г. до н.э.

Погребения

Собственно погребений на территории святилища было зафиксировано два: в 1994 г. — на внутренней стороне площадки около рва, и в 2011 г. — за его пределами. Все остальные находки костей человека были сделаны вне погребений, хотя часть черепа, обнаруженная в 1995 году, лежала на берестяном настиле. Оба погребения были совершены по обряду трупоположения в позе «скорченно на боку», первое было безынвентарным, во втором обнаружены скребок, ложка со скульптурным навершием и наконечник стрелы.

Действия

В наших раскопах были зафиксированы следы определенных действий людей во время совершения обрядов или после них. Мы уже упоминали наиболее распространенное из них — пересыпание очагов, сооружений свет-

лым песком, иногда с последующим обжиганием. Часто обнаруживаются наконечники стрел, воткнутые в землю, причем, как правило, наконечники одного типа — изготовленные из длинных костей конечностей оленя. Необходимо отметить, что ни разу не были обнаружены следы от древков стрел. Еще одна массовая категория находок — роговые рукоятки ножей — почти всегда находятся с намеренно выломанным лезвием. Несколько раз встречались следы чистки рыбы на плоском камне, около которого оставались рыбные ножи. Фиксируются многочисленные следы принесения в жертву собак и совершения с ними каких-то ритуалов. В раскопе В.С. Адрианова черепа имели следы пробитых отверстий, иногда в череп вставлялась кость оленя или палка. Встречались также захоронения целых скелетов или скелетов без головы. В ров складывались берестяные коробки — к настоящему времени их собрано уже более 50, иногда с содержимым в виде костей, фрагментов меха, и куски тканей, обычно красновато-бурого цвета. На территории святилища производилась отливка простейших изображений из бронзы. Еще одно действие, следы которого встречаются весьма часто, — переделывание типично мужских орудий (наконечников стрел и роговых рукояток ножей) в проколки.

Из результатов исследования коллекции орнитологических остатков, произведенного А.В. Пантелеевым, в частности, костей орлана-белохвоста (следы сросшихся переломов на костях ног у птиц, находка скелета подростка птенца и т.д.), очевидно, что их держали в неволе и, по-видимому, использовали при совершении культовых церемоний. Сюжет «хищная птица, клюющая голову оленя» довольно обычен в искусстве Усть-Полуя.

Артефакты

Анализ распространения различных категорий находок по всей территории памятника приводит к следующим выводам. Такие массовые категории находок, как наконечники стрел, концевые накладки на лук, рукоятки ножей, ложки с навершиями в виде животных или птиц, скребки-лопаточки, части оленьей гар-

нитур — вертлюги, пуговицы и застёжки-пясики, стеклянные и фаянсовые бусы являются «нейтральными», встречаясь и на верхней части площадки памятника, и во рву. Панцирные пластины, каменные песты и бронзовые отливки в виде антропоморфных и зооморфных изображений более характерны для верхней части площадки. Во рву и прилегающих к нему частях они, если и встречаются, то в малом количестве. Напротив, части транспортных средств (весло, лыжи, полозы и копылья нарты), деревянная посуда, берестяные коробки с вещами или без них, изображения водоплавающих птиц и антропоморфная скульптура из дерева и рога, крупные фрагменты тканей встречается только в заполнении рва. Вероятно, объяснять этот факт условиями сохранности в мерзлом слое будет не совсем правильным: хотя бы следы наличия таких вещей было возможно зафиксировать и наверху площадки — здесь уместно вспомнить комплекс 1, в составе которого были берестяная коробка и чашечка из капа. Бронзовые отливки, найденные в участках, прилегающих ко рву, за исключением одной бронзовой рукоятки, не выдерживают никакого сравнения с теми, которые обнаружены на площадке.

Анализ всех этих данных привел нас к заключению, что вскрытая до сего дня раскопами часть памятника представляет собой остатки древнего святилища. Мы пока не ставим задачу определить точно размеры той территории, с которой сюда приходили люди для совершения культовых действий. Можно отметить лишь то, что эта территория была достаточно значительной.

Отдельный сюжет — определение сезона, в котором на святилище совершались культовые действия. Это достаточно сложно, но, тем не менее, некоторые выводы можно сделать. Во-первых, ров, мост через него и загородка-плетень по внутреннему краю рва, бесспорно, создавались в теплое время года, т.к. при наличии высокого снежного покрова и при низких температурах это вряд ли было бы возможным. Во-вторых, неоднократно упоминавшаяся практика втыкания наконечников стрел в культурный слой вряд ли могла быть успешной в снежный сезон. В третьих, наличие среди остеологического материала из куль-

турного слоя святилища большого количества костей водоплавающих птиц, а также их изображений, также указывает на теплое время года. В-четвертых, среди остатков культурного слоя при анализе его специалистами ИЭРЖ обнаружены семена таких трав, как крапива и конопля. Против летнего (бесснежного) сезона вроде бы свидетельствует большое количество костей белой куропатки, которая составляет наиболее значительную массу среди птиц, остатки которых обнаружены на святилище.

Данные, которые приводили в своем докладе наши коллеги из Института экологии растений и животных УрО РАН, не совпадают с нашими выводами. В первоначальном варианте статьи они осторожно написали: «Судя по обилию костей птиц, население обитало на Усть-Полуе в основном в теплое время года, но не исключено краткое обитание в холодное время года». В окончательном варианте они более категоричны: «Проведенный анализ показывает, что люди присутствовали на территории Усть-Полуя круглый год» [см. статью Косинцева и др. в настоящем сборнике]. Это утверждение базируется на проведенном анализе зубов млекопитающих и экологических характеристик животных. Не являясь специалистами в данных методиках, мы, тем не менее, хотели бы упомянуть, что данные касаются сезона забоя лишь 14 особей северного оленя и 11 собак, тогда как в материалах памятника и тех, и других животных много больше. Кстати, в приведенных в статье таблицах не содержатся указания на число особей животных того или иного вида. В целом, предложенные нашему вниманию данные имеют констатирующий характер, по-видимому, аналитика авторами будет сделана впоследствии.

Мы хотели бы еще заметить, что основной комплекс находок из культурного слоя памятника довольно единообразен и не вызывает никаких сомнений в его «автохтонности» и одновременности. Но территория памятника, очевидно, посещалась изредка и в более позднее время, о чем могут свидетельствовать остатки медного средневекового котла и некоторое (небольшое) количество средневековой же керамики.

Основные замечания коллег, сделанные в ходе дискуссии, касались определения ха-

¹ Датировка производилась Р.М. Хантемировым, Институт экологии растений и животных УрО РАН. (См. статью в настоящем сборнике).

рактера памятника: городище или святилище? В общем, никто не усомнился в том, что какая-то часть пространства Усть-Полуя была в какое-то время предназначена для совершения культовых действий. Но какая?

Особенно смущало наших коллег наличие в культурном слое памятника большого количества керамики, обработка которой, к сожалению, пока не завершена. Так, Ю.П. Чемякин отметил, что до сих пор на всех обнаруженных святилищах кулайской общности не было керамики, что и привело в 60-е-70-е годы XX в. к длительной дискуссии по поводу их культурной атрибуции. Мы неоднократно отмечали не вполне обычный характер керамики Усть-Полуя: во-первых, наличие здесь керамики, характерной как для таежной зоны Западной Сибири, так и явно привнесенной из-за Урала — гляденовской. Во-вторых, бросается в глаза низкое качество изготовления большинства сосудов, в результате чего они расслаиваются, разрушаются, что не характерно для поселенческих комплексов этого времени.

Далее, практически все святилища кулайской общности были обнаружены случайно, сборы с них делались непрофессионалами [Яковлев, 2001, с. 11]. Естественно, что собирались в основном яркие, необычные вещи — бронзовое литье. Святилище на городище Барсов Городок 1/9, относящееся к кулайскому времени, так и не было раскопано полностью, или хотя бы в большей части; в настоящее время это уже невозможно, т.к. святилище разграблено. Мы не можем с уверенностью ответить на вопрос — в каком планиграфическом соответствии находятся артефакты со святилища и с городища. Очень трудно сравнивать небольшие раскопы, проведенные профессиональными археологами (Ю.П. Чемякин, Я.А. Яковлев) на двух кулайских святилищах, и наши раскопы на Усть-Полуе, которыми вскрыта большая часть площадки памятника.

Наконец, необходимо отметить, что Усть-Полуйское святилище находится на значительном удалении от Среднего и Томского Приобья, его комплекс достаточно оригинален еще и потому, что мерзлота позволяет сохраниться конструкциям и изделиям из органических материалов. Наша интерпретация характера памятника, естественно, касается лишь изученной раскопками площади.

Позволим себе не согласиться с тезисом Е.М. Данченко, который он привел в своем выступлении: «Думается, при оценке Усть-Полуя необходимо всячески избегать излишне категоричных выводов, поскольку он явно носил многофункциональный характер, подобно многим другим памятникам (Чудская гора, Большой Лог, Саровка), где наряду с жилыми объектами выявлены следы жертвоприношений» [см. статью Е.М. Данченко в настоящем сборнике]. Еще раз повторим: все наши «категоричные», по мнению коллег, выводы касаются лишь раскопанной части памятника, на которой следов жилищ не обнаружено. В то же время на всех тех памятниках, которые перечислил Е.М. Данченко, как раз основная площадь была занята жилищами, прекрасно фиксируемыми в раскопах. Никто не возьмется отрицать факт наличия на поселениях каких-то мест, связанных с отправлением каких-то местных культов. Но это не противоречит фактам, неоднократно зафиксированным историками древности и этнографами: святилища были разные, различался и их уровень, и, соответственно, те действия, которые на них проводились.

Хочется закончить наши размышления «после дискуссии» цитатами из статьи А.В. Головнева [см. статью А.В. Головнева в настоящем сборнике «Усть-Полуй: реконструкция от антропологии движения» в настоящем сборнике]: «Святилища были не просто места проведения обрядов и жертвоприношений, но и своего рода мифоритуальными лабораториями. Можно допустить, что на рубеже эр подобная роль центра обмена знаниями, информацией и выработки ментальной карты принадлежала Усть-Полуе». И еще: «Необходимо отрешиться от привычки упрощать сложность и выбирать из нее «единственную правду». Усть-Полуй следует видеть во всем его многообразии и многомерности — не пятчком земли, а точкой пересечения больших пространств, перекрестком путей и культур».

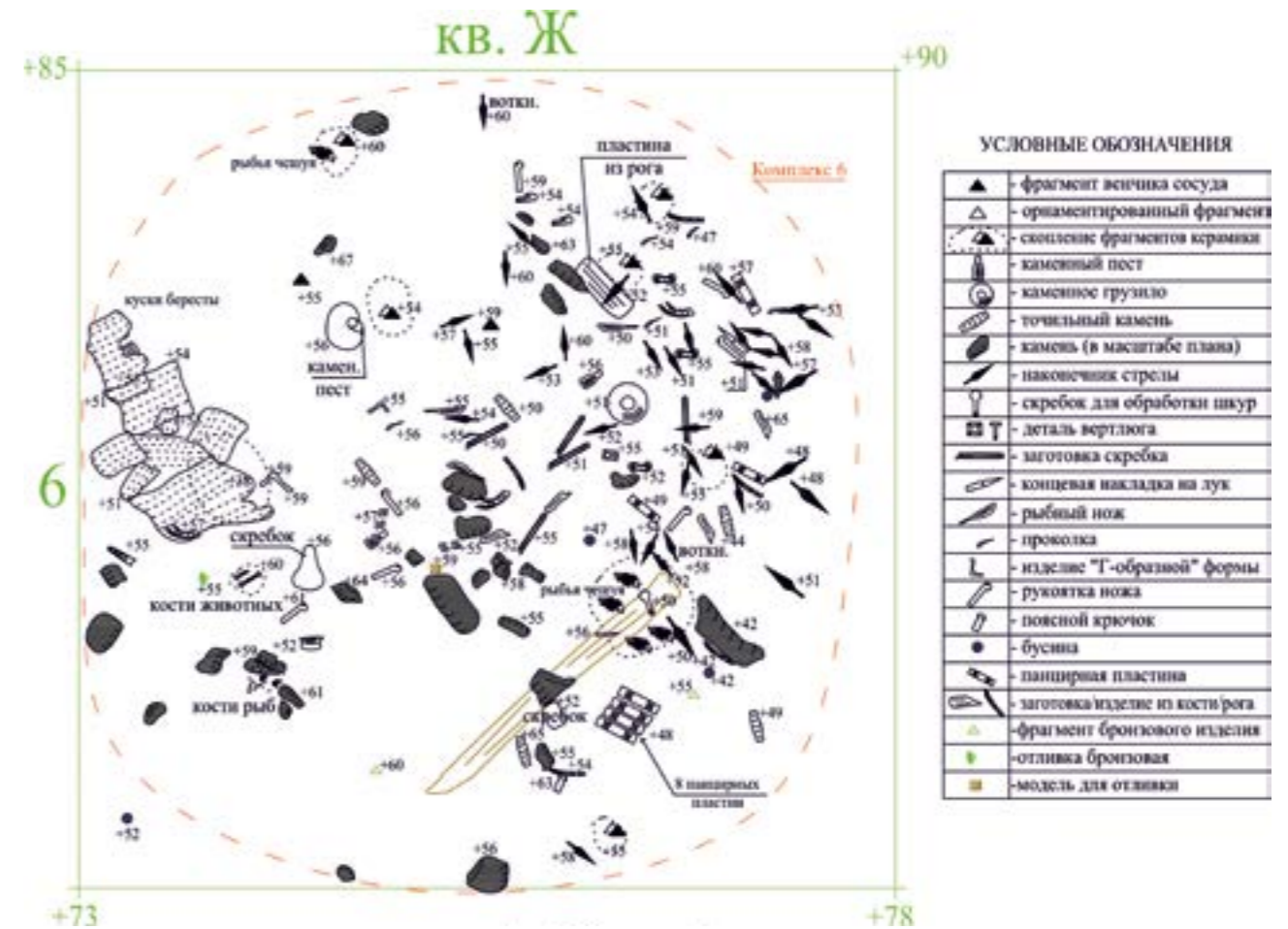

Рис. 2. Комплекс 6

Рис. 3. Деревянный мост-переход через ров. Раскоп 2010 г. Вид с востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрианов В.С. Хроника // Сибирские огни. Новосибирск, 1935. Кн. Сентябрь-октябрь. – С. 168–171.
2. Адрианов В.С. Археологические раскопки в районе Сале-Харда. // газета «Красный Север», № 122 от 24.09.1936 г.
3. Мошинская В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // МИА № 35, М, изд-во «Наука», 1953.
4. Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири. Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. ДЗ-8. М, изд-во «Наука», 1965.
5. Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. № 35. – С. 221–241.
6. Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам. Саровское культовое место. Томск, 2001, издательство Томского университета. 273 с.

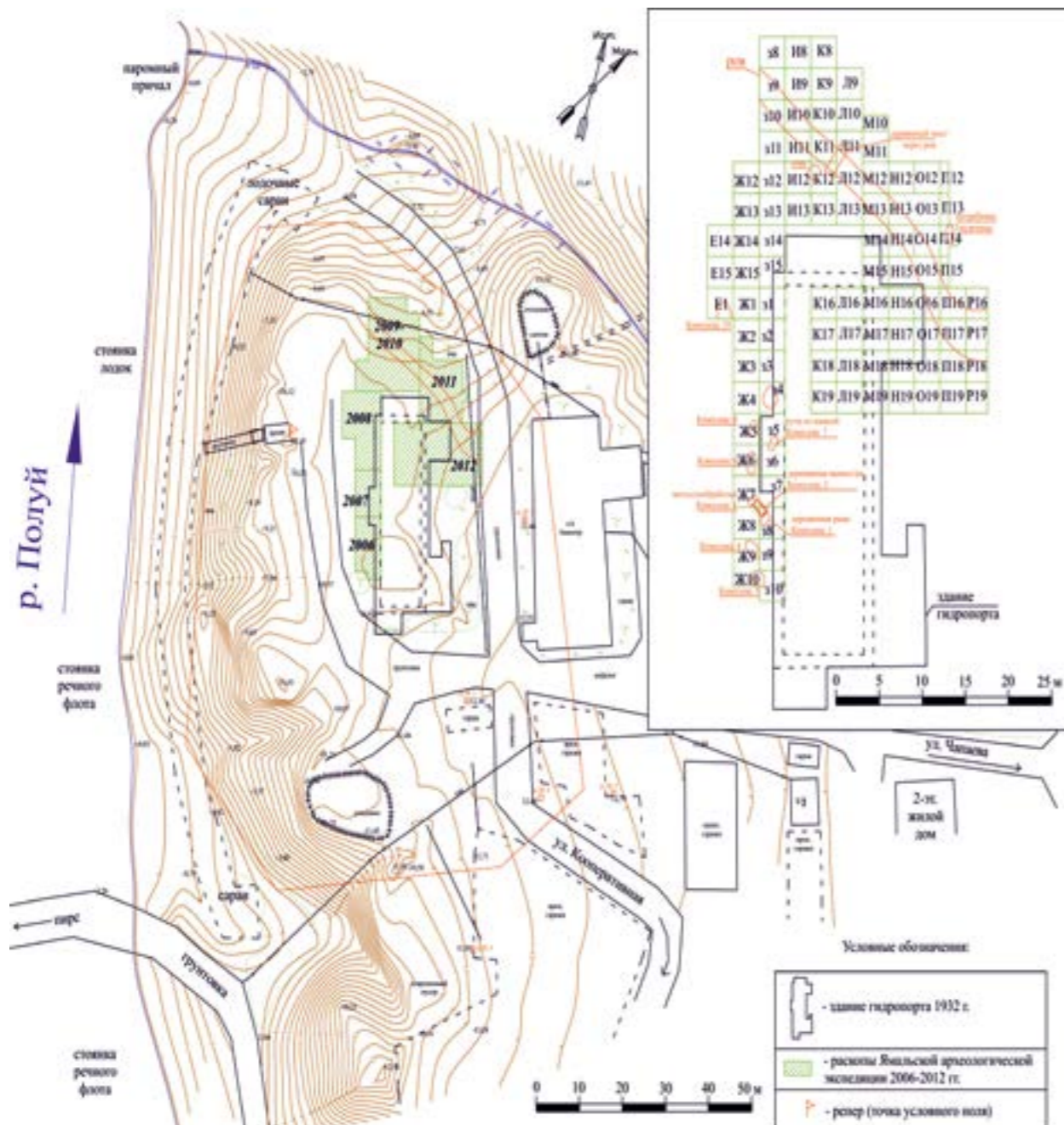

Рис. 1. Раскопки ЯЭ 2006-2012 гг.

Примечание: здание гидророта неоднократно перестраивалось, здесь показан последний вариант

Рис. 4. Древнее святилище Усть-Полуй

1-3 — рукоятки ножей; 4-7 — ложки; 8 — гребни; 9-11 — антропоморфная скульптура (1-9 — рог оленя; 10-11 — дерево)

А.П. Бородовский
г. Новосибирск

КОСТОРЕЗНЫЕ ЗАГОТОВКИ УСТЬ-ПОЛУЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2006-2011 ГГ.)

В общем предметном комплексе Усть-Полуя косторезные изделия представлены достаточно многочисленной группой находок, отражающей использование и обработку различных разновидностей косторезного сырья (кости, рога, бивня). В ходе современных исследований этого археологического комплекса были получены материалы, позволяющие получить данные о значительном разнообразии косторезных заготовок для целого ряда категорий инвентаря, изготовленного из «кости».

Достоверность этих сведений во многом определяется репрезентативностью выборки предметов [Бородовский, 1997, с. 40]. Для объективного анализа косторезного дела определенного культурно-хронологического периода необходимо наличие от 200-500 и до 1000-3000 тыс. предметов. Косторезный комплекс Усть-Полуя вполне соответствует границам этих количественных параметров.

В рамках реконструкции технологии косторезного производства особую роль играет выявление реальных производственных алгоритмов. При этом алгоритм понимается не в математическом, а в информационно-логическом смысле как универсальный способ кодирования предметной информации, изготовления предметов определенной эпохи на основе последовательных серий полуфабрикатов, отходов и заготовок из различных археологических комплексов.

Не менее важным является то, что косторезная продукция Усть-Полуя представлена в рамках полного ряда технологических систем:

1. Полное использование естественной формы сырья в конструкции предмета.

2. Частичное использование естественной формы в производстве.

3. Использование сырьевых осколков для изготовления вещей.

4. Система раскроя и расщепления исходного сырья (включая наличие роговой щепы).

В целом, соответствие всем этим критериям позволяет рассматривать косторезный комплекс Усть-Полуя как одну из эталонных выборок, в полной мере отражающую не только определенное разнообразие «костяных» предметов, но и технологию их изготовления в один из заключительных этапов раннего железного века.

Исследования сырьевой базы и технологических схем обработки при анализе разнообразных предметов древнего косторезного производства позволяют наиболее корректно выявить предпочтения косторезов далекого прошлого. Кроме того, такой комплексный подход позволяет наиболее четко определить различия в обработке кости и рога.

Исходя из этих положений, можно утверждать, что наиболее распространенным косторезным сырьем в Усть-Полуе являлись различные кости и рога северного оленя.

В некоторых случаях кости северного оленя использовались целиком («подвески» из копыт), но преимущественно они расщеплялись для изготовления различных типов наконечников стрел (рис. 1). Относительная грацильность, небольшая толщина компактного вещества и высокий внешний рельеф обуславливали явное своеобразие как самих заготовок, так и наконечников, изготовленных из них. Это обусловило использование ограниченных частей длинных костей северного оленя в сравнении с другими видами копытных животных (лося, марала, лошади, коровы).

Для производства костяных наконечников Усть-Полуя применялись только боковые ча-

сти диафиза кости с рельефными выступами мышечных гребней (рис. 1, 6, 7), которые обладали максимальной толщиной компактного вещества. Именно эти части костей служили естественной основой для изготовления черешковых наконечников преимущественно треугольного сечения различной длины с природным желобом на обороте. Основным сырьем для производства наконечников Усть-Полуя служили пластины из центральной или краевой части диафиза трубчатых костей (рис. 1, 2). В некоторых случаях для изготовления втульчатых наконечников стрел применялись эпифизы трубчатых костей (рис. 1, 3, 4). Это можно рассматривать как одну из своеобразных черт косторезного комплекса Усть-Полуя. На других территориях наконечники такого типа изготавливались исключительно из цельного рога или дерева.

Еще одной из технологических особенностей костяных наконечников Усть-Полуя является преимущественная параллельная обработка пера и насада этих изделий. Этот технологический прием во многом был обусловлен особенностями естественного рельефа и толщины исходной заготовки, что приводило к отсутствию подпрямоугольных плеч и шипов у наконечников. Такие особенности в основном характерны для другой технологии изготовления наконечников эпохи раннего железа — первостепенной обработки пера относительно насада, широко не представленной в материалах Усть-Полуя.

Другим наиболее распространенным сырьем для изготовления косторезных изделий Усть-Полуя является рог северного оленя (рис. 2). Роговое сырье в зависимости от своего происхождения (косуля, олень, лось, горные козлы, бараны и т.д.) и вида (цельнорогие и полорогие животные) имеет существенные различия не только в строении, но и в возможностях для косторезной обработки [Бородовский, 2007, с. 31-36, 39-40]. Одной из главных особенностей рога северного оленя является его более значительный сырьевой потенциал в сравнении с другими цельнорогими животными (лосем, различными видами оленей и косуль). В отличие от других видов семейства оленьих рогами у северных оленей обладают как самцы, так и самки. Более того, особенностями естественного цикла роста и сбрасывания

рогов у северного оленя практически соответствуют почти всему году (рис. 2, 1), что означает значительно большие резервы воспроизводства рогового сырья, чем у других видов. Такое сырьевое «преимущество» в полной мере отразилось в косторезных материалах Усть-Полуя как явное отражение северного своеобразие этого археологического комплекса.

Другой особенностью, представленной в готовых косторезных изделиях, является морфология сырья. Рог северного оленя имеет преимущественно наклонное, ветвистое строение. Он уплощён и имеет эллипсоидное сечение, а более тонкие роговые отростки могут иметь значительную длину и изогнутость. В качестве отличительной особенности рога северного оленя в сравнении с другими цельнорогими животными (лосем, маралом, косулей) следует упомянуть лопатообразные образования окончаний верхних отростков. Поверхность оленьего рога в сравнении с вышеперечисленными животными отличается слабо выраженным рельефом внешней поверхности. Ороговевшие кровеносные каналы немногочисленны и слабо выражены. Внутренний компактный слой рогового вещества северного оленя достаточно тонкий, а губчатая структура плотная, с мелкой пористой ячейкой. Последнее качество сближает ее с аналогичной структурой рога лося. Сохранение рудиментов строения рога, особенно направления поверхностных ороговевших каналов и губчатого вещества, позволяет идентифицировать естественную топографию рогового сырья даже в готовых пластинчатых изделиях. Это помогает не только определить разновидность заготовки, но и реконструировать характер раскроя исходного рогового сырья. Кроме того, естественная изогнутость отдельных частей рога (отростков, ствола, роговой лопаты) важна для определения предшествующих этапов изготовления предмета. У рога северного оленя спица фактически отсутствует. Основными его частями являются хорошо развитая розетка, ветвь, разветвления и отростки. Значительные размеры рогов северного оленя обуславливают сложную схему раскроя (рис. 2, 2-5). Она включает в себя не только отсечение упомянутых частей, но и вторичную разделку, которая представляет собой деление отростков на верхнюю, среднюю и

нижнюю часть, а ветвей — на отдельные участки, половинки и несколько пластин. Разветвления использовались целиком, а иногда из них изготавливали пластины. Сохранившиеся части различных участков рога со следами первичной обработки, соответствующей особенностям его разделки, дают реальную возможность выделения на материалах Усть-Полуя базовых роговых заготовок для целого ряда изделий. В отдельных случаях части разделанного рога северного оленя могли использоваться для нанесения изображений [Федорова, Чемякин, 2012, с. 264, рис. 1, 12], что отражает общую тенденцию эпохи палеометалла — активную интеграцию заготовок косторезного производства в непрерывный процесс формирования предметной среды своего времени.

Наряду с этим необходимо подчеркнуть, что общая материаловедческая специфика рогового сырья практически исключает возможность применения осколков цельного рога для производства, тогда как для трубчатой и плоской кости использование осколков является одной из распространенных особенностей использования таких материалов. Поэтому раскрой кости в отличие от рога имеет более ограниченное распространение. Это связано с особенностью общей структуры костного материала, строением компактного вещества, различными размерами исходных костяных и роговых заготовок, а также со способами предварительной подготовки сырья для дальнейшей обработки.

Однако запасы рогового сырья со следами обработки не всегда могут быть однозначно интерпретированы как признаки обработки рога, если в этом же комплексе не присутствуют заготовки, производственный брак или серия готовых изделий [Флерова, 2001, с. 116]. К таким артефактам относится роговая щепка, сохраняющаяся преимущественно на участках непосредственной обработки рогового сырья, в отличие от его последующего перемещения или хранения. Наличие на Усть-Полуе роговой щепы является одним из аргументов раскроя рога и изготовления из него заготовок и готовых изделий, как это уже было прослежено на ряде поселенческих комплексов (Кувевы щеки) и культовых (Кучерлинская писаница) юга Западной Сибири.

Сохранившиеся признаки различных участков рога, соответствующих особенностям его разделки, дают реальную возможность выделения на материалах Усть-Полуя базовых заготовок для различных исторических периодов и позволяют проследить последовательность их развития.

Основными заготовками эпохи палеометалла, которые получали при раскрое рогового сырья, являлись двойные, полторные и одинарные роговые пластины [Бородовский, 1997, с. 94–104].

Наиболее распространенную косторезную заготовку Усть-Полуя — одинарную роговую пластину — получали расщеплением двух противоположных поверхностей роговых отростков, ветвей, разветвлений и роговой лопаты. Компактный роговой слой сохраняется в этой заготовке с одной стороны, а губчатый — с другой. На внешней стороне компактного вещества одинарной роговой пластины остаются нетронутыми рудименты строения внешней роговой поверхности. Они представлены ороговевшими каналами, вытянутыми вдоль длинной оси роговых отростков и ветвей. На поверхности разветвлений ороговевшие каналы расходятся в противоположные стороны. Вдоль ороговевших каналов могут сохраняться фрагменты естественной неровной поверхности рога. При выравнивании поверхности компактного вещества в готовых изделиях эти естественные углубления не всегда удается срезать без чрезмерного утончения предмета. Губчатое вещество одинарной роговой пластины, если она вырезана из отростка, ориентировано с изгибом в одну из сторон. Для роговой ветви ориентация губчатого вещества в одинарной пластине будет «прямой».

Если одинарная пластина была вырезана из разветвления, то ориентация губчатого вещества соответствовала естественной искривленности роговых отростков, расходящиеся в различные стороны.

На основании этих данных для целого ряда косторезных предметов Усть-Полуя достаточно четко устанавливаются исходные роговые заготовки. Часть разветвления кроны рогов с отростком использовалась в качестве заготовки для лопаточек (рис. 3). Такая за-

готовка использовалась как для неорнаментированных предметов (рис. 3, 5), так и для изделий с резьбой и объемными резными фигурами (рис. 3, 2, 3). При этом роговая заготовка продольно рассекалась на две половины, а для изготовления предмета использовалась преимущественно нижняя изогнутая часть.

Основой для рукоятей ножей служила нижняя часть длинных роговых отростков в верхней части рогов без ее рассечения на пластины.

Наибольшее разнообразие роговых заготовок было характерно для деталей упряжи. Здесь встречались изделия как из роговой ветви, так и из одинарных роговых пластин из роговых разветвлений у основания и окончаний. Такая особенность далеко не случайна, поскольку детали упряжи, начиная с эпохи металла, входят в круг предметов косторезного производства, наиболее полно отражающих всю систему раскроя рогового сырья и как следствие этого — значительное разнообразие его заготовок [Бородовский, 2007, с. 96, 149].

Роговые гребни так же, как и на юге Западной Сибири, изготавливались из одинарных роговых пластин, полученных из наиболее массивных участков рога северного оленя (ветвей у роговых разветвлений). Роговые заготовки для панцирных пластин получались в основном из уплощенных участков длинных роговых ветвей северного оленя. Однако для изготовления таких предметов применялись наиболее прямые и массивные участки рога, из которых можно было получить достаточно толстые одинарные роговые пластины. Концевые накладки на луки также изготавливались из одинарных роговых пластин. Они вырезались из хорошо развитых длинных роговых отростков или из роговых ветвей. Это была одна из самых распространенных роговых заготовок Усть-Полуя, служившая в ряде случаев для изготовления орнаментированных предметов, имеющих определенные аналогии с декорированными тагарскими предметами, вырезанными из естественно изогнутых роговых отростков.

Некоторые из художественных роговых изделий были изготовлены из специфической роговой заготовки, полученной из основания небольших роговых отростков, примыкающих к основанию роговой ветви.

Особый интерес представляют резные роговые изделия, возможно, имитирующие металлические предметы. В зависимости от исходных образцов они изготавливались либо из массивных одинарных пластин, полученных из рогового ствола (ветви), либо из тонких одинарных пластин, вырезанных из основания лопатообразных расширений рогов на участке разветвления отростков.

Самой немногочисленной группой предметов являются изделия из бивня мамонта. Судить о технологии их изготовления в сравнении с материалами более ранних эпох пока достаточно затруднительно. Достоверно можно говорить об использовании на Усть-Полуе небольших по размеру пластин из боковых стенок мамонтового бивня. Этот материал в эпоху железа являлся уже палеофаунистическими остатками и добывался в ходе сборов в береговых обнажениях речных долин [Бородовский, 1995].

Давая обобщенную характеристику косторезным заготовкам Усть-Полуя, нельзя не затронуть вопрос о роли и месте этого косторезного комплекса в рамках всей Западной Сибири. В эпоху раннего железа в Южной Сибири и на сопредельных территориях сформировалось несколько центров художественного косторезного производства — Тувинский, Минусинский, Алтайский, Верхнеобской, Обь-Иртышский [Бородовский, 1999]. Признаками этих косторезных центров являются: особенности использования и приоритеты различных видов природных материалов; специфика раскроя сырья и типов косторезных заготовок; своеобразие техники художественной резьбы; влияние обработки других материалов на художественную резьбу; своеобразие орнаментальной отделки изделий; особенности художественных образов и композиций.

Все эти черты в полной мере присущи и косторезному комплексу Усть-Полуя как одного из ключевых пунктов Нижнеобского центра косторезного производства эпохи железа.

Рис. 1. Заготовки костяных наконечников Усть-Полуя

- 1, 2 — заготовки наконечников из пластин длинных трубчатых костей;
 3, 4 — заготовки наконечников из эпифизов трубчатых костей;
 5 — современная кость северного оленя — исходное сырье для производства наконечников;
 6, 7 — заготовки наконечников стрел Усть-Полуя, выполненные из костяных пластин с мышечным гребнем.

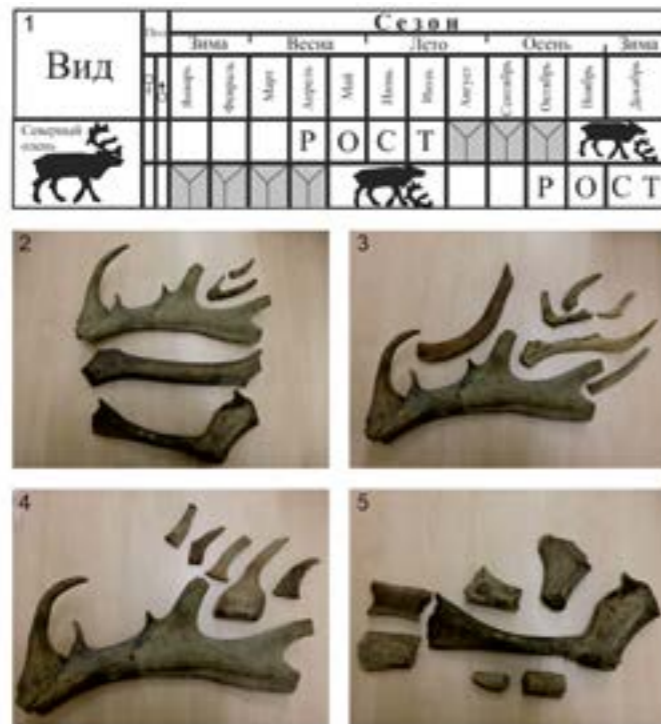

Рис. 2. Разделка рога северного оленя на Усть-Полуе
 1 — Цикл роста и сбрасывания рогов северного оленя;
 2, 3, 4, 5 — разделка рога (ветвь, отростки, разветвления).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородовский А.П. Обработка бивня мамонта в эпоху палеометаллов (по археологическим материалам юга Западной Сибири) // Археология вчера, сегодня, завтра. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 1995. — С. 113–121.
2. Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. — первая половина I тыс. н. э.). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. — 224 с.
3. Бородовский А.П. Центры художественной косторезной обработки скифской эпохи

на юге Западной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтай и сопредельных территорий. — Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. — С. 23–26.

4. Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. — 176 с.
5. Федорова Н.В., Чемякин Ю.П. Образ медведя в пластике эпохи раннего железа Сургутского и Нижнего Приобья. // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. Томск: «Аграф-Пресс», 2012. — С. 256 – 266.
6. Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII века. — СПб.: Алетей, 2001. — 254 с.

Рис. 3. Роговые заготовки лопаточек Усть-Полуя

- 1 — заготовка лопаточки из рогового разветвления;
 2, 3 — роговые заготовки для лопаточек с резными навершиями;
 4, 5 — заготовки для роговых орнаментированных и неорнаментированных лопаточек.

Ал.В. Гусев
г. Салехард

КАМЕНЬ В СИСТЕМЕ КОНСТРУКЦИЙ УСТЬ-ПОЛУЯ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Древнее святилище Усть-Полуй – археологический памятник, пользующийся поистине мировой известностью. История его изучения, начавшаяся еще в 30-е гг. XX века, продолжает удивлять ученых до сих пор. За прошедшие 80 лет, из которых только 12 полевых сезонов памятник изучался полноценно, Усть-Полуй преподнес немало сюрпризов и открытий в истории населения Ямала. С 1932 г., с момента обнаружения памятника, по настоящее время святилище притягивает известных российских и зарубежных археологов.

В данной работе предпринимается попытка обобщить и систематизировать имеющийся материал полевых исследований каменных конструкций и сооружений, которые были обнаружены в процессе археологических работ на древнем святилище Усть-Полуй. Автором по данной теме были проведены как исследования по имеющимся археологическим отчетам и материалам, так и этнографические изыскания с целью определения значения камней в духовной и традиционной культуре коренных народов Нижнего Приобья.

Значение камней в духовной и традиционной жизни коренных народов Севера

Священные места и святилища играли большую роль в общественной и семейной жизни ненцев. Они помогали людям в суровых северных условиях. Культовое место ненцев — это открытый храм на лоне природы, где в установленные дни совершаются обряды, ведется диалог между Богом и Человеком. Эти природные святилища насыщены мифологическими ассоциациями и, как считают ненцы, обладают большой духовной энергией. Священные места у тундровых ненцев называются

«хэбидя я». «Они (т.е. духи) охраняют холмы, рощи, реки, ключи, тропинки и хижинки» [Лар, 2003]. А у лесных ненцев — «кайпта я».

Окружающая человека природа рассматривается ненцами как нечто, сотворенное богом. Вся природа одушевлена. Всё имеет свое божество: вода, огонь, дерево, камень. И немало важным для ненцев был культ гор и камней. Объектами почитания были отдельные валуны, стоящие в тундре, небольшие камни особой формы, включенные в состав домашних святынь. На Южном Ямале почиталась Пэ ерв не — хозяйка гор (Пэ — ненское название Урала). Когда ненцы кочевали в районе Уральских гор, они совершали жертвоприношения «хозяйке», чтобы та не насылала на них лавины.

Ненцы имели много идолов, разнообразных по форме и из разного материала: «Идолы самоедов изображаются в виде человека, вылитого из металла, либо в виде камня необыкновенной величины...» [Лар, 2003]. А камень, сделанный руками, будет священным, поскольку его форма свидетельствует о том, что он является частью определенного символа или обладает мифической силой. Он представляется как бы вместилищем инородной силы, которая выделяет его из окружающей среды и сообщает ему смысл и ценность. Сила может пребывать в субстанции объекта или в его форме, она передается путем ритуала [Лар, 2003].

Большим почитанием пользовались духи-хозяева, духи-покровители местности, духи-земли, озер и т.д. Духи обитали на вершинах гор, наблюдали за жизнью людей. Так, например, «Пэ мал Хада» — так звали хозяйку вершины горы. «Пэ» — камень, «мал» — конец, «хада» — старуха, камня-конца-старуха. Приуральские ненцы считают ее покровительницей маленьких телят. Один раз в три года ненцы

приносят ей в жертву оленя темно-коричневой масти. По другим источникам, «Пэ мал Хада» является покровительницей маленьких детей — «нгайбэй». Поэтому в люльку новорожденного кладут камешек «сей пэ», который якобы оберегает от духов болезней [Лар, 2003].

Камень принимает участие в обряде очищения у женщин. У многих семей коренных народов Ямала камень является хранителем очага. Дети используют камни в качестве игрушек для ролевых игр, и, как правило, их передают по наследству будущему потомству.

Помимо всего вышесказанного, камень имеет значение и в шаманской практике. Так, по утверждению шамана Г.Т. Лапсуя, к бубну нельзя прикреплять камни любого рода. По представлениям ненцев, камни имеют способность оживать и жить самостоятельной жизнью, отличной от жизни бубна [Пушкарева, 2007].

Интересное сакральное значение камней описывает в своей публикации Г.П. Харючи. В ней она приводит пример из собственной жизни, когда ей было 12 лет. Цитирую: «Во время школьных каникул я, как и другие школьники, жила в стойбище. У нас была одна-единственная книга «Как закалялась сталь», которая передавалась из чума в чум. Однажды мы с детьми пошли в тундру на заготовку травы мятлики и по дороге обсуждали содержание книги. Неожиданно поднялся туман, и мы потеряли дорогу к чумам. Мы долго блуждали, но старались вести себя героически и не паниковать. Строя предположение о том, как бы вел себя в этой ситуации Павка Корчагин, мы тоже хотели быть героями. Наконец, устали и решили отдохнуть на сопке. На этом месте мы увидели камень, похожий на сидящего человека. Посидев около него, мы решили, что это не простой камень, а дух этой сопки. Когда туман исчез, мы легко нашли дорогу к чумам. Камень мы взяли с собой, и отец положил его в священную нарту» [Харючи, 2001].

В прошлом и настоящем времени у ненцев священные места были разбросаны по всей тундре. Они принадлежали либо одному роду, либо отдельным семьям, кочевавшим в данном районе. Обычно эти жертвенные места располагались возле камня какой-нибудь особой формы, на вершинах сопки, на берегах озер. Причем с духами у них скла-

дывались своеобразные отношения. Например, интересен момент «проверки». Чтобы удостовериться, точно ли камень, который должен представлять духов, имеет все свойства, которые от него требуются, забрасывают под его покровительством сети в озеро или ставят к песцовой норе капкан; в случае удачного лова признают в нем силу свыше. Тогда его разукрашивают и держат в почете, в противном случае оставляют без внимания.

Что касается традиционной жизни ненцев, то, как и у других народов мира, камни имели свое назначение. В древности ненцы использовали камни для розжига костров традиционным способом, т.е. трением двух камней друг об друга. Камни использовались также и в лечебных целях — в качестве «грелки» после нагревания в огне.

Несколько слов о значении культа камней, почитаемых другими народностями Севера. В статье «Священные места хантов Средней и Нижней Оби» О.Э. Балалаева уделяет этому отдельное внимание. Автор отмечает, что культ камней широко распространен на приполярном Севере и практически по всей Сибири и считается одной из древнейших форм культа. Целый ряд примеров почитания камней встречается в юганском бассейне. В верхней части Малого Югана есть священный камень, лежащий у берега и своей формой напоминающий голову медведя. Этот камень местные жители мажут рыбьим жиром, задабривая лунку. Другой известный священный камень лежит на середине реки возле деревни Кинямина — это божество Кон-Пал-Ики. Камень этот очень большой, метра полтора в поперечнике, и может нанести серьезный ущерб проезжающим мимо лодкам. Камень виден над поверхностью воды только в середине лета, когда уровень воды сильно понижается. Проезжая мимо, местные жители бросают в воду монеты [Балалаева, 1999].

На р. Большой Юган ниже деревни Тайлакова также находится священный камень, с которым связано мифологическое предание: «Там тоже лунки — Именг-Ики — муж с женой. Едут на обласке. Подъезжать стали к себе, а тут нагрязнули на них войной. Делать нечего, они в воду нырнули с облака. И сейчас там камень лежит тоже, похо-

жий на человечью спину» [Балалаева, 1999].

Пимские ханты из рода Кантеровых рассказывали, что в верховьях у истоков рек Пима и Казыма находится священный камень, имеющий форму четырехугольного стола. Священный камень называется Казым-Ими-Пэсан («Стол Казым-Ими») [Балалаева, 1999].

Каменные конструкции, обнаруженные в 1935-1936 г. Далее я хочу проанализировать отчетный материал археологических работ на святилище Усть-Полуй и свести воедино все известные каменные сооружения и конструкции, которые были обнаружены во время раскопок. Справедливо и верно начать с работ В.С. Адрианова.

Вначале необходимо отметить, что В.С. Адрианов пытается довольно подробно зафиксировать все найденные материалы, в том числе и камни. К сожалению, археолог не отмечает в своих отчетах форму и конфигурацию каменных сооружений, а пишет только о количестве найденных камней в каждом раскопе и квадрате. Общая площадь раскопа, вскрытая силами В.С. Адрианова, составляла более 275 кв. м. Культурный слой памятника вскрывался штыками.

В общей сложности В.С. Адриановым было вскрыто V (пять) раскопов, в числе которых было 76 квадратов.

Раскоп I располагался около здания аэровокзала, где было начато рытье ямы для погребка размером 2 x 4,5 м. В связи с предстоящей дальнейшей работой по расширению ямы погребка первые квадраты размером 1 x 1 м были подвергнуты разборке у края ямы погребка и несколько продолжены в сторону здания для выяснения состояния культурного слоя. Всего раскоп I состоял из 17 квадратов. Из материалов отчета В.С. Адрианова видно, что во всех квадратах были обнаружены камни, в том числе и мелкая галька, но наибольшее количество было найдено в квадратах под №2 и №13. Некоторые камни были обнаружены около очагов. Например, в квадрате №1, под слоем дерна, к углу ко второму квадрату было обнаружено много золы и угольков, рыбьей чешуи и небольшое количество отдельных камней. Аналогичная ситуация была в квадрате №3, штык 2. Здесь также была обнаружена красноватая прослойка горелой земли с золой костра, где рядом было найде-

но 13 камней. В остальных квадратах раскопа I ситуация с камнями и очагами повторяется. В общем, на раскопе I было обнаружено около 550 различных камней, в числе которых было 17 мелких галек, 3 кварцитовые белые гальки и один камень, который представлял, по мнению археолога, орудие в виде скребка.

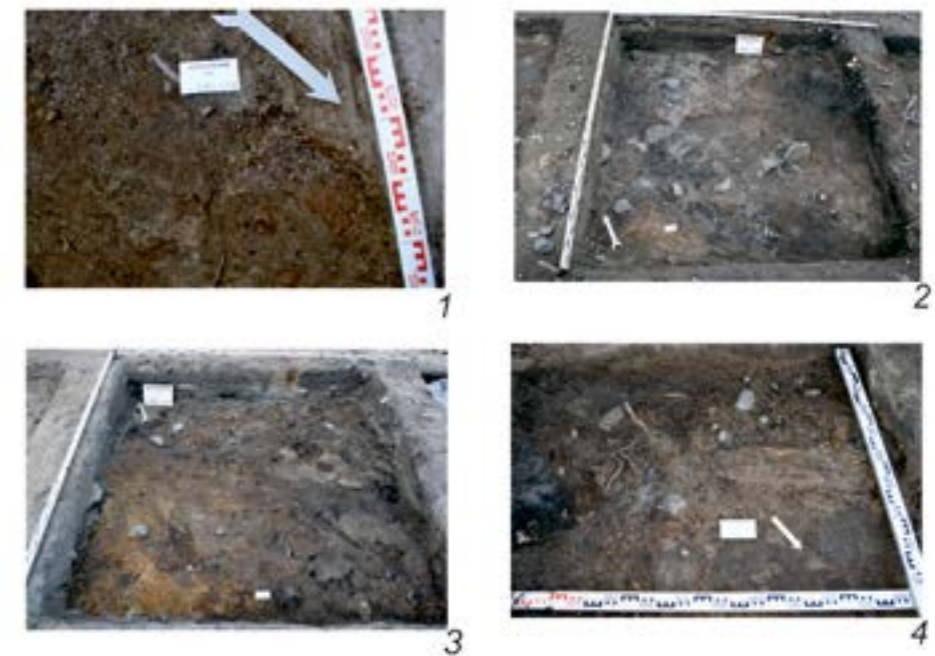
Раскоп II располагался у юго-западного угла здания гидропорта и состоял из 14 квадратов (с 18 по 31 квадрат включительно). Все вскрытые квадраты содержали камни, но большее количество было обнаружено в квадратах под №19 и №26. Встречались камни и особо больших размеров, например, в квадрате №19, обнаружен камень шириной 31 см и длиной 52 см. Как и в предыдущем раскопе, камни были обнаружены и около очагов. Вот что пишет в своем отчете В.С. Адрианов о квадрате №24: «Несомненные следы костра.... Граница костра трудноопределима из-за большого количества золы. ...У костра и в костре много отдельных камней, сильно растрескавшихся от огня...». В общей сложности данный раскоп содержал около 724 камней разных размеров и разного назначения.

Раскоп III занимал общую площадь 9,75 кв. м. Это был самый маленький раскоп, вскрытый В.С. Адриановым. Раскоп состоял всего из трех квадратов (№32, 33, 34), среди которых был обнаружен в общей сложности 181 камень. В квадрате № 34 камни колотые, скорее всего, в результате нагревания.

Раскоп IV занимал тоже не очень большую площадь, включал четыре квадрата (№35, 36, 37, 38) с общим количеством камней в 167 единиц. В квадрате №35 собрано 29 камней, большая часть которых — колотые. В квадрате №36 обнаружено 45 камней, в основной массе — мелких, из них две кварцитовые гальки. В квадрате №37 археологом было обнаружено большое пятно золы с сильно обожженной подстилающей породой. У края пятна золы неправильного очертания найдены два наконечника стрелы и большой камень 50 см в длину. Всего в квадрате обнаружено 32 камня. В квадрате №38 обнаружен 61 камень, среди которых было много мелких колотых камней.

Раскоп V был самым большим из вскрытых В.Н. Адриановым. Он включал 39 квадратов (с 39 по 76 квадрат включительно), с общим числом, по предварительным подсче-

Археологические раскопки в 2006 г.

Археологические раскопки в 2007 г.

Рис. 1. Каменные конструкции древнего святилища Усть-Полуй.

там ученого, в 2915 камней (В.С. Адрианов произвел неверный подсчет своих данных, у него выходило 2905 камней). Наибольшее количество камней, как отмечает ученый, «... у квадрата 68. Глубина от поверхности почвы до основного грунта — 58 сант. Оставлено камней 254 шт.» [Адрианов, 1935].

В квадрате 40 В.С. Адрианов обнаружил кусок камня со следами стертости. Как и в предыдущих случаях, камни были обнаружены и около остатков очагов.

Археологу также попадались камни особо больших размеров. Так, например, в квадрате 48, у стены к квадрату 47 на глубине 30 см были обнаружены два черепа собаки с пробитыми черепными коробками. На дне квадрата рядом лежал камень большого размера, длиной в 50 см. Можно сделать предположение о проведении ритуальных действий на данном месте и о некоторой роли камня в этих ритуалах.

В.С. Адриановым за 1935-1936 гг. была вскрыта поистине огромная территория памятника, в результате чего было обнаружено множество камней разного рода и назначения. К сожалению, мы не имеем подробного описания их залегания и формы (за исключением камней, явно отличающихся от общей массы). Но благодаря первому исследователю у нас есть информация об их численности и очажных комплексах с применением камней.

В процессе археологических работ в 1993 г. и 1995 г. под руководством Н.В. Федоровой каменные конструкции обнаружены не были. А вот в 1994 г. на участках, где проводились раскопки, каменные сооружения были обнаружены в очажном комплексе 1 и 2.

Каменные конструкции, обнаруженные в 1994 г. Очажный комплекс 1 был расположен в участках Е-Ж/10. И в очажном слое, и в культурном слое, перекрывающем его, зафиксированы крупные камни. Количество их составляло около 30 крупных камней, которые располагались в основном в участке Ж/10, многие имели следы огня. Камни фиксируются от уровня -23 до уровня -46 от условного ноля, т.е. практически все относятся к верхнему очажному слою. Между камнями — обильный тлен от рыбьих костей, зола, угли.

Очажный комплекс 2 расположен в участках Г/10-11. У северного и западного края

очажного пятна подпрямоугольной формы было зафиксировано несколько крупных камней, а в южной стороне были обнаружены 3 шлифованные каменные плитки.

Возможно, остатками очажного комплекса являются вскрытые в участке Е/13-14 крупные камни с зафиксированным между ними углистым слоем и остатками дерева и бересты.

Кроме конструкций, обнаруженных в результате работ, на территории раскопа было обнаружено множество камней, имеющих следы забитостей [Федорова, 1935].

Каменные конструкции, обнаруженные в 2006-2012 гг. В 2006 году Ямальской археологической экспедицией ЯНАО МВК им. И.С. Шемановского под руководством А.В. Гусева были возобновлены раскопки памятника. В 2006 г. было вскрыто 85,5 кв. м. культурного слоя. В результате проведенных работ были вскрыты остатки 5 сооружений, по-видимому, связанных с отправлением неких культовых церемоний. В первом комплексе каменные сооружения обнаружены не были, а остальные четыре комплекса содержали остатки каменных конструкций.

Комплекс №2 зафиксирован в участках Ж-3/7-8 на уровнях +37 +25 см от условного ноля. Представляет собой прямоугольную деревянную вымостку размером 2,2 x 1,6 м, ориентированную по линии 3-В. В СВ углу зафиксировано мощное скопление рыбьей чешуи, концентрирующееся вокруг камня-наковальни, там же обнаружены кости животных и развал сосуда (рис. 1-1).

Комплекс №3 зафиксирован в участке Ж/7 на уровнях +60 +30 см от условного ноля. Состоит из нескольких объектов, некоторые из которых, очевидно, связаны с металлообработкой. На площади участка зафиксировано много крупных камней, можно проследить, что они располагаются по кругу. В западном углу участка между двумя крупными камнями расчищен корень дерева, который, по-видимому, несколько нарушил остатки объекта (рис. 1-2).

Комплекс №4 проявился в участках Ж-3/8-9. Сначала после снятия черного гумусированного слоя очертилось большое количество камней, расположенных по кругу на уровнях от +33 до +18 см от условного ноля. Камни менее крупные, чем те, которые фик-

Археологические раскопки в 2008 г.

Археологические раскопки в 2009 г.

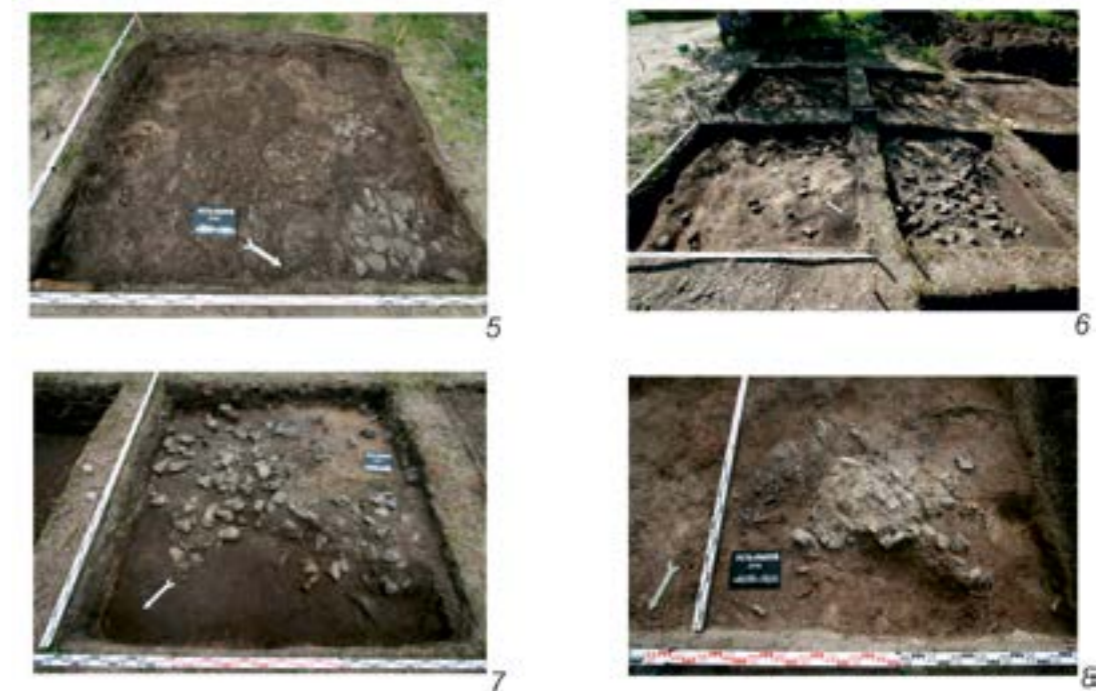

Рис. 2. Каменные конструкции древнего святилища Усть-Полуй.

сировались в участке Ж/7, связанные с металлообработкой. В границах этого круга из камней обнаружено 6 каменных пестов и 15 костяных наконечников стрел (рис. 1-3).

Комплекс №5, вернее, его часть, зафиксирован в участке 3/10 на уровнях +12 –1 см от условного ноля. Большая часть комплекса разрушена траншеей котлована здания гидропорта. Зафиксированы остатки деревянной вымостки, на которых располагалось несколько крупных камней (рис. 1-4). [Гусев, 2007].

В 2007 г. было отчетливо зафиксировано несколько комплексов — скоплений культурных остатков и остатков сооружений из камня. В комплексе остатков участка Ж/6 на уровнях +71 – +60 см от условного ноля было зафиксировано около 20 крупных камней, некоторые из них — со следами обработки: например, один использовался как точильный камень. Камни очерчивали овал, внутри которого найдено несколько наконечников стрел, рыбный нож, скопления керамики и один развал сосуда (рис. 1-5).

В комплексе остатков участков 3/5-6 на уровнях +76 – +60 см от условного ноля зафиксировано несколько камней, три наконечника стрел, рыбный нож, поясная пряжка и череп лося, который лежал поверх кучи камней (рис. 1-6). Чуть ниже, на уровнях +60 – +50, расчищена куча крупных камней размером 1,6 м х 1,0 м. Куча сложена довольно плотно, камни различных размеров — от крупных, (20 х 15 см) до сравнительно мелких (рис. 1-7), находок среди камней нет, а к югу от кучи зафиксировано 5 наконечников стрел. Куча камней подобного типа, но уже более крупная, фиксировалась на городище (жертвенном месте) Усть-Полуй при раскопках 1994 г.

В комплексе остатков на участке Ж/5 тоже прослеживалось овальное скопление артефактов и камней размером 1,8 м х 1,2 м. (рис. 1-8).

Комплекс остатков в участке 3/4 наиболее сильно пострадал от разрушений. На уровнях от +86 до +68 см от условного ноля зафиксировано овальное скопление камней и артефактов размером 2,4 м х 1,8 м (рис. 1-9) [Гусев, 2007].

В полевом сезоне 2008 г. в результате археологических работ было вскрыто несколько каменных конструкций ничуть не меньшей информативности, чем конструкции прошлого сезона. В участке 3/15 зафиксирован комплекс

культурных остатков, состоящих из камней, углей, мелких скоплений керамики, фрагментов глинистого сланца, из которого изготавливались модели для отливки бронзовых изделий (рис. 2-1). Комплекс, очевидно, сохранился не полностью, так как в части слоя на участке фиксируются обломки кирпичей. В центре участка камни образуют конструкцию, состоящую из плоского крупного камня и нескольких более мелких. Все камни имеют следы воздействия огня, заполнение слоя между ними содержит угли, пережженные, возможно, дробленые кости, включения золы и прокаленной супеси.

В участке Е/14 у северной стенки зафиксирована конструкция из крупных камней, состоящая из плотной вымостки (рис. 2-2). Камни — преимущественно гранит или подобные ему породы. Обнаружено нескольких крупных камней к югу от вымостки и более мелких, окаймляющих конструкцию с востока. К западу, юго-западу и югу от скопления камней обнаружены три скопления керамики, которые как бы огибают каменную конструкцию. В пределах скопления камней обнаружен костяной наконечник стрелы, у южной стенки участка — фрагмент костяного изделия, заготовка из рога, два костяных скребка для выделки шкур, костяной вертлюг и еще одно скопление керамики.

Культурный слой на участке Е/15 тоже содержал большое количество камней различного размера и находок (рис. 2-3).

На участке Е/1 культурный слой сохранился лучше, чем на остальных (рис. 2-4). В центре участка зафиксирован сложный комплекс, включающий остатки деревянной рамы или выкладки, покрытой берестой, а также россыпь мелких камней, которые примыкали с запада [Гусев, 2008].

Раскопы 2009-2012 гг. были сосредоточены на северном склоне мыса и вдоль северо-восточной части площадки. Здесь был обнаружен ров и вдоль внутреннего края рва, на некотором расстоянии от края, фиксировались крупные и среднего размера камни, располагавшиеся рассеянным массивом на всем его протяжении, вскрытом до настоящего времени.

В 2009 г., на участке Ж/12 зафиксированы две небольшие кучи камней диаметром 50-70 см. (рис. 2-5). Камни

Археологические раскопки в 2010 г.

Археологические раскопки в 2011 г.

Археологические раскопки в 2012 г.

Рис. 3. Каменные конструкции древнего святилища Усть-Полуй.

крупные, среди них много экземпляров плиточной формы, они уложены плотно, местами напоминают вымостку. Обе кучи лежат в тонком культурном слое на материке.

В участках 3, И/11, 12 расчищена крупная куча камней размером 5 x 4 м (рис. 2-6). Камни разного размера, преобладают довольно крупные. На этом уровне куча производит впечатление рассыпанной уже после того, как этот объект перестал функционировать. Культурные слои имеют уклон в месте локализации объекта к северу, поэтому наибольшая плотность камней приходится на участок И/11. Камни пересыпаны темным слоем с включениями современного мусора.

В участке И/11 зафиксировано основание кучи камней, верхняя часть которой обнаружена на предыдущем уровне (рис. 2-7). Объект имеет овальную форму, довольно четкие очертания, размеры 2 x 3 м. Сложен из крупных камней, некоторые из которых имеют следы воздействия огня. При расчистке камней были собраны кости животных и рыб, керамика с крестовым штампом и бичевницкого типа.

В участке Л/10 ближе к западному углу обнаружены остатки очага, вымощенного камнем (рис. 2-8). Очаг зафиксирован в буром слое, камни довольно мелкие, уложены очень плотно, сильно растрескались под действием огня. Среди камней и вокруг очага — обильный зольный слой мощностью не более 2 см. В СВ углу зафиксировано несколько пластов резаной бересты. К западу и востоку от каменной вымостки очага располагаются обильные скопления колотых и обожженных костей животных, под ними — скопления рыбьей чешуи и костей.

В ходе раскопок 2010 г. была продолжена расчистка скоплений камней и остатков углубления рва.

В 2009 г. при расчистке заполнения серого углистого слоя на участке И/11 было зафиксировано основание скопления камней №1. В 2010 г. продолжение этого же скопления было обнаружено на участке К/12. Камни располагались достаточно плотной компактной группой на ур. -50 - -60 см, часто наваливаясь один на другой (рис. 3-1). В заполнении присутствовали угольки, фрагменты керамики, отдельные обожженные кости животных и рыб. Некоторые камни растрескались, по-видимому,

в процессе воздействия огня [Гусев, 2011].

В ходе раскопок 2011 г. было продолжено изучение остатков рва, а также прилегающих к нему участков.

При расчистке 1 горизонта в участке М/14-15 было обнаружено скопление камней на уровне от +25 до +7-9 см от условного ноля (рис. 3-2). Закономерность в их расположении не прослеживалась, за исключением того, что все они фиксировались на северном краю площадки и, соответственно, тяготели к внутренней стороне рва. Очевидно, этот край площадки сильно пострадал от разрушений, здесь культурный слой частично отсутствовал, а оставшиеся камни были буквально вдавлены в материковый песок. Вблизи камней, ближе к границам рва, прослеживалась слабо сохранившаяся вытянутая по линии 3-В линза культурного слоя — коричневой супеси с органикой.

При расчистке 2 горизонта была продолжена разборка скопления камней в участках М/15-14 (рис. 3-3). Размеры скопления существенно не изменились, по-прежнему тяготели к заполнению рва. Фиксировались камни на отметках от +27 до +2 см.

В ходе археологических работ в участке М/13, в ее северном углу было обнаружено большое количество довольно крупной белой гальки. Галька встречалась и вдоль рва. Данное явление нельзя выпускать из внимания, т.к. галька, как и камни, играла не менее важную роль в жизни северных народов. Как я уже упоминал выше, камни использовались детьми в качестве игрушек. Так вот, белая и черная галька символизировала у детей стада оленей, и поэтому она могла оказаться на святилище [Гусев, 2011].

В полевом сезоне 2012 г. было продолжено вскрытие рва. Основной задачей было проследить продолжение рва и изучить содержащиеся в нем конструкции и остатки.

В 2012 г. тоже были обнаружены конструкции из камней на некоторых участках, а именно, прослеживались два скопления камней (рис. 3-4).

Скопление камней №1 (рис. 3-5) фиксировалось на участке О/19 и растягивалось в процессе раскопок в северо-восточную часть раскопа, на участки П, Р/19. Скопление представляло собой аккуратно уложенную кучу камней с присутствием большого количества находок:

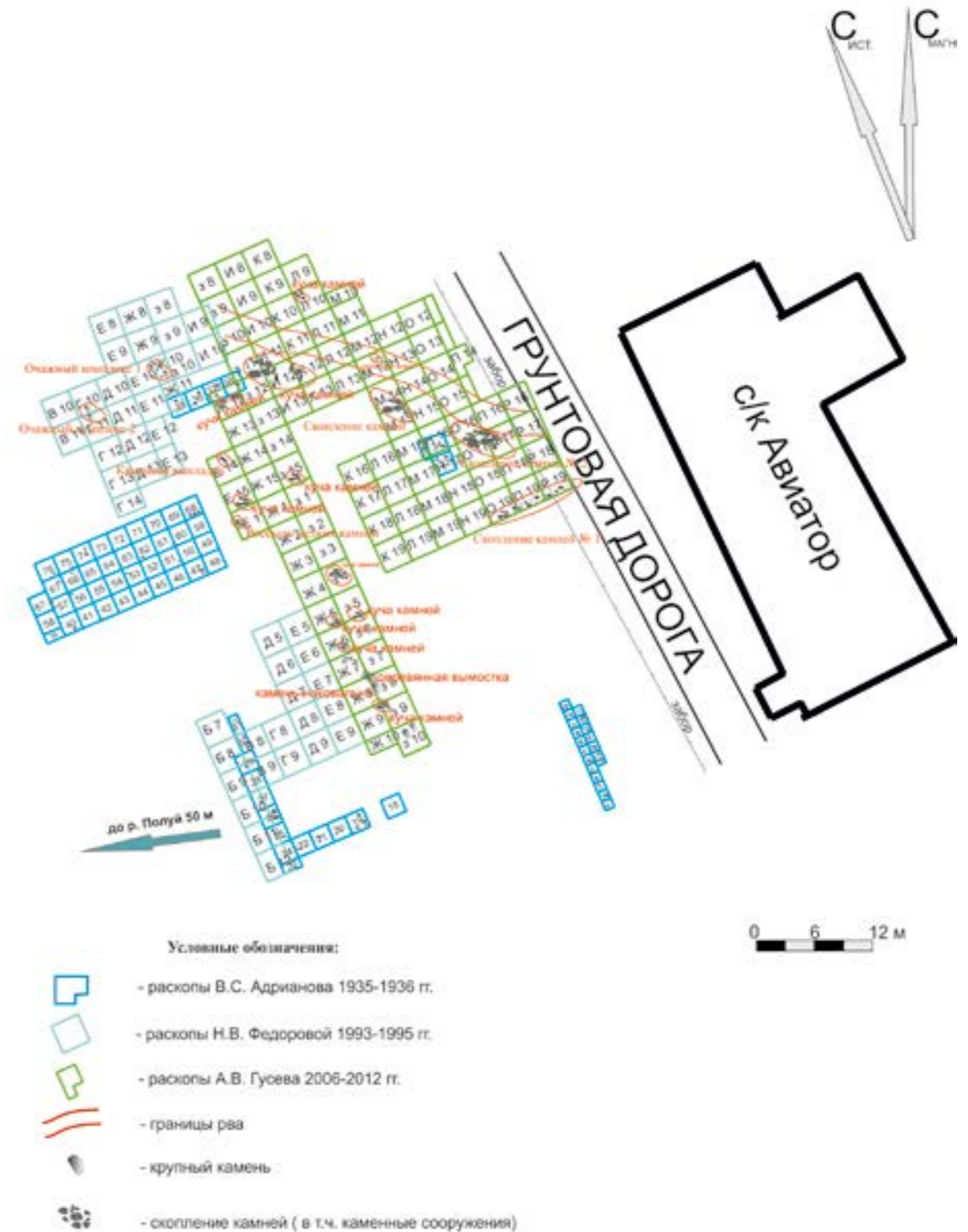

Рис. 4. План-схема расположения каменных конструкций древнего святилища Усть-Полуй

керамики, костей животных, бересты и др.

Скопление камней №2 (рис. 3-6) в виде кучи на участке О/17 распространилось на близлежащие участки раскопа. Размеры скопления достигали 2 х 3 м. Камни были разной формы и величины. В северо-западной части кучи камней фиксировались два булыжника размером до 30 см в длину. По расположению камней в процессе раскопок был сделан вывод, что они располагались вдоль внутреннего края рва на поверхности.

Некоторые камни, обнаруженные в раскопе 2012 г., были расколоты, возможно, в результате воздействия огня.

Культ камней является одним из древнейших проявлений религии. То, что он занимает столь важное место в религиозно-мифологической традиции народов мира, свидетельствует о древности самой традиции. Камень — первое орудие труда (скребки, ножи), первое боевое оружие (наконечники стрел, топоры). С помощью камня древний человек добывал огонь, в каменных пещерах прятался от непогоды, на скальных выступках спасался от диких зверей. Самые красивые камешки и те, что были с отверстиями, использовали в качестве украшений.

Каменные сооружения и конструкции наблюдаются во многих памятниках культурного наследия мира. Вот, например, Соловецкие каменные лабиринты (Соловецкие острова). Вопрос о назначении древних Соловецких лабиринтов не решен окончательно. Ряд ученых считает лабиринты местами развлечений и хороводных танцев культового характера или площадок военно-спортивных игр. Некоторые археологи приписывают им практическое назначение — макеты рыболовных ловушек или сами рыболовные сооружения. Большинство исследователей считает лабиринты объектами культово-религиозного назначения.

Интересное наблюдение приводит Н.В. Федорова. В экспедиции на р. Лесми-Юган (приток р. Сын) на берегу она увидела гряду камней, выложенную по овалу, как говорит археолог, в виде «кресла». После долгих опросов местного населения выяснилось, что данная куча камней сложена рыбаками. Каждый рыбак для успешной рыбалки и возобновления богатства речных угодий приносит камень

в качестве «жертвы» (в данном случае — булыжник, так как куча состояла в основном из больших камней) и складывает его в общую кучу камней.

Что касается древнего святилища Усть-Полуй, то здесь каменные конструкции фиксировались на всей площади раскопа, которая вскрыта по настоящее время (рис. 4). Несомненно, назначение их было разным. Во-первых, камни использовались в очагах. Этому есть прямое подтверждение: скопление в зоне очажных пятен, деформация камней в результате их взаимодействия с огнем, стёртость некоторых камней в результате их применения человеком в хозяйственной деятельности. Во-вторых, ни в коем случае нельзя выпускать из внимания и ритуальное, обрядовое назначение камней. Ярким примером служит не только аккуратно выложенная куча камней, обнаруженная в 2007 г., на которой лежал череп лося, но также и каменные сооружения, обнаруженные В.С. Адриановым, рядом с которыми были обнаружены черепа собак с пробитыми черепными коробками. В-третьих, камни маркировали границу святилища, возможно, в виде выкладки вдоль рва.

Подводя итоги, необходимо отметить, что с древнейших времен культ камней для народов Севера имел огромное значение. И это не могло не отразиться на святилище Усть-Полуй. Сюда могли сноситься как камни семейного очага, так и личные камни-обереги, которые применялись в культовых обрядах на святилище, и в итоге хранились здесь тысячелетиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балалаева О.Э. Священные места хантов Средней и Нижней Оби // *Очерки истории традиционного землепользования хантов. (Материалы к атласу).* – Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 1999. – С. 139-157.
2. Лар Л.А. *Культовые памятники Ямала. Хэбидя Я.* – Тюмень: Изд-во Института проблем освоения Севера СО РАН, 2003. – 173 с.
3. Малоземова О.В., Морозов В.М. *Разведочные раскопки 1991 года и коллекция случайных сборов на городище Усть-Полуй // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири.* – Томск, 1997.
4. Пушкарева Е.Т. *Картина мира в фольклоре ненцев: системно-феноменологический анализ.* – Екатеринбург: ООО «Баско», 2007. – 248 с.
5. Харючи Г.П. *Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса / Под ред. Н.В. Лукиной.* – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 228 с.
6. Гусев А.В. *Отчет о научно-исследовательской работе «Комплексные археологические исследования на городище (жертвенном месте) Усть-Полуй в 2008 г.».* Салехард, 2008.
7. Гусев А.В. *Отчет о научно-исследовательской работе «Комплексные археологические исследования на городище (жертвенном месте) Усть-Полуй в 2009 г.».* Салехард, 2009.
8. Гусев А.В. *Отчет о научно-исследовательской работе «Комплексные археологические исследования на городище (жертвенном месте) Усть-Полуй в 2010 г.».* Салехард, 2011.
9. Гусев А.В. *Итоговый отчет о научно-исследовательской работе «Древнее святилище Усть-Полуй: на перекрестке культурных традиций».* Госконтракт №152 от 29 июля 2011 г. Салехард, 2011.
10. Федорова Н.В. *Отчет о раскопках городища (жертвенного места) Усть-Полуй, произведенных летом 1994 г.* Екатеринбург, 1995.

ИСТОЧНИКИ

1. Адрианов В.С. *Маршрут экспедиции ЗИН Академии наук СССР для обследования залегающих трупов мамонта. 1935 г. / Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. К. I. Оп. 2. Д. 726.*
2. Гусев А.В. *Отчет о научно-исследовательской работе «Комплексные археологические исследования на городище (жертвенном месте) Усть-Полуй в черте г. Салехарда в 2006 г.».* Салехард, 2007.
3. Гусев А.В. *Отчет о научно-исследовательской работе «Комплексные археологические исследования на городище (жертвенном месте) Усть-Полуй в черте г. Салехарда в 2007 г.».* Салехард, 2007.

Д.А. Симонов, С.В. Хаврин, Ю.В. Ширин
г. Новокузнецк

**МАТЕРИАЛЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ
БРОНЗОЛИТЕЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ,
СВЯЗАННЫХ С ПРОИЗВОДСТВОМ
МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ УСТЬ-ПОЛУЯ**

Первый культурологический анализ бронз Усть-Полуя был сделан В.Н. Чернецовым [1953]. В дальнейшем высказанная им точка зрения о принадлежности этих изделий к одному культурно-хронологическому горизонту критически не рассматривалась, если не считать длительной дискуссии В.Н. Чернецова и М.П. Грязнова о хронологическом месте Усть-Полуя. После В.Н. Чернецова специально не изучались и технологические особенности металлических изделий из Усть-Полуя.

В.Н. Чернецов выделял в коллекции Усть-Полуя две группы бронзовых изделий. В первую группу изделий он объединял литые плохого качества с характерными признаками нарушений температурного режима заливки металла, во вторую группу — высококачественные отливки, в основном, из белой бронзы. Наличие в материалах Усть-Полуя разных по своим технологическим особенностям изделий В.Н. Чернецов объяснял существованием местного производства и импорта.

Основой для проведенного нами исследования послужили коллекции Усть-Полуя, хранящиеся в МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамере) РАН, — изделия из цветных металлов, их обломки и предметы, предположительно связанные с бронзолитейным делом (каменные модели). Практически все они уже публиковались ранее, поэтому мы даем ссылки на иллюстрации в соответствующих изданиях.

Процесс изготовления бронзового предмета состоит из нескольких основных технологических операций: изготовления модели совместно с формой, плавки, отливки и конечной обработки извлеченного из формы изделия. На каждом из этапов мастера вырабатывают устойчивые взаимообусловленные технологические приемы, образующие систему, которую

можно охарактеризовать как бронзолитейный технокомплекс. Именно с этих позиций мы и хотим проанализировать металлические изделия Усть-Полуя. Реконструкция технокомплексов позволяет перейти к следующему этапу — установлению возможности их реализации в условиях культурной среды северной тайги, что позволит более взвешенно выделять предметы импорта среди металлических изделий. Основные гипотезы, проверяемые в ходе нашего исследования, — возможность выделения значимых признаков инокультурных (то есть не местных) бронзолитейных технокомплексов, а также присутствие в разнообразии типов бронзового литья не только культурной, но и хронологической составляющей.

Только на части из более чем 40 предметов, проанализированных нами, можно выделить признаки, дающие представление о технокомплексе, связанном с их изготовлением.

Фрагмент эполетообразной застежки из белой бронзы [Чернецов, 1953, с. 131, табл. IV, 6] плохого качества с размытыми очертаниями рельефа и большим количеством газовых раковин. Изделие отлито в двучастной двусторонней форме. Об этом свидетельствуют двусторонний формовочный уклон и литейный шов. Шов имеет неровный край, который образовался в результате оттискивания готового изделия в крупнозернистом формовочном материале. Формовочный материал оставил грубую шероховатую поверхность как с лицевой, так и с оборотной стороны предмета. При этом лицевая сторона подверглась вторичной обработке. На оборотной стороне предмета присутствует крепежная петелька. Она сформирована двумя наколами эллипсовидного в сечении стержня под углом. На оборотной стороне предмета есть два выпуклых гребня, кото-

рые перешли на отливку из-за трещины, образовавшейся на форме. Возможно, форма перед заливкой не была просушена должным образом, что привело к ее частичному разрушению.

Бронзовая накладка с изображением трех голов медведей из белой бронзы [Чернецов, 1953, с. 131, табл. IV, 2]. Судя по литейному шву, который идет по краям изделия ближе к оборотной стороне, данный предмет отлит в двучастной двусторонней форме из крупнозернистого формовочного материала. Об этом свидетельствует бугристая шероховатая поверхность нижней части рельефа лицевой части. Подобная ситуация возникает при уплотнении формовочной массы в процессе изготовления формы наиболее высокими частями рельефа модели. При этом оттиск выступающих частей модели получается лучшего качества. Поверхности на краях накладки после отливки дополнительно заглаживались. Процесс шабрения оставил на плоскостях волнообразные следы и следы подрезки. В труднодоступных для инструмента местах сохранилась первичная шероховатая структура. На оборотной стороне, ближе к торцам, также есть следы шабрения, которым, по-видимому, были убраны заливы металла. На оборотной стороне имеются четыре крепежные петли. Они формировались путем оттискивания полукруглой модели с последующим монтажом сердечника. Следы от данной операции прослеживаются по литейному шву, который проходит по краю внутренней части петельки, а также по специфическим углублениям под петельками. На данной части изделия оформлены углубления, соответствующие головам медведей, и отверстия между лапами и головами на лицевой стороне. Очертания углублений очень ровные. Видимо, оборотную часть формы делали путем оттискивания по готовой лицевой части. После оттискивания получившийся рельеф подвергался дополнительной обработке для создания необходимого зазора между двумя частями формы. В пользу этого свидетельствует двусторонний формовочный уклон в отверстиях изделия.

Бронзовая прямоугольная бляха [Чернецов, 1953, с. 131, табл. IV, 1] отлита в двучастной двусторонней форме. Литейный шов расположен ближе к оборотной стороне изделия. Формовочный уклон односторонний.

Использовался крупнозернистый формовочный материал как с лицевой, так и с оборотной стороны. Лицевая часть дополнительной обработке не подвергалась. На плоскости оборотной стороны присутствуют следы обработки крупнозернистым абразивным материалом в продольном и поперечном направлениях. На оборотной стороне есть углубления, соответствующие бугоркам в виде усеченной пирамиды на лицевой стороне, но не совпадающие с ними точно. Видимо, оборотная полуформа формировалась по оттиску лицевой части с последующей доработкой. Крепежные петли сформованы по модели с последующей закладкой сердечника, о чем говорят литейный шов и следы, оставленные сердечником.

Круглая умбоновидная бляха из белой бронзы [Усть-Полуй, 2003, с. 25, рис. 43] отлита в двучастной двусторонней форме. Лицевая сторона хорошего качества, после отливки дополнительной обработке не подвергалась. Полуформа для лицевой части изготавливалась из мелкозернистого материала. Заливка производилась в остывшую или не сильно прогретую форму, так что разница между температурами металла и формы была значительной. В результате был получен не совсем четкий рисунок псевдовитого шнура в центральной части и в сегменте второго и третьего ряда шнуров. Оборотная сторона шероховатая, дополнительной обработке не подвергалась. Петелька сформована оттискиванием модели. При этом полуформа подвергалась дополнительной обработке после формирования петельки.

Круглая умбоновидная бляха [Чернецов, 1953, с. 131, табл. IV, 4] отлита в двучастной двусторонней форме. Литейный шов расположен в центре боковых частей отливки. Формовочный уклон двусторонний. Для формовки использовался либо предмет, либо модель. Лицевая и оборотная полуформы изготавливались из крупнозернистой формовочной массы. При отливке произошел сдвиг частей формы друг относительно друга. Крепежная петля сформована двумя наколами прямоугольным в сечении стержнем и сдвинута относительно центра отливки. Лицевая сторона сильно сточена мелкозернистым абразивом. Возможно, круги, расположенные по краю бляхи, до вторичной обработки пред-

ставляли собой полусферические выпуклости.

Накладка 8-образная со шнуровой окантовкой из белой бронзы [Чернецов, 1953, с. 131, табл. IV, 11] отлита в двучастной двусторонней форме. Литейный шов проходит по центру боковых поверхностей изделия. Формовочный уклон двусторонний, образует острый угол. В отливке сохранились два питателя, которые, видимо, соединялись со второй такой же накладкой. Судя по различному расположению питателей относительно изделия, они формовались отдельно от основных полостей формы. Створки формы сделаны из мелкозернистого формовочного материала. Вероятнее всего, моделью для изготовления формы послужила готовая накладка. В результате ее оттисквания на обеих частях формы одновременно крепящие петли сформовались таким образом, что после отливки не имели отверстий. После отливки вторая накладка была удалена, а петли подверглись вторичной обработке абразивным материалом — подточены сверху и с краев.

Фигурка хищной птицы [Чернецов, 1953, с. 131, табл. VI, 15] отлита в односторонней двучастной форме. Литейный шов проходит по краю ближе к оборотной части изделия. Рельеф лицевой части очень грубый и высокий. Здесь мог быть использован безмодельный способ изготовления формы. Пустота на лицевой части формовалась непосредственно в сырой формовочной массе. Лицевая часть формы изготавливалась из крупнозернистой формовочной массы. Что касается оборотной части формы, то следы формы полностью убраны в результате вторичной обработки. Вся задняя часть изделия выскоблена. Литник располагался в нижней части фигурки, следы его отделения сохранились на готовом изделии.

Прямоугольная бляха с двумя бобрами [Чернецов, 1953, с. 131, табл. VI, 16] отлита в двучастной двусторонней форме. Отливка плохого качества. Литейный шов идет по краю оборотной стороны. Лицевая часть формы изготавливалась путем оттисквания модели. Обратная сторона изделия плоская, немного выгнутая и шероховатая. Обратная сторона формы — из крупнозернистой формовочной массы. В верхней части бляхи, с торца, фиксируются следы удаления литника. На краю изделия прорезано отверстие.

Бронзовая литая полая фигурка человека [Чернецов, 1953, с. 131, табл. VI, 4] отлита в двусторонней двучастной форме с сердечником, который сформировал полость в изделии. На самом изделии выделены признаки формования по модели, изготовленной из твердого материала. Следы резки модели перешли на изделие. Форма сделана из мелкозернистой формовочной массы. Литник располагался со стороны головы изделия, где сохранились следы его подрезки и слома. Из-за неправильного расположения сердечника в форме произошел недолив с образованием отверстия. Фигурка после отливки почти не подвергалась вторичной обработке, сохранились литейные швы.

Фигурка антропоморфная [Чернецов, 1953, с. 131, табл. VI, 7] отлита в двусторонней двучастной форме, судя по литейному шву. Форма сделана из крупнозернистой формовочной массы. После отливки изделие подверглось вторичной обработке. Частично удалены литейные швы и следы литника в верхней части изделия.

Фигурка антропоморфная [Чернецов, 1953, с. 131, табл. VI, 6] отлита в двусторонней двучастной форме. Форма сделана из крупнозернистого материала безмодельным способом. Литейные швы не удалены, в верхней части есть следы удаления литника.

Фигурка антропоморфная [Чернецов, 1953, с. 131, табл. VI, 8] отлита в двусторонней двучастной форме из мелкозернистого материала. Формовка осуществлялась в два этапа. Голова фигурки формовалась по модели, а тело безмодельным способом. Голова, в результате уплотнения формовочной массы, получилась хорошего качества, а тело — шероховатым. Обратная часть формы изготавливалась по высушенной лицевой части. В результате на оборотной части сохранились следы безмодельной формовки нижней части фигурки. Обратная часть формы дополнительно обрабатывалась для формирования углубления, соответствующего лицевой части изделия. В верхней части изделия сохранились следы удаления литника.

Фигурка антропоморфная [Чернецов, 1953, с. 131, табл. VI, 5] отлита по той же технологии, как и предыдущая фигурка. Отличия заключаются в более плохом качестве отливки, слабой проработке рельефа головы, а также в наличии недолившей-

ся петельки на оборотной стороне изделия.

Перстень из белой бронзы [Чернецов, 1953, с. 131, табл. IV, 10] отлит в двучастной двусторонней форме с сердечником. Лицевая сторона хорошего качества, после отливки дополнительной обработке не подвергалась. Есть небольшой брак на щитке в виде раковин. Полуформы изготавливались из мелкозернистого материала, сердечник из крупнозернистого. Внутренняя поверхность шинки в месте наименьшего износа (с оборота щитка) имеет шероховатую структуру. Литейный шов проходит по краю лицевого щитка. Исходя из этого, конструкция формы была следующей: в одной полуформе оттискивался щиток, во второй — шинка, а для формирования отверстия между полуформами монтировался сердечник. После отливки перстень подвергался вторичной обработке, поэтому место расположения литника не фиксируется. С краев удалена часть металла для большего удобства ношения перстня. С внутренней стороны шинки имеются следы достаточно длительного использования.

Бляшка [Чернецов, 1953, с. 131, табл. IV, 5] отлита в двучастной односторонней форме. Формовка осуществлялась по модели. Качество отливки плохое, на оборотной стороне имеются усадочные раковины. В изделии после отливки просверлено отверстие.

Округлые бронзовые бляшки по технологическим признакам можно разделить на 4 группы.

1. *Круглые бляшки с петельками* [Усть-Полуй, 2003, с. 25, рис. 42; Чернецов, 1953, с. 136, табл. V, 9]. Практически все следы литья удалены. Лицевая поверхность сильно заполирована. С торцов удален литейный шов и также сильно заполирован. Только обратная сторона сохранила следы литья. Обратная часть формы изготавливалась из мелкозернистой формовочной массы. Петельки изготавливались путем вставки в полуформу изогнутой проволоки, так, чтобы на поверхности полуформы оставались лишь кончики проволоки.

2. *Круглые бляшки с проточенным концентрическим орнаментом* [Чернецов, 1953, с. 131, табл. IV, 3; V, 1]. Они изготавливались путем литья и при этом подвергались значительной вторичной обработке. Вторичная обработка включала в себя ковку и нанесение циркульного орнамента. Во всех изделиях присутствует вре-

занная опорная часть циркульного инструмента в центре и концентрические круги разной толщины. Во всех изделиях в процессе использования механически просверлены отверстия.

3. *Круглые бляшки с литым концентрическим орнаментом* [Чернецов, 1953, с. 131, табл. V, 2-4]. Бляшки отлиты в двучастной односторонней форме. В отличие от бляшек 2-й группы концентрический орнамент неровный.

4. *Круглые гладкие бляшки* [Чернецов, 1953, с. 131, табл. IV, 6]. Данная группа объединяет бляшки, изготовленные путем литья, после чего дополнительно прокованные. При этом в отличие от бляшек группы 2 ковка осуществлялась с нарушением технологического процесса, в результате на изделии появились трещины. Дополнительно в бляшках были просверлены отверстия.

Бляшка из белой бронзы подтреугольной формы [Чернецов, 1953, с. 131, табл. V, 7]. По-видимому, данное изделие является частью (осколком) более крупного предмета. Обе стороны изделия заполированы. Отверстие в верхней части изделия проделано путем ручного рассверливания. По краю бляшки идет волнообразный орнамент, выполненный, видимо, при помощи ножа.

Навершия рукояти кинжала [Чернецов, 1953, с. 131, табл. I, 2, 3]. Технология изготовления обоих изделий одинакова. Отливались в двучастной двусторонней форме. Изделия после отливки подвергались вторичной обработке, удалены следы литника. На одном навершии фиксируется литейный брак в виде спайки. По-видимому, заливка производилась со стороны будущей рукояти. Только в этом случае остывающие потоки бронзы могли сформировать такой дефект.

Створка формы для отливки трехлопастного втульчатого наконечника стрелы [Чернецов, 1953, с. 131, табл. II, 1, 2]. Одна из трех частей формы с сердечником. Отлита в двучастной двусторонней форме, подверглась тщательной вторичной обработке. Со стороны, где расположен литник, фиксируются следы использования в виде заплывов металла. С оборотной стороны есть петелька, служившая для скрепления частей формы.

Наконечники стрел [Чернецов, 1953, с. 131, табл. II, 5-10]. Все наконечники стрел отлива-

лись в трехчастной форме с сердечником. Не исключено, что часть из них отлита в форме, описанной выше, или ей подобной. Многие наконечники отлиты со значительным браком, но после обработки и использовались.

Опираясь на результаты морфологических исследований, можно сделать вывод, что бронзовые изделия Усть-Полуя разнородны по реконструируемым признакам технокомплексов, связанных с их изготовлением. Опыт изучения технокомплексов разных историко-культурных областей исключает вероятность изготовления предметов с такими различиями в рамках одной культурной традиции.

Одним из показателей нескольких технологических традиций является наличие различных способов изготовления крепежных петель. В материалах Усть-Полуя выделяются три основных — путем наколов в оборотной полуформе, модельная формовка петли с использованием сердечника, закладка готовой проволоочной петли в форму перед заливкой металла [Симонов, 2009б]. По ряду признаков предположительно можно выделить и отливки петель по восковой модели.

Выявлены и различные способы изготовления плоских круглых бляшек. Часть из них изготовлена с применением сложной технологииковки и нанесения циркульного орнамента с использованием специализированного инструмента. Возможность производства таких дисков металлургами западносибирских культур маловероятна. Если их отливка еще возможна, то последующая проточка концентрических окружностей, с соблюдением заданного шага и ширины желобков требует специального инструментального и технологического оснащения, следов которого на других категориях изделий достоверно местного производства нет. Обращение к истории возникновения и распространения токарных технологий, в число которых входит и создание концентрических проточек на металлических изделиях, показало, что эти технологии требуют высокого уровня развития и организации ремесла. Практически везде они сопряжены с наличием гончарного круга. На многих бронзовых дисках и зеркалах, найденных в составе культовых комплексов Западной Сибири, есть процарапанные рисунки, которые можно уверенно связывать с техно-

гической традицией, вторичной по отношению к изготовлению самих дисков и зеркал. Линии гравировок слабые и тонкие. Вероятнее всего, они нанесены остро заточенным стальным кончиком ножа. Если им пытались нанести широкие полосы, приходилось многократно проскабливать поверхность диска. При этом снятие металла происходило неравномерно [Ширин, Хаврин, 2012, с. 245].

В материалах Усть-Полуя выделено не менее двух основных бронзолитейных традиций.

Изделия высокого качества часто выполнены из белой бронзы с использованием модельной формовки и различных формовочных материалов (прямоугольная накладка с изображением голов трех медведей, умбовидная бляха с тремя рядами псевдовитого шнура, перстень). Изделия низкого качества обычно отлиты в двучастных, двусторонних или односторонних формах из крупнозернистой формовочной массы. Таким формовочным материалом могла быть илисто-песчаная смесь. Эта смесь для изготовления литейных форм была экспериментально апробирована С.А. Терехиным [Терехин, 1991]. При этом полученные изделия имели именно крупнозернистую поверхность. Но использование таких форм свойственно только безмодельному способу формовки [Чернецов, 1953, с. 146; Терехин, 1991, с. 143; Терехин, 1997, с. 13].

Предметы низкого качества изготовлены с применением как модельной, так и безмодельной формовки или комбинации двух способов. Вторичная обработка изделий была небрежной и заключалась часто только в удалении литника. Плохое качество отливок косвенно говорит о несоблюдении мастером температурного режима заливки металла. К данной традиции можно отнести фигурку хищной птицы, прямоугольную бляху с двумя бобрами, плоские антропоморфные и зооморфные фигурки, а также изделия из белой бронзы со значительным литейным браком (фрагмент эполетообразной застежки и 8-образную накладку). Моделями для изготовления их форм послужили готовые изделия. При попытке воспроизвести изделие развитой литейной традиции формовочные материалы и технология литья остались в рамках более примитивной технологии.

О возможном наличии на Усть-Полуе мест-

ного производства можно говорить, опираясь на находки частей медной литейной формы для отливки наконечников стрел, капель расплавленной бронзы, оплавленных обломков изделий. На одном из участков памятника, интерпретированном В.Н. Чернецовым и В.И. Мошинской как площадка литейщика, в культурном слое были сосредоточены многочисленные находки, предположительно связанные с литейным производством. Там же была найдена пачка медных листов котла, возможно, подготовленных на переплавку [Чернецов, 1953, с. 146; 7. С. 11-12]. Эта находка нами уже рассматривалась и была отнесена к развитому средневековью [Ширин, 2008], что не исключает того, что и следы плавки металла на Усть-Полуе не обязательно связаны только с ранним периодом существования памятника.

О местном и весьма развитом производстве бронзовых изделий могли бы свидетельствовать сделанные на Усть-Полуе находки каменных барельефов. Практически сразу с введением их в научный оборот они получили определение как модели для изготовления глиняных литейных форм. Это действительно возможно. Но этому противоречит отсутствие серийных изделий, обломков отработанных форм, а также ряд морфологических особенностей самих барельефов [Симонов, 2009а]. Вызывает вопросы и отсутствие литейных форм, изготовленных из того же материала, что и барельефы. Можно предположить, что так называемые «матрицы» могли иметь и иное назначение, о чем уже высказывались исследователи [Малозёмова, Морозов, 1997, с. 203].

Уровень развития местного бронзолитейного производства косвенно характеризует и низкое качество найденных на Усть-Полуе наконечников стрел. Оно сильно контрастирует с возможностями, которые предоставляет использование металлической формы. В эксплуатацию поступали изделия со значительным браком. Заимствование ряда элементов более развитой технологии литейного дела при сохранении традиционной системы бронзолитейного производства не позволяло получать дериваты соизмеримого с прототипами качества.

Нами анализировались не только морфологические признаки изделий, но и состав сплавов. Нужно отметить, что химический

состав сплавов усть-полуйских находок изучался и В.Н. Чернецовым, о чем можно судить по отдельным замечаниям в его публикациях, а также по следам микропроб на некоторых изделиях. Но специального свода аналитических результатов этой работы в МАЭ нам обнаружить не удалось, нет сведений о химическом составе металла и в инвентарных карточках. Поэтому нами были собраны дополнительные микропробы со всех доступных изделий, которые затем были изучены методом рентгено-флюоресцентного анализа (табл. 1).

Основной тип сплава, использованный для изготовления предметов из Усть-Полуя, — оловянистая либо свинцово-оловянистая бронза. Содержание олова в большинстве изделий невысокое, только в единичных случаях его содержание превышает 12%. Рудные примеси, присутствующие в составе сплава, из которого изготовлены анализируемые предметы, характерны для обширной Саяно-Алтайской металлургической провинции. Не исключено и использование исходного сырья из Уральского региона. Состав медных сплавов, установленный для изделий из Усть-Полуя, также позволяет выделить несколько технологических традиций. Более упорядоченные рецептуры характерны для изделий условных «импортных» групп. Характер сплавов «местных» изделий, судя по всему, демонстрирует результат переплавки предметов — возможно, неоднократной. Это типично и для изделий металлургов среднеобской тайги эпохи раннего железа [Кузьминых, Чемякин, 2005, с. 133].

Таблица 1. Анализ металла изделий, найденных на Усть-Полуе

Инв. № МАЭ	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ni	Ag	Прочие
5331-413	Бляха круглая [Чернецов, 1953, с. 136, табл. V, 9]	Осн.	Сл.	8-12	5-9	-	Сл.	-	
5331-483	Зооантропоморфное изображение [Усть-Полуй, 2003, с. 21, рис. 28]	Осн.	<1	1-2	1-2	Сл.	Сл.	Сл.	
5331-575	Листы корпуса котла [8. С. 45.]	Осн.	<0,3	-	<1	Сл.	Сл.	Сл.	
5331-586	Створка формы для отливки нак. стрел [Усть-Полуй, 2003, с. 15, рис. 11]	Осн.	<0,6	<1	<1	Сл.	-	-	
5331-587	Сердечник для отливки нак. стрел [Чернецов, 1953, с. 125, табл. II, 2]	Осн.	<0,3	2-4	<0,5	?	-	-	
5331-1346	Фр. эполетообразной застежки [Усть-Полуй, 2003, с. 26, рис. 45]	Осн.	Сл.	20-25	<0,6	-	Сл.	Сл.	
5331-1347	Бляха круглая [Чернецов, 1953, с. 136, табл. V, 4]	Осн.	Сл.	6-8	+++	-	Сл.	-	патина
5455-1287	Бляха круглая [Усть-Полуй, 2003, с. 25, рис. 41]	Осн.	<0,7	7-9	Сл.	-	-	Сл.	
5455-3508	Зооморфная фигурка [Чернецов, 1953, с. 137, табл. VI, 9]	Осн.	-	4-6	5-10	Сл.	Сл.	Сл.	Zn~1
5455-1744	Бляха круглая [Чернецов, 1953, с. 131, табл. IV, 6]	Осн.	<0,5	4-6	6-9	Сл.	Сл.	Сл.	
5455-1812	Навершие кинжала [Усть-Полуй, 2003, с. 13, рис. 2]	Осн.	<0,6	3-4	3-6	<0,4	Сл.	Сл.	Fe=2-3
5455-2077	Бляха круглая [Чернецов, 1953, с. 131, табл. IV, 3]	Осн.	1	6-7	1-2	Сл.	-	<0,8	
5455-2519	Антропоморфное изображение [Усть-Полуй, 2003, с. 24, рис. 37]	Осн.	<0,6	2-4	5-6	Сл.	Сл.	<1	Fe=1-2
5455-3306	Навершие кинжала [Чернецов, 1953, с. 123, табл. I, 2]	Осн.	<0,5	5-7	2-3	Сл.	Сл.	<0,5	
5455-1516	Фрагм. котла [Чернецов, 1953, с. 123, табл. VII, 1]	Осн.	<0,4	1-3	3-4	Сл.	Сл.	<0,3	
5455-3823	Антропоморфное изображение [Усть-Полуй, 2003, с. 22, рис. 33]	Осн.	<0,6	<1	1-2	<0,4	Сл.	Сл.	
5455-3824	Зооантропоморфное изображение [Усть-Полуй, 2003, с. 23, рис. 34]	Осн.	<0,5	7-10	4-6	Сл.	-	Сл.	Fe~1
5455-4227	Поясная накладка с 3 медведями [Чернецов, 1953, с. 131, табл. IV, 2]	Осн.	Сл.	12-17	<0,6	-	-	-	
5455-4229	Фрагмент кельта [Чернецов, 1953, с. 123, табл. I, 6]	Осн.	<0,3	5-7	1-2	Сл.	-	Сл.	Fe=1-3
5455-4315	Накладка спаренная [Чернецов, 1953, с. 131, табл. IV, 11]	Осн.	<0,4	14-19	1-2	-	Сл.	Сл.	Fe~1
5455-4316	Подвеска из сегмента диска [Чернецов, 1953, с. 136, табл. V, 7]	Осн.	<0,7	20-25	-	?	Сл.	-	
5455-4458	Поясная накладка [Чернецов, 1953, с. 131, табл. IV, 5]	Осн.	<0,5	2-3	8-10	-	-	-	
5455-4682	Круглая бляшка [Усть-Полуй, 2003, с. 25, рис. 42]	Осн.	<0,7	7-10	<1	-	-	-	

5455-4684	Бляха круглая [Усть-Полуй, 2003, с. 25, рис. 40]	Осн.	<0,7	5-7	1-3	-	-	<1	
5455-4807	Антропоморфное изображение [Усть-Полуй, 2003, с. 22, рис. 32]	Осн.	<0,4	6-9	2-4	-	Сл.	Сл.	
5455-4808	Орнитоморфное изображение [Чернецов, 1953, с. 137, табл. VI, 15]	Осн.	<0,5	5-7	6-9	-	-	Сл.	
5455-4810	Поясная накладка прямоугольная [Усть-Полуй, 2003, с. 24, рис. 39]	Осн.	Сл.	2-4	12-17	-	Сл.	-	
5455-4811	Бляха круглая [Усть-Полуй, 2003, с. 25, рис. 43]	Осн.	-	10-15	1-3	-	Сл.	Сл.	Fe=1-2
5455-4869	Перстень [Усть-Полуй, 2003, с. 26, рис. 45]	Осн.	<0,4	12-18	<1	-	Сл.	-	Fe~1
5455-4885	Подвеска с парой бобров [Усть-Полуй, 2003, рис. 36]	Осн.	<0,3	3-6	2-4	Сл.	Сл.	-	

ЛИТЕРАТУРА

- Кузьминых С.В., Чемякин Ю.П. Цветной металл памятников Барсовой горы I тысячелетия до н.э. // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения.— Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. — С. 123-134.
- Малозёмова О.В., Морозов В.М. Разведочные раскопки 1991 года и коллекция случайных сборов на городище Усть-Полуй // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири.— Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997.— С. 190-203.
- Мошинская В.И. Археологические памятники Севера Западной Сибири // САИ.— М.: Наука, 1965. — Вып. ДЗ-8. — 88 с.
- Симонов Д.А. Назначение и использование сланцевых моделей из Усть-Полуя // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всероссийской конференции, г. Тюмень, 24-26 марта 2009 г. — Тюмень, 2009. — Вып. 1. — С. 94-96.
- Симонов Д.А. Технология изготовления бронзовых предметов с петлевым креплением из материалов городища Усть-Полуй // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. — С. 318-320.
- Терехин С.А. О технологии и времени изготовления ажурного кулайского литья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. — С. 142-143.
- Терехин С.А. Цветная металлообработка на васюганском этапе кулайской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 1997.— 18 с.
- Усть-Полуй: I век до н.э. Каталог выставки. — Салехард; СПб., 2003. — 76 с.
- Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья / МИА.— М.: Изд-во АН СССР, 1953.— №35.— С. 121-178.
- Ширин Ю.В. Остатки средневекового котла из Усть-Полуя // ХМАО в зеркале прошлого.— Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009.— Вып. 7. — С. 44-52.
- Ширин Ю.В., Хаврин С.В. Комплексы второй четверти I тыс. н.э. из Томского могильника // Stratium plus.— №4.— 2012.— С. 239-255.

Н.А. Алексащенко, Н.Н. Скакун
г. Санкт-Петербург

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ УСТЬ-ПОЛУЯ¹

О возможностях метода в изучении материалов из памятников железного века. Развитие и современное состояние технологических и экспериментально-трасологических исследований не требуют дополнительного разъяснения их содержания и обоснования необходимости использования. Наиболее значительные успехи в применении этих методов достигнуты в изучении артефактов различных периодов эпохи камня. Материалы железного века, к сожалению, редко становятся объектом подобного анализа, несмотря на то, что работы С.А. Семенова [1957], М.П. Грязнова, Г.Ф. Коробковой доказали значение этих разработок для характеристики различных сторон материальной и духовной жизни обществ не только каменного века, но и более поздних археологических эпох.

Наши исследования материалов Усть-Полуя включали находки из раскопок В.С. Адрианова, хранящиеся в Санкт-Петербурге (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН), Н.В. Федоровой, А.В. Гусева, хранящиеся в Салехарде (Ямало-Ненецкий музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского). Эти материалы были изучены с помощью комплексной методики, в которую входят технологический анализ изготовления изделий из разных видов сырья, трасологический анализ их назначения и способов применения, экспериментальные работы, этнографические наблюдения, а также данные археологического контекста.

Изучение способов изготовления тех или иных предметов из Усть-Полуя позволяет проследить особенности способов обработки различных материалов. Отметим, что часто технические приемы диктовались видом, качеством и количеством сырья, поэтому сходные по форме орудия, например, костяные

скребки «неолитического типа» или каменные скребки дисковидной формы, встречаются на удаленных друг от друга территориях [Алексащенко, 2002]. С другой стороны, на одном и том же памятнике обработка моржового клыка отличается от обработки оленьей кости и рога, но наиболее ярко технологические предпочтения мастеров прослеживаются при сравнении археологических памятников разных регионов (например, Усть-Полуй и Эквен).

Экспериментально-трасологический анализ дает определение назначения предметов и способов их использования, в том числе и вторичного. Казалось бы, подобная задача не очень важна для памятника позднего времени в условиях, когда можно найти сходные по форме вещи в этнографических коллекциях XIX-XX вв. Однако, как выяснилось в процессе нашей работы, внешнее сходство формы не всегда является обязательным отражением одинаковой функции [Skakun N.N, Aleksashenko N.A 2008]. Так, например, один из костяных наконечников Усть-Полуя, вставленный в рукоять, имел на острие интенсивные и многочисленные, диагонально направленные следы, возникшие от натяжения нитей. Судя по этому износу, он был определен как инструмент для плетения. Трасологический анализ позволяет не только определить назначение орудия, но и установить степень изношенности, что отражает длительность и интенсивность его использования.

На любом памятнике, а особенно на таком неординарном, как Усть-Полуй, необходимо учитывать археологический контекст: взаиморасположение и соотношение предметов с различными функциями в культурном слое. Это позволяет уточнить, являлись ли их совместное залегание отражением технологических процессов (рабочие места для

выделки шкур, для металлообработки, изготовления костяных наконечников и т.д.), повседневных жизненно необходимых дел (например, приготовление и прием пищи) или каких-то иных действий, в том числе ритуальных.

Отвечая на эти вопросы, трасология наряду с другими методами и подходами вносит свой вклад в реконструкцию производственной, быденной и сакральной деятельности на памятнике, а эксперименты на всех этапах исследования выступают как основной верификационный критерий.

В связи с уникальной особенностью культурного слоя Усть-Полуя, где благодаря естественным процессам хорошо сохранились предметы из органики, наиболее перспективным оказалось их изучение в тесном сочетании полевой и кабинетной трасологии. Подобный подход не всегда возможен в связи с малочисленностью специалистов и большими затратами времени. Если в раскопках не принимает участие профессиональный трасолог, желательнее, чтобы сотрудники экспедиции сами описали технологию изготовления легко разрушающихся объектов.

Полевые трасологические исследования, проведенные нами в 2006-2007 гг., дали возможность непосредственно при расчистке культурного слоя отметить взаимовстречаемость предметов разного назначения, проследить взаимосвязь артефактов, находившихся на разных стадиях обработки, восстановить последовательность операций технологического процесса, описать материал и способы изготовления изделий из дерева, бересты, травы, которые после расчистки подвергаются консервации, затрудняющей дальнейшее трасологическое изучение. Непосредственно в поле было установлено, что трубчатые кости животных были расколты пестами — молотами на каменных наковальнях, а дальнейшая обработка некоторых из них велась на шлифовальных плитах.

При расчистке берестяной коробочки плохой сохранности был зафиксирован способ сворачивания бересты, аналогичный тому, что используется и сейчас ненцами и хантами для изготовления чуманов. В отделке других предметов главным инструментом был железный нож. При выемке из слоя деревянной чаши с короткой рукоятью удалось выявить ее форму, размеры и «свилеватую» структуру материала. Расчистка обожженной плетенки на участке Ж-8 выявила способ ее изго-

товления из стеблей осоки шириной 0,5-0,6 см по типу полотняного переплетения. Необходимость полевой трасологии в изучении артефактов, которые сложно извлечь из слоя, а затем сохранить в неизменном виде, становится очевидной, когда анализируются остатки изделий из бересты и травы из коллекции В.С. Адрианова, так как нередко их сохранность не позволяет описать форму, размеры, способы изготовления предмета.

Кабинетные трасологические исследования. Трасологическое изучение коллекций Усть-Полуя проводится около 10 лет. Микроанализу подвергнуто большинство находок из коллекции В.С. Адрианова, частично просмотрены материалы из раскопок Н.В. Федоровой. В настоящее время общее число проанализированных изделий составляет свыше 1800 экземпляров.

Технология обработки материалов из разных видов сырья: кости, камня, дерева, бересты, кожи.

Технология обработки кости. Было изучено 265 артефактов с технологическими следами: расколтые, резаные и струганные трубчатые кости, лопатки и ребра оленя, рог со следами рубки, строгания и резания, птичьи кости, костяные отщепы. К общим приемам, характерным для изготовления большинства костяных предметов, относятся ударная обработка крупными каменными орудиями (песты, топоры), скобление, строгание, пиление, резание (в том числе художественная резьба), сверление (чаще — прорезание отверстий ножом), шлифование [Алексащенко, 2006]. Раскрыты особенности изготовления отдельных категорий предметов (наконечников стрел и накладок на лук, скребков, игл и игольников, ложечек, гребней, панцирных пластин, деталей упряжи, рыбных ножей), начиная с выбора сырья (какие кости или их части использовались) и заканчивая их декорированием или переоформлением. Например, наконечники стрел чаще всего изготавливались из трубчатых костей и рога северного оленя, реже — лося. Из небольших трубчатых костей делали наконечники с тупым концом, просто отрезая эпифиз или оформляя заостренное лезвие несколькими срезами на части диафиза. Расколтые каменными пестами трубчатые кости оббивали, придавая им форму вытянутых наконечников. Отделку завер-

¹ Работа выполнена по гранту РГНФ-НЦНИ №11-21-17003/Фр//А

шали ножом, а иногда абразивом. Эта группа наконечников с трудом поддается классификации, так как их форма сильно варьируется в зависимости от выбранной части кости. Из рога вырезаны наконечники более сложных форм, иногда — составные. Последовательность изготовления некоторых из них удалось восстановить по незаконченным образцам. Многочисленные рукояти ножей сделаны из отростков рога. Отверстие для лезвия вырезано ножом, а не просверлено. Сверление костяных изделий встречается редко. Рыбные ножи вырезаны преимущественно из лопаток северного оленя, реже — лося и тюленя, трубчатых костей и ребер животных. Единственным экземпляром представлен богато орнаментированный рыбный нож в форме кинжала. Металлическим ножом выполнена художественная резьба и на других предметах [Алексашенко, 2006].

Отметим, что у мастеров Усть-Полуя нож был основным косторезным инструментом в отличие от Эквена, где инструментарий включал в себя каменный, реже — металлический резец, нож, а также сверло.

Технология обработки камня. Крупные орудия — молоты, калданные камни — были изготовлены с использованием ударной техники, пикетажа, сверления. Многочисленные скребки из плиток камня оформлены легкой краевой ударной или отжимной ретушью. Модельки из глинистого сланца вырезались ножом. При их изготовлении применялись те же технические приемы, что и в обработке кости. Например, изображение хищной птицы на кости и модельке выполнены одинаково.

Технология обработки растительных материалов. Берестяные вещи создавались с помощью ножа, иглы или проколки. При этом применялись следующие приемы обработки: резание (раскрой), шитье, процарапывание и окрашивание. Вероятно, обработка бересты начиналась с ее размягчения [Алексашенко, 2003]. Найденные при раскопках чуманы могли быть свернуты из свежеснятой бересты. В обработке дерева использовались рубка, отеска, расщепление на доски, долбление, резание, строгание, сверление, скобление, заглаживание, художественная резьба. На полозе нарты с хорошо различимыми следами строгания прорезаны отверстия для копыльев. Емкость чаши из капа

была выбрана ножом. Таким же орудием обработаны ножи и прорезан орнамент на них.

Циновки сплетены простым переплетением стеблей осоки (одна из них изучена в культурном слое в 2006 г., от другой сохранились мелкие остатки в коллекции МАЭ).

Определение назначения предметов. Трасологическим методом была изучена значительная часть материалов Усть-Полуя. Среди них изделия из камня (80 экз.), растительных материалов (10 экз.), но большинство исследованных предметов составляют изделия из кости и рога (свыше 1700 экз.). В результате изучения выявлены функции предметов, которые характеризуют разные сферы жизнедеятельности населения памятника и относятся к следующим областям:

1. к вооружению (наконечники стрел, пластины к лукам, крюки к колчанам, кинжалы, панцирные пластины, нагрудная пластина, поясные крючки);
2. к рыболовству (иглы к переметам, крючки, рыбные ножи, каменные грузила);
3. к транспорту (наконечники хорея, втоки, детали упряжи: наголовники, вертлюги, пряжки, пуговицы, пясники);
4. к обработке рога и кости (песты, наковальни, ножи металлические с рукоятью и рукояти ножей);
5. к обработке дерева (клинья, ножи);
6. к обработке металла (наковальни, молоточки, модельки из глинистого сланца);
7. к домашним производствам — обработке шкур и пошиву одежды (скребки, проколки, иглы, игольники);
8. к бытовым вещам (детали снеговых лопат из кости, выбивалки снега, ложки, гребни) [Алексашенко, 2008].

Наиболее многочисленными являются наконечники стрел. На кончике некоторых острий из 500 просмотренных экземпляров есть характерный микроскол, являющийся прямым свидетельством их использования в качестве метательного оружия. На каждом пятом наконечнике имеются продольные, поперечные или концентрические следы, «жирный» блеск на острие и прилегающих участках — результаты работы в качестве проколки, иногда — инструмента для развязывания узлов. Накладки на луки разного типа (74 экз.) имеют следы использования в виде бороздок от натяжения сухожильных ни-

тей и заглаженной поверхности. Многие из них сломаны [Алексашенко, 2011]. Накладки на колчаны (один целый и один фрагментированный) были оформлены скульптурным изображением и сильно изношены. Поясные крючки заглажены, их поверхность заполирована, на изгибах и около отверстий кожаными ремешками протерты канавки. Следы на панцирных пластинах позволили реконструировать два способа их соединения: пропусканием ремешка через оба отверстия или креплением за наружные края отверстий.

О значении рыболовства свидетельствуют находки крючков, острий для переметов, грузил, затупившиеся или сломанные рыбные ножи (55 экз.). Нам удалось определить характерные следы изнашивания, образующиеся при чистке рыбы, что в дальнейшем облегчит выявление подобных орудий.

О транспортном оленеводстве могут свидетельствовать: полоз нарты, вертлюги (51 экз.), наголовные пластины — прямые и изогнутые детали оленьей упряжи (12 экз.), блоки (4 экз.), пуговицы для крепления ремней упряжи (15 экз.), детали хорея в форме уплотненного кружка (3 экз.) [Алексашенко, 2004].

Рукояти ножей (148 экз., в том числе 4 — со скульптурным оформлением), а также несколько экземпляров с сохранившимся железным лезвием, позволяют говорить о большом значении этого инструмента. Следы обработки ножом зафиксированы на костяных и деревянных и даже некоторых каменных и металлических предметах. Большинство лезвий было вынуто (чаще — выломано) из рукояти. Поверхность рукоятей заглажена, на боковой поверхности — следы натяжения сухожильных нитей.

Значительную группу составляют орудия для обработки шкур [Алексашенко, 2002]. Наряду с каменными скребками — дисками, инструментами из пястной или плюсневой кости оленя (6 экз.) — выделено много роговых скребков в форме лопаточек (176 экз.). Иглы (5 экз.), игольники (9 экз.), проколки (22 экз.) составляют набор для пошива и починки одежды и других вещей. Среди игл есть экземпляр толщиной в области ушка в 1 см. Вероятно, это была игла-шило для починки ремней или сбруи, аналогичная этнографическим образцам.

На Усть-Полуе обнаружены изношенные до зеркального блеска лезвия сне-

говых лопат (10 экз.), выбивалок снега (3 экз.), крюки с различными следами использования, довольно много роговых клиньев (31 экз.), служивших для обработки дерева.

На Усть-Полуе многие вещи могли иметь не только профанную, но и сакральную функцию. Трасологический анализ показал, что предметы со скульптурным оформлением всегда обработаны интенсивно. Особенно это относится к крюкам на колчаны, поясным крючкам, остриям, клину, ложечкам. Среди ложечек в форме ковша нет незаконченных или художественно неоформленных экземпляров, они интенсивно изношены, содержат на внутренней поверхности царапины от выскабливания. Плоские ложечки с художественной резьбой на рукояти (19 экз.) также имеют следы многочисленных чисток, что подтверждает длительность и многократность их использования. Вместе с тем, скребки-лопаточки, не имеющие такого оформления, так же часто встречаются в материалах памятника, что обусловлено важностью выполняемой ими функции — выделки шкур. В этнографии сибирских народов зафиксированы особые приметы, связанные со скребками для обработки шкур.

Экспериментальные исследования

Эксперименты, проведенные для изучения материалов Усть-Полуя, выполнялись с целью реконструкции способов обработки различных видов сырья, создания эталонной коллекции реплик орудий, фиксирующих разные этапы их изготовления и использования.

В ходе опытов по восстановлению процесса обработки кости и рога уточнились и были детализированы ранее полученные экспериментальные сведения и этнографические данные об их предварительном размягчении замачиванием и распариванием, после чего это сырье легче подвергалось обработке металлическими ножами, которые по форме соответствовали оригинальным усть-полуйским орудиям. Таким образом, копируя зафиксированные следы обработки на древних инструментах, профессиональные экспериментаторы без больших затрат времени (в среднем 1,5-2 часа) изготовили скребки из длинных костей оленя, так называемые «неолитические скребки» (рис. 1-7) и роговые лопаточки. Еще меньше времени потребовалось, чтобы из олень-

их лопаток сделать рыбные ножи. Ряд экспериментов был связан с использованием для обработки оленьих шкур экспериментально изготовленных костяных и каменных скребков, роговых лопаточек. Эти инструменты показали себя достаточно эффективными в работе, с их помощью хорошо снималась мездра и пушилась бахтарма на предварительно слегка размягченных шкурах, сохранявшихся в течение года в специальных условиях. После полутора часов использования их рабочие лезвия приобрели четкий износ, аналогичный износу на древних орудиях, и требовали подправки заострением. Заметим, что следы изношенности на экспериментальных «неолитических скребках», археологических находках и этнографических инструментах XIX века были идентичными.

Ряд экспериментов проводился для последующего исследования орудий с помощью FTIR-анализа, задачей которого является изучение микроостатков обрабатываемых материалов на рабочих частях инструментов.

Таким образом, комплексная методика исследования материалов городища Усть-Полуй показала, что жившие и посещавшие это место люди занимались разнообразной деятельностью — охотой, рыболовством, обрабатывали кость, рог, камень, растительные материалы, делали из них инструменты и разнообразные бытовые изделия. Полный цикл операций по изготовлению орудий труда, прослеженный в обработке кости, а также интенсивная сработанность инструментов из разных видов сырья, наличие разнообразных бытовых предметов свидетельствуют о длительном пребывании людей на этом месте, а специфика следов использования и высокохудожественное оформление некоторых предметов позволяет предполагать их сакральное назначение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексашенко Н.А. Кожевенное производство на Ямале (археология и этнография) // Уральский исторический вестник. - Екатеринбург: УрО РАН - 2002. - Вып. 8. — С. 184-195.

2. Алексашенко Н.А. Берестяные изделия с археологических памятников севера Западной Сибири// Угры: Материалы VI-го Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9-14 дек. 2003 г., Тобольск). - Тобольск, 2003. — С. 32-37.
3. Алексашенко Н.А. Трасология в археологии и этнографии: детали упряжи.// Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Пятых Сибирских чтений, 17-19 октября 2001г. СПб.: МАЭ РАН. 2004. Часть 1. — С.127-130.
4. Алексашенко Н.А. Усть-Полуй: техника художественной резьбы по кости// Уральский исторический вестник: материалы к II Международному Северному археологическому конгрессу. - Екатеринбург: УрО РАН. - 2006. — Вып. 14. — С. 105-117.
5. Алексашенко Н.А. Костяные изделия Усть-Полуя из собрания МАЭ (результаты трасологического изучения).// Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб: изд-во МАЭ РАН. 2006. — Вып.1. — С. 265-301.
6. Алексашенко Н.А. Хозяйство Усть-Полуя. / Усть-Полуй — древнее святилище на Полярном круге. // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард, 2008. - Вып. №9 (61). — С.37-47.
7. Алексашенко Н.А. Лук и стрелы Усть-Полуя.// Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах Северной Евразии (технологический и функциональный аспекты): Замятинский сборник. СПб.: Наука, 2011. - Вып.2. — С. 207-218.
8. Семенов С.А. Первобытная техника. М-Л.: Наука, 1957. — 240 с.
9. Skakun N.N., Aleksashenko N.A. Tool functions and ethnographical analogies // «Prehistoric Technology» 40 Years Later: Functional Studies and the Russian Legacy // Edited by Laura Longo and Natalia Skakun. BAR International Series 1783. 2008. Pp. 529-531.

Рис. 1. Скребок «неолитического типа», Усть-Полуй

Рис. 3. Нож, использованный в эксперименте по изготовлению скребка «неолитического типа»

Рис. 2. Железный нож в культурном слое Усть-Полуя

Рис. 4. Обработка заготовки скребка

Рис. 5. Приострение рабочего лезвия скребка

Рис. 6. Подготовка шкуры к мездрению

Рис. 7. Положение скребка при работе

Р.М. Хантемиров, С.Г. Шиятов
г. Екатеринбург

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ДАТИРОВКИ ДРЕВЕСИНЫ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА УСТЬ-ПОЛУЙ

В лаборатории дендрохронологии Института экологии растений и животных УрО РАН построена древесно-кольцевая хронология для Ямала длительностью 7300 лет [Hantemirov, Shiyatov, 2002]. Эта хронология основана на данных по ширине годичных колец как живых, так и давно погибших деревьев лиственницы сибирской, полуископаемые остатки которых сохранились в речных отложениях малых рек в южной части полуострова Ямал. Основной целью построения этой хронологии является реконструкция климатических условий и пространственно-временной динамики лесотундровых редколесий.

Одним из практических результатов построения этой хронологии является возможность проведения массовых, точных и дешевых датировок древесины из археологических памятников. В пределах практически всей территории западносибирской лесотундры (от Полярного Урала на западе до бассейна р. Таз на востоке) погодичные изменения радиального прироста деревьев синхронны, что дает возможность производить перекрестную датировку между хронологиями, полученными для любого участка этой территории [Шиятов и др., 2000б, 2005]. Например, первые датировки строительных бревен средневекового города Мангазеи (нижнее течение р. Таз) были произведены на основе хронологии, полученной для южной части полуострова Ямал [Шиятов, 1980].

Материал и методы

В 1995 г. к нам поступили 3 фрагмента древесины, извлеченные во время раскопок археологического памятника «Усть-Полуй», квадрат Ж/7. Один из них принадлежал ели сибирской (№ 1995-09) и содержал всего 33 годичных кольца, два других фрагмента принадле-

жали лиственнице сибирской (№№ 1995-10 и 1995-11). В них содержалось 71 и 99 годичных колец. В 2010 г. поступило еще 4 фрагмента древесины: колышек со дна рва (лиственница сибирская, 26 колец, № 2010-f1), кол к западу от моста (береза извилистая, 59 лет, № 2010-f2), фрагмент ствола к востоку от моста (лиственница сибирская, 67 колец, № 2010-f3) и фрагмент ствола к западу от моста (И/11-180, лиственница сибирская, 100 колец, № 2010-f4).

Подготовка образцов к анализу проводилась согласно методике Шиятова с соавт. [2000а]. Измерения ширины годичных колец проведены на полуавтоматическом комплексе LINTAB-V с точностью до 0,01 мм по одному радиусу на каждом образце.

При абсолютной датировке в качестве мастер-хронологии была использована 7300-летняя ямальская хронология. Для предварительной датировки использовалась программа COFESHA [Holmes, 1983]. При окончательной датировке для устранения помех из-за выраженной возрастной кривой ряды по ширине колец датируемых образцов были проиндексированы.

Результаты

Три образца — 1995-09, 2010-f1 и 2010-f2 — содержали небольшое число годичных колец (менее 60), поэтому были непригодны для дендрохронологической датировки.

Образцы 1995-10 и 1995-11 датируются между собой. Анализ годичных колец лиственницы, с которой был взят образец 1995-11, показывает, что она была срублена в период покоя дерева (осенью, зимой или весной) и что это дерево было живым. У другой лиственницы (образец 1995-10) радиальный прирост в течение последних 10-15 лет был настолько незначительным, что измерить эти кольца не-

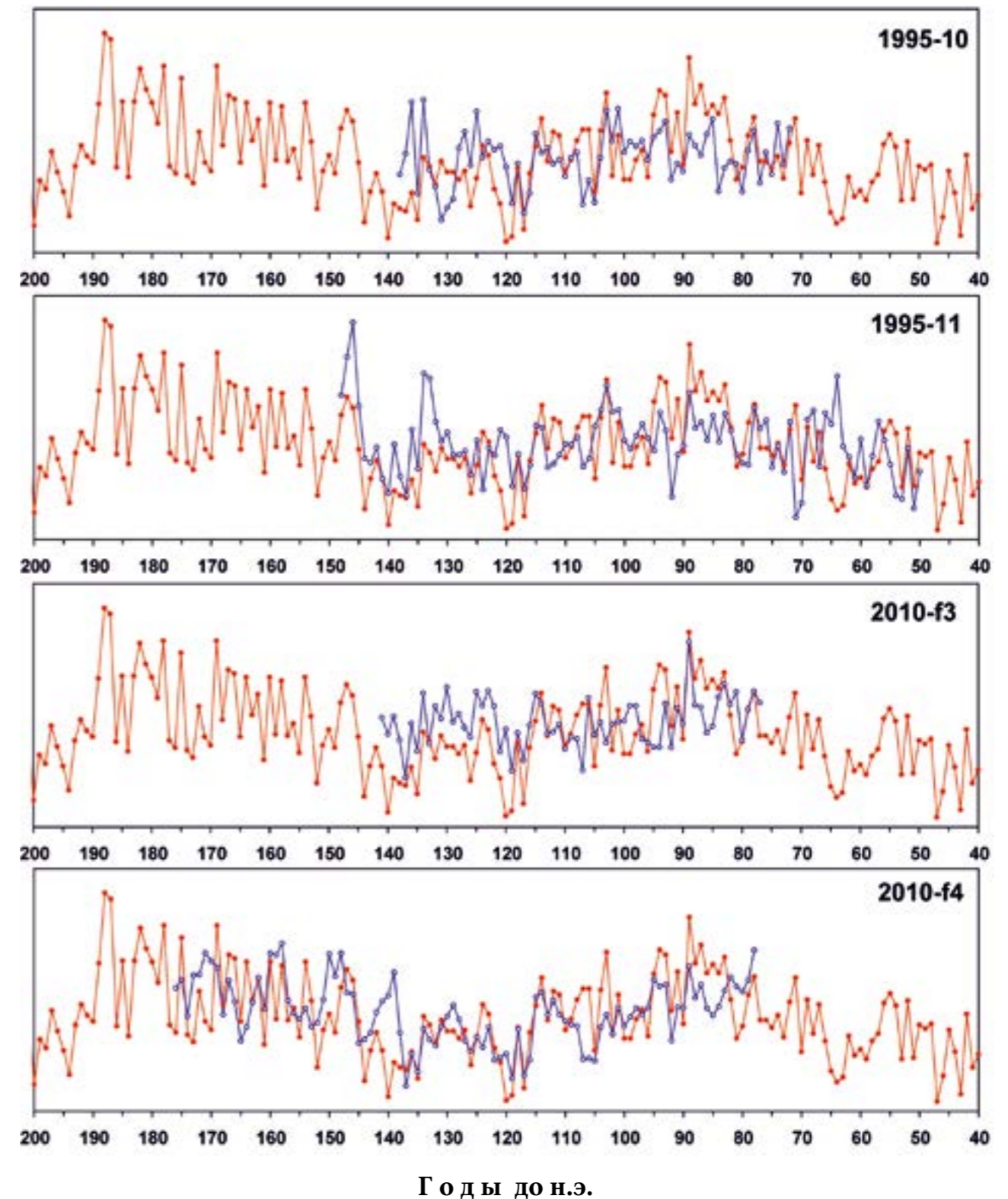

Рис. 1. Результаты датировки образцов древесины с Усть-Полуя с мастер-хронологией по Ямалу

возможно. Это свидетельствует о том, что в момент рубки это дерево было уже сухостойным или влачило жалкое существование. Эти две лиственницы росли недалеко друг от друга и, возможно, были срублены одновременно.

Образцы 2010-f3 и 2010-f4 также хорошо датируются между собой. На обоих образцах периферия частично сгнила, возможно, отсутствует до 10 колец, поэтому определить время рубки деревьев с точностью до года не представляется возможным.

Перекрестная датировка проиндексированных рядов с Ямальской сверхдлительной хронологией показала (рис. 1), что:

1) последнее измеренное кольцо образца 1995-10 сформировалось в 72 г. до н.э. Но остались не измеренными 10-15 очень мелких периферийных колец, возможно, еще часть колец выпала. Поэтому дату гибели нельзя установить с точностью до года, вероятнее всего дерево, погибло в 60-50 гг. до н.э.;

2) полностью сформированное подкорковое кольцо образца 1995-11 датируется 50 г. до н.э., т.е. дерево срублено зимой 50-49 гг. до н.э.;

3) последнее измеренное кольцо образца 2010-f3 сформировалось в 77 г. до н.э., но имелись остатки еще одного кольца. Возможно, и оно не было подкорковым, т.е. дерево погибло в 76-65 гг. до н.э.; последнее измеренное кольцо образца 2010-f4 сформировалось в 78 г. до н.э., но имелись остатки еще одного кольца. Возможно, и оно не было подкорковым, т.е. дерево погибло в 77-65 гг. до н.э.

Таким образом, лиственницы, остатки которых найдены в квадрате Ж/7, погибли в 50 г. до н.э., но возможно, что одна из них — несколько раньше. Лиственницы, остатки которых найдены в районе моста, погибли раньше — в интервале 77-65 гг. до н.э.

Образец, содержащий несколько периферийных колец древесины лиственницы № 95-011, был передан в радиоуглеродную лабораторию Бернского университета (Швейцария), руководимую проф. Х. Лоосли. Результаты радиоуглеродной датировки В-7063 (2070±30 лет, некалиброванная дата) практически совпали с результатами дендрохронологической датировки.

Дендрохронологический метод показал свою эффективность при датировании древесных остатков из памятника Усть-Полуй.

Но следует заметить, что немаловажное значение для датировки содержащих древесину памятников имеет сохранность на остатках деревьев подкоркового кольца прироста, что позволяет с точностью до года и даже сезона определять время его рубки или гибели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шиятов С.Г. Датировка деревянных сооружений Мангазеи дендрохронологическим методом // Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Часть I. – Ленинград: Гидрометеоиздат, 1980. — С. 93-107. Приложения XXXI и XXXII.
2. Шиятов С.Г., Ваганов Е.А., Кирдянов А.В., Круглов В.Б., Мазена В.С., Наурузбаев М.М., Хантемиров Р.М. Методы дендрохронологии. Часть I. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации: Учебно-методич. пособие. – Красноярск: КрасГУ, 2000а. — 80 с.
3. Шиятов С.Г., Мазена В.С., Хантемиров Р.М., Горячев В.М. Итоги и перспективы использования дендрохронологического метода для датировки археологических, исторических и этнографических памятников на территории ЯНАО // Научный вестник, вып. 3. – Археология и этнология. – Салехард, 2000б. — С. 49-56.
4. Шиятов С.Г., Хантемиров Р.М., Горячев В.М., Агафонов Л.И., Гурская М.А. Дендрохронологические датировки археологических, исторических и этнографических памятников Западной Сибири // Археология и естественнонаучные методы. Сб. статей/ Науч. редакторы и составители Е.Н. Черных и В.И. Завьялов. – М: Языки славянской культуры, 2005. — С. 43-57.
5. Hantemirov R.M., Shiyatov S.G. A continuous multi-millennial ring-width chronology in Yamal, northwestern Siberia // The Holocene. – 2002. – V. 12, № 6. — P. 717-726.
6. Holmes, R.L. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // Tree-Ring Bulletin. – 1983. – Vol. 43. — P. 69-78.

РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ УСТЬ-ПОЛУЯ¹

На настоящий момент научное сообщество располагает очень скудными данными об антропологии коллективов, проживавших на территории Ямала в древности. Наши знания в этой области ограничиваются средневековым — могильник Зеленый Яр (Зеленый Яр, 2005), и новым временем — Халас-Погор [Мурашко, Кренке, 2001]. Исследованные выборки показывают население, близкое к современным ненцам и хантам [Алексеева и др. 1998; Багашев 1998, 2003; Дремов, 1984; Зеленый Яр, 2005]. В рамках исследования археологического памятника федерального значения «Древнее святилище Усть-Полуй» в 1994-1995 гг. впервые были обнаружены захоронения раннего железного века, включавшие доступные для анализа антропологические останки. Во время раскопок 2011 г. было обнаружено погребение, содержащее полный скелет достаточно хорошей сохранности, что является уникальной находкой для северных территорий. При раскопках 2012 г. на объектах, очевидно, не связанных с погребениями, были также обнаружены разрозненные кости человека.

В ходе выполнения комплексного исследования антропологических находок, полученных в ходе раскопок археологического памятника (святилища) Усть-Полуй, были исследованы останки четырех индивидуумов. Останки происходят из двух погребений и из объектов культурного слоя, очевидно, не связанных с погребениями, находки 2012 г.

В ходе исследования антропологических остатков применялась комплексная методика. Определение половой принадлежности останков проводилось по тазовым костям, черепу и нижней челюсти с использованием стандартных методик [Алексеев, Дебеч, 1964; Алексе-

ев, 1966; Bass, 1987; Buikstra, Ubelaker, 1994].

Для определения возраста смерти применялись визуальные макроморфологические методики. На черепе фиксировалось наружное зарастание швов по системе точек свода [Meindl, Lovejoy, 1985]. Трансформация ушковидной поверхности тазовой кости, сопряженная с возрастом, определялась по О. Лавджою с соавторами [Lovejoy et al, 1985]. Степень стертости зубов регистрировалась по методикам М.М. Герасимова в модификации А.А. Зубова [Зубов, 1968], и О. Лавджою [Lovejoy, 1985]. На посткраниальном скелете учитывались начало и степень прирастания эпифизов и апофизов [Bass, 1987; Добровольская, Сапин, 1993; Корлюк, 1996]. При определении возраста использовалось по возможности несколько независимых индикаторных систем. Измерения длинных костей проводились по стандартным методикам [Алексеев, 1966]. Рост реконструировался по формулам, выведенным М. Троттер и Г. Глезер и представленным в руководстве по остеологии [Алексеев, 1966]. Исследование патологических проявлений проводилось на основании руководства по исследованию антропологических останков [Бужилова, 1995; Buikstra, Ubelaker, 1994; Ortner, Putschar 1985].

Исследование показало, что в морфологическом плане все найденные останки схожи между собой и, по всей видимости, характеризуют популяционно единую группу населения.

Подробный морфологический анализ показал, что выраженность многих полодиагностических признаков черепа исследуемых индивидуумов промежуточная. Есть также признаки с «мужским» и «женским» проявлением. Так, на скелете из раскопок 1994-1995 гг. сглаженность рельефа черепа, выступающие лоб-

¹ Работа выполнена в рамках госконтракта № 30ок-4016/2012 «Изучение антропологических материалов святилища Усть-Полуй», программы Президиума РАН «Изменчивость адаптивных возможностей и саналогического состояния аборигенов Сибири в I – сер. II тыс. н.э.» и проекта РФФИ № 13-06-00158.

ные и особенно теменные бугры, небольшие сосцевидные отростки (женские признаки) сочетаются с массивной нижней челюстью с подквадратным подбородком (мужские признаки) (рис. 1, 2). И все же «женские» признаки в скелетах преобладали. Поэтому все индивидуумы были определены как женщины.

Палеогенетическое исследование половой принадлежности останков, обнаруженных при раскопках 2011 года, было проведено в секторе молекулярной палеогенетики Института цитологии и генетики СО РАН. В ходе анализа было установлено наличие только короткого аллеля амелогенина, что соответствует женскому полу индивидуума.

На единственном полном скелете из раскопок 2011 года выявлено, что разные возрастные показатели соответствуют разному возрасту. Самый старший возраст фиксируется для зубной системы, затем палеогенетическое исследование — в убывающем порядке — швы черепа, таз, и самый молодой — уступени сформированности позвонков (табл. 1). Для объяснения значительного «состаривания» зубного возраста можно предложить гипотезу использования зубов в качестве орудий труда. Однако сочетание остальных показателей, связанных с этапами развития и старения организма, представляется очень странным и пока не находит объяснения.

Таблица 1. Определение возраста смерти индивидуума, останки которого обнаружены в 2011 году, по разным системам

Индикаторная система	Показатели	Возраст
Стирание моляров	M1 – 4/Н->I; M2 – 4/Н->I	45-60 лет
Зарастание швов черепа. Верхне-боковые позиции	8-11 баллов	32-47 лет
Состояние ушковидных поверхностей тазовых костей	2-3 стадия	25-35 лет
Синостозирование элементов скелета	Позвоночные диски шейных и грудных позвонков в завершающей стадии формирования	23-25 лет

Описанное ранее дисгармоничное сочетание половых и возрастных индикаторов является весьма необычным для нормального развития человеческого организма. Это может быть индивидуальной спецификой захороненных на святилище людей или же представлять популяционную характеристику груп-

пы, жившей в древности на этой территории.

Применение различных методов для половозрастной диагностики антропологических материалов из раскопок Усть-Полуя показало, что все останки принадлежат женщинам зрелого и молодого возраста (табл. 2).

Таблица 2. Половозрастной состав антропологических находок, полученных в ходе раскопок Усть-Полуя

Происхождение останков	Пол	Возраст
Раскопки 1994, 1995 г.	Женский	30-50 лет
Раскопки 2011 г.	Женский	30-45 лет
Раскопки 2012 г., скелет 1	Женский	20-30 лет
Раскопки 2012 г., скелет 2	Женский	18-25 лет

Рис. 1. Череп скелета из раскопок 1994-1995 гг.

Рис. 2. Нижняя челюсть скелета из раскопок 1994-1995 гг.

Принадлежность всех погребений могильника женщинам не вполне обычна для древних некрополей Западной Сибири. Для сравнения половозрастного состава некрополей Западной Сибири были привлечены данные по средневековым могильникам Сайгатинскому 6, исследованному авторами статьи, Зеленый Яр [Зеленый Яр, 2005], кладбищам, близким к современности, Халас-Погор и Лонгот-Юган [Зеленый Яр, 2005] и поселенческому памятнику с многочисленными останками людей — Надымский городок [Багашев, Ражев, 2009].

В наиболее ранних могильниках севера Западной Сибири, как правило, преобладают мужчины. Причем в некоторых некрополях захоронения женщин вообще не обнаружены (Зеленый Яр). Увеличение количества женских захоронений наблюдается в Новое время. Преимущественно женские останки обнаружены при исследовании лишь одного памятника — Надымского городка. Импровизированный некрополь образовался в крепости в результате специфического стечения обстоятельств. Это было нападение на городок в отсутствие мужчин (табл. 3).

Таблица 3. Половозрастные характеристики могильников автохтонного населения Западной Сибири

Характеристики	Сайгатинский 6			Зеленый Яр		Халас-Погор	Лонгот-Юган	Надымский городок
	III-IV вв.	IX-X	X-XII	VIII – IX вв.	XIII вв.	XVII-XIX	XVII-XIX	XVIII
Количество погребений	9	33	43	12	20	126	18	14
% детей 0-14 лет	0,0%	69,7%	23,3%	50%	25%	44%	33%	50%
% мужчин среди взрослых с определенным полом	66,7%	83,3%	85,2%	100%	100%	43%	42%	25%

Таким образом, обнаружение только женских останков указывает, по меньшей мере, на специфичность раскопанного участка погребальной территории. В большей степени, памятник Усть-Полуй мог быть местом для особых захоронений.

Ввиду особой роли морфологии черепа в изучении физической антропологии населения краниометрическое исследование подробно изложено в отдельной статье данного сборника.

Из-за малого количества и не очень хорошей сохранности посткраниального материала установить характеристики телосло-

жения удалось только для одного человека, чьи останки были обнаружены в 2011 году.

По мировым масштабам, абсолютная длина ключицы средняя, лучевой и бедренной кости — малая, большеберцовой кости — очень малая. Указатели массивности для бедра и большеберцовой кости очень большие. Луче-берцовый индекс большой — т.е. длинные руки, берцовобедренный индекс очень малый — короткие ноги. Ключично-бедренный указатель (2CL1:F2) большой — относительно широкие плечи. Размеры костей посткраниального скелета представлены в табл. 4.

Таблица 4. Размеры посткраниальных элементов скелета из раскопок 2011 года, сравнение

Размер, № по Мартину	Усть-Полуй, 2011	Общемировые данные. Средняя категория*
1. Наибольшая длина ключицы	132	130-140
1. Наибольшая длина лучевой	203	211-230
2. Естественная длина бедра	383	396-421
8. Окружность середины диафиза бедра	82	81,1-83,0

Указатель массивности бедра (8:2)	21,4	19,7-20,4
1. Общая длина большеберцовой	ca 287	318-339
10b. Минимальная окружность б.берцовой	67	63-71
Указатель прочности б.берцовой (10b:1)	ca 23	19,8-20,9
Луче-берцовый указатель (R1:T1)	ca 70,7	66,9-68,7
Берцово-бедренный указатель (T1:F2)	ca 74,2	80,0-81,5
Ключично-бедренный указатель (2*CL1/F2)	68,9	65,7-66,5

* — абсолютные размеры и указатели костей (Мамонова, 1986), указатели межэлементные (Тихонов, 1996), (Мамонова, 1986).

Реконструированный рост женщины из захоронения, обнаруженного в 2011 г., составляет 149 см. Для сравнения были привлечены данные по длине тела женщин современных этнических групп, проживающих в Западной Сибири и Приуралье [Козлов, Вершубская, 1999; Козлов и др., 2009]. Как видно из табл. 5,

реконструированная длина тела полностью соответствует среднему росту женщин автохтонных народов Западной Сибири, и существенно — почти на 10 см — меньше среднего роста представительниц приуральских финнов и современных русских Урала и Сибири.

Таблица 5. Длина тела женщин некоторых народов северной Евразии

Этническая группа	n	$\bar{x}$	s
Усть-Полуй, 2011		149	
Манси	29	150,3	5,4
Ханты	88	150,4	4,7
Ненцы	78	149,6	4,7
Коми-пермяки	93	158,4	5,6
Коми-ижемцы	47	155,9	5,9
Мари	56	159,2	5,1
Мордва	36	159,9	5,6
Русские Урала и Сибири	196	161,3	6,3

Пропорции тела рассматриваемого индивидуума брахиморфные: относительно широкие плечи, длинные руки и корпус, укороченные ноги. Несмотря на большие индексы массивности, которые могут определяться аллометрическими закономерностями соотношений продольных и поперечных размеров костей, малые абсолютные размеры едва ли позволяют говорить о массивности конституции, и вслед за Т.И. Алексеевой с соавторами [Алексеева и др., 1988] мы склонны определять такое телосложение как миниатюрное.

Тенденция к брахиморфности, малые общие размеры, относительные коротконоготность и длинорукость являются специ-

фичными признаками населения севера Западной Сибири [Клевцова, 1976; Алексеева, 1977; Алексеева и др., 1988].

Палеонтологические исследования выявили минимальные патологические проявления на скелетных останках. Так, ни на одном из черепов не были обнаружены существенные признаки поротического гипертостоза, зарастания ушного канала, линейной гипоплазии эмали зубов, утраты зубов и иных стоматологических заболеваний.

На единственном полном скелете наиболее значительная патология связана с частичным вдавлением пульпозного ядра в тело и небольшим окостенением поврежденных желтых

связок на 11 грудном позвонке. Это может быть последствием одиночной травмы, связанной с чрезмерным наклоном (изгибанием) корпуса, возможно, со значительным отягощением.

Рассмотрение маркеров физической активности показало, что выраженность мест прикрепления мышц и связок к костям по абсолютным показателям умеренная. Наиболее выделяющиеся места развиты по силовому типу, что свидетельствует о постоянных и предсказуемых значительных нагрузках.

Таким образом, рассматриваемые индивидуумы характеризуются определенным морфологическим единством. Их телосложение может быть охарактеризовано как миниатюрное, брахиморфное с удлинненными руками и укороченными ногами. Отсутствие очевидных последствий травм, хронических и дистрофических заболеваний на костных останках всех индивидуумов свидетельствует о хорошем здоровье исследованных людей и высоком качестве их жизни, при котором не было места изнуряющему физическому труду, продолжительным голодными периодами и разрушающим воздействиям климатических условий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П. *Остеометрия. Методика антропологических исследований.* – М.: Наука, 1966. – 251 с.
2. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. *Краниометрия. Методика антропологических исследований.* – М.: Наука, 1964. – 128 с.
3. Алексеева Т.И. *Географическая среда и биология человека.* – М.: Мысль, 1977. – 302 с.
4. Алексеева Т.И., Козловская М.В., Федосова В.Н. *Опыт палеоэкологической реконструкции (на примере хантов)// Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири.* – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 83-102.
5. Багашев А.Н. *Население Нижнего Приобья// Очерки культурогенеза народов Западной Сибири.* Томск: Издательство Томского университета, 1998. – Т.4 – С. 124-140.
6. Багашев А.Н. *Краниология// Этнография и антропология Ямала.* Новосибирск: Наука, 2003. – С. 344-356.
7. Багашев А.Н., Ражев Д.И. *Надымский городок. Палеоантропологическое исследование // Вестник археологии, антропологии и этнографии.* – 2009. – № 11. – С. 111-124.
8. Бужилова А.П. *Древнее население (палеопатологические аспекты исследования).* – М.: Институт Археологии РАН, 1995. – 189 с.
9. Добровольская Е.А., Сапин М.Р. *Учение о костях - остеология // Анатомия человека.* – М.: Медицина. – 1993. – Т.1. – С. 38-152.
10. Дремов В.А. *Расовая дифференциация угорских и самодийских групп Западной Сибири по данным краниологии// Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии.* – Л.: Наука, 1984. – С. 106-132.
11. Зеленый Яр: *Археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Н.А. Алексащенко, А.Г. Брусницина, М.Н. Литвиненко, П.А. Косинцев, Е.В. Перевалова, Д.И. Ражев, Н.В. Федорова.* – Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2005. – 367 с.
12. Зубов А.А. *Одонтология. Методика антропологических исследований.* – М.: Наука, 1968. – 189 с.
13. Клевцова Н.И. *Соматические особенности сибирских монголоидов в сравнительном освещении // Вопросы антропологии.* – 1976. – Вып. 52. – С. 151-168.
14. Козлов А.И., Вершубская Г.Г. *Медицинская антропология коренного населения Севера России.* – М.: Издательство МНЭПУ, 1999. – 288 с.
15. Козлов А.И., Вершубская Г.Г., Лисицын Д.В., Санина Е.Д., Атеева Ю.А. *Пермские и волжские финны: медицинская антропология в экологической перспективе.* – Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2009. – 160 с.
16. Королюк И.П. *Рентгеноанатомический атлас скелета.* – М.: Видар, 1996. – 191 с.
17. Мамонова Н.Н. *Определение длины костей по их фрагментам// Вопросы антропологии.* – 1968. – Вып. 29. – С. 171-178.
18. Мурашко О.А., Кренке Н.А. *Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке.* – М.: Наука, 2001. – 155 с.
19. Тихонов А.Г. *Сравнение различных методов реконструкции параметров физического типа// Вестник антропологии.* – 1996. – Вып. 2. – С. 168-180.
20. Bass W.M. *Human osteology. A laboratory and field manual.* – Columbia: Missouri Archaeological Society, 1987. – 327 p.
21. Buikstra J., Ubelaker D.H. *Standards for data collection from human skeletal remains. In: Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes. Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series No. 44, 1994. – 249 p.*
22. Lovejoy C.O. *Dental wear in the Libben Population: Its Functional Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death// American Journal of Physical Anthropology.* – 1985 – № 68 – p. 47-56.
23. Lovejoy C.O., Meindl R.S., Pryzbeck T.R., Menthforth R.P. *Chronological Metamorphosis of the Auricular Surface of the Ilium: A New Method for the Determination of Adult Skeletal Age at Death // American Journal of Physical Anthropology.* – 1985. – № 68 – p.15-28.
24. Meindl R.S., Lovejoy C.O. *Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures // American Journal of Physical Anthropology.* – 1985. – № 68. – P.57-66.
25. Ortner D.J., Putschar W.G.J. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains.* Washington: Smithsonian Institution Press. – 1985. – 488 p.

А.Н. Багашев, Е.А. Алексеева
г. Тюмень

КРАНИОЛОГИЯ УСТЬ-ПОЛУЯ: РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ И ПРОБЛЕМЫ ТАКСОНОМИИ¹

В статье представлены результаты краниологического исследования палеоантропологических материалов из погребений на святилище Усть-Полуй, дана их морфологическая характеристика, очерчены основные направления расогенетических связей и показано место в системе надпопуляционных общностей Северной Евразии. Визуализированы особенности внешнего облика одного из погребенных индивидов.

Ключевые слова: святилище Усть-Полуй, ранний железный век, краниология, морфология, таксономия, пластическая реконструкция.

До настоящего времени в антропологической науке практически отсутствуют достоверные сведения о физических особенностях населения, обитавшего в эпоху раннего железа в субарктических областях Западной Сибири. Несмотря на относительную многочисленность могильников, оставленных населением эпохи раннего железа Среднего и Нижнего Приобья, пригодных для краниологического исследования данных, видимо, в силу этнокультурных и природно-климатических условий, чрезвычайно мало. Пока наши представления об антропологическом типе популяций базируются на палеоантропологических материалах из погребений могильников Каменный Мыс в Новосибирском Приобье [Багашев, 2000], Кулайская Гора [Багашев, 2010] и Алдыган [Аксянова, Боброва, Яковлев, 2004] в Нарымском Приобье. Поэтому новые палеоантропологические находки этого времени, особенно из приполярных районов, представляют источник ценнейшей информации, могущей пролить свет в целом на происхождение ряда народов Северной Евразии.

При археологических исследованиях на святилище Усть-Полуй, расположенном в черте

г. Салехарда, в 1994, 1995, 2011 и 2012 гг. было обнаружено несколько погребений, содержащих палеоантропологический материал. В целом комплекс датируется преимущественно эпохой раннего железа и связан в той или иной мере с кулайской культурной общностью [Чернецов, 1953; Мошинская, 1965; Чиндина, 1984], по результатам радиоуглеродного и дендрохронологического анализов время его функционирования приходится на I в. до н.э. — первые века нашей эры [Усть-Полуй — древнее святилище..., 2008]. Для выявления направлений расогенетических связей усть-полуйской популяции, возможных путей формирования антропологических особенностей и определения ее таксономии в системе расовых комплексов различных исторических периодов проведено сопоставление данной выборки с территориально ближайшими сериями неолита, бронзы, железа, средневековья и близкого к современности времени.

Череп из погребения раскопок 1994-1995 гг. очень плохой сохранности. Судя по сохранившимся костям череп грацильный, с умеренно развитым рельефом надглазничной области, сосцевидные отростки средней величины, наружный затылочный бугор небольшой, лобная кость короткая и среднеширокая, по указателю выпуклости лба уплощенная в продольном направлении и умеренно профилированная в поперечном сечении по углу поперечного изгиба лба. Лицевой скелет характеризуется большой шириной на уровне орбит, ему свойственна по горизонтали значительная уплощенность. Морфологические особенности свидетельствуют о женском поле взрослого индивида (табл. 1).

Череп из погребения 2011 г. раскопок удовлетворительной сохранности с учетом реставрированного лицевого скелета исследован по

Таблица 1. Индивидуальные и средние размеры и показатели черепов из погребений на святилище Усть-Полуй

Признаки, их №№ по Мартину или условные обозначения	1994-1995 ♀	2011 ♀	2012 ♀	$\bar{x}$ ♀	$\bar{x}$ ♀ → ♂
1	2	3	4	5	6
1. Продольный диаметр от g.	-	173	173	173,0 (2)	181,5 (2)
8. Поперечный диаметр	-	140	132	136,0 (2)	141,0 (2)
17. Высотный диаметр (ba-b)	-	134	133	133,5 (2)	139,8 (2)
8:1. Черепной указатель	-	80,9	76,3	78,6 (2)	77,7 (2)
5. Длина основания черепа	-	94	-	94,0 (1)	99,1 (1)
9. Наименьшая ширина лба	94	90	94	92,7 (3)	95,6 (3)
Sub.Nβ:29. Указатель выпуклости лба	21,0	24,3	-	22,6 (2)	21,7 (2)
Угол поперечного изгиба лба	142,4	134,2	-	138,3 (2)	138,1 (2)
32. Угол профиля лба от n.	-	78	-	78,0 (1)	76,1 (1)
GM/FH. Угол профиля лба от g.	-	72	-	72,0 (1)	70,2 (1)
12. Ширина затылка	-	114	115	114,5 (2)	118,5 (2)
40. Длина основания лица	-	88	-	88,0 (1)	91,7 (1)
40:5. Указатель выступания лица	-	93,6	-	93,6 (1)	92,5 (1)
45. Скуловой диаметр	-	134	130	132,0 (2)	141,5 (2)
45:8. Поперечный фацио-церебральный указат.	-	95,7	98,7	97,2 (2)	100,4 (2)
48. Верхняя высота лица	-	76	-	76,0 (1)	81,8 (1)
47. Полная высота лица	-	119	-	119,0 (1)	128,2 (1)
48:17. Вертикальный фацио-церебральный ук.	-	56,7	-	56,7 (1)	58,5 (1)
48:45. Верхний лицевой указатель	-	56,7	-	56,7 (1)	57,9 (1)
72. Общий лицевой угол	-	87	-	87,0 (1)	87,0 (1)
77. Назомаллярный угол	147,2	142,8	-	145,0 (2)	143,5 (2)
∠zm. Зигомаксиллярный угол	-	144,1	-	144,1 (1)	142,4 (1)
51. Ширина орбиты от mf.	-	38	-	38,0 (1)	39,6 (1)
52. Высота орбиты	-	32	-	32,0 (1)	32,2 (1)
52:51. Орбитный указатель от mf.	-	84,2	-	84,2 (1)	81,3 (1)
55. Высота носа	-	56	-	56,0 (1)	59,4 (1)
54. Ширина носа	-	26,5	-	26,5 (1)	27,6 (1)
54:55. Носовой указатель	-	47,3	-	47,3 (1)	45,0 (1)
75(1). Угол выступания носа	-	20	-	20,0 (1)	24,0 (1)
SC. Симотическая ширина	-	8,0	-	8,0 (1)	8,0 (1)
SS. Симотическая высота	-	2,5	-	2,5 (1)	3,0 (1)
∠S. Симотический угол	-	116,0	-	116,0 (1)	106,3 (1)
DC. Дакриальная ширина	-	20,0	-	20,0 (1)	21,1 (1)
DS. Дакриальная высота	-	9,5	-	9,5 (1)	10,6 (1)
∠D. Дакриальный угол	-	92,9	-	92,9 (1)	89,7 (1)
68(1). Длина ниж. челюсти от мышцелков	-	116	-	116,0 (1)	121,8 (1)
68. Длина нижней челюсти от углов	-	87	-	87,0 (1)	91,9 (1)
65. Мыщелковая ширина	-	114	-	114,0 (1)	121,1 (1)

¹ Работа выполнена в рамках госконтракта № 30ок-4016/2012 «Изучение антропологических материалов святилища Усть-Полуй», программы Президиума РАН «Изменчивость адаптивных возможностей и саналогического состояния аборигенов Сибири в I – сер. II тыс. н.э.» и проекта РФФИ № 13-06-00158.

66. Угловая ширина	-	100	-	100,0 (1)	108,5 (1)
70. Высота ветви	-	50	-	50,0 (1)	55,3 (1)
67. Передняя ширина нижней челюсти	49	49	47	48,3 (3)	50,0 (3)
69. Высота симфиза	31	35	22	29,3 (3)	32,4 (3)
69(3). Толщина тела	12	14	11	12,3 (3)	13,0 (1)
79. Угол ветви нижней челюсти	-	130	-	130,0 (1)	130,0 (1)
∠C. Угол выступания подбородка	50	64	72	62,0 (3)	62,0 (3)

Таблица 2. Величины факторных нагрузок

Номер признака по Мартину	древние могильники		средневековые могильники		близкие к современности могильники	
	I вектор	II вектор	I вектор	II вектор	I вектор	II вектор
1. Продольный диаметр	-0,0484	-0,3445	0,4325	-0,0529	-0,1444	-0,4363
8. Поперечный диаметр	-0,1428	0,4275	0,3304	-0,1380	0,0627	0,5144
17. Высотный диаметр	0,3720	-0,2204	0,5441	0,0118	0,6821	-0,0248
9. Наименьшая ширина лба	0,3169	0,1565	-0,2419	0,3558	0,0813	0,2284
45. Скуловой диаметр	-0,1977	0,1128	-0,0064	-0,2035	-0,0164	0,6181
72. Общий лицевой угол	0,2094	0,4747	0,1162	-0,0670	0,0135	-0,1081
51. Ширина орбиты от <i>mf</i> .	-0,2382	-0,1717	0,1806	0,5397	0,2553	-0,0299
52. Высота орбиты	-0,2306	-0,1784	-0,1978	-0,3128	-0,4404	0,1541
SS. Симотическая высота	0,1524	0,0930	0,0994	-0,1201	0,2124	-0,1444
DC. Дакриальная ширина	-0,0245	-0,2913	-0,2803	0,1536	0,1935	-0,0384
DS. Дакриальная высота	0,2151	-0,2634	0,1072	0,2138	0,3204	0,0734
75(1). Угол выступания носа	0,4281	0,0948	0,1658	-0,4165	-0,2023	-0,0098
77. Назомалярный угол	-0,4495	-0,0640	0,3165	0,3792	0,0236	0,2137
∠zm'. Зигмаксиллярный угол	-0,3002	0,3876	0,1903	-0,1244	0,1308	-0,0168
Собственное значение	29,3132	11,4160	12,9842	6,1324	16,6984	7,7676
Доля изменчивости, %	49,5%	19,3%	36,4%	17,2%	31,0797	14,4574

полной программе (табл. 1), однако некоторые метрические данные по высоте лица и носа носят предварительный характер и могут быть уточнены после окончательной обработки материала. В целом он овоидной формы, характеризуется слабым развитием рельефа надглазничной области, но зато хорошо развиты лобные бугры. Для мозговой коробки характерны большие величины продольного, поперечного и высотных диаметров, по черепному указателю череп суббрахиокраниальный. Длина основания черепа малой величины, однако ширина его основания характеризуется большой величиной. Лобная кость длинная, узкая по наименьшей ширине, но широкая по наибольшей, значительно выпуклая в продольном

направлении и профилированная в поперечном. Профиль лба по величинам углов можно охарактеризовать как весьма наклонный. Из морфологических особенностей бросается в глаза сочетание небольших продольных величин мозговой коробки и лба с относительно большей их шириной. Лицо высокое и широкое мезо-лептоморфного типа (узколицесть). В горизонтальной плоскости лицевой скелет характеризуется средней степенью профилированности на уровне орбит и относительно большей уплощенностью в средней части. Орбиты узкие и низкие, мезоконхные по указателям, высота носа очень большая при большой его ширине, но указатель свидетельствует о его мезоринной пропорции. Носовые кости и пе-

реносье широкие и высокие, переносье низкое по симотическим размерам, но относительно выше по дакриальным, угол выступания носа над вертикальным профилем лицевого скелета малой величины. В отличие от мозговой коробки в строении лицевого скелета отмечается относительно гармоничное сочетание высотных и широтных характеристик. В целом слабое развитие рельефа, мест прикрепления мышц и некоторые специфические пропорции мозгового и лицевого отделов, а также нижней челюсти, позволяют полагать, что мы имеем дело с женским скелетом зрелого возраста.

Череп раскопок 2012 г. в значительной мере поврежден. При взгляде сверху череп овоидной формы со слабым развитием рельефа надглазничной области, сосцевидных отростков и наружной части затылочной кости (табл. 1). Для мозговой коробки характерны большие величины продольного и высотного диаметров в сочетании с малым поперечным диаметром, поэтому черепной указатель свидетельствует о ее субдолихокраниальной и гипсикраниальной (высокой) пропорции. Но вот ширина основания черепа довольно большая. В целом из морфологических особенностей бросается в глаза сочетание в строении мозговой коробки небольшой ее ширины с относительно большей длиной и высотой. По особенностям строения и морфологии данный череп может быть идентифицирован как взрослый женский.

По строению носовой части лицевого скелета, углу выступания носа, фацио-церебральным соотношениям и степени профилированности лица в горизонтальной плоскости черепа Усть-Полуя явно сближаются с монголоидными формами, однако не с классическими центральноазиатскими вариантами, а с комплексами, для которых характерно ослабление степени выраженности монголоидных особенностей и которые занимают промежуточное положение между популяциями Европы и Центральной Азии. Обобщенный показатель уплощенности лицевого скелета (УЛС) [Дебец, 1968] составил 72,0, преаурикулярный фацио-церебральный указатель (ПФЦ) — 94,2, условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) — 77,3.

Сопоставление краниометрических данных усть-полуйских черепов проведено с территориально ближайшими группами различных

исторических периодов (размеры женских черепов были условно скорректированы в мужские с помощью коэффициентов полового диморфизма [Алексеев, Дебец, 1964], перечень используемых признаков приведен в табл. 2). Конечно, необходимо иметь в виду, что в данном случае сопоставляются практически индивидуальные особенности усть-полуйской выборки с популяционными данными. При учете высокой индивидуальной изменчивости, характерной для человека современного вида, результаты проведенного анализа все же позволяют в первом приближении выделить те или иные сходные с морфологией усть-полуйцев краниологические комплексы исторического характера.

Сравнение усть-полуйских краниометрических данных с совокупностью популяций Северной Евразии неолита, бронзы и раннего железа с помощью канонического анализа показало, что по признакам с наибольшей нагрузкой I и II канонических векторов (величина нагрузки описывает 68,8 % общей дисперсии) серии по I вектору дифференцируются по степени выраженности монголоидных и европеоидных черт, по II вектору — по форме мозговой коробки (брахиокраниально-долихокраниально) (табл. 2, рис. 1а). Характер рассеивания анализируемых материалов показывает, что с неолитическим населением Западной Сибири и Урала усть-полуйская группа не обнаруживает особого сходства, однако в относительном масштабе видно заметное сближение ее с популяциями западносибирского протоевропейского неолитического пласта, широко распространенного как в Восточной Европе, так и в Западной Сибири. В отличие от неолитических групп Приуралья для них характерны более широкое эуриформное лицо, мезобрахиокраниально, невысокий череп, относительно большая уплощенность лица в горизонтальной плоскости, меньшая высота переносья и угла выступания носа, а отличительной чертой от подобных групп Восточной Европы — наличие в составе западносибирских популяций монголоидной примеси двух линий генезиса — центральноазиатской и местной западносибирской [Багашев, 2011]. Примерно такого же уровня сходство обнаруживают усть-полуйские черепа и с андронидными северными сериями эпохи развитой бронзы (Еловка 2, Чернозерье 1) и позднебронзовыми ирменски-

ми выборками, в составе которых вполне отчетливо прослеживается как палеоевропеоидный компонент, так и вполне заметная примесь монголоидных элементов местного таежного происхождения [Дремов, 1997; Багашев, 2000].

А вот при межгрупповом сравнении метрических характеристик черепов Усть-Полуя с данными по группам эпохи раннего железа с территории Западной Сибири, вполне определенно можно говорить о существенном морфологическом единстве усть-полуйской выборки с серией из кулайского могильника Каменный Мыс (рис. 1а). О том, что это не случайность, свидетельствует и проявляемая близость усть-полуйских черепов к монголоидным компонентам расовой структуры населения саргатской историко-культурной общности. Объединяющим фактором в данном случае выступает наличие в составе всех групп монголоидного компонента общего западносибирского генезиса.

Наибольшие морфологические отличия черепа из Усть-Полуя проявляют с теми группами, в составе которых отсутствует примесь монголоидных элементов, а европеоидная основа связана в происхождении с различными вариантами восточносредиземноморских антропологических комплексов (например, алакуль) (рис. 1а).

При сравнении усть-полуйской выборки со средневековыми западносибирскими популяциями заметно, что усть-полуйская группа не обнаруживает с ними видимого морфологического сходства. Однако признаки, которые по результатам канонического анализа имеют наибольшее значение (табл. 2), не складываются в таксономически значимые комплексы, описывая в общей сложности 53,6 % общей дисперсии. Так, по признакам I вектора группы дифференцируются лишь по длине и высоте мозговой коробки, а по признакам II вектора — только по углу выступания носа. Поэтому по I вектору различия между всеми группами массива невелики, но существенно усть-полуйская выборка дистанцируется от средневековых серий по углу выступания носа, в связи с тем, что в структуре средневековых популяций Западной Сибири во второй пол. I — сер. II тыс. н.э. преобладающим является комплекс монголоидных черт, причем доля его нарастает во времени от раннего железа к современности. В относительном же масштабе видно, что усть-полуйские

черепа в силу более отчетливо выраженных европеоидных признаков тяготеют к тем популяциям юга Западной Сибири, в составе которых прослеживается присутствие южносибирских элементов, связанных в генезисе с кимако-кыпчакскими племенами (усть-ишимская культура, могильники Басандайка, Астраханцево, Ур-Бедари), но отдаляются от более монголоидных — как от объ-иртышских, так и от уральских популяций Среднего Приобья (рис. 1б).

При сопоставлении усть-полуйских кра ниометрических данных с материалами по современным этнолингвистическим общностям Западной Сибири результаты канонического анализа показывают, что по признакам с наибольшей нагрузкой (45,6 % общей дисперсии) серии дифференцируются по высотным характеристикам мозговой коробки, но низкой орбите и менее выступающему углу носа (I вектор), по II вектору — по широтным размерам черепа и лица (табл. 2, рис. 1в). Характер расположения групп в корреляционном поле двух первых векторов позволяет вполне определенно судить о таксономическом положении усть-полуйской группы в системе антропологических общностей Северной Евразии.

В целом исследованные черепа из погребений на святилище Усть-Полуй обнаруживают морфологическое сходство высокого таксономического уровня с преобладающим количеством популяций томско-нарымского (томско-чулымские тюрки, нарымские селькупы) и тоболо-барабинского (тюменские, барабинские татары) вариантов объ-иртышской группы антропологических типов западносибирской локальной расовой формации (рис. 1в). Различия несколько возрастают с уральскими популяциями западносибирской формации (ханты и манси), а также с енисейскими популяциями североазиатской формации (ненцы, кеты).

Формирование особенностей морфологического типа черепов Усть-Полуя, таким образом, протекало в западносибирском вторичном очаге расообразования, и расогенетически население субарктических областей Западной Сибири сопряжено с генезисом объ-иртышских популяций в южном третичном очаге, который связан с южносамодийской линией развития. Именно примесь таежных западносибирских монголоидов в составе и неолитического населения,

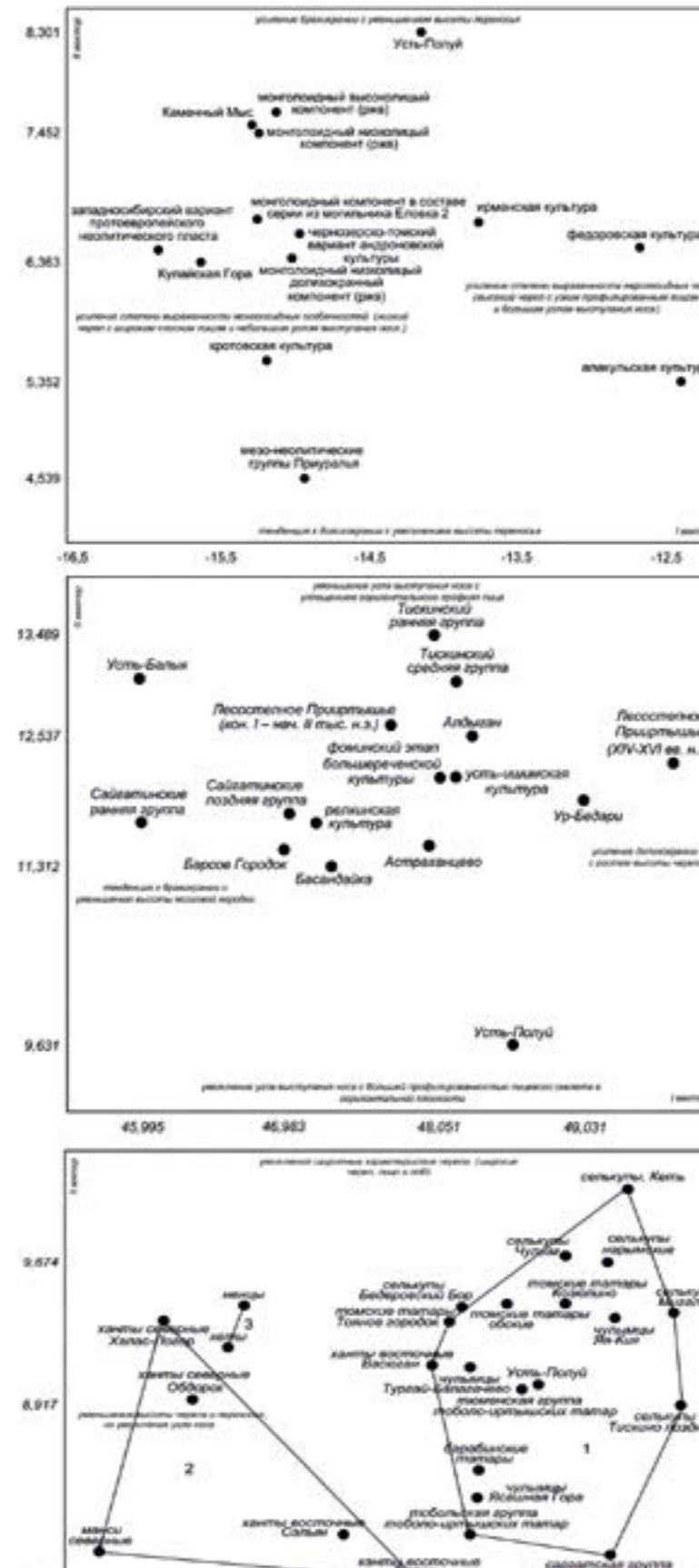

Рис. 1. Схема популяций

- 1 — объ-иртышские популяции западносибирской формации;
- 2 — уральские популяции западносибирской формации;
- 3 — енисейские популяции североазиатской формации.

и населения бронзового века, и населения раннего железа, и средневековых и современных популяций определяет их морфологическое своеобразие и служит достаточно надежным индикатором степени родственных отношений, чем в итоге и определяется своеобразие антропологического типа сохранившейся части южносамодийского этнического массива.

Пластическая антропологическая реконструкция лица по черепу позволяет увидеть облик представителей древнего населения, дополняя полученные антропологические характеристики и визуализируя ряд особенностей внешнего облика, что дополняет морфологическую характеристику черепов. К настоящему моменту опубликовано значительное количество реконструкций представителей древних и современных популяций. Однако в Западной Сибири такие работы только начинаются. Несомненный интерес представляет

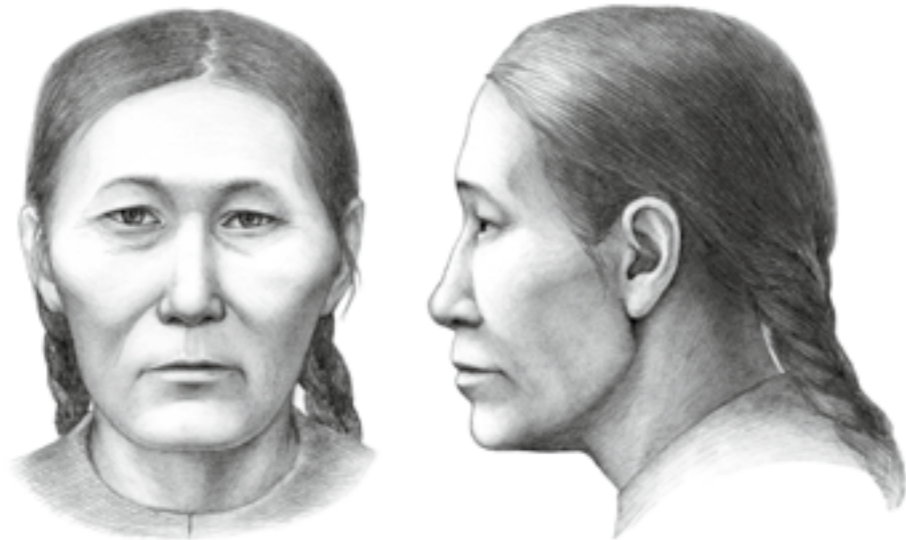

Рис. 2. Рисунок-графика (анфас, профиль)

которой были получены изображения черепа в анфас и профиль. Для графического портрета выполнено контурное построение схемы лица с опорой на художественные каноны, правила и логику построения художественного изображения на картинной плоскости [Рабинович, 1978; Бесчастнов, 2007; Ли, 2010].

На полученном портрете изображена женщина зрелого возраста с высоким, широким лицом пентагональной формы, которое характеризуется наклонным узким и невысоким лбом, сильно выдающимися скулами, прямым

реструкция внешнего облика тех людей, информация об антропологии которых чрезвычайно скудна. Одним из таких «белых пятен» являются наши знания об антропологии населения северных широт Западной Сибири в эпоху раннего железа. Краниологический материал (раскопки 2011 г.) хорошей сохранности из погребения на святилище Усть-Полуй позволил выполнить пластическую реконструкцию внешнего облика индивида.

Восстановление портрета по черепу проведено по методике, разработанной представителями российской школы антропологической реконструкции, основанной М.М. Герасимовым [Герасимов, 1949, 1955; Лебединская, 1973, 1998; Никитин, 2009]. Для получения краниограмм использовались фотографии, выполненные по правилам, применяемым в антропологических исследованиях [Павловский, 1962], а также виртуальная 3D-модель, на основе

широким и умеренно выступающим подбородком. Неглубоко посаженные небольшие глаза с ровной складкой верхнего века, которое немного нависает на внешний уголок глаза, имеют косовнутреннее направление разреза. У внешних уголков глаз сформировались морщинки. Высокий нос с прямым профилем выступает слабо относительно плоскости лица. Основание и кончик носа немного приподняты. Рот небольшой, его уголки уже слегка опущены, губы средней толщины. Фильтрум (вертикальное углубление на поверхности лица, расположен-

ное по средней линии от основания перегородки носа до края верхней губы) прямоугольной формы, выражен слабо. Для художественного отображения биологического возраста индивида на портрете изображены морщины на лбу и вокруг глаз, носогубные складки, складки шеи и некоторое «обвисание» мягких тканей лица.

Выполненные таким образом графические портреты на основе палеоантропологических находок на святилище Усть-Полуй позволяют впервые образно представить внешность населения эпохи раннего железного века, обитавшего на самом севере Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.
2. Аксянова Г.А., Боброва А.И., Яковлев Я.А. Могильник Алдыган — некрополь раннего железного века кулайской культуры // Вестник антропологии. – М., 2004. – Вып. 11. – С. 54-75.
3. Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 2000. – 374 с.
4. Багашев А.Н. Сложение и эволюция населения кулайской археологической культуры по антропологическим данным // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западносибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аргаф-Пресс, 2010. – С. 384-387.
5. Багашев А.Н. Происхождение аборигенов Северной Евразии. – Saarbrücken, Germany: Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co.Kg., 2011. – 363 s.
6. Бесчастнов Н.П. Портретная графика: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Гуманитар. Изд. Центр ВЛАДОС, 2007. – 367 с.
7. Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 13-22.

8. Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. – М.: Советская наука, 1949. – 188 с.
9. Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек). – Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. – М.: Наука, 1955. – Т. 28. – 586 с.
10. Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 264 с.
11. Лебединская Г.В. Соотношение между верхним отделом лица и лицевого черепа // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. – М.: Наука, 1973. – С. 38-56.
12. Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу. – М.: Наука, 1998. – 124 с.
13. Ли Н.Г. Рисунок. Основы учебного академического рисунка. – М.: Эксмо, 2010. – 479 с.
14. Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири. – М.: Наука, 1965. – 88 с.
15. Никитин С.А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и царьц в Вознесенском монастыре Московского кремля. – М.: Изд-во музеев Московского кремля, 2009. – Т. 1. – С. 137-167.
16. Павловский О.М. О методике фотографической документации антропологических исследований // Вопросы антропологии. М., 1962. – Вып. 10. – С. 98-109.
17. Рабинович М.Ц. Пластическая анатомия человека, четвероногих животных и птиц и ее применение в рисунке. – М.: Высшая школа, 1978. – 208 с.
18. Усть-Полуй — древнее святилище на Полярном круге // Науч. вестн. Ямало-Ненец. авт. окр. – 2008. – Вып. 61. – 89 с.
19. Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // Мат-лы и иссл. по археологии СССР. – М., 1953. – № 35. – С. 221-241.
20. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. // Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – 256 с.

П.А. Косинцев, О.П. Бачура, О.М. Корона,
А.Е. Некрасов, А.В. Пантелеев
г. Екатеринбург, г. Санкт-Петербург

ИСТОРИКО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА УСТЬ-ПОЛУЙ

Археологический памятник Усть-Полуй находится в черте современного города Салехарда и расположен на коренном правом берегу р. Полуй недалеко от ее впадения в р. Обь (66°30' с.ш., 66°38' в.д.). Для памятника имеются дендрохронологические [Шиятов и др., 2000] и радиоуглеродные (по образцам древесины и угля из культурного слоя) даты — от 2150±100 (ЛЕ-8304) до 1860±45 (ЛЕ-8308) лет назад. По ним памятник датируется I в. до н.э. — I в. н.э. [Федорова, Гусев, 2008]. В ходе исследования памятника были получены историко-экологические материалы: коллекции костных остатков и макроостатков растений. Коллекции костных остатков были собраны и исследованы из раскопок 1935, 1993, 1994, 1995, 2006, 2009, 2010 и 2011 гг. Кости млекопитающих определены из раскопок 1990-х и 2000-х гг. (табл. 1); кости птиц определены из раскопок 1935, 1993-1995 и 2009 гг. (табл. 2); остатки рыб определены из раскопок 2006 и 2009 гг. (табл. 3); макроостатки растений определены из колонки образцов, взятой из заполнения рва (табл. 4).

Млекопитающие. Наиболее многочисленны остатки северного оленя, которые составляют от 43 до 79 % от общего числа костей млекопитающих на разных участках памятника. Присутствуют все элементы скелета. Все рога, черепа, позвонки, ребра и трубчатые кости фрагментированы. Характер раздробленности типичен для кухонных остатков. Определить, относятся остатки оленя к дикой или домашней форме, не представляется возможным. Кости собаки занимают второе место по числу остатков после северного оленя и составляют от 15 до 50 % на разных участках памятника.

Присутствуют все элементы скелета. Почти все найденные позвонки и метаподии целые. Часть трубчатых костей целая, а часть разбита на три части. Большая часть костей принадлежала взрослым особям. Есть также кости от молодых и полувзрослых животных. Найден фрагмент бедра от новорожденной особи и несколько костей от щенков. Кости зайца составляют от 2 до 11 %. Найденны фактически все элементы скелета, но подавляющее большинство — целые метаподии и фаланги пальцев (43 %). Остальные элементы скелета представлены единичными экземплярами. Трубчатые кости разломаны на две половины. Скорее всего, разделка тушек зайца производилась преимущественно за пределами изученной территории. Остатки бобра составляют от 2 до 7 %. Присутствуют все кости скелета. Подавляющее большинство из них — позвонки и ребра. Никаких следов обработки на костях не отмечено. Изделий среди костей бобра нет. 18% костей происходят от молодых животных. Найден фрагмент клыка моржа. Моржи обитают на западном побережье Ямала и далее на запад, и эта находка указывает на связи населения Усть-Полуя с западными районами. Кости таких видов, как лось, волк, песец, лисица, соболь, горноста, белка и нерпа, единично найдены во все годы раскопок (табл. 1). В видовом составе представлены все промысловые виды региона (Косинцев, 2006).

Птицы. Среди птиц (табл. 2) преобладают курообразные, остатки которых составляют более 50%. Многочисленны гуси (от 10 до 15 % в материалах разных лет), утки (11 до 19 %), различные водоплавающие (от 3 до 7 %) и дневные хищники (от 4 до 9 %). Остатки остальных

групп видов — ржанкообразные, журавли, совы, куриные, врановые — составляют от 4 % и менее. В видовом составе представлены все промысловые виды и условно непромысловые виды крупных и средних размеров, которые обитают в регионе [Косинцев, 2006].

Рыба. Остатки рыб определены из раскопок двух лет (табл. 3). В 2006 г. кости выбирались при разборке слоя. В 2009 г. были получены 2 выборки. Первая выборка собрана в ходе раскопок при разборке культурного слоя. Вторая выборка получена при просеивании через сито образцов культурного слоя из разных участков раскопа. В табл. 3 первая выборка называется «раскоп», вторая выборка — «просев». Объемы всех выборок репрезентативны. Структура улова по материалам раскопок 2006 и 2009 гг. различается. В выборке из раскопа 2006 г. доминируют два вида — налим (51 %) и нельма (31 %), а в выборке из раскопа 2009 г. доминирует налим (82 %), а доля нельмы значительно меньше (12 %). Различаются доли и ряда других видов: щуки — 4,8 % и 0,6 %; карповых — 1,5 % и 0,3 %; суммарно сиговых — 5,1 % и 3,1 %. В материалах раскопа 2009 г. отсутствует целый ряд редких в уловах видов: елец, ёрш, окунь — и нет неопределимых до вида остатков (табл. 3). Учитывая большие объемы выборок, структуры костных комплексов рыб на разных участках памятника существенно различаются. Совершенно иная структура костного комплекса, полученного при просеивании. Здесь доминируют сиговые (45 %) и неопределимые до вида остатки (41 %) (табл. 3). Очевидно, что эти различия связаны с разной методикой сбора костей. При просеивании собраны хрупкие и мелкие кости сиговых и карповых, которые разрушаются и не выбираются из слоя при обычной методике сбора. Таким образом, материалы, собранные в процессе раскопок, не характеризуют структуру улова. Структуру улова наиболее адекватно характеризует материал из просеивания. Реконструкция размеров рыб показала, что наибольшие размеры выловленных особей осетра, нельмы и щуки не превышали 1 м, а подавляющее большинство особей имело длину от 40 до 65 см. [Косинцев, Некрасов, 2011]. В видовом

составе представлены все промысловые виды, которые обитают в регионе [Косинцев, 2006].

Растительные макроостатки. Среди макроостатков (табл. 4) представлены виды разных групп: древесные, сорные (марь белая, глухая крапива), пищевые (княженика, морошка, черемуха, малина, брусника, водяника), технические (крапива, конопля). В состав последней группы входит конопля, ареал которой находится значительно южнее. Очевидно, она была принесена сюда с юга для выращивания с целью получения волокна. Для этого также выращивалась крапива. На это указывает большое количество их остатков. То есть население региона специально выращивало крапиву и коноплю в технических целях.

Сезоны присутствия. Сезоны присутствия людей на этой территории в древности определены на основании двух методик — по регистрирующим структурам в зубах млекопитающих (Клевезаль, 1988) и на основании экологических характеристик животных. По регистрирующим структурам определен сезон забоя 14 особей северного оленя: осенью забито 3 особи, осенью-зимой забито 4 особи, и зимой забито 7 особей. По зубам определен сезон гибели 11 особей собак: 6 особей погибли весной-летом и 5 особей погибли осенью-зимой. Среди птиц более половины остатков принадлежит курообразным, массовая добыча которых в районе Усть-Полуя возможна только в период с поздней осени до ранней весны [Косинцев, 2006]. Среди остальных видов птиц большую часть составляют перелетные, то есть в этом районе они обитают с весны до осени. Материалы по птицам показывают, что люди были в этом районе круглый год. В реках Оби и Полуе зимой наблюдается замор, и рыбы в реках практически нет, то есть вся рыба поймана с начала весны до начала зимы. Проведенный анализ показывает, что люди присутствовали на территории Усть-Полуя круглый год.

Таблица 1. Видовой состав и количество костных остатков животных

Вид	Год раскопок				
	1993 - 1995	2006	2009	2010	2011
Собака	232	259	450	1059	766
Северный олень	939	976	515	911	1455
Лось	9	4	-	2	7
Волк	2	-	-	1	-
Песец	12	21	15	3	4
Лисица	32	7	1	9	-
Соболь	22	5	1	4	-
Горноста́й	-	1	1	-	-
Заяц - беляк	167	122	51	37	38
Белка	10	1	1	4	-
Бобр	108	91	63	89	41
Нерпа	-	-	-	1	1
Морж	-	-	-	1	-
Млекопитающие неопределимые	994	1380	1830	200	169
Птица	710	1032	806	687	972
Рыба	1707	2042	2396	21661	2356

Таблица 2. Видовой состав и количество костных остатков птиц

Вид	Год раскопок		
	1935	1993-1995	2009
Краснозобая гагара	25	55	9
Чернозобая гагара	48	39	4
Гагара	-	1	-
Поганка	8	3	-
Лебедь-кликун	28	12	5
Малый лебедь(тундряной)	10	1	-
Лебедь	-	-	2
Белолобый гусь	133	94	75
Гусь-пискулька	-	3	2
Гусь гуменник	90	62	20
Гусь	-	6	4
Черная казарка	-	2	-
Казарка	3	-	-
Белошекая казарка	-	-	3
Краснозобая казарка	-	1	-
Кряква	12	14	-
Чирок-свистун	50	47	55
Чирок-трескун	6	7	3
Чирок-свистун-трескун	-	1	-
Связь	40	20	14

Шилохвость	24	66	26
Широконоска	12	5	11
Гага-гребенушка	-	-	1
Гага	-	1	-
Хохлатая черныть	4	15	1
Морская черныть	1	1	1
Турпан	1	2	-
Синьга	2	7	-
Морянка	14	14	4
Гоголь	7	3	-
Луток	1	-	-
Большой крохаль	1	-	-
Утка	51	14	16
Тундряная куропатка	134	71	19
Белая куропатка	664	916	346
Куропатка	318	22	7
Курообразные	-	-	3
Глухарь	16	3	1
Тетерев	1	1	-
Рябчик	-	1	-
Тетеревиные	-	1	-
Турухтан	-	-	1
Серый журавль	1	-	-
Стерх	6	1	-
Средний поморник	-	1	1
Серебристая чайка	67	57	16
Орлан-белохвост	146	98	17
Беркут	28	-	1
Тетеревиный	4	1	-
Канюк	1	-	-
Полевой лунь	2	-	-
Ястребиные	1	3	1
Дербник	-	-	1
Скопа	-	2	-
Сапсан	2	1	-
Филин	4	-	-
Белая сова	12	2	-
Бородатая неясыть	1	-	-
Ястребиная сова	-	-	1
Болотная сова	-	-	2
Сорока	-	7	10
Серая ворона	11	10	3
Ворон	11	-	4
Птицы неопределимые	12	122	46

Таблица 3. Видовой состав и количество костных остатков рыб

Вид	2006 г.		2009 г.			
	Раскоп		Раскоп		«Просев»	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Сибирский осетр	20	0,7	18	0,9	9	0,1
Стерлядь	7	0,3	2	0,1	12	0,2
Муксун	10	0,4	24	1,2	3	0,1
Чир	49	1,9	15	0,7	7	0,1
Сиги	76	2,9	24	1,2	2658	44,8
Нельма	816	30,7	245	11,9	131	2,2
Щука	128	4,8	13	0,6	68	1,1
Язь	24	0,9	18	0,9	7	0,1
Елец	7	0,3	-	-	3	0,1
Карповые	41	1,5	6	0,3	387	6,5
Налим	1351	50,9	1684	82,2	158	2,7
Ёрш	4	0,1	-	-	6	0,1
Окунь	7	0,3	-	-	37	0,6
Рыбы неопределимые	115	4,3	-	-	2443	41,2
Всего	2655	100	2049	100	5929	100
Рыба		1707	2042	2396	21661	2356

Таблица 4. Видовой состав и количество макроостатков растений из заполнения рва

Вид	Образцы					
	-150-160 см	-175-178 см	-220-240 см	слой органики	слой песка	нижний
Лиственница	слой	-	58	8	41	3
Кедр	20	23	58	160	60	-
Ель	61	50	1000	1380	63	49
Можжевельник	172	-	19	73	42	-
Ива	-	-	-	-	50	-
Береза	-	1	40	221	-	-
Ольха	-	1	18	62	-	-
Крапива	721	2541	201	2342	284	377
Конопля	15	-	8	8	6	-
Марь белая	-	-	-	1	140	-
Княженика	-	-	-	-	4	-
Морошка	27	1	42	384	117	198
Черёмуха	186	11	36	254	20	-
Малина	-	-	-	1	-	5
Брусника	3	-	-	1929	-	-
Водяника	710	892	16	3560	5470	13521
Глухая крапива	1	1	8	95	1330	750

Заключение. Анализ историко-экологических данных показал следующее: соотношение остатков разных видов млекопитающих, птиц и рыб из раскопов разных лет имеет существенные различия. Поскольку в разные годы раскапывались разные части памятника, это указывает на различия в функциональном использовании разных участков памятника. Среди остатков наиболее массовых видов (северный олень и собака) все элементы скелета представлены в достаточном количестве. Следовательно, в слой попадали остатки полных скелетов. Население добывало и ловило все промысловые виды млекопитающих, птиц и рыб, обитавших в регионе. В культурный слой попадали остатки всех добываемых видов, без избирательности. Характер раздробленности позволяет полагать, что животных съедали на изученной территории памятника. Население региона специально выращивало крапиву и коноплю для получения волокна. Результаты определения сезонности показали, что люди обитали здесь круглый год.¹

ЛИТЕРАТУРА

1. Клевезаль Г.А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. – М.: Наука, 1988. – 285 с.
2. Косинцев П.А. Историческая экология населения севера Западной Сибири. Источники. — Екатеринбург-Салехард: Волот, 2006. – 244 с.
3. Некрасов А.Е., Косинцев П.А. Остатки рыб из археологического памятника Усть-Полуй // Экология древних и традиционных обществ. — Тюмень: ИППОС, 2011. – Вып. 4 – С. 201-204
4. Федорова Н.В. Гусев А.В. Древнее святилище Усть – Полуй: результаты исследований 2006 – 2008 гг. // Усть-Полуй — древнее святилище на Полярном круге. Научный вестник Ямало – Ненецкого автономного округа. Салехард: Изд-во «Красный Север», 2008. – Вып. № 9 (61) – С. 3 – 36.
5. Шиятов С.Г., Мазепа В.С., Хантемиров Р.М., Горячев В.М. Итоги и перспективы использования дендрохронологического метода для датировки археологических, исторических и этнографических памятников на территории ЯНАО // Археология и этнология. Матер. научно-исследовательской конференции по итогам полевых исследований 1999г. Научный вестник – Салехард: Изд-во «Красный Север», 2000. – Вып. 3 – С. 49 – 56.

¹ Работа частично выполнена по программе Президиума УрО РАН № 12-4-7-035.

Е.М. Данченко
г. Омск

УСТЬ-ПОЛУЙ В СИСТЕМЕ УРАЛО-СИБИРСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Начавшиеся восемь десятилетий назад исследования Усть-Полуя до сих пор не утратили своей актуальности, о чем свидетельствуют и состоявшаяся юбилейная конференция, и материалы настоящего сборника. Действительно, вопросов, связанных с определением места этого уникального комплекса среди других памятников Урала и Западной Сибири, не становится меньше, и до конца не ясно, насколько он вообще способен вписаться в какую-либо систему древностей.

Общим для многочисленных и весьма неоднозначных определений понятия «система» [Клейн, 2009, с. 94-99] является рассмотрение ее как объективно сложившегося комплекса взаимосвязанных элементов, которые в системном сочетании обретают новые, не свойственные им в разрозненном состоянии качества и механизмы развития. Поэтому системный подход нацелен на вскрытие системообразующих факторов, связывающих отдельные, порой разнородные компоненты в единое целое и заставляющие их функционировать по законам системы. Систематизация, напротив, подразумевает искусственное упорядочивание накопленных данных, выстраивание их в некую классификационную иерархию с помощью сравнительно-типологического и ряда других методов, чтобы облегчить ориентацию в непрерывно растущем объеме материала и обеспечить его более эффективное изучение и использование. Подобную стратегию в культурологических исследованиях категорически отвергают сторонники постмодернистского подхода; по их мнению, она ведет к насильственному согласованию «культурного многоголосия» [Шандыбин, 1998, с. 16].

В археологии применение системного подхода крайне осложняется тем, что объектом непосредственного изучения являются не сами куль-

туры прошлого, а лишь их фрагментированные остатки, сохранившиеся до наших дней. И хотя природные процессы археологизации системны как таковые изучаются тафономией и этноархеологией, их результатом становится разрушение взаимосвязей элементов древней культуры как системной целостности и трансформация ее в крайне ограниченный и, главное, бессистемный набор ископаемых артефактов. Поэтому понять их функциональное назначение, восстановить объективно существовавшие между ними связи, а тем более реконструировать всю систему, к которой они принадлежали, без знания историко-культурного контекста попросту нереально. Обоснованность этнографических аналогий, при всем внешнем сходстве, никем не доказана, поскольку, по сути, речь идет о попытках спроецировать современную «живую» культуру на «мертвую» археологическую, связав тем самым совершенно разные системы. При этом возрастает роль исследовательского субъективизма, благодаря чему объективно существующий комплекс черт наделяется разными характеристиками в зависимости от того, в какую классификационную схему он включается тем или иным ученым, сквозь призму какой концепции рассматривается.

За минувшие 80 лет можно было многократно наблюдать, как в зависимости от общественно-политической ситуации и состояния науки менялись подходы к изучению Усть-Полуя.

Первые результаты его исследования были восторженно оценены В.И. Равдоникасом как «буквально мировое открытие», но последовавшие затем арест и расстрел автора раскопок В.С. Адрианова на десятилетие вывели полученные им материалы из научного оборота. Одним из узловых памятников истории Приобья Усть-Полуй считали В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская [Федорова, 2003, с. 6], в чьих

работах — вполне в духе времени — речь шла о масштабных миграциях и связи носителей археологических культур с конкретными этносами. В характерной для последующего периода манере создания «мега-текстов» с громадными пространственно-временными рамками и пренебрежения к «мелкотемью» выдержаны работы Л.А. Чиндиной, которая интерпретировала усть-полуйские материалы иначе, нежели предшественники [Чиндина, 1984, с. 165-174].

Перемены, происшедшие в обществе за последние десятилетия и поставившие науку в жесткие условия выживания, отчасти объясняют упорное стремление нынешних исследователей памятника любой ценой отстоять его сакральный статус [Гусев, Федорова, 2012, с. 26]. Можно будет лишь порадоваться за коллег и друзей, если активно «раскручиваемый» бренд «Святилище на Полярном круге» облегчит получение средств для осуществления дальнейших проектов. Что касается чисто научной стороны, то любая попытка однозначно ответить на вопрос о характере комплекса на Ангальском мысу представляется методологически неверной.

Предположение о существовании жертвенного места на городище Усть-Полуй впервые высказал В.И. Равдоникас, посчитавший, что найденные на нем вещи «слишком хороши для культурного слоя простого поселения» [Федорова, 2003, с. 6]. Версия эта и сегодня никем не оспаривается с учетом большого количества найденных на памятнике предметов, многие из которых без преувеличения можно считать произведениями искусства — хрупкими, трудоемкими не столько в изготовлении, сколько в декорировании, и по виду малопригодными в повседневном быту. Массовость целых находок также в большей мере соответствует культовому месту, которое в отличие от укрепленного поселка могло посещаться лишь время от времени, и из которого, как принято считать, ничего нельзя было уносить. В пользу сакрального характера памятника могут свидетельствовать исследованные объекты с собачьими черепами и человеческие захоронения.

Уникальной особенностью Усть-Полуя является исключительная по западносибирским меркам степень сохранности предметов из кости, рога, дерева, бересты. Это необходимо учитывать при сравнении набора инвентаря комплекса и других памятников, где не было

подобных условий залегания находок и их состав мог существенно трансформироваться в процессе археологизации. Так или иначе, но материалы с известных святилищ Приобья существенно отличаются от усть-полуйских, что, помимо локальной специфики, могло быть связано и с обстоятельствами их обнаружения: достаточно вспомнить, как местный житель, нашедший Истяцкий клад, взял лишь предметы, которые посчитал наиболее ценными [Чернецов, 1953, с. 162]. Однако и Саровское культовое место, раскопанное профессиональными археологами, содержало иной, нежели на Усть-Полуе, набор вещей. Причем на расположенном поблизости одноименном городище, как и в жертвенном комплексе Большого Лога в черте Омска, найдены роговые гребни и изделия из кости, что в принципе свидетельствует о возможности их сохранения, но, тем не менее, количество и набор предметов не идет ни в какое сравнение с усть-полуйской коллекцией.

Вопрос о культурной принадлежности комплекса решался по-разному. В.С. Адрианов выделил усть-полуйскую культуру, позднее охарактеризованную В.Н. Чернецовым и В.И. Мошинской [Федорова, 2003, с. 6]. Впоследствии их выводы вызвали критику Л.А. Чиндиной, которая сочла памятник кулайским [Чиндина, 1984, с. 165-174]. Следует, однако, заметить, что в полученной при его раскопках коллекции инвентаря представлены лишь бронзовые наконечники стрел усть-полуйского, а не кулайского типа, а металлопластика по стилю и видовому составу изображенных животных, на мой взгляд, ближе к художественному литью Приуралья. При оценке аналогичных с виду гравировок на металлических изделиях важно учитывать, что изобразительные возможности техники их нанесения весьма ограничены, что может обуславливать сходство разновременных и разнокультурных образов и сюжетов [Степи..., 1981, рис. 49, 4; Мурыгин, 1992, с. 39]. Не проясняет ситуации и разнородная по облику керамика Усть-Полуя, присутствие которой в столь массовом количестве вообще является необычным для святилищ.

Часть посуды памятника сопоставима с позднекулайской благодаря ряду характерных признаков: содержанию песка в глине, формам горловин, поддонам, оформлению венчиков в виде «карнизиков» с внутренней сторо-

ны, использованию штампов типа «уточка» и «змейки», орнаментам в виде рядов «гребенки», «волны», «паркетных» мотивов, которые, впрочем, встречаются и на более толстостенных горшках, не относящихся к описываемому типу.

Специфическими чертами керамики данной группы, по сравнению с позднекулайской Среднего Прииртышья и Барабы, следует признать менее плотный орнамент и более крупный размер «уточек», часть которых к тому же повернута в левую сторону. Такое своеобразие в принципе понятно, поскольку сравниваемые районы занимали противоположные края гигантского саровского ареала, и к тому же материалы Усть-Полуя, с учетом имеющихся датировок, могли относиться к более раннему периоду, для которого были свойственны именно разреженные узоры и крупные штампы.

Помимо кулайской, на памятнике выделяется группа сосудов со шнуровой орнаментацией, традиции которой более характерны для европейского Северо-Востока [Васкул, 1997, с. 379, 380], некоторое количество керамики перегребнинского типа [Морозов, Чемякин, 2008, с. 208; 218], а также бичевницкой [Мурыгин, 1992, с. 139] и зеленогорской (устное сообщение Ю.В. Ширина) посуды эпохи средневековья.

Массовость и неоднородность керамического материала Усть-Полуя, как и уже отмеченные ассоциации с бронзовыми изображениями Урала, склоны которого видны с площадки памятника, делают сомнительным однозначное отнесение его к кулайской культуре.

Дополнительный повод для размышлений дают остеологические остатки из культурного слоя комплекса. Если обнаруженные на нем собачьи черепа и скелеты связаны с культом, то у кого он был распространен? Для металлопластики кулайцев изображения собак не типичны, что можно сказать и о северном олене, хотя ареал обитания животных этого вида совпадал с территорией расселения саровцев [Чиндина, 1984, с. 61].

В этой связи обращает на себя внимание Истяцкий клад, в составе которого представлены фигурки собак или волков. Попытки отнесения его к кулайской культуре [Чиндина, 1984, с. 72; Чемякин, 2012, с. 283] ничем не аргументированы, поскольку он включает предметы совершенно иного стиля и скорее со-

поставим с гляденовскими комплексами, в которых изображения собак порой исчисляются сотнями [Генинг, 1988, с. 157; рис. 38, 10].

Здесь уместно напомнить, что В.Н. Чернецов, стилистически разделяя бронзовое антропо-зооморфное литье Западной Сибири на ажурное и плоское, отмечал, что обе группы являются вариантами выражения одного и того же комплекса идей [Чернецов, 1953, с. 176]. Этот вывод представляется исключительно важным с методологической точки зрения.

В свое время Э. Дюркгейм, анализируя верования австралийских аборигенов, пришел к заключению, что главным объектом поклонения в их традиционной религии являются не какие-то животные, растения, изображения или отдельные люди, а «некая анонимная и безличная сила, находящаяся в каждом из этих существ, не смешиваясь, однако, ни с одним из них». Эта сила остается всегда внутренне присущей миру, разлитой в бесчисленном множестве вещей, а тотемические животные и предметы — лишь ее зримые символы [Токарев, 1978, с. 213].

Следовательно, при попытках однозначно решать вопросы о типе конкретного памятника, его статусе или культурной принадлежности игнорируется многозначность элементов культуры, их способность выполнять различные функции при сохранении прежнего облика. В одной из работ Ю.В. Балакина справедливо отмечалось, что граница между бытовыми и ритуальными вещами принципиально подвижна в очень широком диапазоне и всегда готова сместиться в ту или иную сторону. «Сакральность вещи коренится не в характере ее производства и даже не в ее назначении, а в концентрации на ней сакрально ориентированного внимания, в вовлечении изделия в сакральное поле» [Балакин, 2004, с. 44]. Именно это «поле», включающее целый комплекс традиционных коллективных представлений и религиозно-мифологических сюжетов, следует считать системой, перекрывающей этнические, языковые, хозяйственные ареалы, не говоря уже о границах распространения археологических типов и культур, искусственно конструируемых в ходе систематизации накопленных данных.

Специфика Усть-Полуя, с одной стороны, заключается в том, что полученные на

нем материалы, безусловно, являются ярчайшим выражением мировоззрения древнего населения Урала и Западной Сибири, а, с другой, пограничное — во всех смыслах — положение не позволяет однозначно отнести его ни к конкретной археологической культуре, ни к определенной категории памятников.

То, что в ходе дорожно-строительных работ на Ангальском мысу могли быть уничтожены не только вал и ров, достоверно зафиксированные первыми исследователями памятника [Федорова, 2003, с. 5; Мошинская, 1953, с. 72], но и какие-то жилые или хозяйственные объекты, согласуется с прозвучавшими на конференции выводами о разносторонней производственной и бытовой деятельности, носившей круглогодичный характер (сообщения П.А. Косинцева и О.П. Бачура; Н.А. Алексашенко и Н.Н. Скакун; А.П. Бородавского). Подобные заключения явно идут в разрез с предположением о том, что вал и ров служили исключительно для разграничения сакрального и обычного пространства [Федорова, 2003, с. 6].

Судя по керамике, рассматриваемый памятник посещался разнокультурными группами, а значит, вопрос о его функциональном назначении не может решаться однозначно. Апеллировать к результатам исследования отдельных участков культурного слоя неправомерно, так как планиграфия и стратиграфия различных частей многослойных комплексов может существенно различаться. Помимо прочего, неясным остается вопрос: могли ли одни и те же коллективы пользоваться разнотипной, с археологической точки зрения, посудой, и не преувеличиваем ли мы значение керамики как культурно-показательного маркера?

Думается, при оценке Усть-Полуя необходимо всячески избегать излишне категоричных выводов, поскольку он явно носил многофункциональный характер, подобно многим другим памятникам (Чудская гора, Большой Лог, Саровка), где наряду с жилыми объектами выявлены следы жертвоприношений. Это ни в коей мере не понижает статус комплекса, а, напротив, позволяет более адекватно оценить его как сложный и исключительно информативный источник, совершенно заслуживающий того, чтобы делать из него некую «вырезку» или «закатывать в асфальт» узких датировок и интерпретаций.

Убежден, что многие спорные вопросы усть-полуйской проблематики можно прояснить с помощью серийного радиоуглеродного датирования предметов инвентаря из органики, фрагментов керамики и нагаров на них, классификации посуды с выделением типологических групп с соответствующими статистическими характеристиками и данными плани-стратиграфии.

Усть-Полуй, расположенный в контактной зоне на окраинах уральского и западносибирского регионов, является блестящим примером того, как периферийные памятники порой оказываются более яркими и выразительными на фоне прочих. Причем его местоположение по-своему тоже уникально: склоны Урала здесь сходятся с крупнейшей речной системой Западной Сибири, берущей начало в горных районах Китая и Алтая, что, возможно, не являлось случайным совпадением.

Неповторимое изящество многих предметов, созданных усть-полуйскими косторезами, позволяет предположить их связь с одной мастерской или школой, часть продукции которой наряду с бронзовыми отливками и берестяной утварью, возможно, изготавливалась на заказ для нужд соседей. Примечательно, что в кулуарном общении в ходе конференции подобную мысль высказал Ю.В. Ширин.

По мнению психиатров, изучавших механизмы творчества, оно по определению всегда носит индивидуальный характер, при этом иные произведения способны не только опережать время, но и становиться объектом подражания, вплоть до канонизации, а, значит, и фактором культурных изменений. И хотя на мироощущение, манеру, почерк каждого художника неизбежно влияют окружение, господствующие религиозно-мифологические представления, система ценностей, можно допустить, что именно благодаря таланту древних мастеров Усть-Полуя, занимающий место на стыке ландшафтных и культурных систем, целиком не вписывается ни в одну из них, оставаясь самостоятельным и во многом уникальным феноменом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакин Ю.В. О методах реконструкции традиционного мировоззрения по археологическим данным //Традиционное сознание: проблемы реконструкции. - Томск: Изд-во НТЛ, 2004. - 368 с. (Серия «Монографии»; вып. 9).
2. Васкул И.О. Памятники гляденовской культурной общности //Археология Республики Коми. - М.: ДиК, 1997. - 758 с.
3. Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. — II в. н. э.). - М.: Наука, 1988. - 240 с.
4. Гусев А.В., Федорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследования планиграфии и стратиграфии памятника: 1935-2012 гг. - Салехард: Изд-во ГУ «Северное издательство», 2012. - 59 с.
5. Клейн Л.С. Новая Археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). - Донецк: ДонНУ, 2009. - С. 393.
6. Морозов В.М., Чемякин Ю. П. Керамика перегребнинского типа с поселения Низямы 9 // Вопросы археологии Урала. - Сургут: изд-во «Магеллан», 2008. - С. 208-218.
7. Мошинская В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья. МИА № 35. - М.: АН СССР, 1953. - С. 72-106.
8. Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. - М.: Наука, 1992. - 182 с.
9. Степи Евразии в эпоху средневековья. - М.: «Наука», 1981. - 303 с.
10. Токарев С.А. История зарубежной этнографии. - М.: Высшая школа, 1978. - 352 с.
11. Федорова Н.В. Усть-Полуй: I век до н. э. // Усть-Полуй: I век до н. э. Каталог выставки. - Салехард - Санкт-Петербург, 2003. - С. 5-7.
12. Чемякин Ю.П. Образ всадника в кулайской металлопластике // Культуры степной Евразии и их взаимодействие в древними цивилизациями. - СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 1. - С. 283-289.
13. Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. МИА № 35. - М.: АН СССР, 1953. - С. 121-178.
14. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. - 255 с.
15. Шандыбин С.А. Постмодернистская антропология и сфера применимости ее культурной модели // Этнографическое обозрение. № 1. 1998. - С. 14-30.

II. ДРЕВНИЕ СВЯТИЛИЩА СЕВЕРА ЕВРАЗИИ

Ю.Б. Сериков
г. Нижний Тагил

ДРЕВНИЕ СВЯТИЛИЩА ШАЙТАНСКОГО ОЗЕРА

Шайтанское озеро находится в Свердловской области на полпути между Екатеринбург и Нижним Тагилом. Оно хорошо известно в археологической литературе [Сериков, 2009]. Из 17 выявленных на озере памятников 11 являются культовыми, а количество культовых объектов на памятниках превышает два десятка.

Наиболее крупным памятником является культовый озерный центр «Шайтанское озеро I». Функционировал он с эпохи мезолита до средневековья. Больше всего находок относится к энеолиту — 88 %, — причем подавляющее число материалов связано с аятской культурой. Второе место по численности занимают комплексы раннего железного века (в основном — иткульской культуры) — 5,45 %. Мезолитические и неолитические комплексы составляют соответственно 3,5 и 2,5 %. И совсем немного находок приходится на культуры бронзового века (0,35 %) и средневековья (0,2 %).

Среди культовых объектов памятника можно назвать неолитический клад, размытое энеолитическое погребение с представительным комплексом находок и сосуд бронзового века с фигурными изображениями птиц, поставленный в нишу между гранитными валунами.

Энеолитический культовый комплекс керамики представляет сосуд, украшенный рельефными налепами в виде голов медведей (рис. 1, 1), сосуд с фигурными изображением уток (рис. 1, 3), ковшик с рукоятью в виде головы медведя (рис. 1, 2), сосуды ладьевидной и четырехугольной формы и несколько сот фрагментов керамики, натертые охрой или с большой примесью охры в тесте сосудов.

Также с проведением ритуалов связана значительная коллекция скульптуры и украшений (рис. 1, 1–11). Среди произведений искусства — уникальные скульптурки в виде уточки, лосихи

и рыбки, выточенные из фрагментов керамики (рис. 1, 4, 6–7), антропоморфная скульптура из талька, скульптурное изображение фаллоса, зооморфные гальки и 24 кремневые скульптуры (рис. 1, 5, 8–11). Скульптуры выполнены в виде антропоморфов, птиц, рыб и голов животных, в основном лосей и медведей. Украшения представлены подвесками и нашивками из фрагментов керамики, кости и камня. Каменные подвески (56 экз.) и нашивки (29 экз.) выполнены из шифера, талька, офита и сланца. Преобладают украшения из темно-красного шифера (пирофиллитового сланца). Из других находок, связанных с проведением ритуалов, можно отметить значительную коллекцию так называемых «утюжков» (7 экз.), гравированные изделия из камня и глины, крупный комплекс каменных наконечников стрел (около 450 экз.), изделия из горного хрусталя (свыше 150 экз.), большое количество кусочков охры (347 экз.) и своеобразные «карандаши» — кусочки охры со стертой поверхностью (6 экз.). Весь культовый комплекс относится к аятской культуре эпохи энеолита [Сериков, 2004, с. 101–146].

На памятнике «Шайтанское озеро II» выявлены две ритуальные площадки. На северной периферии памятника находилась культовая площадка раннего железного века (иткульской культуры), которая состояла из плавильного очага, перекрытого каменной вымосткой клада и рабочего места мастера. На южной окраине памятника выявлена культовая площадка бронзового века (коптяковской культуры).

На южной площадке обнаружено свыше десяти ритуальных захоронений бронзовых изделий, число которых уже превысило 200 экз. Среди них кельты, копья, чеканы, ножи, меч, долота, фигурные рукоятки, наконечники стрел, серп, крючья, украшения, пласти-

ны, слитки. Интересным объектом на южной площадке была яма, включавшая очень своеобразный культовый комплекс из трех керамических сосудов, бронзового кинжала и двух браслетов. Также на площадке было выявлено несколько погребально-жертвенных комплексов коптяковской культуры бронзового века.

Следует отметить, что некоторые изделия — кельт с чеканом и крючком внутри — находились в вертикальном положении, также воткнутыми в землю были бронзовые копье, чекан, нож, пластина и штырьки, три каменных наконечника стрел и заготовка орудия. Бронзовые изделия дополнялись керамикой коптяковского типа и каменными наконечниками стрел (около 200 экз.). Некоторые скопления по условиям залегания можно считать ритуальными кладами. Они находились в компактном залегании, изолировано от других находок [Сериков и др., 2009, с. 67–78]. По мнению автора, данные «клады» являлись своеобразными жертвенными комплексами.

Исследованные комплексы северной и южной культовых площадок позволяет считать их особыми маркерами-оберегами, которые охраняли символическую границу между освоенным и неосвоенным пространством. Данная граница маркировалась размещением на ней определенных сакральных ценностей, в качестве которых выступали плавильный очаг, вымостка, «клады» каменных и бронзовых изделий.

Скальные культовые памятники расположены на гранитных останцах («шиханах») высотой от 7 до 20 м. Только один из них находится у самого берега (Шайтанский Шихан), все остальные находятся на расстоянии от 30 до 80 м от кромки воды. Обычно скальные памятники стандартны как по топографии, так и по набору находок.

Шайтанский Шихан расположен на северном берегу озера. Он сложен гранитными валунами размером от 1 до 4,5 м. Периметр шихана 90–95 м, диаметр — около 30 м, а высота — 11 м. В верхней части шихана находится «жертвенник» — ровная плита длиной 3,7 м, на которой вышлифованы два чашевидных углубления диаметром до 0,6 м. На восточной части плиты к этим «чашам» направлены 8 проточенных канавок длиной от 25 до 35 см. Восточнее плиты между самыми крупными на шихане гранит-

ными валунами находится свободное от камней углубление в виде своеобразного колодца глубиной около 1,5 м, в котором было найдено немало находок. Находки залегали исключительно в расселинах между валунами. В одной из расселин обнаружены остатки погребально-жертвенного комплекса, который содержал кальцинированные кости человека, около 80 костяных подвесок, обломок каменного наконечника стрелы, фрагменты энеолитической керамики шувакишского типа и отщепы. Следует отметить два важных аспекта: погребение было засыпано 500 пластинками серебристого талька, а над щелью с погребальным комплексом находился валун в виде головы медведя.

На святилище выявлены находки всех эпох — от мезолита до раннего железа (всего 4,5 тыс. экз.). Большая часть комплекса датируется ранним железным веком. Кроме керамики и каменных изделий (наконечников стрел, скребков, рубящих орудий и отщепов), к этому периоду относятся и медные изделия — идол, петельчатая круглая бляха (рис. 2, 1–2), оплавленное украшение и пластинка, которые можно связать с иткульской культурой. Культовый характер памятника подтверждает находка раздавленного черепа ребенка и свыше 800 раздробленных и кальцинированных костей взрослого человека [Сериков, 2011, с. 113–140].

Следует отметить находку на шихане двух крупных скребков из зеленоватого алевротуфа, поверхность которых покрыта глубокой патиной. У одного — размером 6 × 4,2 см — лезвие оформлено не крупной краевой ретушью. На территории Среднего Зауралья патина присутствует только на изделиях раннепалеолитического времени. Несомненно, в данном случае мы имеем дело с вторичным использованием изделий предшествующих эпох. Подобные факты зафиксированы на ряде памятников культового и хозяйственного характера [Сериков, 2011а, с. 289–295].

Один из аспектов вторичного использования изделий предшествующих эпох связан с сакрализацией местным населением древних изделий. Данные этнографии свидетельствуют, о том, что у обских угров было широко распространено использование в культовой практике археологических артефактов. Местное население относилось к археологическим находкам

Рис. 1. Шайтанское озеро

1. Культовые находки (1 — фрагмент сосуда с налпами в виде голов животных; 2 — рукоятка ковшика в виде головы медведя; 3 — сосуд с графическими изображениями птиц; 4, 5, 8, 11 — скульптурные изображения голов лосей; 1-4, 6-7 — глина; 5, 8, 11 — камень).

Рис. 2. Скальные культовые памятники Шайтанского озера

Медные изделия (1 — антропоморфный идол; 2 — бляха; 3 — пуговица; 4 — застежка; 5-6 — птицевидные идолы; 7-9 — украшения в виде соляных знаков; 1-2 — Шайтанский Шихан; 3-4, 6-9 — Южный Шихан; 5 — Средний Шихан).

как предметы необычные к миру сверхъестественных сил [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 109, 140, 162]. Все это согласуется с разработками А.К. Байбурина, который считал, что старые вещи «приобретают высший семиотический статус и используются исключительно в знаковых целях» [Байбурин, 1989, с. 81].

При этом сакральное назначение таких находок имело различные семантические характеристики. В частности, древние предметы на святилищах и особенно в погребениях могли использоваться в обрядах перехода [Разумов, 2005, с. 54–56]. По представлениям древних, предмет, найденный в земле, уже побывал в мире мертвых, вследствие чего его сакральная сила неизмеримо возросла. Именно поэтому такие предметы могли с успехом использоваться для установления символических контактов с иным миром [Худяков, 2000, с. 43].

В 500 м к северу от Шайтанского Шихана в глубине болота находится небольшой остров, который из-за своих небольших размеров получил название «Островок в болоте». Высшая точка острова находится в его северо-восточной части. Там имеются выходы крупных валунов и плит. В центре каменного скопления находится своеобразный «алтарик» — вертикально стоящая треугольная плита высотой 0,8 м, по бокам которой с каждой стороны примыкало еще по одному вертикально стоящему камню меньшей высоты. Создается впечатление об искусственном характере данного образования. Перед «алтариком» были расчищены остатки кострища в виде прокала и углистых пятен. Вокруг кострища залежали отщепы туфопопорфирита и фрагменты керамики, орнаментированные шагающе-протащенной гребенкой. Там же найдены и два наконечника стрелы энеолитического облика. Много находок (отщепы туфопопорфирита, пластины светло-серой яшмы, микропластинки, нуклеус, галька) было зафиксировано и в районе большой горизонтально лежащей плиты размером 2 × 2 м и высокого валуна с чашевидным углублением, расположенных в 5 м к северо-востоку от «алтарика». Некоторые находки (отщепы, пластины) залежали под камнями среднего и крупного размера.

Ниже «алтарика» по склону берега находится группа крупных камней, идущих по кругу. Внутренний диаметр круга — около 3 м,

внешний — до 4,5 м. В центре круга расположен валун округлой формы, у которого найден неполный развал сосуда иткульской культуры раннего железного века. Других находок, кроме нескольких отщепов внутри круга, не выявлено. Круг камней не является искусственным сооружением. В лучшем случае из скопления валунов было вынута несколько камней с целью получения более четких очертаний круга.

Средний Шихан ограничивает западную окраину памятника «Шайтанское озеро I». От береговой кромки озера расположен в 80 м. Отличается своими размерами: длина — около 130 м, ширина — 95 м, высота — 9,5 м. Исследования проходили только в восточной части шихана. Обнаружены единичные находки мезолита, весь остальной комплекс относится к раннему железному веку (около 400 экз.). Среди находок развал иткульского сосуда, пест, отщепы, зооморфная галька, медный птицевидный идол и шесть обломков медных пластин. Идол имеет несимметричные очертания и округлую голову, слегка опущенную на грудь. На груди находится треугольный выступ, а на оборотной стороне идола отлит рельефный четырехконечный прямой крест (рис. 2, 5). На шихане также присутствуют сильно раздробленные и кальцинированные кости двух человек — взрослой женщины и младенца [Сериков, 2011б, с. 33–40].

Южный Шихан находится на южной окраине памятника «Шайтанского озера II». От береговой кромки находится в 33 м. Выглядит в виде нагромождения гранитных валунов диаметром 18 м, высотой 7 м. На шихане представлены материалы (около 300 находок) трех археологических эпох: мезолита, поздней бронзы и раннего железа. Мезолит представлен всего несколькими микропластинками, от бронзового века сохранилась треть сосуда баночной формы коптяковской культуры высотой и диаметром 10 см. Большая часть находок связана с иткульской культурой раннего железного века. Среди находок — керамика, каменные скребки, песты, отщепы. Наиболее интересные находки связаны с остатками человеческих жертвоприношений. Под каменной плитой в восточной части шихана обнаружена чаша, выполненная из человеческого черепа взрослого мужчины. В 1,5 м ниже чаши в расселине между двумя валунами найден раздавленный череп пожилой

женщины. Судя по наличию в скоплении, кроме костей черепа, челюстей и зубов, а также и шейных позвонков — перед нами отрезанная и сожженная голова женщины. На костях в виде черной полосы органики прослеживались остатки налобной повязки. На уровне висков к ней крепились медные диски диаметром 4,5 см, которые представляли собой вписанный в круг крест (рис. 2, 7–8). Среди костей черепа найдена медная петелька-застежка, а вблизи от него — 2 круглые медные бляшки из тонкой (1 мм) пластинки меди (рис. 2, 3–4). В полуметре от головы женщины лицевой поверхностью вниз залегал медный птицевидный идол (рис. 2, б). Кроме чаши и черепа, на святилище зафиксированы кальцинированные и сильно раздробленные кости еще одного человека. Они были рассеяны практически по всей восточной части шихана.

Самой необычной находкой можно считать изделие типа наконечника стрелы. Наконечник имеет листовидную форму и раздутые боковые края. По технике изготовления изделие больше похоже на миниатюрный бифас, чем на наконечник стрелы. Изготовлен он не техникой отжима, а посредством двусторонней оббивки. Боковые лезвия изделия имеют слабо выраженный зигзагообразный характер. Грани сколов заглажены и залощены. Учитывая, что на его краях имеются три хорошо выраженных выемки, можно предположить, что изделие использовалось в качестве своеобразной нашивки. Изготовлен наконечник из зеленоватой породы типа алевротуфа. По форме и технике изготовления наконечник трудно отнести к какой-либо эпохе от мезолита до раннего железного века. Предположительно данное изделие можно датировать ранним палеолитом. Скорее всего, появление древнего изделия на святилище связано, как и на Шайтанском Шихане, с его вторичным использованием (Сериков, 2011б, с. 40–49).

Еще два скальных святилища обнаружены в глубине западного берега на расстоянии 0,6–1 км от кромки воды. Находок на них обнаружено немного, но они любопытны своими необычными скальными образованиями. В центре Шихана на просеке имеются крупные валуны, окружающие небольшую площадку. С восточной стороны шихана одна глыба нависает метровым карнизом. В профиль этот валун походит на голову хищника семейства кошачьих.

На верхней ровной поверхности валуна, ближе к краю, вышлифовано небольшое чашевидное углубление размером 25 × 30 см и глубиной 3–5 см. Шлифовкой снят поверхностный выветренный слой гранита и обнажен внутренний слой монолита темного цвета. Нет никаких сомнений в рукотворном характере данного углубления.

На юго-восточной стороне Дальнего шихана гранитные плиты расположены наклонно и образуют небольшой навес. Под ним располагается площадка размером 3 × 1,5 м. Находки в виде отдельных фрагментов керамики обнаружены в юго-западной части площадки. Они примыкали к своеобразной «камере», расположенной на юго-западном конце площадки. «Камера» размером 1,3 × 0,6 м имеет естественное происхождение, сложена вертикально стоящими гранитными плитами высотой от 1 до 1,4 м. Именно из «камеры» происходит основной комплекс находок петрогромской культуры.

На восточном берегу озера также выявлено несколько интересных культовых объектов. Находятся они на выступающем в озеро полуострове высотой до 20 м, имеющем гранитное основание — Каменушки I. На его поверхности присутствуют россыпи громадных гранитных глыб, которые иногда образуют причудливые формы. Здесь присутствует своеобразный «каменный гриб» в виде «шляпки» размером 9,8 × 6 м, лежащей на «ножке» — гранитном валуне высотой 1,2 м. Недалеко от «гриба» находится котел выдувания в виде перевернутой чаши. Он имеет такую полость, что в ней могут разместиться несколько человек. Любопытен вертикально стоящий валун высотой свыше 1 м — «менгир». На самой высокой точке полуострова находится гранитная глыба с пятью чашами выдува. Еще одна чаша правильной формы располагается на валуне к юго-западу от навеса в виде своеобразного грота. Над уровнем озера навес находится на высоте 14 м. Камера навеса-грота имеет длину 6,6 м, ширину 4 м и высоту около 3 м. Навес сложен крупными (6–10 м) гранитными валунами.

Комплекс находок под навесом представляют материалы всех археологических эпох от мезолита до раннего железа (около 1800 экз.). Среди находок — керамика, каменные наконечники стрел, скребки, отщепы. К раннему железному веку относятся семь костяных пронизок, каменная подвеска, а также скопление (915 экз.)

сильно фрагментированных костяных пластин панциря. На 149 фрагментах присутствует гравированный орнамент [Волков и др., 1999, с. 110–116]. Под шляпкой «гриба» обнаружены культурные остатки мезолита, энеолита, бронзового и железного веков (около 650 экз.) в виде керамики, наконечников стрел, скребков, пластин и каменных отщепов. Там же найдены каменная подвеска из талька и свыше 400 костей животных. Вокруг «менгира» залежали нуклеусы и микропластинки эпохи мезолита, наконечник стрелы и керамика раннего железного века [Шимаковская, 2010, с. 216–217]. Расчистка под валунами с чашами дала немногочисленные находки керамики бронзового века, единичные каменные отщепы, каменный наконечник стрелы и медную круглую бляху [Шимаковская, 2008, с. 126–130].

Находки под навесом, в районе чаш и под «грибком», по мнению автора, связаны с проведением каких-то одноразовых культовых обрядов. Все эти комплексы, связанные со скальными образованиями, пока рассматриваются как один культовый памятник «Каменушки I». Хотя на самом деле они разновременные и обладают различным семантическим наполнением.

Присутствие на Шайтанском озере целого комплекса культовых памятников разной направленности, в том числе и с совершением человеческих жертвоприношений, позволяет предполагать, что в древности данное озеро обладало высоким семиотическим статусом и у местного населения считалось святым, священным. Подобные святые озера до сих пор известны у ряда народов Западной Сибири. Следует подчеркнуть, что на них запрещалась любая хозяйственная деятельность [Балалаева, 1989, с. 144]. Использование берегов озера в сакральных целях прослеживается уже в мезолите. Начиная с энеолита, озеро превращается в культовый центр местного населения и используется в этом качестве в бронзовом и железном веках. В эпоху средневековья культовые действия на берегах озера совершаются эпизодически. Но все же совершаются, иначе память о них не нашла бы своего отражения в современном названии озера [Сериков, 1999, с. 81–84].

Культовые памятники такого масштаба А.Д. Столяр рассматривал как «колоссальные «кафедральные соборы» первобытности, со-

бировавшие на важнейшие мистерии обширную межплеменную аудиторию» [Столяр, 1993, с. 10]. Шайтанское «святое» озеро могло быть своеобразным культовым центром, который служил обрядовым катализатором для объединения племенных (?) групп в единую этническую общность. Это единение осуществлялось на базе их общих представлений о своем происхождении, о мифологической картине мира, об окружающем мире. Значение и масштабы сакральной объединяющей силы в древних обществах еще предстоит выяснить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей // *Этнографическое изучение знаковых средств культуры*. – Л.: Наука, 1989. – С. 63–87.
2. Балалаева О.Э. Священные места хантов Средней и Нижней Оби // *Очерки истории традиционного землепользования хантов. (Материалы к атласу)*. – Екатеринбург, 1999. – С. 139–156.
3. Волков Р.Б., Ерохин Н.Г, Тихонова Н.Р. Гранитный грот (навес) Шайтанозерский Каменный Остров I // *Охранные археологические исследования на Среднем Урале*. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 3. – С. 110–116.
4. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси (культовые места XIX - начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – 192 с.
5. Разумов С.Н. Использование кремня в ритуальной практике (по материалам бронзового и раннего железного веков Северного Причерноморья) // *Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы Международного семинара*. – Сыктывкар: Геопринт, 2005. – С. 54–56.
6. Сериков Ю.Б. Взаимосвязь топонима «Шайтан» с древними культовыми памятниками Урала // *120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Часть I. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала*. – Екатеринбург, 1999. – С. 81–84.
7. Сериков Ю.Б. Культовый памятник нового типа на западном берегу Шайтанского озера // *Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки*. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2004. – С. 101–146.
8. Сериков Ю.Б. Скальные культовые памятники Шайтанского озера // *Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной)*. – Курган, 2007б. – С. 42–49.
9. Сериков Ю.Б. Шайтанское озеро – «святое» озеро древности // *Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе*. – Барнаул: Азбука, 2009в. – Вып. III. – С. 159–173.
10. Сериков Ю.Б. Скальное святилище на северном острове Шайтанского озера // *Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. Ученые записки. Общественные науки*. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. – С. 113–140.
11. Сериков Ю.Б. К вопросу о вторичном использовании изделий предшествующих эпох // *Тверской археологический сборник*. – Вып. 8. – Том I: *Материалы IV Тверской археологической конференции и 12-ого заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности»*. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2011а. – С. 289–295.
12. Сериков Ю.Б. Скальные святилища западного берега Шайтанского озера // *AV ORIGINE: археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета*. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2011б. – Вып. 3. – С. 33–50.
13. Сериков Ю.Б., О.Н. Корочкова, С.В. Кузьминых, В.И. Стефанов. Шайтанское озеро II: *Новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2009. – № 2. – С. 67–78.
14. Столяр А.Д. Духовные факторы социо-культурной адаптации в циркумполярной зоне Европейской России // *Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Материалы к конференции. Ч. П. Археология и изучение культурных процессов и явлений*. – СПб, 1993. – С. 5–11.
15. Худяков Ю.С. Использование костей плейстоценовых животных населением Саяно-Алтая в древности и средневековье и задачи охраны памятников палеонтологии // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтая*. – Вып. XI. – Барнаул: изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. – С. 43–44.
16. Шимаковская К.В. Чаши на скалах Шайтанского озера (Среднее Зауралье) // *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. V. Университет и историко-культурное наследие региона: сб. научн. тр.* – Пермь, 2008. – С. 126–130.
17. Шимаковская К.В. Культовые скальные объекты восточного берега Шайтанского озера (Среднее Зауралье) // *III Северный археологический конгресс. Тезисы докладов*. – Ханты-Мансийск-Екатеринбург: Издательский Дом «ИздатНаукаСервис», 2010а. – С. 216–217.

Е.А. Окладникова
г. Санкт-Петербург

ДРЕВНИЕ СВЯТИЛИЩА КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В настоящей статье речь пойдет о мегалите (трилитоне «Вороний камень» на горе Горелой в Мурманске, исследованном нами в ходе экспедиции на Белое море летом 2012 г. Сейды, трилитоны и лабиринты являются одними из наиболее загадочных с точки зрения археологической и этнографической интерпретации объектов Заполярья.

Цель настоящей работы — выявить ту роль, которую этот трилитон исполнял в качестве инструментов осмысления движения времени у древнего населения Кольского полуострова, а также как вещественные маркёры сакральных ландшафтов.

Трилитон Вороний камень рассматривается нами с позиций классического (сравнительного историко-культурного) и относительно нового (астроархеологического) подходов. Сегодня исключительно вещеведческий (антикварный) подход и его методы, применяемые к изучению археологических артефактов, уже не являются единственно необходимым и достаточными для анализа археологических источников. Благодаря работам Л. Бинфорда [Binford, 1972], Д. Кларка [Clarke, 1968], Я. Ходдера [Hodder, 1995], Б. Триггера [Trigger, 1978], а в России трудам таких археологов, как В.И. Равдоникас [Равдоникас, 1937, с. 27], Н.Н. Гурина [Гурина, 1948, с. 12; Гурина, 1953, с. 58], Б.А. Рыбаков [Рыбаков, 1980], А.П. Окладников [Окладников, 1967], К.Д. Лаушкин и др., т.е. в процессе развития сначала «новой археологии», а затем — процессуальной, постпроцессуальной и символической археологии, стало понятно, что информационная ценность археологических материалов много выше, чем считалось раньше. Корректное использование данных палеоэтнографии способствовало в середине XX века становлению такой области знания, как астроархеология. Астроархеологический подход дал ключи к разгадке многих особенностей мегали-

литических памятников, ранее считавшихся главными, а потому и не рассматривавшихся официальной археологией, составлявших основу наиболее архаического пласта маркёров сакральных ландшафтов древней Евразии.

В рамках историко-географического подхода доказанным считается факт существования такого историко-культурного феномена, как «сакральный ландшафт» [Окладникова, 2010, с.49-56; Окладникова, 2011, с. 19-28; Окладникова, 2011(а), с. 279]. Феномен сакрального ландшафта складывался в системах ключевых регионов евразийского геокультурного пространства под влиянием этнокультурной специализации, основанной на различиях природно-ресурсных потенциалов. Большую роль в формировании сакральных ландшафтов сыграла их информационная проточность.

Сакральный ландшафт является частью культурного, исторического ландшафта любого региона нашей планеты. Сакральный ландшафт — это совокупность мест географического пространства, в которых осуществлялась (а в некоторых случаях и продолжает осуществляться) встреча человека со священным. Наиболее архаические формы маркёров сакральных ландшафтов — курганные комплексы (например, курганы с усами), мегалиты (менгиры, кромлехи, дольмены, поминальные стелы, каменные выкладки-лабиринты), петроглифы — осмысляются мифологическим сознанием как точки земной поверхности, где пространство и время встречаются.

Астроархеологические методики изучения сакральных ландшафтов и артефактов-маркёров, их определяющих, предполагают: 1) пространственный анализ артефактов (мегалитов) как изучение системы взаимного расположения и количественных характеристик этих артефактов. Выявление их связей с социокультурными и природными элемента-

ми регионального и глобального пространств; 2) временной анализ артефактов, предполагающий выявление соответствия векторов сакрального пространства и азимутов восходов/заходов светил в дни астрономических кульминаций, отраженных народными календарями; 3) семантический анализ, предполагающий выявление знаково-символических функций мегалитов и форм их реализации.

В процессе специальных географических, археологических исследований, работ краеведов-любителей на территории Кольского полуострова были выявлены типы исторических монументов, которые являются маркёрами-интеграторами его сакрального ландшафта, а именно: 1) наскальные рисунки (выбитые на скалах Канозера [Петроглифы Канозера, 2003], в долине р. Поной, в среднем течении р. Умба [2003], нанесенный красной охрой (?) на полуострове Рыбачий [Петроглифы Канозера, 2003]); 2) сейды и трилитон («Вороний камень» на горе Горелой, Мурманск; 3) лабиринты и др. Все они являются памятниками монументального искусства (петроглифы) и мегалитической архитектуры (сейды, лабиринты, дольмен).

Мегалиты, одним из которых является «Вороний камень», представляют самостоятельную группу астрономических маркёров сакральных ландшафтов древности.

1. Трилитон как астрономический инструмент счисления времени. «Вороний камень» состоит из крупного нижнего гнейсового валуна, расколовшегося с течением времени под атмосферным воздействием на две половины, образовавшие щель, и расположенного на его вершине большого столообразного гнейсового камня. «Вороний камень» представляет собой крупную, внешне напоминающую дольменообразную конструкцию (трилитон) высотой более 2-х метров (рис. 1). Трилит, или трилитон (*от греч.* «tri» — три и «litos» камень) — это культовая ритуальная архитектурная структура, состоящая из двух вертикальных блоков, поддерживающих третий, горизонтальный. Возможно, что эта дольменообразная конструкция была создана природой. [Ершов, 2003]. Но кольцевая выкладка вокруг трилитона — явное творение рук человека (рис. 2). Именно выкладка свидетельствует о том, что камень был объектом покло-

нения, связанным, как многие другие дольмены древней Евразии, с палеокалендарными счислениями [Ершов, 2003].

Классические трилитоны формируют внутреннее кольцо Стоунхеджа, а также, на что в личной переписке с автором указал В.Г. Мизин, инкасуиты в канадской Арктике. В.Г. Мизин писал: «Подобные конструкции широко распространены в канадской Арктике (один из типов инкасуитов), где используются в т.ч. для навигации (указания нужных направлений...). Инкасуиты и «Вороний камень» располагаются в одном и том же ареале: за полярным кругом. Возможно, в основе обоих типов конструкций лежат схожие идеи». И этими схожими идеями могут быть идеи, связанные с реализацией потребности ориентации в пространстве/времени, счисления и управления временем»¹.

Судя по окружающей этот трилитон кольцевой выкладке из гранитных и гнейсовых валунов, он был объектом поклонения, возможно, некоего протосаамского населения региона. «Трилитон врос в землю, как и камни окружающей кольцевой выкладки, на 30-50 см. Но его основание, как и основания большинства расположенных на плато больших камней, принесенных ледником, покоится на каменной шапке горы. «Вороний камень» мог использоваться протосаамским населением в качестве линейного визирного устройства.

Аналогичные устройства для линейного визирования в древности, как правило, имели форму каменных гряд, борозд и желобов в камне, а также дольменов, камней со сквозными отверстиями, коридорных пещер и рукотворных туннелей, дромосов курганов (искусственных узких проходов). Многие дольмены древней Евразии или каменные конструкции (как рукотворные, так и естественные) ориентированы в геодезическом или астрономическом планах [Стафеев, Томили, 2006, с. 121]. При этом щелевидные дольмены, близкие по типу «Вороньему камню», с близкорасположенными опорными блоками задают ориентацию с большей точностью — до единиц угловых градусов [Стафеев, Томили, 2006, с. 122]. Функция трилитонов, подобных «Вороньему камню», с позиций астроархеологической теории ясна: в дни солнечного и весеннего равноденствия Солнце восходит точно на востоке. Но день весеннего

¹ Архив автора. СПб., 2012 г.

равноденствия примечателен ещё и тем, что накануне восхода Солнца в точке его появления над горизонтом восходит зодиакальное созвездие эпохи: наблюдается гелиакальный восход. Солнечный луч, попадавший в отверстие дольмена в день весеннего равноденствия, символизировал акт слияния Солнца с Матерью-Землей, как полагал исследователь памятников каменного века Индии Э. Тилльнер. Световые камеры дольменов, (а в нашем случае, — щель «Вороньего камня») могли символизировать возвращение или новое рождение умерших [Дэникен, 2004]. Щель трилитона или П-образного дольмена могла служить в качестве «ловушки» для лучей Солнца в день весеннего равноденствия. Преимущественной ориентацией трилитонов и П-образных дольменов было направление «восток-запад» [Дэникен, 2004].

Практики счисления, а тем самым и управления временем с помощью мегалитических инструментов, были известны неолитическому населению Средиземноморья. Например, в эпоху неолита (5.000-2.500 т. л. до н.э.) на о. Мальта и соседнем о. Гозо древними строителями возводились солнечные храмы, которые служили в качестве инструментов точного отслеживания углового смещения солнечных восходов и заходов [Albrecht, 2002]. Дромосы крито-микенских гробниц были ориентированы на лучи заходящего солнца, что соответствовало ритуалу прощания с покойными. Трудно не согласиться с мнением С.К. Стафеева и М.Г. Томилина, что: «Астральная функция мальтийских храмов подтверждается не только их ориентацией, но и находками каменных артефактов, трактуемых как результаты наблюдений за небесными светилами. Так, в храме Таркшиен были обнаружены осколки плит с изображением звезд и Луны, распределенных по нескольким угловым секторам, и солярного знака в виде «солнечного колеса» с обозначением осей визирования и маркеров направлений» [Стафеев, Томилин, 2006, с. 130].

Круг из камней, который был выложен у основания такого трилитона, как «Вороний камень», значительно расширял возможности линейной визирной системы, которой, собственно, и служил камень. Мегалиты со щелевыми отверстиями (дольмены, коробчатые каменные выкладки, камни с отверстиями) увеличивали точность визирования. Они создавали некие визирные рамки и были про-

образами будущих безлинзовых диоптров.

Обзор местности был возможен только при круговом расположении визиров. Подобные наблюдения производились с возвышенного места с открытым и ровным горизонтом. История сооружения таких каменных колес-кромлехов началась в каменном веке и завершилась сооружением пригоризонтальных обсерваторий. Кромлехи задавали направления визирования по кругу, что открывало возможность ориентироваться на положения любых небесных светил. Первыми среди таких светил были Солнце и Луна. Круг (шаманские кольца, круговые выкладки вокруг курганов, керексуры, кольцевые выкладки вокруг камней с наскальными рисунками) в символическом плане воспринимались их создателями как обозначения законченности некоего реального и виртуального (модель мира) пространства. Всемирную известность получили менгиры Каллениша (Шотландия), установленные в четыре круга, кромлехи «Кнок Киин», «Клин Хулавиг» и «Кнок Филиберри», расположенные на Земле Льюиса — самом северном из внешних Гибридных островов, указывают направления на крайние точки солнечных и лунных восходов и заходов. Известно, что в каменном веке древние обитатели Ирландии и Шотландии совершали ритуалы в дни солнцестояний и равноденствий. Об этом свидетельствуют сохранившиеся каменные круги и пещеры, ориентированные определенным образом на положение Солнца в особые дни. Таков, например, живописный кромлех «Кастлринг», состоящий из 38 камней, расположенных по овальному контуру на открытой равнине, окаймленной горами. Местные жители называют его «Кругом Друидов» [Стафеев, Томилин, 2006, с. 143]. Кромлехи встречаются по всему миру: в Южной Индии, в Сенегале, Перу, Иордании, Саудовской Аравии, в Австралии, Японии, Ирландии, Англии, Франции, Германии, Сибири и т.п. Конструкция кромлехов сохраняет общие очертания, но у каждого имеются свои особенности.

Так, мегалитический каменный круг в Мезоре (Марокко) состоит из 167-ми монолитов, на которые по определенной схеме нанесены многочисленные мелкие выбоины и отверстия, в которых усматривают записи астрономического или геодезического характера [Дэникен, 2004, с. 250]. С их помощью наблюдатель, нахо-

Рис. 1. «Вороний камень». Вид с востока. Фото автора. 2012 г.

дившийся в центре, имел возможность определять азимуты с повышенной точностью. Часто выкладки, образующие окружность (колесо) кромлеха, заполняются «спицами» — радиальными линиями внутри колец. Эти выложенные камнями линии в так называемых шаманских (медицинских) кольцах в пустынных районах штата Вайоминг фиксируют угловые направления. Медицинскими они называются так, потому что шаманы были ответственны за «здоровый», т.е. уравновешенный, баланс всех сил во вселенной. Проводимые ими на кольцах-кромлехах обряды служили цели врачевания или гармонизации отношений людей и природы.

Медицинское (шаманское) кольцо, исследованное археологами в Вайоминге, имеет 28 спиц. Если в начале весны посмотреть с одной из внешних точек колес вдоль определенной спицы через его центр, то можно увидеть восход Сириуса. Другие линии, не проходящие через центр, но соединяющиеся друг с другом, позволяют наблюдать в начале весны восход звезд Альдебарана и Ригель. Если в то же время смотреть вдоль главной оси и соответствующей спицы, то можно увидеть восход Солнца [Загадочные каменные колёса Вайоминга 2008; Дэникен, 2003].

Кромлехи символизируют годовой цикл Солнца, многие из этих памятников являются древнейшими календарями. Вероятно, кольцевая выкладка вокруг «Вороньего камня» выполняла аналогичную функцию.

Трилитоны, начиная с эпохи неолита, ста-

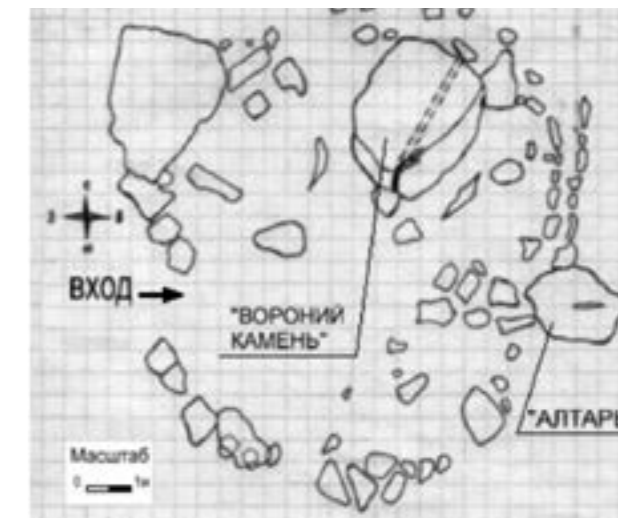

Рис. 2. Древний мегалитический комплекс «Вороний камень» («Вороний глаз») в г. Мурманске. Кольцевая выкладка. План комплекса на 24.08.2003г. Составил Ершов Л.В.

новятся распространёнными инструментами счисления времени и, соответственно, управления им. Технологии управления временем с помощью трилитонов носили астрономический характер, ключи к пониманию и описанию которого дают астроархеологические методики. Эти методики включают несколько параметров исследования: 1) пространственный — определение системы взаимного расположения и количественных характеристик объектов и групп, а также их связей с социокультурными и природными элементами ландшафтного, регионального и глобального пространства; 2) временной — выявление корреляции векторов сакрального пространства и азимутов восходов/заходов светил в дни астрономических кульминаций и народных календарных праздников; 3) информационный — анализ знаковых и семантических соотношений, форм их выражения [Марсадалов, 2005, с. 34-42].

Выводы

1. Приведенные в тексте примеры использования дольменов (включая трилитоны, каким и является «Вороний камень») и кромлехов (кольцевые выкладки из камней) выявляют функцию «Вороньего камня» как своеобразной визирной обсерватории, хотя и не очень высокой точности, протосаамского населения Заполярья. Такая визирная обсерватория помогала счислять время, т.е. осуществлять наблюдения, необходимые для

составления палеокалендарей. В итоге, трилитоны, и, в частности, «Вороний камень», — служили инструментами социального контроля над временем и были инструментами, которые поддерживали технологии управления временем.

2. Сакральная символика «Вороньего камня» была, судя по данным астроархеологических исследований, тесно связана с ритуалами возрождения Солнца, роли этого светила в жизни людей и природы Заполярья. Именно около «Вороньего камня» было удобно вести ежедневные наблюдения за восходами и заходами Солнца, траекториями планет и даже звезд с их «восходом» после наступления темноты и коротким появлением на восточном горизонте в те несколько мгновений, когда Солнце начинает всходить, но небо еще достаточно темное, чтобы на нем были различимы звезды. Рядом с камнем могли происходить торжественные ритуалы, которыми отмечалось летнее и зимнее солнцестояния.

3. Технологии счисления времени и, соответственно, управления им на социальном уровне распространялись с запада на восток. Если предположить, что создателями «Вороньего камня» были протосаамы, то генетические данные (данные геногеографии) свидетельствуют о том, что у современных саамов есть общие генетические корни с древним населением Атлантического побережья (берберами и басками). Речь идет о раннеолитическом населении, которое появилось на просторах Скандинавии после отступления ледника. Это были создатели археологической культуры Комса. В период между 1.500-1.000 гг. до н.э. начинается отделение протосаамов от протофиннов (предков современного населения Карелии и Финляндии).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурина Н.Н. Каменные лабиринты Беломорья // Советская археология. — Т. X. — М.-Л., 1948.
2. Гурина Н.Н. О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцева морей. Материалы и исследования по археологии СССР. — №39. — 1953.
3. Дэникен Э. Каменный век был иным. М.: Эксмо, 2004.
4. Дэникен Э. По следам всемогущих. М.: Эксмо, 2003.

5. Ершов Л. Вороний камень. 2003. // <http://murtago.narod.ru/nfvoron.htm>.
6. Загадочные каменные колёса Вайоминга. // <http://www.wedjat.ru/index.php?newsid=1500>
7. Марсадолов Л.С. Методические аспекты изучения древних святилищ Саяно-Алтая. // Теория и практика археологических исследований. Вып. 1. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию Ю.Ф.Кирюшина. Барнаул, 2005.
8. Окладников А.П. Утро искусства. Л.: Искусство, 1967.
9. Окладникова Е.А. Признаки сакрального в культурном ландшафте древней Евразии // IX конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Петрозаводск: Карельский центр РАН, 4-8 июля 2011(а). — С. 279.
10. Окладникова Е.А. Сакральные ландшафты древней Европы: качественные характеристики и типология. // «Олень золотые рога» и его автор: роман с пространством // *Ното Eurasicus в сакральных ландшафтах древности: Мат. науч.-практ. конф. с международным уч-ем, 26 окт. 2010. СПб.: СПб ГИЭУ, 2011. С. 19-28.*
11. Петроглифы Канозера. 2003. // <http://kae.rekvizit.ru/kan/kanintr.htm>.
12. Равдоникас В.И. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений // СА. 1937. № 4.
13. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1980.
14. Стафеев С.К., Томилин М.Г. Пять тысячелетий оптики: предыстория. СПб: Политехника, 2006.
15. Albrecht K. Malta's temples. Nadur: Grozo J.de Bono printing press, 2002.
16. Binford L. An archaeological perspective New York: Seminar Press, 1972.
17. Clarke D.L. Analytical archaeology. London: Methuen, 1968.
18. Hodder J. Theory and practice in archaeology. NY., Taylor & Francis, 1995.
19. Trigger B.G. Time and traditions: essays in archaeological interpretation. Edinburgh, Edinburgh University Press, 1978.

В.Д. Викторова
г. Екатеринбург

СТРУКТУРА САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СВАТИЛИЩ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Пространственная организация любого, полностью исследованного памятника, в том числе святилищного комплекса, зависит от ряда факторов.

Фактор первый — в культовом памятнике как относительно самостоятельной системе присутствует центральный объект, определяющий смысл проводимого ритуала, и периферийные, вспомогательные объекты. Нередко значимость связи центра и периферии соотносилась со странами света или определялась астрономическими показателями.

Фактор второй — в зависимости от характера проведения культовых действий одного лица или персонажа, ведущего обряд у группы соплеменников, определялся размер территории сакрального пространства. При этом границы территории могли очерчиваться рвом, выходами скал или определяться только наличием культовых объектов.

Фактор третий — согласно традиции населения определенной археологической культуры, сакральная территория могла находиться в центре, на краю поселения, в составе производственных комплексов или за пределами этих памятников.

Фактор четвертый, характерный для горно-лесного края, — наличие сложных сакральных комплексов, в которых сочеталось горизонтальное и вертикальное размещение объектов.

С учетом этих факторов рассмотрим пространственную организацию святилищ раннего железного века в озерном крае Верх-Исетского гранитного массива. Речь пойдет о культовых памятниках населения Иткульско-металлургического очага VII-III вв. до н. э. В основном используются материалы полностью исследованных раскопками памятников «Палатки I» и «Вершина I», расположенных на

острове Каменные палатки. Памятники входят в состав Верх-Исетского гнезда — одного из ранних образований Иткульского металлургического очага [Бельтикова, 1993, с. 98].

Керамика раннего железного века с металлургических площадок памятника «Палатки I» относится к двум типам. Сосуды исетского типа Е.М. Берс [1963, с. 89-93] выделила по памятникам верховьев р. Исети. Керамику иткульско-го типа К.В. Сальников описал на основании раскопок городища в южной зоне металлургического очага.

Самый ранний производственный металлургический комплекс на острове Каменные палатки с исетским типом керамики размещался на северо-западной части памятника «Палатки I». В его составе сохранились остатки святилища в виде канавки, очерчивающей овальное основание ритуального горна или плавильной печи.

Впоследствии населением этой же культуры культовый комплекс был сооружен в центральной части площадки памятника. Его со всех сторон окружали металлургические объекты — основания горнов или плавильных печей, постройки производственного назначения.

На площадке святилища размером 25 кв. м расположены три объекта (рис. 1). Основной, центральный объект — основание очага (плавильной печи или горна). От него сохранилась овальной формы линза прокаленной дресвы с золой размером 0,8 x 1,2 м. В составе линзы расчищено большое количество кальцинированных косточек. По определению П.А. Косинцева, основная часть косточек принадлежала лося, остальная часть — лошади. В составе кальцинированных косточек найдено несколько обломков костяных наконечников стрел.

Основание очага окружала канавка глубиной до 0,2 м. Она прерывалась в юго-восточ-

ной части, образуя выход в тамбур, который был ограничен продолжением канавки вплоть до южного входа в него. Начиная с восточного окаймления очага, по внутреннему краю канавки тамбура сохранилось несколько вертикально вкопанных в землю камней высотой до 0,5 м, такие же камни лежали в южной части тамбура и у конца канавки. Вероятно, когда на святилище не совершали обряд, эти камни перекрывали вход в тамбур. В углистом слое канавки тамбура найден медный наконечник стрелы с изогнутым острием и «пряслице», изготовленное из черепка сосуда. От отверстия изделия были прочерчены лучики. Это был утяжелитель лучкового снаряда для добывания «живого» огня трением — важнейшая часть ритуала.

Второй объект святилища — две медные птицевидные фигурки. Они находились на 0,5 м севернее канавки с очагом. Одна из них целая, другая лишена головы, а грудь и основания крыльев пробиты каким-то острым предметом. Они схематичны: от прямых плеч косо опущены вниз крылья, полугорошинами моделированы только глаза. Фигуры отличаются от тех, которые известны из кладов. Вместо изображения хвостовой части у них был аморфный, расширенный и расщепленный конец. Такая отливка сделана намеренно для устойчивости фигур, когда во время обряда их втыкали в землю, устанавливая вертикально.

Возникает вопрос: почему так искалечена одна из фигур? Если исходить из предположения, что птицевидные фигуры были духами — помощниками металлургов, то, вероятно, в случае неудачной плавки металла или брака в изготовлении предметов наказывали духа. Возможно, таким бракованным изделием оказался наконечник стрелы с изогнутым острием, обнаруженный в канавке тамбура.

Третий объект святилища — площадка почти прямоугольной формы размером 1,2 x 1,9 м, расположенная восточнее основного сооружения. Площадка слегка углублена в землю, на ее поверхности видны пятна прокала и угля, а в центре расчищены два раздавленных сосуда исетского типа. Возможно, здесь готовили жертвенную пищу.

Обряд совершал либо шаман, либо главный металлург, стоя в тамбуре у очага. Во время обряда все металлурги, работавшие на остро-

ве, по-видимому, размещались севернее святилища — там, где была свободная от производственных комплексов площадка размером около 40 кв. м.

Второй культовый комплекс находился за пределами территории металлургических площадок и на 2,5–3 м выше их. Это была вторая ступень Западной гряды (памятник «Вершина I»). У гранитной фигуры, напоминающей хищную птицу (рис. 2), с юга есть небольшой уступ размером 1 x 2 м. Уступ круто обрывается в южном направлении. В раскопанной части площадки (1 x 2 м) обнаружены линзы прокала и угля, фрагменты неорнаментированного сосуда иткульского типа и кусок железного шлака, и только у самого склона лежал фрагмент сосуда исетского типа. Первоначально сложилось впечатление, что святилище основано населением иткульской культуры. Два факта нарушают эту первоначальную гипотезу.

Первый факт — наличие фигуры птицы, выполненной в так называемом «каменном стиле». По С.А. Семенову [1968], в соответствии с этим стилем у валуна или плиты подрабатывалась только одна сторона, обращенная к персонажу, который проводил обряд, или к участникам обряда. И действительно, у фигуры подработан изогнутый клюв, выделен глаз, голова четко переходит в туловище с некоторым подобием крыла. Фигуры, выполненные в каменном стиле, — традиция аборигенов верховьев р. Исети, начавшаяся еще в эпоху мезолита и достигшая расцвета в эпоху энеолита при создании мегалитических изваяний (Викторова, 2010а). Изображение хищной птицы, тоже мегалит, его длина свыше 2 м, высота спины 1,4 м. Подобная традиция на Южном Урале, откуда пришло иткульское население, неизвестна.

Второй факт — на горизонтальной плоскости спины птицы выбита чаша овальной формы размером 0,7 x 0,5 м и глубиной 7 см. Сочетание мегалитических фигур и выбитых чаш — также местное явление, известное у тоннелей Палатки I, Лунный, у дольменов Шитовской 6 и Романовский 2 [Викторова, 2010б].

Факт третий — находка фрагмента керамики исетского типа в южной части шурфа, в начале крутого склона. Складывается впечатление, что фигуру хищной птицы изваяли, а на ее спине выдолбили чашу носители исет-

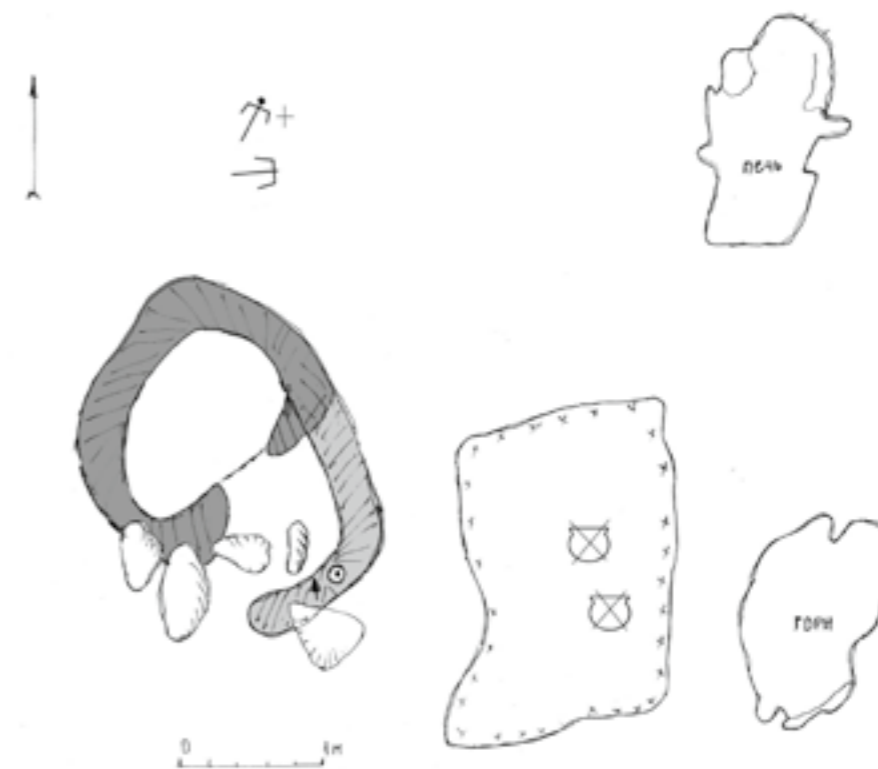

Рис. 1 Памятник «Палатки I». План святилища Исетской культуры.

Рис. 2 Памятник «Вершина I». Фигура в виде хищной птицы.

ской культуры. Что мог означать этот символ? Хищная птица, которая сильнее других птиц и парит в воздухе выше других птиц, могла быть олицетворением движения воздуха (кислорода), который так необходим для удачной плавки металла. Вторым возможным вариантом понимания смысла фигуры — образпрапредкаметаллургов. Третий вариант — изображение духа верхнего мира. А, может быть, в фигуре воплощались все три смысла.

Для проведения обряда у фигуры птицы на небольшом уступе мог поместиться только один человек. Это опять-таки мог быть, либо шаман, либо главный металлург, то есть лицо высокого социального статуса.

Следующее культовое место металлургов исетской культуры расположено на 5-6 м ниже металлургической площадки памятника «Палатки I», на берегу палеозера Романовского, у западного подножия острова. Здесь расположен десятиметровый тоннель природно-антропогенного происхождения, ориентированный с С-СВ на Ю-ЮВ. Ширина его северного входа составляет 1 м, высота опять-таки 1,7 м. В скальном нагромождении валунов перед входом удалось расчистить площадку в 5 кв. м. Она использовалась для ритуалов населением эпох энеолита, бронзы и раннего железного века. С последним периодом связаны остатки жертвоприношений в виде лежащей против входа половины разбитого сосуда исетского типа, перекрытого плитой и, возможно, одна из чаш, выбитых на слегка наклонной плите, лежащей восточнее фрагментов сосуда.

Полагаю, что центром сакрального пространства святилища был вход в тоннель, а также щель, идущая по центру пола от северного до южного входа. Ширина щели до 0,5 м, глубина — 0,7 м. По всей вероятности, щель образовалась в результате тектонического сдвига. Именно в наличии входа в тоннель и щели в нем, очевидно, заключался смысл обрядов, проводимых на площадке в течение трех тысячелетий. «Земная щель, — писал А.М. Сагалаев, — закономерный элемент мифологического ландшафта, реплика первотворения» [Сагалаев, 1991, с. 40]. Щель, отверстие в земле, ведущее в пещеру, — вход в нижний мир (по угорской и алтайской мифологии). Через него, было возможно общение живущих в среднем

мире с духами нижнего мира, с духами предков.

Процесс обряда общения сопровождался жертвоприношениями какой-то пищи в сосудах. После обряда сосуд разбивали и какую-то его часть оставляли на сакральной площадке. На всех святилищах различных эпох горно-лесного Зауралья археологи, как правило, не находят ни целых, ни раздавленных сосудов, только отдельные фрагменты... Куда девали остатки жертвенных сосудов после ухода со святилищ? По материалам эпох энеолита и поздней бронзы на памятниках «Палатки I» и «Вершина I» удалось установить, что остатки жертвенной посуды уносили на поселение.

Таким образом, расположенные на разных уровнях три святилищных комплекса населения исетской культуры, возможно, были связаны с представлениями аборигенов о трех мирах по вертикали. Вверху, на площадке скальной Западной гряды верхний мир мог олицетворять образ хищной птицы. На площадке в центре металлургических комплексов, где проходила жизнедеятельность металлургов, обряды на святилище были связаны со средним миром. Ниже, у основания острова, вход в тоннель и щель соотносились с представлением о нижнем мире.

Металлурги иткульской культуры появились на территории верховьев р. Исети в V в. до н. э. У них с местным населением исетской культуры сложились явно не дружественные отношения. В отличие от аборигенов, которые жили на открытых поселениях, пришельцам пришлось строить городище с мощными оборонительными стенами на г. Большой. У святилища с хищной птицей проявилось негативное отношение иткульских металлургов к обрядам местного населения — площадка была очищена от их следов. За исключением этого памятника, святилищные комплексы пришельцев обустроивались на новых местах, за пределами производственных площадок.

Представляется, что для обрядов, в которых принимали участие все металлурги иткульской культуры, начавшие работу на острове, использовалось сложное сакральное пространство на памятнике «Вершина I», состоявшее из двух взаимосвязанных частей. Первая часть — вершина скал выхода скальной гряды, вторая — площадка, расположенная на 6-7 м ниже вершины, у подножия этой гряды.

Вероятно, точкой отсчета обустройства сакрального пространства была чаша природного происхождения, расположенная на вершине гряды почти напротив центра нижележащей площадки. У чаши овальная форма с плоским дном размером 0,82 x 0,66 м. С СВ и ЮЗ почти вертикальные стенки чаши имеют высоту 12-17 см. С СЗ от края чаши скала резко обрывается вниз, с ЮВ от нее к скале примыкает площадка расселины размером 1,2 x 1-0,5 м.

Второй объект вершины — менгир высотой 1,5 м с округлым верхом и плоским, почти овальных очертаний, основанием, так как углы его параллельных граней скруглены. Менгир повален на культурный слой: под его нижнюю часть уходит прокол, под верхнюю — куски медного шлака. Место его установки точно не определяется. Вполне вероятно, что это была расселина, на которой он лежит. Он мог стоять в той части, где от нее под прямым углом уходит вниз другая расселина.

Многочисленные отщепы и кусочки талька на площадке у чаши повествуют о том, что это место было знакомо еще населению эпохи энеолита. К раннему железному веку относятся медные шлаки, керамика иткульского и гороховского типа, прокаленные линзы земли и скопления угля.

Вторая часть сакрального пространства — площадка размером около 30 кв. м. Она с запада ограничена невысокими (до 2 м) выходами скал, с востока, как уже упоминалось выше, — скалами Западной гряды. С севера площадка переходит в крутой берег палеозера Романовского, с юга — в более пологий склон горы.

Очевидно, основным объектом обряда был менгир, который лежит в центральной части площадки. Высота камня 1,5 м, вершина округлая, грани почти параллельные, плоское основание имеет размер 0,33 x 0,6 м. У основания менгира находится яма глубиной до 0,52 м, в которой он, очевидно, стоял, а рядом лежат небольшие камни, которые его подпирали, удерживая в вертикальном положении. У западного края поваленного менгира отмечено пятно прокаленной почвы, оно уходит под камень. Это либо остатки ритуального костра, либо основание горна. Второе предположение связано с находками железного шлака, слитка и капли меди, обнаруженных южнее и западнее мен-

гира. В северной части площадки найдена еще одна капля меди и медный наконечник стрелы. Кроме этих находок, на площадке обнаружены фрагменты точильного камня и скопления обломков от 9 сосудов иткульского типа.

В 4 м ниже площадки на южном склоне горы еще до раскопок был замечен наклонно стоящий менгир, опирающийся на плиту. Высота камня 0,5 м, размер плоского основания 0,25 x 0,48 м. Рядом с камнем прокала не было, но залегали линзы угля и фрагменты керамики различного времени, в том числе, скопление обломков сосуда иткульского типа.

Связь сакрального пространства двух уровней предположительно могла быть следующей. Лицо, проводившее обряд, могло стоять у чаши или на ней. Основная масса металлургов участвовала в ритуале, стоя на площадке с менгиром в центре.

Третьим святилищным комплексом, как и у населения исетской культуры, был тоннель у основания острова. Вероятно, и смысл обряда был тот же — общение с духами нижнего мира, которым приносили жертвенную пищу в сосуде. Только пришлое население проводило обряд не у северного, а у южного входа в тоннель. Здесь отверстие неправильной формы напоминает, скорее всего, вход в нору, в нижней части которой просматривается щель. Одним из объектов ритуала, очевидно, был менгир, лежавший в нескольких метрах от входа. От него сохранились верхняя и средняя части общей длиной 0,8 м, нижний конец отломан. На небольшой площадке между входом в тоннель и менгиром найдены фрагменты неорнаментированного сосуда иткульской культуры и фигурка, напоминающая голову собаки, изготовленная из тальковой пластинки.

Итак, на памятниках «Палатки I» (тоннель) и «Вершина I» сохранились следы трех различных по назначению святилищ иткульской культуры. Отмечу, что смысл обряда персонажа у фигуры хищной птицы не ясен.

На мой взгляд, главными объектами ритуалов были менгиры. Менгиры могли иметь разное значение. Стоячие камни на склоне горы Большой, на пути к Большегорскому городищу, по всей вероятности, изображали духов-сторожей, охранявших этот путь. По-видимому, таким же был смысл уста-

новки менгира на склоне горы с Западной грядой, он мог охранять путь к святилищу.

Иное дело — менгиры, помещенные в сакральное пространство. Похоже, они служили олицетворением духов различных миров по вертикали. Менгир на вершине горы рядом с чашей мог быть воплощением духа верхнего мира. Менгир в центре нижней площадки — аналога среднего мира металлургов — мог обозначать духа среднего мира. Менгир у южного входа в тоннель мог принадлежать духу нижнего мира.

Следующие святилищные комплексы эпохи раннего железного века находятся на противоположном, правом берегу р. Исети и, возможно, связаны с комплексами этой эпохи на поселениях Верхняя Макуша и Макуша III. Исследования на увале Большой Макуш, расположенного севернее поселений, носили разведочный характер. Но в открытых памятниках просматриваются некоторые аналогии со святилищами на острове Каменные палатки. На вершине одной из гор увала зафиксированы две чаши природного происхождения правильной округлой формы. Ниже по склону расположена ниша, образованная тремя плитами, каждая из них высотой до 2 м. Площадка, ограниченная плитами, имеет прямоугольную форму и размер 1,2 x 1,6 м. Выход с площадки ориентирован на запад. В центре южной стенки ниши расположен эркер природного происхождения шириной до 0,3 м. В его нижней части можно различить фигуру в виде головы старика. Отчетливо видны высокий лоб, углубленные глазницы, прямой нос. Менее четко выражена нижняя часть личины, выделяется только борода.

В шурфе, заложенном рядом с эркером, обнаружены фрагменты изделий из тальковых пластин.

Пока непонятно как происхождение рельефа (природное или рукотворное), так и время его появления. Судя по материалу фрагментов изделий из шурфа, аналогичному тому, из которого сделана фигура в виде головы собаки, можно весьма осторожно предположить, что в нише осуществлялся какой-то ритуал персонаж иткульской культуры.

С населением этой культуры, несомненно, связан обряд, проводимый у тоннеля Большой Макуш. Тоннель расположен у подножия горы, на берегу болотистой части озера

Мелкого. Оба выхода тоннеля — северный и южный — завалены большими валунами. Шурф удалось заложить только у южного входа. На дне шурфа в прокаленном слое расчищены фрагменты сосуда иткульского типа.

Ситуация повторяет ту, что была отмечена у южного выхода тоннеля у подножия острова Каменные палатки. Отсутствует только менгир, но менгиры, тем более, поваленные, археологи начали находить на памятниках горно-лесного Зауралья только в начале XXI века.

Вывод

Анализ целиком раскопанных культовых памятников под углом зрения структуры сакрального пространства дает новую, дополнительную информацию о специфике памятников различных археологических культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берс Е.М. *Археологические памятники Свердловска и его окрестностей*. Свердловск, 1963.
2. Бельтикова Г.В. *Развитие иткульского очага металлургии // ВАУ. Екатеринбург, 1993, вып. 21.*
3. Викторова В.Д. *Природные и рукотворные мегалитические изваяния // Вестник УрО РАН. Наука. Общество. Человечество. 2010а, № 1.*
4. Викторова В.Д. *Загадки Верх-Исетского гранитного массива // Вестник УрО РАН Наука. Общество. Челябинск. 2010б, № 4.*
5. Сагалаев А.М. *Урало-Алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск, 1991.*
6. Сальников К.В. *Иткульская культура. К вопросу о Зауральском ананьино // Краеведческие записки. Челябинск, 1962, вып. 1.*
7. Семенов С.А. *Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.*

Е.М. Черных
г. Ижевск

САКРАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ АНАНЬИНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПРИКАМЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ЗУЕВОКЛЮЧЕВСКОГО ГОРОДИЩА)

Археологические исследования последних десятилетий существенным образом изменили наши представления не только о раннем железном веке Урала в целом, культурном своеобразии этой страны, но и об отдельных сторонах жизнедеятельности ее обитателей. Особенности интерес вызывают мировоззренческие аспекты культуры уральских народов. Многочисленные коллекции керамического, металлического и костяного инвентаря, связанные с продолжающимися раскопками памятников по обе стороны Уральских гор, убедительно демонстрируют проницаемость границ выделенных здесь археологических культур. Так, уникальные материалы Усть-Полуя служили основанием для поиска аналогий многим предметам из раскопок ананьинских памятников Прикамья, а исследователями отмечались черты сходства этих двух ярких культурных феноменов севера Евразии [Мошинская, 1953, с. 118; Збруева, 1952, с. 180-181]. Продолжающиеся же современные раскопки Усть-Полуйского святилища позволят приоткрыть еще не одну священную тайну времени.

Вопросы, касающиеся древних культовых мест, рассматриваются в археологии с завидным постоянством. Достаточно назвать лишь некоторые из научных сборников, где целенаправленно поднимались данные вопросы [Святилища., 2000; OPUS., 2004]. Можно назвать и немалое количество монографических работ, где не только даны описания и анализ наиболее ярких открытий в этой сфере, но и предложены атрибуция и принципы иерархии ритуального пространства древних святилищ, интерпретация обрядовых действий на них и религиозных представлений, лежавших в основе тех или иных ритуалов. Мир ананьинской культуры Западного Приуралья (или нескольких культур (далее — АКЮ) с несколько различающимися

социокультурными доминантами) рассматривается сегодня как время динамичных трансформаций во всех сферах жизнедеятельности, стремительного расширения коммуникативных связей и массового распространения различного рода знаков и символов (сложный погребальный обряд, престижное оружие, металлическая и глиняная пластика, звериный стиль). За этими явлениями справедливо усматриваются кардинальные изменения в структуре общества, стереотипах группового опыта. Вместе с тем, характер ананьинских поселков, их планировка через призму мирского и священного до сих пор не получили в археологической литературе всесторонней оценки. И это понятно: археологические источники в силу своей специфики по-разному доносят информацию о религиозных представлениях и реальных обрядовых действиях далекого прошлого. Городища АКЮ, известные науке почти полтора столетия, оценивались в разное время то как сезонные поселки промысловиков — охотников и рыбаков, то как жертвенные или обрядовые центры, наконец, как постоянные поселения родовых коллективов (Кузнецов С.К., Пономарев П.А., Худяков М.Г., Шмидт А.В., Прокошев Н.А., Збруева А.В.). И, хотя в монографической работе А.В. Збруевой характеристике религиозных представлений ананьинцев отведена целая глава [1952, с.11-135], касательно мест отправления культа исследователь очень лаконична. Она как бы вскользь упоминает лишь небольшие жертвенные места, находившиеся внутри поселений и представлявшие собой «груды пепла и золы ... с большим количеством черепов и костей животных, в большинстве случаев пережженных» [Збруева, 1952, с.126]. Их бытование автор связывала с почитанием родовых святынь и предков, одновременно допуская

возможность существования жертвенных мест более высокого ранга — типа Гляденовского костыща. Современная степень изученности ананьинских городищ Камы и Вятки (а это свыше 90 пунктов)¹ создает качественно новую базу для решения проблемы их социального пространства, функциональной планировки, выделения локусов, связанных с идеологией ананьинских коллективов. Анализ полученных материалов позволяет выделить в пределах укрепленной площади участки с неординарными сооружениями или конструкциями, строго избирательными артефактами, культовый характер которых, на первый взгляд, возможно, и не является очевидным. Но это лишь на первый взгляд.

В данной публикации предметом исследования явились многообразные артефакты культового класса, изученные на одном из крупнейших городищ раннего железного века в Прикамье — Зуевоключевском I. В ходе планомерных археологических раскопок, проводившихся на нем в конце 1960-х — начале 1970-х гг. (Р.Д. Голдина, В.Ф. Генинг, Л.И. Ашихмина), а также в 1997-2005 гг. (Е.М. Черных), культурные напластования были изучены на площади около 8 тыс. кв. м. Они обнажили не только традиционные для поселений объекты — жилища, хозяйственные сооружения, фортификации [Ашихмина, Генинг, 1986; Черных, 2004; Черных, 2009], но и комплексы, не укладывающиеся по своим характеристикам в параметры обыденной деятельности. Их разнообразие и выразительность (жертвенники, детские погребения, культовая постройка, отдельные находки, святилище), а также включенность в археологический контекст, позволяют предложить как формально-типологический анализ данных объектов, так и предварительную реконструкцию ритуального пространства городища. Следует сразу сказать, что методические вопросы изучения, идентификации, систематизации таких неординарных комплексов с поселений АКЮ почти не разработаны, хотя информация о них в региональной литературе имеется вполне достаточная. Ряд вопросов, связанных с определением характера культовых комплексов на ананьинских памятниках, поднимался автором в прежних публикациях [Черных, 2001; 2001а; 2008; 2009а]. Безусловный интерес имеет

большая работа А.Н. Лепихина, выполненная им на материалах гляденовских костыщ [2007]. Систематизация всех объектов, изученных на этих специфических памятниках, во многом наследующих традиции предшествующих ананьинских ритуальных практик, позволяет не только сравнивать данные комплексы между собой, но и обсуждать особенности длительного переживания традиций в мировоззренческой сфере местного населения.

Систематизация артефактов, привлечение аналогий с уже введенных в научный оборот памятников лесной зоны Евразии, а также обращение к этнографии, свидетельствующей об устойчивости форм культовой деятельности и организации религиозных практик, позволили выделить на Зуевоключевском городище места однократных и многократных ритуальных действий, и прежде всего — жертвоприношений. Жертвоприношения — традиционная черта архаических религий, в момент их совершения сильное эмоциональное воздействие достигалось через использование огня, крови, совместных возлияний и коллективных трапез. Ритуальное убийство предназначенного в жертву животного при этом выполняло не только такую важную сакральную функцию — связи божественного и мирского, но и социальную: оно объединяло участников ритуалов.

К числу культовых можно отнести многочисленные намеренно оформленные площадки для принесения кровавых и бескровных жертв — своеобразные «алтари». Они имели различное устройство. На городище среди таких объектов были выделены: 1) приподнятые площадки; 2) углубления и 3) наземные выкладки из костей и камней.

Жертвенники типа I были сложены, как правило, из мелкого галечника или глины, имели овальную или округлую в плане форму, диаметр 0,6-1,5 м (рис. 1-1). Характерной чертой таких площадок являются зола и пепел, а также мелкие косточки животных и птиц — сырые и кальцинированные. На поверхности таких «пьедесталов» встречаются обломки битой керамики, миниатюрные сосудики, обычно перевернутые вверх дном, мелкие украшения (пронизки, бляшки). Практика устройства жертвенников данного типа хорошо известна на гляденовских

костыщах, где с ними были связаны слои жженных и сырых костей, черепа лошадей, находки каменных пестов и раздавленных сосудов [Генинг, 1988, с. 172; Лепихин, 2007, с. 55-56], а также среди объектов на поселениях [Васкул, 1996, с. 17]. В размещении жертвенников I типа на Зуевоключевском городище наблюдается определенная закономерность, а именно, их связь, главным образом, с жилыми объектами.

Тип 2. Жертвенники в углублениях (ямах). Вычленив такие культовые объекты среди обычных для поселений хозяйственно-бытовых ям представляет известную сложность. Можно, конечно, обратиться к косвенным свидетельствам, например, к домостроительным традициям ананьинцев, для которых ямы как в интерьере, так и в межжилищном пространстве, не характерны (Черных, 2008, с. 45, 49). Это позволяет интерпретировать некоторые из них конечно, с известной осторожностью в качестве культовых. Например, в одном из жилищ вятского Аргыжского городища слева от входа изучена яма площадью около 2,0 м, занимавшая почти весь угол жилого помещения. Если бы в ней находился обычный бытовой мусор, то яму можно было бы принять за выгребную. Между тем, в заполнении ямы обнаружены лишь единичные косточки и кусочки керамики, а на дне — череп коня лицевой частью к центру помещения и каменная зернотерка [Черных, Ванчиков, 2002, с. 21, рис. 72-6]. На Зуевоключевском городище выделяются несколько ям, определенно сходных в конструктивном решении и по составу находок. Это, как правило, ямы небольших размеров, округлой или овальной формы с отвесными стенками и плоским дном (рис. 1-2), в центре которого находился плоский камень крупного размера (яма 10, раскоп XXIII; яма 52, раскоп XXVIII). Найдены в таких ямах, как правило, отсутствовали или это были единичные мелкие обломки костей и керамики, иногда со следами обожженности.

Тип 3. Скопления костей животных (рис. 1-3). Пожалуй, это наиболее выразительная группа жертвенников на ананьинских поселениях. Часто кости выложены в определенном порядке, обнаруживающем некоторую избирательность. По наблюдениям П.А. Косинцева и А.И. Варова, на уральских святилищах абсо-

лютная доля отводится костям коня, второе место — КРС, примерно поровну — свинье и МРС, а вот в составе элементов скелета обычно доминирование отдельных частей — головы и дистальных частей ног [Варов, 1996, с. 15; Косинцев, 1996, с. 41]. Ассортимент зуевоключевских жертвенников включал кости домашних (КРС, лошадь, режа — свинья и МРС) и диких животных (медведь, лось), а также человека.² Изучены как в жилых помещениях, так и вне жилищ. Например, потрясающе информативны подобные жертвенные площадки в жилищах Заюрчимского I поселения в Пермском Прикамье.³ Они включали черепа, челюсти, копыта, фаланги лошадей, иногда — лапы медведя [Коренюк, 1988, с. 25-25]. Такие скопления на городище в Зуевых Ключах зафиксированы в жилищах XVII, XIX, XXX. Местоположение оригинальных костных выкладок наблюдалось в углу или у стены, что вполне корреспондируется с функцией семейных «алтарей». Иной характер, очевидно, имели скопления, локализуемые в центре жилого помещения. Так, в жилище XXX скопление костей медведя, среди которых преобладали нижние челюсти, клыки, кости хребтины, занимало площадь около 3,6 x 1,6 м. Принимая во внимание иррациональность подобной организации жилого пространства, можно предположить, что данный комплекс представлял собой следы ритуала жертвоприношения, после которого жилище уже не использовалось по своему прямому назначению.

Выкладки из костей животных, использованных для жертвоприношения, часто встречаются на окраинных участках ананьинских поселений, а также у подошвы или на гребне оборонительных валов. За особенностями пространственного распределения, по всей видимости, скрывается необходимость маркировки освоенной зоны. Такие объекты изучены на Аргыжском, Буйском, Скорняковском городищах в бассейне Вятки, на Момылевском, Сорочьегорском — на Нижней Каме, Алтен-Тау, Степановском — в Среднем и Верхнем Прикамье. На Зуевоключевском I городище такие жертвенники-маркеры жилой зоны изучены на северной (уч. ИК/33-34) и юго-восточной (уч. ч-ш/44) окраине поселка, между крайними рядами жилищ и склоном мысовой площадки.

¹ Среди них имеются городища, изученные широкими площадями, например, Аргыжское, Алтен-Тау, Буйское, Гремячий Ключ, Ермаши, Зуевоключевское I, Ныргындинское II, Сорочьи Горы и т.п.

² Определение костей выполнено Н.Г. Смирновым, П.А. Косинцевым (Институт экологии животных и растений УрО РАН) и О.Г. Богаткиной (Казань).

³ Пользуясь случаем, должна выразить признательность С.Н. Коренюку за возможность ознакомиться с материалами полевых отчетов.

Примечательно, что оба жертвенника в плане имели вид широкой полосы, вытянутой в длину от 3,0 м до 7,5 м. Северный жертвенник содержал обломки 7 черепов медведей с нижними челюстями, череп лося с отверстием в лобной части, нижние челюсти свиньи, кости лошади и коровы. В юго-восточном жертвеннике диагностированы, в основном, челюсти лошадей и коров. По всей видимости, эти объекты манифестировали роль как семейных, так и общепоселенческих жертвенников, что подкрепляется находками в них таких артефактов культового класса, как, например, глиняные антропоморфы [Черных, Колобова, 2006, с. 149].

Показательно выявление жертвенников типа 3 в пределах святилища, в южной части площадки городища. Их расположение, по-видимому, регламентировалось общей планировкой святилища, архитектурным центром которого являлась постройка (рис. 2). Постройка наземного типа, имела прямоугольную в плане форму и размеры 19,0 x 6,0-7,5 м. Ориентирована торцовыми стенками на СВ-ЮЗ. В обеих коротких стенках постройки имелись диаметрально противоположные выходы. На полу сооружения зафиксировано около 2-х десятков кострищ (рис. 2-2), среди них только два можно интерпретировать как остатки долговременных очагов. Около северо-западной стенки размещался жертвенник, основание которого составляла площадка прокала овальной в плане формы, размерами 1,26 x 0,54-0,65 м, мощностью 0,5 см. Площадка имела каменное ограждение из крупных плит песчаника. По оси СВ-ЮЗ за пределами прокаленного слоя лежали две плиты крупного размера. Внутри этого жертвенника расчищены кости домашних животных — лошади и свиньи. Центральную часть скопления занимал крупный позвонок-атлант быка.

По внешнему периметру постройки зафиксированы многочисленные столбовые ямки — следы ограждения. В пределах ограды обнаружен еще один жертвенник на уч. х/27 (рис. 1-3, 4). Он включал в себя уложенные «веером» нижние челюсти 3-х лошадей, развернутые лицевой частью на север, запад и юго-восток. Вблизи этой выкладки находилась массивная плоская прямоугольная плита размерами 32,0 x 15,0 см. Между ними расчищена линза золы размерами 0,3 x 0,26 м, заполненная

мелкими обожженными и кальцинированными костями вперемешку с мелкими обломками посуды, камешками. Здесь же найден точильный камень. Среди культовых доминант сооружения следует назвать череп медведя, обнаруженный рядом с обрушившейся северо-западной стеной постройки, а также закопанную жертву на дне столбовой ямки №98, в которой найдены крупный обломок чашевидного сосуда (рис. 2), копыто и длинные кости крупной птицы. Семантически не случайным выглядит и размещение указанных объектов в северной половине помещения.

Ближе к склону, в 20 м к ЮВ от культовой постройки, на уч. Яа'/32-35 было расчищено еще одно обширное скопление костей. Кости животных, среди которых была и челюсть человека, концентрировались в пределах овальной площадки (размеры около 7,0 x 1,5-2,0 м). По-видимому, они представляли собой участок для многократных жертвоприношений. По периметру скопления, на расстоянии до 1,5 м от него, зафиксированы столбовые ямки. Располагались они почти правильным рядом с интервалом 1,5-2,0 м, образуя в плане прямоугольник с размерами сторон 7,5 x 4,5 м.

Символизмом, надо полагать, был наполнен и последний акт функционирования сооружения. Оно было сожжено и перекрыто слоем «чистого» песка. В верхнем горелом слое было найдено и несколько предметов культового класса, прежде всего — обломки глиняных антропоморфных статуэток (рис. 2-1).

Говоря об обрядах жертвоприношения, нельзя не обратить внимание на неоднократные случаи находок костей человека, в том числе преднамеренных захоронений на площади ананьинских поселений. Все известные мне случаи подобных захоронений в ананьинской практике следует рассматривать как экстраординарные. Не является исключением и Зуевоключевское I городище. Внутри укрепленного периметра городища В.Ф. Генингом и Л.И. Ашихминой были изучены остатки трех небольших некрополей (всего — около 50 погребений), относимых к бронзовому, раннему железному векам и позднему средневековью [Черных, 2009]. Лишь один из них, с учетом стратиграфической позиции могил и небольшого комплекса вещей (сосуды, медный трехло-

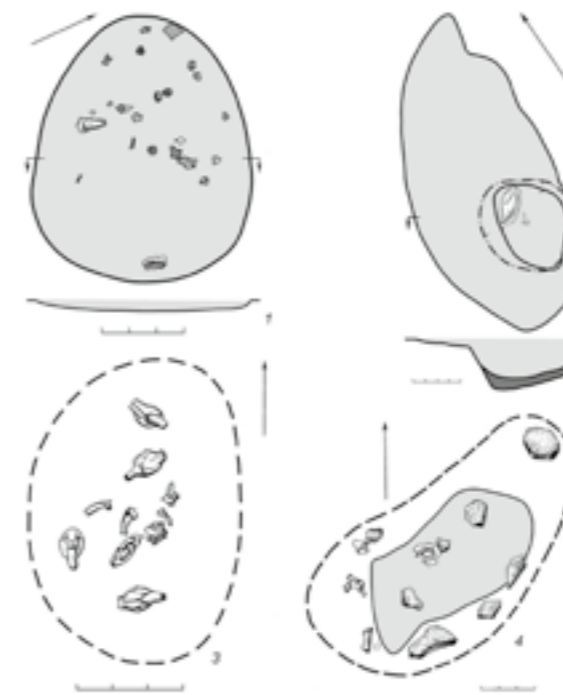

Рис. 1. Типы жертвенников Зуевоключевского I городища.

Рис. 2. Зуевоключевское I городище.

Культовая постройка на святилище:
1 — план фиксации постройки на уровне перекрытия;
2 — план расположения объектов на полу постройки.

пастной наконечник стрелы), может быть соотнесен с ананьинским временем. Кладбище из 2-х локализованных групп погребений (15 и 8) занимало восточную периферию мысовой площадки [Черных, 2009, с. 81, рис. 14]. Характерные черты погребальной обрядности, хотя и расплывчаты (неглубокие ямы, умершие вытянуты на спине, ногами к реке), в целом присущи раннеананьинским некрополям. В то же время среди жилой застройки также выявлены отдельные захоронения — всего 6 случаев. Все они принадлежали детям, в четырех случаях — младенческого возраста. Три погребения младенцев были связаны непосредственно с жилищами, одно обнаружено на площади святилища. Во всех случаях кости сохраняли анатомическую последовательность, не имели инвентаря, но стратиграфически связаны с жилищами верхнего горизонта ананьинского слоя. Не случайной, очевидно, выглядит ориентация умерших головами или ногами в сторону святилища. Безусловно, это были особые погребения, причины их совершения могли быть различными, но установить их вряд ли удастся. Однако повторяемость такой практики заставляет видеть за ней либо следы жертвоприношений, либо проявление особого социального статуса умершего. Как известно, именно особый статус младенцев во многих архаических культурах определял выбор их в качестве наиболее «естественной» и особо угодной богам жертвы. Сам по себе факт захоронения младенца в жилище, безусловно, не позволяет интерпретировать его как жертвоприношение. Имеется немало указаний в нарративных и этнографических источниках на бытование у многих народов подобной формы «строительной жертвы», направленной на обеспечение благополучия всем живущим в доме, или, напротив, как свидетельства оставления жилища [Байбурин, 2005, с. 69-85]. Намеренно не хотелось бы в данной статье останавливаться на объяснительных концепциях «строительной жертвы». Это тема отдельной работы, требующая обращения к религиозному, культурологическому, этнографическому наблюдениям. Но константа присутствия следов подобного обряда на ананьинских поселениях — дополнительное свидетельство процесса сакрализации занимаемого

пространства, осознания людьми и обществом единения с окружающим миром, природой, «олицетворенной богами, духами, умершими и др.» [Зданович, 2003, с. 49]. Еще два детских погребения отличались иными условиями захоронения и, по-видимому, могут быть объяснены особыми условиями их смерти.

Таким образом, присутствие в культурном слое Зуевключевского I городища разных по формальным признакам объектов, выделяющихся среди типичных хозяйственно-бытовых сооружений, наглядно демонстрирует разнобразную и богатую практику семейных и общинных церемоний, и прежде всего — ритуальных действий, связанных с религиозными представлениями ананьинского населения. Конечно, эта практика не замыкалась в границах укрепленного поселения, но именно на поселениях в силу их многофункциональности важно выявить такие неординарные объекты и извлечь из них столь недостающие нам знания о прошлой действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф. Ананьинские жилища Зуево-Ключевского I городища // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. – Сыктывкар, 1986. – С. 54-70.
2. Байбурин А.К. Жилища в обрядах и представлениях восточных славян. – 2-е изд. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 224 с.
3. Варов А.И. Костные остатки из костниц Среднего Прикамья // Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии. Материалы полевого симпозиума. – Пермь, 1996. – С. 14-16.
4. Васкул И.О. Культурные памятники конца I тыс. до н.э. – первой пол. I тыс. н.э. на территории Европейского Северо-Востока // Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии. Материалы полевого симпозиума. – Пермь, 1996. – С. 16-17.
5. Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М.: Наука, 1988. – 240 с.
6. Збруева А.В. История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху // МИА. – М., 1952. – Вып. 30. – 322 с.
7. Зданович Д.Б. Жертвоприношение: опыт комплексного подхода к одному из локусов культуры // Человек в пространстве древних культур. Матер. Всерос. науч. конф. – Челябинск: Музей-заповедник «Аркаим», 2003. С. 45-50.
8. Коренюк С.Н. Культурные комплексы раннеананьинского времени в Пермском Прикамье // VIII Октябрьские чтения. – Пермь, 1988. – С. 25-27.
9. Косинцев П.А. Археозоологические критерии святилищ Урала и Западной Сибири // Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии. Материалы полевого симпозиума. – Пермь, 1996. – С. 40-42.
10. Лепихин А.Н. Костица гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. – Пермь, 2007. – 224 с.
11. Мошинская В.И. Керамика усть-полуйской культуры // МИА. – М., 1953. – Вып.35. – С. 107-121.
12. Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы науч. конф. – СПб., 2000.
13. OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Сб. ст. – М.: ИА РАН, 2004. – Вып. 3.
14. Черных Е.М. Культурная постройка ананьинского времени с Аргыжского городища // Археология и этнография Среднего Приуралья. – Березники, 2001. Вып. 1. – С. 63-72.
15. Черных Е.М. Культурные комплексы Зуево-Ключевского I городища в Среднем Прикамье // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. – Оренбург, 2001а. – С. 148.
16. Черных Е.М. Зуевключевское I городище в Удмуртском Прикамье: некоторые итоги исследований // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет. Матер. Всерос. науч. конф. – Ижевск, 2004. С. 113-131.
17. Черных Е.М. Ритуальное пространство городищ раннего железного века Прикамья // Поселение как исторический источник: (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии). Тез. докл. Междунар. науч. конф. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 34-35.
18. Черных Е.М. Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевключевского I городища в Удмуртском Прикамье // У истоков археологии Волго-Камья (К 150-летию открытия Ананьинского могильника): Серия «Археология евразийских степей». – Елабуга, 2009. Вып. 8. – С. 76-97.
19. Черных Е.М., Колобова Т.А. Глиняные фигурки Зуевключевского I городища и некоторые вопросы их назначения и семантики // РА. – 2006. – №4. С. 145-151.

В.А. Семенов
г. Сыктывкар

**АНТРОПОЗОМОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ
ИЗ АДАКСКОГО ПЕЩЕРНОГО СВАТИЛИЩА НА Р. УСА
(РАСКОПКИ 1984-1985 ГГ.)**

Среди геологических и археологических памятников приполярного и заполярного Северного Приуралья особое внимание привлекает цепь небольших пещер, расположенных по обоим берегам р.Уса в устье р. Адак на Полярном Круге в отрогах гряды Чернышова. Определенное значение для реконструкции палеоэтнических процессов, протекавших на данной территории, имеют и археологические материалы, обнаруженные в районе Адакского пещерного святилища на территории современного Интинского района. Пещера была открыта и частично исследована В.И. Канивцом в 1969-1971 гг. [Канивец, 1970]. При раскопках пещеры исследователем было выявлено около двух тысяч предметов из кости, кремня, глины, камня и металла, отложившихся в святилище между 2 тыс. до н.э. и первыми веками 2 тыс. н.э. В настоящее время материалы этих раскопок частично представлены в экспозициях Интинского краеведческого музея и музея археологии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН в Сыктывкаре.

В 1984–1985 гг. археологические исследования пещеры были продолжены экспедицией Сыктывкарского университета под руководством автора [Семенов, Рябцева, 1986]. Во время этих работ раскопкам подверглась не только сама пещера, но и территория у подножия памятника, на которой были выявлены многочисленные древности, очевидно, вымытые из пещеры паводковыми и тальными водами. В целом, коллекция из Адакского пещерного святилища составила около 1900 предметов (без остеологического материала), включающих 356 костяных наконечников стрел и несколько сотен их обломков, 264 кремневых наконечников стрел и более 200 их осколков, 3 сланцевых изделия, сосуд лебяжского типа, 229 изделий из меди и бронзы, а также 362 предмета в облом-

ках из проволоки и листовой меди, 117 железных предметов и их обломков, 11 изделий из серебра и 43 — из стекла, 1 костяная пластина. Среди археологических древностей можно отметить кремневые и костяные наконечники стрел, украшения из меди, серебра и стеклянные бусы, медные литые фигурки различных мифологических существ, включая и антропоморфные изображения [Рябцева, Семенов, 1986].

Естественно, не все перечисленные предметы имеют четкую датировку и надежную культурную атрибуцию. Ранний этап функционирования Адакского святилища маркируется сосудом позднелебяжского типа. Сосуд может быть датирован переходным периодом от финальной бронзы к раннежелезному веку. Подобная керамика отмечена и на других пещерных святилищах Северного Приуралья [Семенов, Багин, 2000]. Кремневые наконечники стрел близки к находкам из Беломорья, Большеземельской тундры, других пещерных святилищ Приуралья. Характерно, что большинство обнаруженных в Адакской пещере наконечников стрел незакончены. В то же время формы таких наконечников бытовали на данной территории в раннем железном веке. К этому же периоду относится, видимо, и основная масса шлифованных наконечников стрел из кости. В комплексе с кремневыми и костяными наконечниками стрел было обнаружено несколько сланцевых наконечников, близких по форме к орудиям, обнаруженным Г.А. Черновым в Большеземельской тундре. Функционирование святилища в конце I тыс. до н. э. может быть установлено по находкам предметов плоского литья, близким к антропоморфным изображениям «древовидного» стиля из Западной Сибири. Там подобные предметы сопровождаются находками бронзовых наконечников стрел кулайского типа

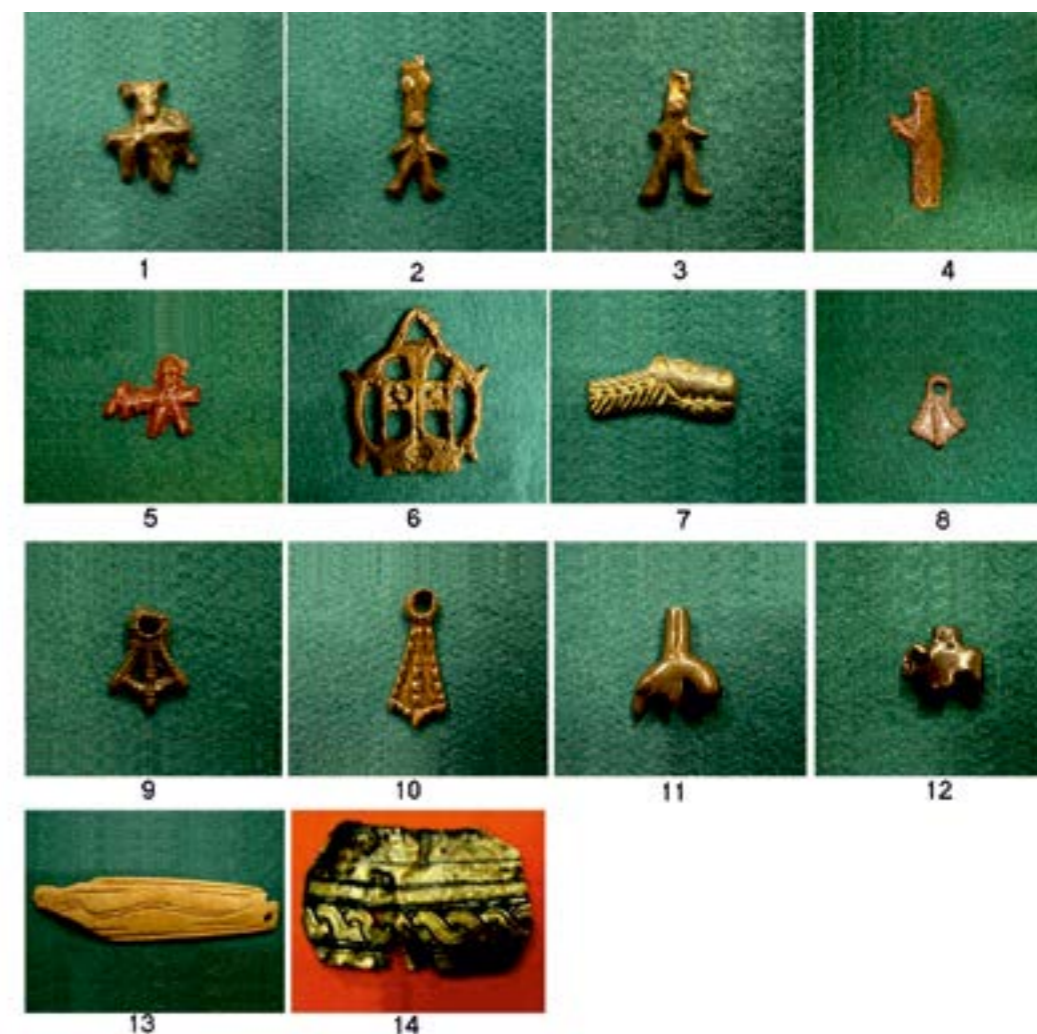

Рис. 1. Адакское пещерное святилище (р. Уса, Интинский район, республика Коми)

- 1, 5 — зооантропоморфные изображения (2,6 x 1 см, инв. № 29/360; 1,6 x 1,8 см, инв. № 29/330);
2, 3 — антропоморфные изображения (2,6 x 1 см, инв. № 29/403а; 1,7 x 0,9 см, инв. № 29/512а);
4 — зооморфное изображение (1,9 x 0,7 см, инв. № 29/403б);
6 — зооморфная фигурно-прорезная подвеска (3,8 x 3,3 см, инв. № 29/512);
7 — фрагмент зооморфного изображения (1,1 x 3,1 см, инв. № 29/211);
8-10 — лапчатые привески (1,6 x 1,3 см, инв. № 29/166; 1,7 x 1,4 см, инв. № 29/399; 2,8 x 1,2 см, инв. № 29/357);
11-12 — зооморфные полые пронизки-«медведки» (1,9 x 1,6 см, инв. № 29/355; 1,1 x 1,3 см, инв. № 29/2153);
14 — фрагмент пластины с орнаментом и граффити (3,3 x 5,3 см, инв. № 29/13).

III — I вв. до н. э. Характерно, что подобные наконечники обнаружены и в Адакском святилище [Васкул, Семенов, 2004].

Следующий наиболее достоверный период использования пещеры датируется по бронзовым украшениям, обнаруженным на ранне-средневековых памятниках Прикамья и Сибири. С прикамскими украшениями зооморфного стиля можно сопоставить миниатюрные пронизки-«медведки», геральдические накладки с растительным орнаментом и другие находки, в целом относящиеся к V-X вв. н.э. К уникальным находкам с не выявленными аналогиями относятся личина, вписанная в круг, и медная литая головка какого-то хищного, возможно, мифологического существа. В целом к предметам антропоморфного стиля можно отнести полузооморфную подвеску-«медведку» в виде объемной профильной фигурки медведя, датирующую первой половиной — серединой I тыс. н. э., лапчатые привески (имитация гусиной лапки железного века), фигурно-прорезную плоскую подвеску со стилизованным изображением животного (лягушка?). Характерно, что на спине животного небольшими углублениями отмечены рот и глаза, имитирующие личину. К антропоморфным изображениям раннего железного века следует отнести бронзовые фигурки размерами 2 x 1 см и несколько зооантропоморфных изображений. К уникальным находкам можно отнести фрагмент костяной накладки с процарапанным изображением ползущей змеи. [Васкул, Семенов, 2004]. Характерно, что на ряде предметов — обломке бронзового зеркала, серебряной и позолоченной накладке на рукоять ножа — были процарапаны (очевидно, местным населением) изображения рыб и соляных символов. Сама накладка может быть датирована периодом между X и XII вв., судя по половинке дирхема, чеканенного при Самонидах, приблизительно в 914-конце X в., и германского динария из Свера, изготовленного при герцоге Ордульфе (Оддо) в 1062-1073 гг. Ряд украшений датируется XII-XIII вв. и связывается с новгородским импортом.

Этническая принадлежность населения, длительное время использовавшего Адакскую пещеру, не может быть достоверно определена. Следует лишь подчеркнуть западносибирские параллели на раннем этапе существования

сваятилища и преимущественно северопривуральские связи в эпоху средневековья. В то же время требует объяснения и наличие большого числа сходных находок из пещерных святилищ и «кладов» бассейна Печоры, на памятниках арктической зоны Северного Приуралья как доненецкого периода, так и начала II тыс. н. э. Возможно, такая близость объясняется формированием на Северном Урале специфического угро-самодийского пласта населения с сильными «пермскими» связями в эпоху средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васкул И.О., Семенов В.А. Люди — звери — птицы Северного Приуралья (эпоха раннего железа). — Сыктывкар, 2004. С. 8-12.
2. Канивец В.И. Изучение древностей Печорского Приполярья // АО 1969 г. — М.: Наука, 1970. — С. 8-9.
3. Рябцева Е.Н., Семенов В.А. Адакское пещерное святилище на реке Усе и проблемы освоения Полярного Урала // 200 лет арктической археологии. КСИА — М.: Наука, 1990. — Вып. 200. — С. 66-72.
4. Семенов В.А., Багин А.Л. Археолого-этнографические параллели некоторых артефактов на средневековых святилищах Европейского северо-востока // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: материалы тематической научной конференции. — С.-Пб., 2000. — С. 128-131.
5. Семенов В.А., Рябцева Е.Н. Разведки и раскопки в Коми АССР // АО 1984 г. — М.: Наука, 1986. — С. 28-29.

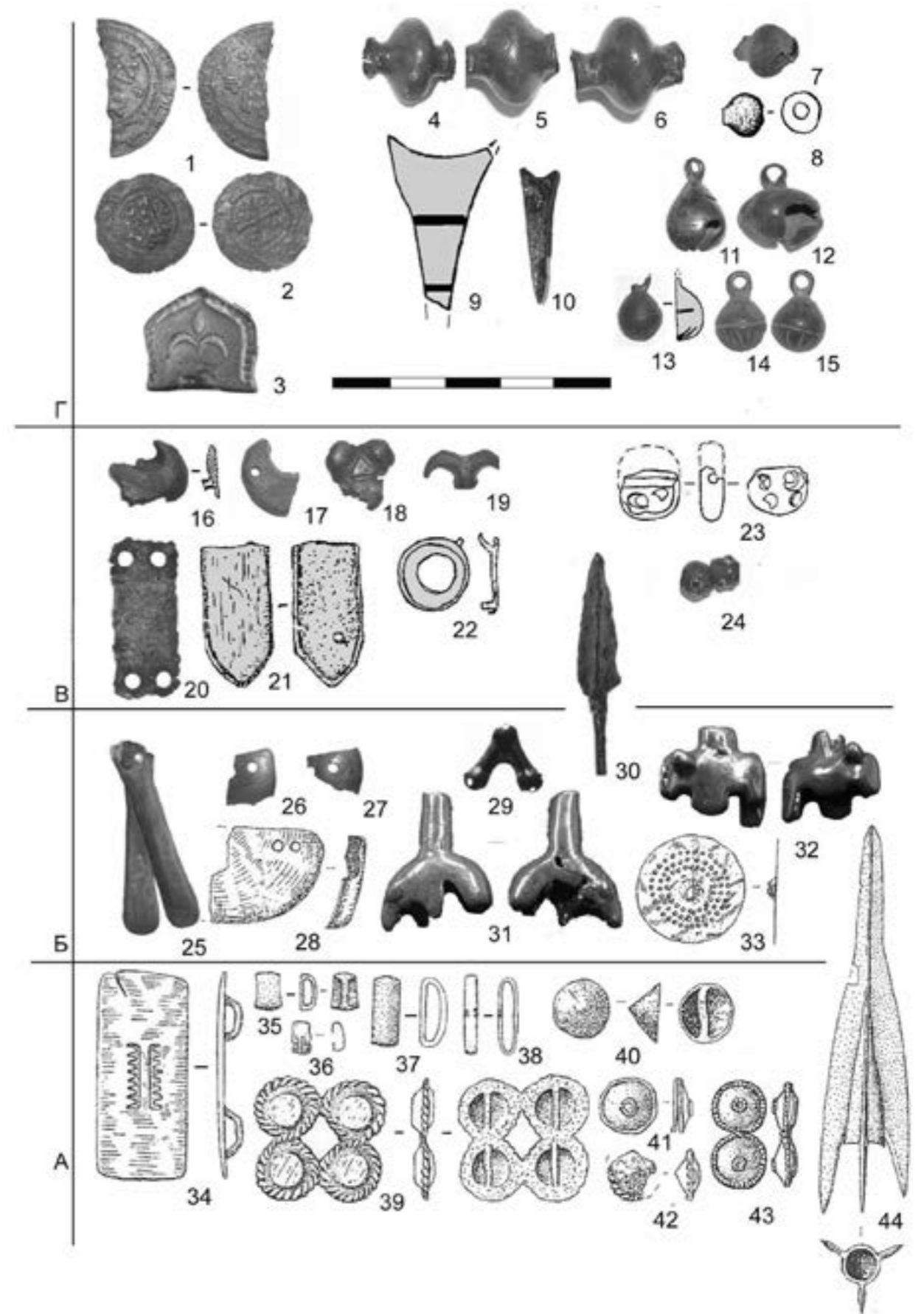

Рис. 2. Материалы различных этапов эпохи железа.

А - III-II-I вв. до н.э.; Б - I-IV-V вв. н.э.; В - VII-VIII вв. н.э.; Г - X-XI вв. н.э.

1, 2, 18 - серебро; 33-8, 11-17, 19-22, 25-29, 31-43 - медистый сплав; 9,10,30 - железо; 23, 24 - стекло.

А.М. Мурыгин
г. Сыктывкар

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СВАТИЛИЩ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ

Территория исследования ограничена материковой частью европейского северо-востока. Это обширное пространство расположено между Уральскими горами и хребтом Пай-Хой на востоке и северо-востоке, Тиманским кряжем на западе, Баренцевым морем на севере. Крупнейшей водной магистралью области, пересекающей ее в общем направлении с юга на север, является р. Печора. Бассейн Печоры охватывает два неоднородных по ландшафтно-климатическим условиям района — Малоземельская и Большеземельская тундра с севера, таежное Припечорье с юга. Здесь изучены раскопками жертвенные места в Канинской, Уньинской, Адакской и Эшмесской пещерах, гроте Арка в бассейне р. Печоры [Канивец, 1962, 1964; Рябцева, Семёнов, 1990; Павлов, Любашков, 1998; Мурыгин, 1987; Багин, 2005]. В Большеземельской тундре исследовано Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место (рис. 1, 1-5, 7) [Чернов, 1955; Мурыгин, 1984; 1992]¹.

Культурный слой североуральских святилищ формировался в основном в эпоху средневековья — на протяжении от сер. I тыс. н. э. до XIII или, что менее вероятно, XIV вв. н. э. в Канинской, Уньинской, Адакской пещерах, Хэйбидя-Пэдаре. Вещевой инвентарь из Эшмесской пещеры и грота Арка датируется X-XI вв. н. э.² Все памятники функционально идентичны как места совершения древних языческих обрядов. Однако не вызывает сомнений и существование между ними различий в наборе вещей утилитарного назначения, составе непосредственно культового инвентаря, выбо-

ре жертвенных животных, количестве находок.

На всех святилищах найдены «иррациональные» атрибуты культа. Они представлены литыми и штампованными изображениями реальных и фантастических животных, антропоморфными и зооантропоморфными фигурками (некоторые из них повторены в граффити). Основным материалом для изготовления этих вещей служила бронза. На серебряные изделия наносились прочерченные и рельефные изображения, золоченые символы.

Практически на всех исследованных жертвенных местах (исключая Адакскую пещеру на р. Уса) найдены идентичные культовые подвески с изображениями реальных и мифических звериных образов, в верхней части которых расположена антропоморфная личина с трезубым верхом (рис. 2). Вхождение в состав жертвенного инвентаря святилищ, крайние два из которых (Унья, Хэйбидя-Пэдара) расположены на расстоянии около 700-800 км друг от друга и в несопоставимых ландшафтно-климатических зонах, одинаковых атрибутов языческого культа, которые могут получить распространение только в родственной среде, указывает, как представляется, на существование общих традиционных черт в духовной культуре населения Северного Приуралья. Все изделия относятся к периоду X-XI вв. н. э. Такие аналогичные по способу крепления, изготовления и изображения предметы происходят из Уньинской пещеры, расположенной на р. Унье, притоке Верхней Печоры [Канивец, 1962, рис. 12], грота Арки на р. Подчерем в среднем течении

р. Печоры [Багин, 2005, рис. 4, 10], Эшмесской пещеры на Среднем Тимане [Мурыгин, 1992, рис. 5, 2; 2011, рис. 4, 7] и Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места на р. Море-ю в Большеземельской тундре [Мурыгин, 1984, рис. 4, 12].

В состав вещевых приношений первично утилитарного назначения входили костяные (реже — металлические) наконечники стрел, различные бронзовые, серебряные, стеклянные украшения, среднеазиатские и германские серебряные монеты, бытовые предметы и орудия труда, глиняная посуда, реже — оружие. Для украшений, найденных на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте, в Канинской и Уньинской пещерах, типична фрагментарность — большинство из них сломано или представлено отдельными деталями. Многочисленны неидентифицируемые пластинки, обломки и обрезки металла (Канинская — 44,2%, Уньинская — 40,3%, Хэйбидя-Пэдара — 69,1 %). В Эшмесской пещере все изделия целые, а общее число находок очень незначительно. Последний показатель свойственен и жертвенному месту в гроте Арка. Характерной чертой святилищ является использование предметов более ранних эпох в качестве приношений на средневековые жертвенные места. В их число входят единичные кости мамонта, преимущественно фрагменты бивней и пластинки зубов (Канинская, Адакская пещеры), кремневые наконечники стрел (Эшмес, Арка), металлические вещи (Хэйбидя-Пэдара).

Существенную долю в общем количестве находок с жертвенных мест составляют остеологические материалы. Подавляющее большинство определимых остатков принадлежит млекопитающим. Типичными являются черепа (или их фрагменты) медведя, оленя и бобра — от 81,1 до 93,3 % от числа костей животных этих видов.

Наибольшим видовым разнообразием и, соответственно, более широким спектром промысловых и (или) жертвенных животных отличаются костные остатки из Канинской и Уньинской пещер. В них преобладают кости пушных и копытных животных. В Канинской пещере костные остатки медведя составляют 38,3 % (57 особей), среди них доминируют кости черепа и ближайший к нему позвонок

(87,7 % от общего количества костей медведя). Достаточно многочисленны по числу особей костные остатки белки (21 особь), бобра (18), лося (16), зайца (11), россомахи (10) и северного оленя (7). Домашние животные представлены костями лошади, овцы, коровы, свиньи — всего 0,8 %. Для Уньинской пещеры характерны костные остатки бобра (14 особей), куницы (13), северного оленя (11) и медведя (10). Костей домашних животных (лошадь, овца) всего 2,7 %.

Не так многочисленны и разнообразны по видовому составу фаунистические материалы из Хэйбидя-Пэдары и Эшмесской пещеры.³ Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место выделяется абсолютным преобладанием костных остатков северного оленя (93,3 %) и наличием костей собаки (5,0 %), отсутствующих в святилищах таежного Припечорья. Среди костных остатков оленя доминируют черепа и их фрагменты (81,1 % от числа костей оленя из раскопок 1987 г.). На этом памятнике очень мало костных остатков домашних животных (лошадь, овца (?) — всего 0,2 %) и медведя (клыки и верхняя челюсть — 0,9 %). Из пушных животных здесь представлена только россомаха (0,4 %). Для остеологического материала Эшмесской пещеры характерно высокое содержание костей бобра (81,8 %), среди которых черепа и их фрагменты составляют 93,3 %. Обращают на себя внимание отсутствие здесь костных остатков домашних животных и медведя, немногочисленность костей северного оленя (5,5 %) и пушных зверей — волка (1,8 %), зайца (10,9 %). Напротив, в остеологических материалах Канинской и Уньинской пещер пушные животные имели большой удельный вес (соответственно, 30,6 и 45,4 % костей млекопитающих). В гроте Арка при наличии костных остатков северного оленя (17,4 %), крупного рогатого скота и свиньи (17,4 %), медведя (11,2 %), пушных (заяц, белка, куницы, выдра — всего 11,8 %), как по количеству костей (42,2 %), так и по числу особей (33,3 %) также преобладает бобр.

На Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте найдены только единичные косточки птиц. В фаунистических материалах Канинской и Уньинской пещер костные остатки промысло-

¹ Средневековые святилища на Городецком озере и в его окрестностях (рис. 1, 8, 9; на р. Гнилка - работы О.В. Овсянникова, южная оконечность озера - И.Б. Барышева) не рассматриваются из-за неполноты опубликованных источников. Многочисленные пункты с остатками жертвоприношений зафиксированы вне материка, на о. Вайгач [Хлобыстин, 1993; Барышев, 2011].

² В Канинской, Уньинской и Адакской пещерах имеются также следы посещения в эпоху бронзы и раннем железном веке. Седьюсская пещера (рис. 1, 6) в бассейне р. Ижма (левый приток Печоры) разрушена при добыче известняка.

³ Кости животных из Эшмесской пещеры и из раскопок 1967 г. на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте определены В.П. Данильченко (Институт археологии РАН, г. Москва), из раскопок 1987 г. на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте и из грота Арка — П.А. Косинцевым (Институт экологии УрО РАН, г. Екатеринбург).

вых птиц занимают значительное место, есть и кости рыб. В гроте Арка в числе не определенных до вида также присутствуют кости птиц и рыб. Орнито- и ихтиофауна в Эшмесской пещере не представлена. Кроме этого, в средневековом слое Уньинской пещеры найдены человеческие зубы и фаланги пальцев, принадлежавшие не менее чем двум индивидам [Канивец, 1964, с. 130, 131].

Более всего от других культовых памятников Северного Приуралья отличается Эшмесская пещера. В ней нет таких приношений, как сломанные украшения, орудия труда и бытовые предметы, керамика и многочисленных и разнообразных фаунистических остатков, типичных для других жертвенных мест Печорского Приуралья. Для этого памятника характерно крайне ограниченное число находок. В «эшмесском» культе предпочтение перед другими видами жертвенных животных отдавалось бобру. Святилище расположено в очень уединенном месте, вдали от основных речных магистралей. Некоторые из перечисленных особенностей присущи и жертвенному месту в гроте Арка.

Для святилища в Эшмесской пещере не случаен также подбор металлических атрибутов культа с их выраженной солярной символикой. Она проявляется через характерную форму золочения предметов (круги, кольца, кресты, четырехлепестковые розетки), циркульно-лучевой и крестообразный вид штампованных геометрических узоров, круглую форму большинства металлических изделий, а также в выборе оленя как одного из центральных образов зооморфных граффити, в золочении и расположении человеческой личины в центре круглых серебряных подвесок. Об этом же свидетельствуют скопление находок на солнечной стороне входной части грота пещеры, использование серебра для изготовления большинства предметов культа (90,6%). Не останавливаясь на мифологических параллелях эшмесскому металлу, отметим, что они позволяют предполагать проведение в пещере ритуала общения с небесным Верхним миром, олицетворенном в зооморфном образе солнечного оленя-лося. В этом отношении интересна серебряная подвеска с золоченым диском в центре, на которой основное место занимает изображение оленя (рис. 3).

Если обратиться к стилистическим особенностям эшмесских граффити, то наиболее

выразительной из них является прорисовка внутренностей. Судя по материалам В.Н. Чернецова [1972, с. 50, 51], этот изобразительный прием был выработан в среде приполярного населения, сохранившего этнические черты древних уральцев вплоть до средневековья. Аналогичной точки зрения фактически придерживается Ю.Б. Симченко. На основе изучения большого этнографического материала он отнес обычай изображать линию жизни к воззрениям древних охотников на дикого северного оленя [Симченко, 1976, с. 262, рис. 22]. Не случайно граффити и культовое литье, изображающие оленей, на территории Северного Приуралья, кроме Эшмесской пещеры, обнаружены только в Заполярье — на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте.

Характерно также, что деревянная антропоморфная скульптура западноарктического типа, к которой близок эшмесский идол с поэтажным расположением лиц (рис. 4), известна именно по этнографии северных народов — ненцев, северных хантов, нганасан, энцев, селькупов, приенисейских эвенков [Иванов, 1970, с. 284]. В.И. Мошинская отмечала, что многоликие изображения такого типа, выполненные из дерева и других материалов, широко распространены в Сибири, а за ее пределами — в арктической зоне [1976, с. 48].

По всей видимости, истоки сакральных представлений о мире у оставивших Эшмесское святилище коллективов следует искать в воззрениях древних этносов западно-сибирского (нижнеобского) происхождения, европейская периферия культурного ареала которых, вероятно, уже с энеолита и вплоть до средневековья включала субарктические и арктические районы Северного Приуралья в качестве территорий не только посещения, но и постоянного обитания [Мурыгин, 2004, 2006].

Выявленная разница в материалах жертвенных мест, объясняемая, видимо, как региональной спецификой культа, так и культурными отличиями оставивших их коллективов, позволяет наметить два типа средневековых памятников этой категории в Северном Приуралье. Первый представлен материалами Эшмесской пещеры.

Приведенные данные позволяют считать Эшмесскую пещеру святилищем группы населения, в элементах духовной культуры которой

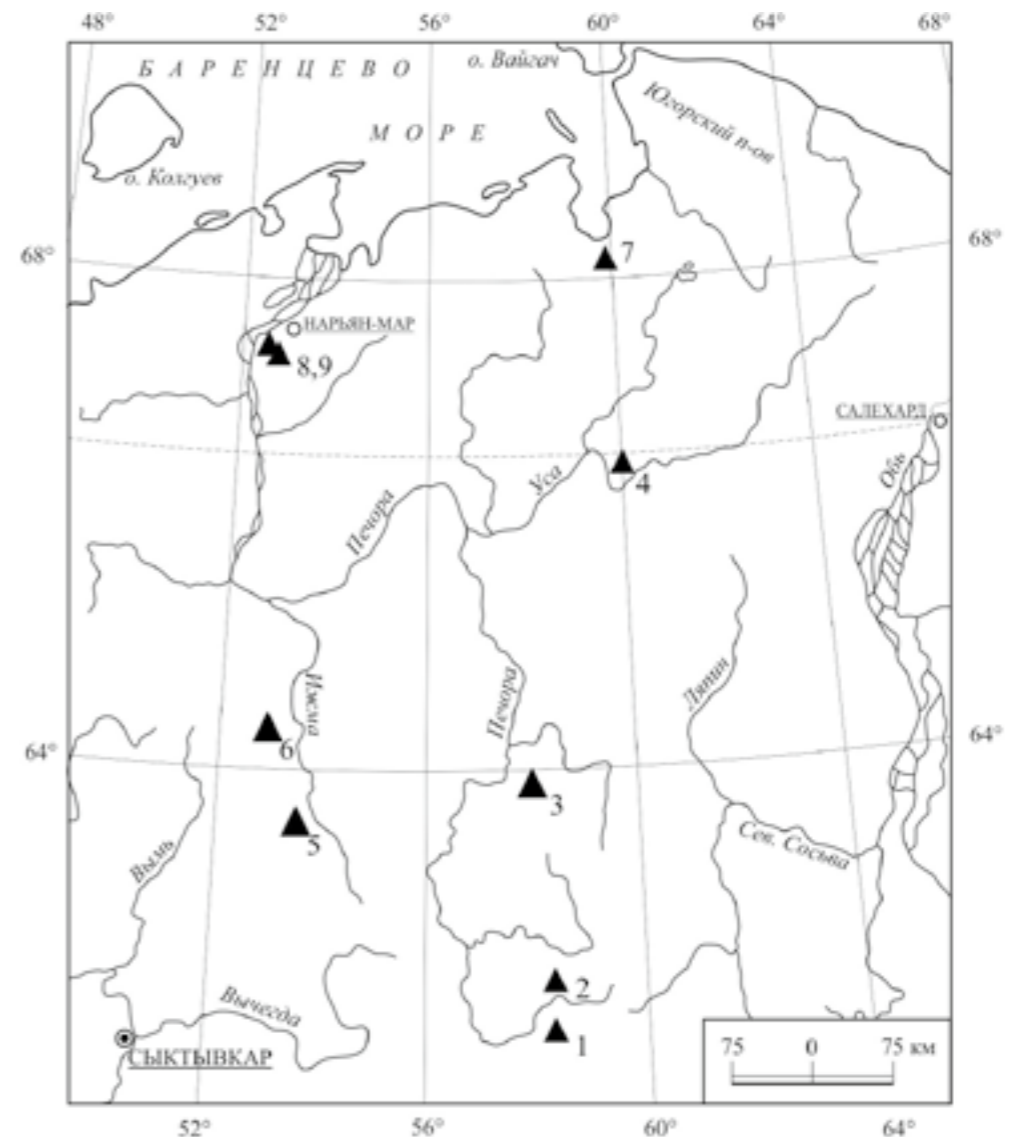

Рис. 1. Местоположение средневековых жертвенных мест на крайнем северо-востоке Европы (материковая часть).

- 1 — Уньинская пещера; 2 — Канинская пещера;
- 3 — грот Арка; 4 — Адакская I пещера;
- 5 — Эшмесская пещера; 6 — Седьюсская пещера;
- 7 — Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место;
- 8 — жертвенное место на р. Гнилке (Городецкое озеро);
- 9 — жертвенное место в южной части Городецкого озера.

Это святилища, на которых древние языческие обряды совершались избранным представителем аборигенного населения. Пещера могла служить ритуальным местом для небольшой группы либо сакральным центром для достаточно широкого круга коллективов, связанных между собой общими чертами материальной и духовной культуры. В этом же ряду небольших, скрытых от посторонних глаз святилищ, возможно, следует рассматривать и грот Арка.

Второй тип характеризуется материалами

Канинской, Уньинской, Адакской пещер, Хэйбидя-Пэдары. Это места почитания, отражающие особенности традиционного культа как местного, так и пришлого населения. Они существовали на протяжении нескольких столетий и были известны многим поколениям разнотнического населения Северного Приуралья и Обского Зауралья. Сакральные действия на этих жертвенных местах имели индивидуальный характер и совершались любым человеком.

просматриваются черты сходства с коллективами обско-печорского севера (древнеугорскими или древнесамодийскими). Выраженное единообразие эшмесского металла дает основание предполагать, что эти вещи в совокупности представляют собой не случайный набор предметов, а сознательно и целенаправленно подобранный культовый комплект, сформированный в течение относительно непродолжительного времени (где-то в X–XI вв. н. э.). Он мог являться остатками облачения шамана (?) как посредника между миром людей и миром духов.

Средневековый комплекс находок из Адакской, Канинской и Уньинской пещер, Хэйбидя-Пэдары формировался на протяжении середины I тыс. н. э. – XIII или XIV вв. н. э. Он содержит разновременный, многочисленный и разнообразный по составу и в культурном отношении инвентарь, в своей совокупности значительно отличающийся от найденного в Эшмесской пещере. Все это делает практически невозможным достоверное выделение на его основе культового комплекта, функционально идентичного эшмесскому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багин А.Л. Скальное святилище Арка в Среднем Припечорье // *Материалы по археологии Европейского Северо-Востока*. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 17: Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока. – С. 62–68.
2. Барышев И.Б. *Языческие святилища острова Вайгач*. М.: Институт Наследия, 2011. 320 с.
3. Иванов С.В. *Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в.* – Л.: Наука, 1970. – 295 с.
4. Канивец В.И. *Первые результаты раскопок в Уньинской пещере // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока*. – Сыктывкар, 1962. – Вып. 1. – С. 103–144.
5. Канивец В.И. *Канинская пещера*. – М.: Наука, 1964. – 136 с.
6. Мошинская В.И. *Древняя скульптура Урала и Западной Сибири*. – М.: Наука, 1976. – 130 с.
7. Мурыгин А.М. *Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место*. – Сыктывкар: Изд-во Коми

фил. АН СССР, 1984. – 51 с. – (Науч. докл. Коми фил. АН СССР; вып. 114).

8. Мурыгин А.М. *Древнее святилище в Эшмесской пещере: Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока // Тр. ИЯЛИ Коми НЦ УрО АН СССР*. – Сыктывкар, 1987. – Вып. 39. – С. 35–41.
9. Мурыгин А.М. *Печорское Приуралье: эпоха средневековья*. – М.: Наука, 1992. – 182 с.
10. Мурыгин А.М. *Западносибирский компонент на крайнем северо-востоке Европы: ареал посещения или многовекового обитания // Мат-лы науч.-практ. конф. «IV Берсовские чтения»*. – Екатеринбург, 2004. – С. 207–224.
11. Мурыгин А.М. *Крайний северо-восток европейской части России в раннем средневековье (по данным археологии) // Современные проблемы археологии России: Мат-лы Всерос. археол. съезда*. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 2. – С. 267–269.
12. Мурыгин А.М. *Эшмесское пещерное святилище эпохи средневековья в Печорском Приуралье // Археология, этнография и антропология Евразии*. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. № 3 (47). Рис. 4, 7.
13. Павлов П.Ю., Любашков С.В. *Пещерное жертвенное место в нижнем течении р. Подчерем // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе: докл. 1-й науч. конф. ФЦП «Интеграция»*. – Сыктывкар, 1998. – Т. 1. – С. 83–84.
14. Рябцева Е.Н., Семёнов В.А. *Адакское пещерное святилище на реке Усе и проблемы освоения Полярного Урала // КСИА*. – 1990. – С. 66–72.
15. Симченко Ю.Б. *Культура охотников на оленей Северной Евразии*. – М.: Наука, 1976. – 310 с.
16. Хлобыстин Л.П. *Святилища Вайгача // AD POLUS*. СПб., 1993. С. 15–18.
17. Чернецов В.Н. *Наскальные изображения Уральского ареала // Проблемы археологии и древней истории угров*. – М.: Наука, 1972. – С. 32–55.
18. Чернов Г.А. *Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре // СА*. – 1955. – № 23. – С. 291–320.

АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ЭЛЕМЕНТАМ ОБРЯДНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СВАТИЛИЩ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

Основную задачу автор видит не в «реконструкции» системы верований средневекового населения, а в вычленении материалов, характеризующих его обрядность.

Из материалов жертвенных мест избраны виды животных, отдельные категории находок и их взаимосвязи, объекты, принципы внутренней организации памятников и т.д., с тем чтобы привести «параллели» им в обско-угорской и ненецкой этнографии. Выбор объекта сопоставления определяется двумя моментами. Во-первых, средневековые материалы жертвенных мест, судя по всему, можно связывать с населением, по крайней мере, родственным предкам этих народов. Во-вторых, система верований и обрядовая практика этих народов изучены в достаточной степени для проведения таких параллелей.

Фаунистические материалы составляют наибольшую часть коллекций жертвенных мест. Соответственно, следует предполагать и значительную роль животных в обрядности средневекового населения региона. Об этом же свидетельствуют и данные этнографии ненцев и обских угров. В то же время животные на жертвенных местах, зафиксированных этнографами, обладали самым различным статусом — от жертвы (олень, лошадь, овца и т.д.) до объекта почитания (медведь). Исключительно по костным археологическим остаткам такой статус либо неявен, либо вовсе не установим.

«Кульм медведя» — один из самых ярких образов обско-угорской этнографии. Медвежий праздник, как и у многих сибирских народов, является самым масштабным действием в этой традиции. Принесение костей медведя (череп, дистальные кости конечностей) на жертвенные места в конце медвежьего праздника является актом его символического за-

хоронения, защитного и воспроизводящего характера [Головнев, 1995. С. 266]. Состав костных остатков медведя из археологических святилищ (в особенности из Канинской пещеры) подтверждает возможность бытования тождественной или сходной обрядности в отношении этого животного и в средневековье.

Домашний северный олень является самым распространенным жертвенным животным как у обских угров, так и у ненцев [Хомич, 1966, с. 207]. Сцены жертвоприношения оленей служат «визитной карточкой» в описании обрядов этих народов. Столь значительная роль северного оленя в обрядности угров связана с domestikацией оленя и его ролью в системе жизнеобеспечения. Время одомашнивания оленя в Сибири, как и время распространения оленеводства у различных народов, устанавливается лишь предположительно. Еще менее ясно время проникновения оленеводства на Печору и в Большеземельскую тундру. Относительно жертвенных мест Европейского Северо-Востока мы не располагаем сколько-нибудь убедительными доказательствами существования оленеводства, в качестве которых обычно используются детали упряжи, однако для некоторых памятников и, видимо, отдельных хронологических периодов косвенные данные все же есть. Это, прежде всего, фаунистические материалы Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места и, возможно, Уньинской пещеры, где северный олень преобладает в костных материалах.

Важность образа бобра объясняется неизменно значительным долевым присутствием его костей на таежных жертвенных местах (в Эшмесской пещере — даже абсолютно преобладающем). Однако какие-либо определенные указания на роль бобра в обрядах обских угров, и тем более ненцев малочисленны. В

то же время образ этого животного довольно широко представлен в культовом литье железного века как Приуралья, так и Зауралья.

Лось, как и остальные дикие животные (за исключением медведя), в обско-угорской обрядности фигурирует гораздо реже. Вместе с тем, очевидна его огромная роль в системе жизнеобеспечения. Лось занимает первое место в мясном рационе. Образ лоса в культовом литье и иных культовых изображениях остается ведущим и в развитом средневековье. Однако ко времени этнографической фиксации лось в обрядовой практике почти незаметен [Чернецов, 1987, с. 201]. Как явствует из фаунистических материалов двух таежных жертвенных мест — Канинской и Уньинской пещер, лось и в эпоху средневековья играл значительную роль в отправлении культа.

Собственно пушные животные (как грызуны, так и мелкие хищники) на этнографически описанных культовых памятниках практически не представлены. В обрядовой практике вообще регламентации отрывочны и малочисленны. Здесь мы имеем дело, видимо, с символическим захоронением. Фаунистические остатки пушных животных в Канинской и Уньинской пещерах в целом соответствуют такому способу захоронения.

Собака играла достаточно важную роль в системе представлений ненцев. Существовала регламентация количества жертвоприношений собаки (один человек приносит одну собаку), вид жертвоприношения (оставлялись голова и шкура, все остальное выбрасывалось), место жертвоприношения (возможны были только на конкретных святилищах некоторых родов), способ жертвоприношения (удавливание, без пролития крови) и т.д. [Чернецов, 1987, с. 87, 118, 119]. В этой же связи следует упомянуть кости собаки как жертвенного животного Усть-Полуйского святилища. Возможно, не случайно наличие костей собаки (хронологически не выделенных) только на тундровом и притундровом жертвенных местах — на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте и в Адакской I пещере.

Лошадь, по мнению ненцев (как и любое непарнокопытное), является принадлежностью и созданием нижнего мира. В то же время лошадь играет некоторую роль и в пантео-

не, и в космогонии — является животным богов [Головнев, 1995, с. 444-445]. Однако о роли лошади в культовой обрядности у ненцев сведений нет. Достаточно устойчива связь лошади и медведя у обских угров. Лошадь — непременная жертва на медвежьем празднике.

В литературе утвердилось прямое отождествление мамонта с махаром (земляной бык) манси. При этом не вполне ясен характер такого отождествления (подразумевается ли в верованиях конкретно blum или это все же фольклорный образ). Обнаруженные в средневековых слоях святилищ кости мамонта (обломки бивней, пластинки зубов, ребра и фрагмент трубчатой кости) при отсутствии изделий из них свидетельствуют, видимо, о существовании сходных поверий и в это время.

В средневековых материалах Уньинской пещеры представлены кости человека (зубы и фаланги пальцев). В связи с этим интересен вопрос о человеческих жертвоприношениях у обских угров. Этот обряд, видимо, никак нельзя считать широко распространенным и повседневным [Чернецов, 1987, с. 261]. Судя по составу костей, в Уньинской пещере обряд выглядел иначе. Совершенно аналогичен состав костей животных, принесенных символически или подвергнутых символическому захоронению.

Как и большинство элементов обрядности, у обских угров и ненцев украшения полифункциональны. Они используются и в качестве прикладов, и как аксессуары объектов почитания. В последнем случае украшения образуют определенный набор. На святилищах ЕСВ такие наборы можно предполагать при выделении синхронных серий предметов и на основе наблюдений за распределением категорий украшений, повторяемостью предметов в категориях.

Для систем верований обских угров многие исследователи отмечают значительную роль воинских культов. При этом способы использования оружия на святилищах самые разные [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 20]. Это может быть жертвоприношением. Оружие используется и как обрядовая атрибутика: многочисленны упоминания «гадания» со связками стрел, саблями, ножами и т.д. Часто предметы вооружения становятся атрибутами изображения объекта культа. Кроме того, часто изображение объекта почитания имеет оружие и защитный

доспех или их имитацию. Находки отдельных элементов защитного доспеха на жертвенных местах и большого количества их самодельных имитаций позволяют предположить сходное положение для средневековья ЕСВ.

Одним из наиболее известных сюжетов изобразительного искусства обско-угорских народов является изображение танца с саблями «трехрогих» антропоморфных персонажей. В материалах Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места представлены железные сабля и палаш предположительно предмонгольского времени, а также «типовое» изображение «трехрогих» с саблями на крупной круглой подвеске X-XI вв. Вполне вероятно исполнение на жертвенных местах некоторых обрядовых действий, сходных по содержанию с описанными у хантов.

Для материалов Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места характерна еще одна особенность — большая часть представленных здесь железных наконечников стрел и ножей имеет очень плохое качество изготовления, незначительную толщину и вряд ли могла использоваться по назначению. В обско-угорской этнографии, видимо, замещение наконечников стрел ножами является скорее правилом, чем исключением. В материалах других жертвенных мест железные наконечники стрел и ножи немногочисленны, здесь они замещены наконечниками из кости.

Собственно орудия и votivные предметы для обско-угорских жертвенных мест не характерны. Исключения составляют железные швейные иглы и модели луков. Характерно, что эти предметы на «этнографических» святилищах имеют вполне определенную смысловую нагрузку — благодарственная жертва при рождении мальчика (лук, стрела) или девочки (игла). В материалах Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места присутствует модель лука, в Адакской пещере — десятки железных швейных игл и два votivных наконечника стрел. Определенно распространить смысловую нагрузку на археологические материалы некорректно, однако саму параллель отметим. Несомненно также и нехарактерность орудий труда и votivных предметов и для археологических коллекций.

Вполне очевидно соответствие по внешнему виду, форме, размерам и материалу многочисленных круглых серебряных подвесок из ком-

плексов X-XI вв. жертвенных мест Европейского Северо-Востока и серебряных тарелочек и монет из «этнографических» святилищ. При этом все способы использования этих предметов связаны с культом Мир Сусне Хума, одной из основных фигур мансийского пантеона [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 71]. Время формирования культа «за миром смотрящего» всадника неясно, однако исследователи отмечают в его образе далекие митраистические мотивы, что может указывать на относительную древность. Об этом же свидетельствует, возможно, распространенность бронзовых зеркал в более ранних слоях святилищ, имеющих те же основные характеристики (блеск, круглая форма, солярная символика). Не вызывает существенных сомнений то, что какие-то формы этого культа оформились уже к началу II тысячелетия.

Серебряные монеты используются в качестве жертвоприношений, и в большей степени — как атрибуты изображений самых различных объектов культа. Как правило, эти монеты прибивались или приклеивались на глаза, рот, — «вместилище души» изображения, на его одежду. Следует отметить доступность монет в XIX-XX вв., способствующую их распространению на святилищах.

Под идолами понимаются не только и не столько стереотипные изваяния, сколько изображения объектов культа в широком смысле. Изображения имеют самый различный облик и составные части. Как правило, изображение объекта почитания имеет какой-либо остов, облачение и приклады. В качестве остова наиболее часто встречаются собственно идолы, изготовленные из дерева (кедра, лиственницы), а также литые мелкие фигурки, наконечники копий, сабли, связки стрел и т.д. В Эшмесской пещере представлены уникальные для региона примеры таких остовов — деревянные идолы. Мужские изображения делались остроголовыми и большей частью безрукими. Женские лица изваяны более мягкими, плавными линиями, остроголовость у таких изображений никогда не наблюдается. В сходной манере изображались «работники», «караульные», «слуги». Достаточно часто сочетание двух этих основных типов изображений [Гемуев, Сагалаев, 1986., с. 144-145]. В этой связи пара идолов из Эшмесской пещеры, видимо, свидетельствует о

неизменности иконографии по крайней мере с рубежа I-II тысячелетий. Остроголовость и многоликость (ярусами) характерны также для ненецкой изобразительной культовой традиции, причем для изображений-сядаев, находящихся на святилище [Хомич, 1977, с. 21]. В большинстве же случаев объекты почитания археологически не фиксируемы, об их возможном наличии можно судить лишь по присутствию синхронных и планиграфически выделенных наборов предметов (украшений, оружия и т.д.).

Культовое литье является еще одной «визитной карточкой» духовной культуры аборигенных народов Урала и в этом качестве является базой и тематикой многочисленной литературы как систематизирующего, так и аналитического характера. В этнографии обских угров встречается небольшое количество подобных изображений и очень разнообразных — изображения ящериц, грубые антропоморфные отливки, изображения бобра. Эти изображения отливались на месте из свинца. Собственно на средневековых жертвенных местах региона присутствует единственный образец культового литья из Эшмесской пещеры и многочисленная серия из Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места. В первую очередь нас интересует последняя. Судя по значительному количеству, наличию многочисленных примеров отливания по одной модели двух или даже трех предметов, наличию большого количества производственного брака, отсутствию вторичной обработки (облои, литники), можно предположить, что основная часть серии была отлита либо на самом святилище, либо в непосредственной близости от него. В пользу этого предположения говорит и наличие на святилищах большого количества металлолома, из которого эти предметы могли отливаться [Багин, 2001].

Для этнографии как обских угров, так и ненцев гравированные культовые изображения не характерны. Вместе с тем, в археологических материалах предков этих народов они более чем многочисленны. В целом, характеристика гравировок не слишком отличается от культового литья. Отметим лишь то, что в отличие от литья, предназначенного в том числе и для доступного обозрения, граффити представляют собой своеобразное «скрытое» искусство.

В действительности гравировки, как правило, трудно «читаются», многие изображения можно вычленишь лишь при протирках, изучении характера и последовательности нанесения линий под микроскопом. Очевидно, они (граффити) предназначались для каких-то разовых магических действий. Об этом же говорит и обыкновение нанесения изображений друг на друга без учета уже имеющихся.

От синхронных литых плакеток граффити отличаются также характерным «скелетным» или «рентгеновским» стилем — изображением некоторых костей скелета, внутренних органов — как материальных, так и тонкоматериальных (вместилище души). Ханты проявляли особое отношение к скелету, он считался живым, способным к восстановлению жизни. Многочисленны запреты дробления костей, их хранения и даже захоронения [Кулемзин, 1984, с. 80]. Трактовка «вместилища души» и (реже) ребер на деревянных идолах этнографических святилищ означает принадлежность изображенного к миру живых, то, что он жив. Это является, видимо, последними отголосками древнего искусства граффити в современной обрядности обских угров.

Ложки, лопаточки (бронзовые, роговые, деревянные) являются одной из наиболее распространенных атрибутов обрядовых действий обских угров [Мошинская, 1955, с. 95]. Вариативность форм, размеров и орнаментации для этих изделий невелика. Археологически область распространения средневековых бронзовых культовых ложек захватывает Верхнее Прикамье, Западную Сибирь от субарктической зоны до лесостепей. Сходные изделия представлены в материалах Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места (роговая лопатка, бронзовая ложка с граффити и вотивная бронзовая ложечка с антропоморфной личиной на ручке).

В этнографии практически любая вещь, изготовленная руками человека, наделяется охранительными функциями. Таким образом, любой такой артефакт является, по сути, амулетом. Однако некоторые предметы не имеют никакого утилитарного или эстетического назначения, и о них как об амулетах можно судить более определенно. Это медвежий клык из Адакской пещеры и клык с нарезками для крепления из скального святилища

Арка. Сверленные клыки-привески (коровы, бобра, медведя, марала и т.д.) являлись амулетами-оберегами для самого широкого круга культур в течение всей истории человечества.

Под «антиквариатом» понимается наличие в относительно синхронных комплексах, более ранних предметов. Появление «антиквариата» в коллекциях материалов и особенно в материалах культового характера для Западной Сибири является скорее правилом, нежели исключением. Ряд «кладов» (культовых коллекций) первыми их исследователями датировались на основе этих единичных, но, как правило, ярких импортных предметов с разработанной хронологией. При этом и у манси, и у ненцев многочисленны случаи использования древних предметов в повседневном обиходе. Археологически фиксация «антиквариата» затруднена, особенно на многослойных памятниках без четкой стратиграфии. Кроме того, при общей немногочисленности датируемых предметов редко можно с уверенностью определить, являются ли конкретные предметы отдельным хронологическим комплексом или находятся в составе иного комплекса в качестве такого «антиквариата». Таково положение с ранними предметами на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте (бронзовым зеркалом с бортиком по краю без ручки и моделью бронзового котла). Единственным бесспорным примером этого явления является кремневый наконечник стрелы в Эшмесской пещере, весь комплекс которой относится к началу II тысячелетия.

Пространственная организация святилищ в этнографии, как правило, весьма разнообразна. Размеры святилища и его элементы во многом зависели от его статуса и локальных особенностей. Количество объектов в составе каждого из них также значительно различалось. Вместе с тем, присутствует и ряд общих правил. Центром всякого святилища являлось место расположения объекта почитания. Существовало несколько типов таких мест — от горизонтальной жерди, к которой прислонялись в ряд пупухи, до амбарчиков сумьях, в которых хранились культовые наборы и «жили» объекты культа. В ненецкой этнографии рядовое жертвенное место выглядит иначе. Основу его составляла куча рогов жертвенных оленей с привешенными прикладами и медвежьими

черепами. Зафиксированные для отдельных пещерных жертвенных мест Припечорья остатки деревянных сооружений (Уньинская, Эшмесская пещеры), видимо, относились к конструкциям типа наземных обско-угорских. Есть данные, позволяющие предполагать такие же конструкции и для всех остальных пещерных памятников (вычленены участки-скопления украшений прямоугольной формы). Эти участки занимают центральное положение в гротах пещер — наиболее освещенные, сухие, ровные, расположенные под наиболее высокой частью свода. Остальные материалы (фаунистические материалы, керамика, в ряде случаев — костяные наконечники стрел) так или иначе ориентированы на эти участки (чаще всего оконтуривают их). Наконец, еще одна возможная «параллель», с материалами этнографических святилищ — запрет на разбрасывание костей на жертвенном месте, фиксируемый у манси. Все кости жертвенных животных складывались в берестяные туеса и оставались на определенном месте. Шкуры жертвенных животных с головой и нижними суставами конечностей надевались на жерди и прислонялись к определенному дереву. В любом случае при отложении остатков в слое, кости должны были консолидироваться в скопления. Сходная ситуация для археологических жертвенных мест — кости образуют значительные скопления на локальных участках, как правило, оконтуривая центральные конструкции. При этом кости различных видов образуют разные скопления, но на общих ограниченных участках.

Таким образом, при сопоставлении археологических материалов святилищ Европейского Северо-Востока и этнографических культовых мест обских угров и ненцев можно предполагать следующее:

1. Полифункциональность предметов и объектов в обрядности, характерная для этнографии, вполне вероятна и для средневековых археологических святилищ.

2. Практически все выявленные закономерности в отборе предметов, в сопоставлении наборов, в их взаимоотношениях и пространственной организации памятников для археологических и этнографических святилищ сходны или тождественны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багин А.Л. Граффити из святилищ Европейского Северо-Востока // Северное Приуралье в эпоху камня и металла (МАЕСВ. Вып. 15). Сыктывкар. 1998.
2. Багин А.Л., Чеснокова Н.Н. Костяные наконечники стрел из Печорских пещерных святилищ (1-я пол. I тыс. н.э. – 1-я треть II тыс. н.э.) // Проблемы истории России XVIII-XX вв. (научные чтения памяти проф. Ю.Д. Морголиса). Сыктывкар. 1997.
3. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культурные места (XIX – начало XX вв.). Новосибирск. 1986.
4. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
5. Грибова Л.С. Культурная бронзовая пластика Хэйбидя-Пэдары // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья / ТИЯЛИ. Сыктывкар. №33.
6. Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л: Наука. 1987.
7. Канивец В.И. Канинская пещера. М. 1964.
8. Канивец В.И. Первые результаты раскопок в Уньинской пещере // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока (МАЕСВ. Вып. 1.). Сыктывкар, 1962 г.
9. Канивец В.И. Среднеазиатские и германские монеты на Северном Урале // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока (МАЕСВ. Вып. 1.). Сыктывкар, 1962б.
10. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.
11. Кулемзин В.М. Люди и природа в верованиях хантов. Томск: 1984. Изд. ТГУ. - 192 с.
12. Мошинская В.И. Материальная культура Усть-Полуя // МИА. №35. М. 1953.
13. Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М., 1992.
14. Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII-XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М., 1983.
15. Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.

А.М. Белавин
г. Пермь

АНТРОПОМОРФНЫЕ ФИГУРЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ: ПЕРУН, ВОЙПЕЛЬ ИЛИ НУМИ-ТОРУМ

Среди средневековых древностей Евразийского Севера выделяется относительно небольшая группа бронзовых предметов — редкий тип языческого амулета, подвески в виде фигурки бородатого безусого человека, правая рука которого упирается в бок, левая — лежит на поясе, голова имеет ромбовидное окончание (выделен шлем?), показаны круглые глаза, крупный нос, брови (надбровные дуги), клиновидная борода. На наиболее хорошо сохранившихся фигурках заметна смоделированная длинная подпоясанная рубаха с подолом в складку, сверху надета доходящая до пояса кольчуга с круглым воротом. На ногах обозначены сапожки. Размеры подвесок: длина 6,8-7,2 см с ушком для подвешивания диаметром 0,3-0,5 см. Таких подвесок в настоящее время известно 10: одна в Новгороде (рис. 2, ф. 4), две в Пермском крае (окрестности Чердыни или в с. Пянтег — хранится в ЧКМ и м.б. в Редикаре — хранится в ГИМ) (рис. 2, ф. 2, 3) и семь таких подвесок найдено на культовом месте Болванский Нос-1 (четыре фигурки) и на жертвенном месте Сиртя-Сале (две фигурки) на острове Вайгач (рис. 1). Указанные находки в публикациях получили имя Перуна (Арциховский А.В., Янин В.Л., Оборин В.А., Алешковский П.М., Седова М.В., Макаров Л.Д., Макаров Н.А.) или «перунчика» (Недошивина Н.Г., Хлобыстин Л.П.). Кроме того, известна трактовка этих фигурок как изображения финно-пермского бога Войпеля [Бординских, 1992; Белавин, 2000; Белавин, 2004, с. 22-23; Мельничук, 2004, с. 122].

Находка из Новгорода происходит из слоя второй половины XII в. с Троицкого-II раскопа (территория т.н. «усады священнослужителей»), остальные находки четких дат не имеют, хотя, по мнению О.В. Овсян-

никова, слои культовых мест Вайгача, в которых найдено 7 фигурок, могут быть датированы XI-XIII вв. [Овсянников, 1997, с. 28].

Несмотря на многочисленность публикаций, эти фигурки по-прежнему сохраняют ореол загадочности.

Многие авторы считают местом производства таких фигурок Новгородскую Русь. Еще в 1980 г. П.М. Алешковский высказал мысль о Прикамском происхождении новгородской фигурки, однако в более поздних публикациях эти фигурки по-прежнему считались древнерусскими. В 1996 г. Н.Г. Недошивиной при публикации вайгачских фигурок совместно с Н.В. Рындиной было проведено исследование вайгачских предметов под биноклем и их сравнение с хранящейся в ГИМ одной из пермских фигурок. В результате пермская фигурка (рис. 2, ф. 2) была описана как предмет, сделанный по восковой модели и отлитый в типичной прикамско-приуральской манере плоского одностороннего литья. А вайгачское изделие (рис. 2, ф. 1) совпадает с пермским до мельчайших деталей, но было изготовлено отливкой по оттиску в глине пермской фигурки. Таким образом, было подтверждено мнение П.М. Алешковского о прикамском происхождении таких изделий. Недошивина указала, что именно Прикамье было тем местом, где было налажено производство подобных фигурок и откуда они попали потом в Новгород и на Вайгач [Недошивина, 1996, с. 201].

При этом, однако, Н.Г. Недошивина продолжала утверждать, что данные фигурки, изготовленные по местной (прикамской) ремесленной традиции, предназначались для русской дружины, осевшей в этих местах.

В.А. Оборин, описывая найденные в Прикамье фигурки, указывает, что одна из них (экземпляр ЧКМ?), возможно, найдена в селе Пянтег

Чердынского района (рис. 2, ф. 3), где, по его мнению, существовало древнее святилище, на котором поклонялись как местным языческим богам, так и Перуну [Оборин, 1999, с. 293].

Однако достаточно странно утверждать, что в Прикамье XII столетия находился какой-либо крупный древнерусский дружинный центр, представители которого были славянами-язычниками, поклонялись Перуну и заказывали местным финно-угорским мастерам изображения своего покровителя для использования в качестве амулетов. При этом они еще и посещали финно-угорские и самодийские святилища Вайгача, где приносили эти амулеты в жертву местным богам, чьи идолы стояли здесь вплоть до нового времени.

Основанием для отнесения новгородской находки с Троицкого раскопа к изображениям Перуна послужила аналогия с еще одной новгородской находкой XII в., опубликованной А.В. Арциховским в 1956 г.: небольшая металлическая фигурка человека с усами без бороды, в короткой рубашке, упершегося руками в бока, стоящая на бронзовом же столбике (рис. 2, ф. 5). Описывая её, А.В. Арциховский указал, что «Судя по всем этим признакам, с известной долей вероятности можно говорить об изображении древнерусского божества, быть может, Перуна» [Арциховский, 1956, с. 35-36]. Однако изображения т.н. Перуна на этом предмете и на описываемых амулетах заметно разные. Поэтому аналогия эта достаточно условна; следует также подчеркнуть, что какие-либо амулеты, достоверно связанные с изображением Перуна, не известны. Под имеющиеся в источниках, ставшее каноническим описание Перуна данные изображения также не подходят. По древнерусскому летописному описанию, голова деревянного идола Перуна была серебряной, а уши и усы — золотыми; ноги же выкованы из железа. В руке он держал нечто похожее на громовую стрелу (молнию), которую представляли составленные вместе рубины и карбункулы. Ни кольчуги, ни шлема, ни пояса, ни сапог в описаниях Перуна не упоминается. Кроме того, нет бороды (как на находке, опубликованной Арциховским) — только усы. Таким образом, пермско-новгородско-вайгачские фигурки изображают не Перуна.

Да и находки из слоев второй половины XII в. крупного древнерусского города вряд

ли могут быть связаны с отголосками язычества; ведь уже почти 200 лет здесь господствует христианство и предположение об использовании каких-либо языческих идолов в массовом порядке весьма спорно. Причем — и это самое интересное — в Новгороде находка Перуна сделана при раскопках на усадьбе новгородского священника вместе с другими языческими амулетами славянского и финно-угорского типа. Видимо, эти предметы языческих культов «сдавали» православному священнику язычники (в том числе, и приезжие из Югры или Прикамья), может быть обращенные им в христианство лично. Только так можно объяснить их скопление в этой усадьбе [Янин, Колчин, Хорошев, 1976, с. 48-50].

Учитывая прикамско-приуральское производство фигурок, логично предположить, что в них нашел отражение образ какого-либо бога или героя из местного финно-угорского или самодийского пантеона.

Такое предположение было высказано Бординских, Белавиным и Мельничуком. Так, в 2000 г. в монографии «Камский торговый путь» я писал: «На наш взгляд, эти фигурки не могут быть изображениями славянского Перуна, т.к. славянское язычество имеет несколько иную традицию изображения богов в металле. Скорее всего, это действительно Войпель или иной бог или герой финно-угорского населения Севера и Предуралья, одинаково понятный по обе стороны Урала» [Белавин, 2000, с. 151].

Исходя из чисто умозрительных соображений, разные авторы предполагали, что Войпель — «Северное ухо», «Северный ветер» «Владыка Севера» — как одно из верховных божеств коми, был повелителем северного ветра, пурги, непогоды, покровительствовал животным, богатырям и т.д. Г.А. Бординских [Бординских, 1992] и А.Ф. Мельничук приписывают Войпелю качества грозного бога, покровителя воинов, присматривающего за всеми людьми, в какой-то мере сопоставимого с Alwali обских угров. Г.А. Бординских и вслед за ним А.Ф. Мельничук даже обнаружили описание Войпеля в послании митрополита Симона в Пермь Великую в 1501 г. — «Всадник на коне, трубящий в рог» [Мельничук, 2004, с. 122]. Однако в послании Симона Войпель упомянут только как некий идол, без детализации: «А кумиром

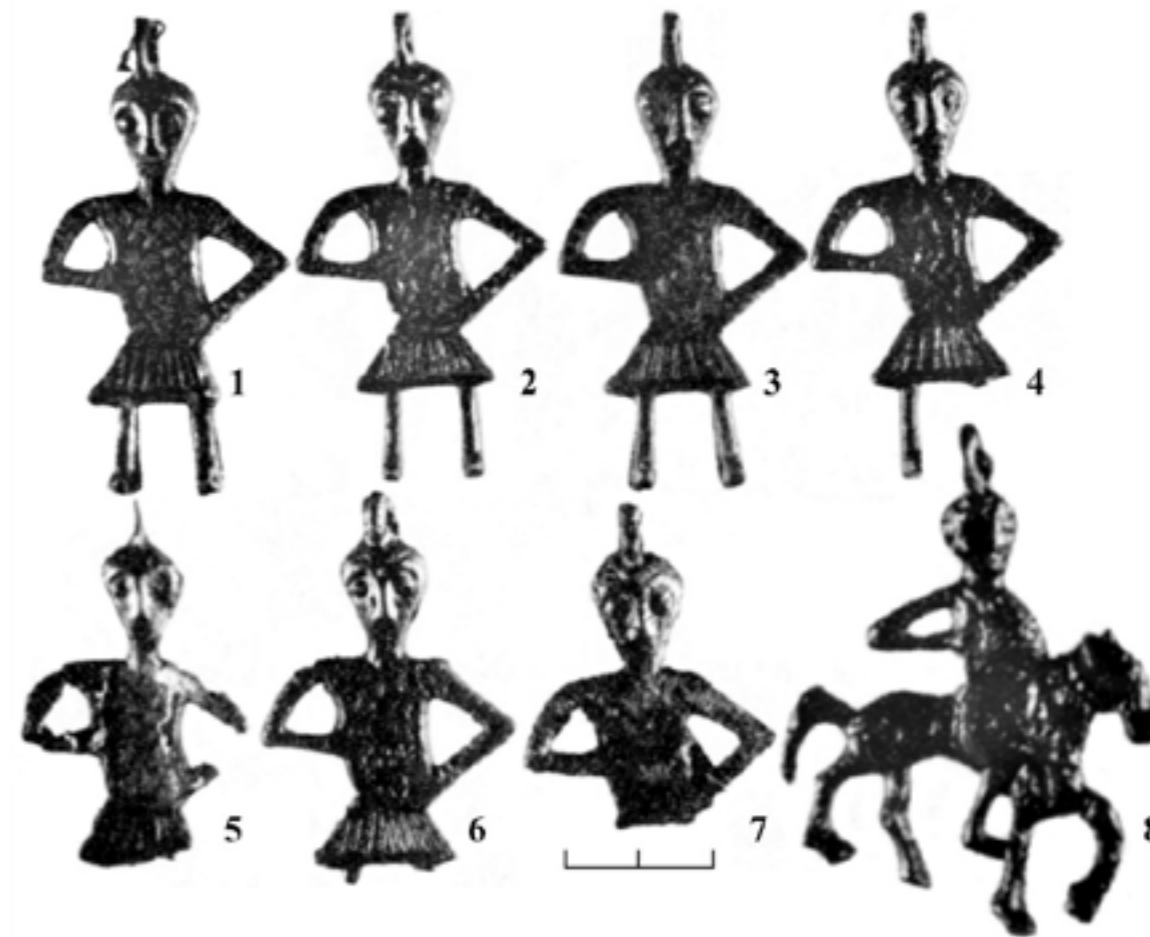

Рис. 1. Фигурки из святилищ острова Вайгач (по Н.Г. Недошивиной и Л.П. Хлобыстину)

бы есте не служили, ни треб их не принимали, ни воипелю болвану не молитесь по древнему обычаю и всех Богу ненавидимых тризниц не творите идолом...» [Акты исторические..., с.168].

В фольклоре и особенно в легендах коми о Кудым-Оше Войпель упоминается достаточно часто, и объективный анализ этих сведений позволил Н.Д. Канакову достаточно убедительно реконструировать его образ [Канаков, 1999, с. 112], о чем нам уже приходилось писать [Белавин, 2004а, с. 332]. По его мнению, Войпеля описывают как четырёхликую женщину-богиню. Имя «Войпель» (Ночное ухо — в значении остроты слуха) может означать «всеслышащая, всеведущая» как эвфемистическое наименование этого божества. Раковины же со всех рек и речушек, находящиеся около идола Войпеля, по мнению Канакова, можно семантизировать как символы его (её) ушей, находящихся повсюду, где жили древние пермяне, что и позволяло Войпелю быть всеведущим(-ей). Показательно, что в Плотниковском могильнике XIII-XV вв. (Кудымкарский район), в котором, безуслов-

но, похоронены прямые предки пермян-коми, в большинстве женских и детских погребений имеются раковины каури и местных моллюсков — символы «всеслышащей» Войпеля.

Научно реконструированный образ Войпеля (Войпели), таким образом, также не подходит для понимания фигурок, изображающих окольчуженных мужчин. Следовательно, необходимо отказаться от оценки описываемых изделий как изображений Перуна и Войпеля.

Так кому же соответствует запечатленный в описываемых подвесках образ? Возможно, пониманию этого образа может помочь привлечение к рассмотрению еще двух подвесок, сделанных в той же технике, что и описанные выше, изображающих бородатого человека с круглыми глазами и треугольным завершением головы, с левой рукой, упертой в пояс, и с рогом, поднятым на уровень рта и развернутым раструбом ко рту, в правой руке. Одна из таких фигурок найдена в г. Вятке (рис. 2, ф. 7), вторая происходит из Кинтусовского могильника в Нефтеюганском районе ХМАО на р. Салым

(рис.2, ф.6). Вятское изделие описано вятским краеведом Н. Первухиным [Первухин, 1886, с. 21] и издано А.А. Спицыным [Спицын, 1913, с. 125, рис. 7; с. 130]. Спицын описывает вятскую фигурку как плоскую медную фигурку божка, обнаженную до пояса и в короткой юбочке. Кинтусовская фигурка сохранилась несколько лучше, и на ней видно, что верхняя половина тела сохранила имитацию кольчуги.

Все авторы единодушны в своем объединении фигурок как первого, так и второго описываемого видов в одну группу амулетов. Образ, представленный во второй группе, нам очень хорошо знаком, он напоминает как фигурки с серебряных блях с т.н. «сокольниковым» [Белавин, 2004а], так и изображения на уникальной, характерной только для манси и некоторых групп ханты, категории культовой атрибутики — жертвенных покрывалах — «ялпынгах». Здесь также изображен человек, всадник с рогом в руке. Таким образом, по аналогии с этими изделиями мы можем достаточно резонно определить описываемые фигурки как изображения кого-либо из богов или главных героев угров Урала и Приобья.

Соблазнительно, учитывая достаточно воинственный вид фигурок, считать их изображениями бога, покровительствовавшего воинам и войне. Такой бог в пантеоне обских угров представлен фигурой Хонт-Торума — бога войны, сына Нуми-Торума — верховного бога. На этнографически известных святилищах Хонт-Торума его символом служила остроконечная шапка, сшитая из клиньев ткани синего и красного цвета. Культовые места Хонт-Торума являлись реликтом т.н. «княжеских» святилищ. Князь считался отражением силы образа Хонт-Торума, выделялся среди плохо вооруженных воинов как «звенящую кольчугу из блестящих колец носящий богатырь». С учетом того, что антропологический тип обских угров, например, манси) предполагает ослабленный рост бороды, то наличие таковой у героя или бога — обязательно. Таким образом, анализируемые изображения могли быть отражением образа бога войны обско-уральских угров. Однако образ Хонт-Торума плохо прописан в этнографических работах и слабо отражен в преданиях угров. В рассматриваемых фигурках есть ряд признаков, вы-

деленных этнографами и фольклористами для изображений Мир-сусне-хума — Alwali.

Интересно, что среди находок на Вайгаче есть еще одна фигурка, также опознанная разными авторами как «перунчик на коне» (рис. 1, ф. 8). По своим размерам эта фигурка близка к описываемым фигуркам (6,5 x 5 см). Правая рука согнута в локте и упирается в грудь, как и у т.н. «перунов», левая — под складками одежды; под брюхом свисают ноги всадника, голова имеет подтреугольную форму, круглые глаза на выкате, клиновидную бородку. На лошади изображена сбруя. Фигурка сделана тем же способом одностороннего литья, что описанные ранее изделия.

Данное изображение может напрямую сопоставляться с хорошо известными изображениями всадника на ялпынгах. Основываясь на этих аналогиях, можно прийти к уже опубликованному нами заключению о том, что в образе всадника представлен Мир-сусне-хум [Белавин, 2004], следовательно, и в рассмотренных фигурках «перунчиков» следует видеть Мир-сусне-хума — общеугорского божества и культурного героя. Манси представляли его в виде всадника, поэтому одно из его многочисленных имен — Лувн-хум («Конный человек»). Всадник Мир-сусне-хум имел богатырский облик, поэтому его называли еще «Сорни отыр» — «Золотой богатырь», таким образом, уместно изображение кольчуги как символа верховной — например, княжеской — власти.

Мир-сусне-хуму полагался вполне определенный набор атрибутов. К их числу, прежде всего, относятся шапки. Форма шапок могла быть различной. Чаще всего они выполнялись в виде шлемов, украшенных орнаментом (вспомним еще раз о богатырской ипостаси Мир-сусне-хума). О наличии шлема на всаднике и иных фигурках говорит заостренная форма верхней части головы. Мир-сусне-хум должен быть обут. С этой целью современные манси и ханты шили для него изящные сапожки с окантованными красной полоской голенищами. На ряде рассматриваемых фигурок обозначены сапожки. К числу неперменных атрибутов Мир-сусне-хума у манси этнографического времени, по сообщениям Н.Л. Гондatti и И.Н. Гемуева, относились также рог (стек-

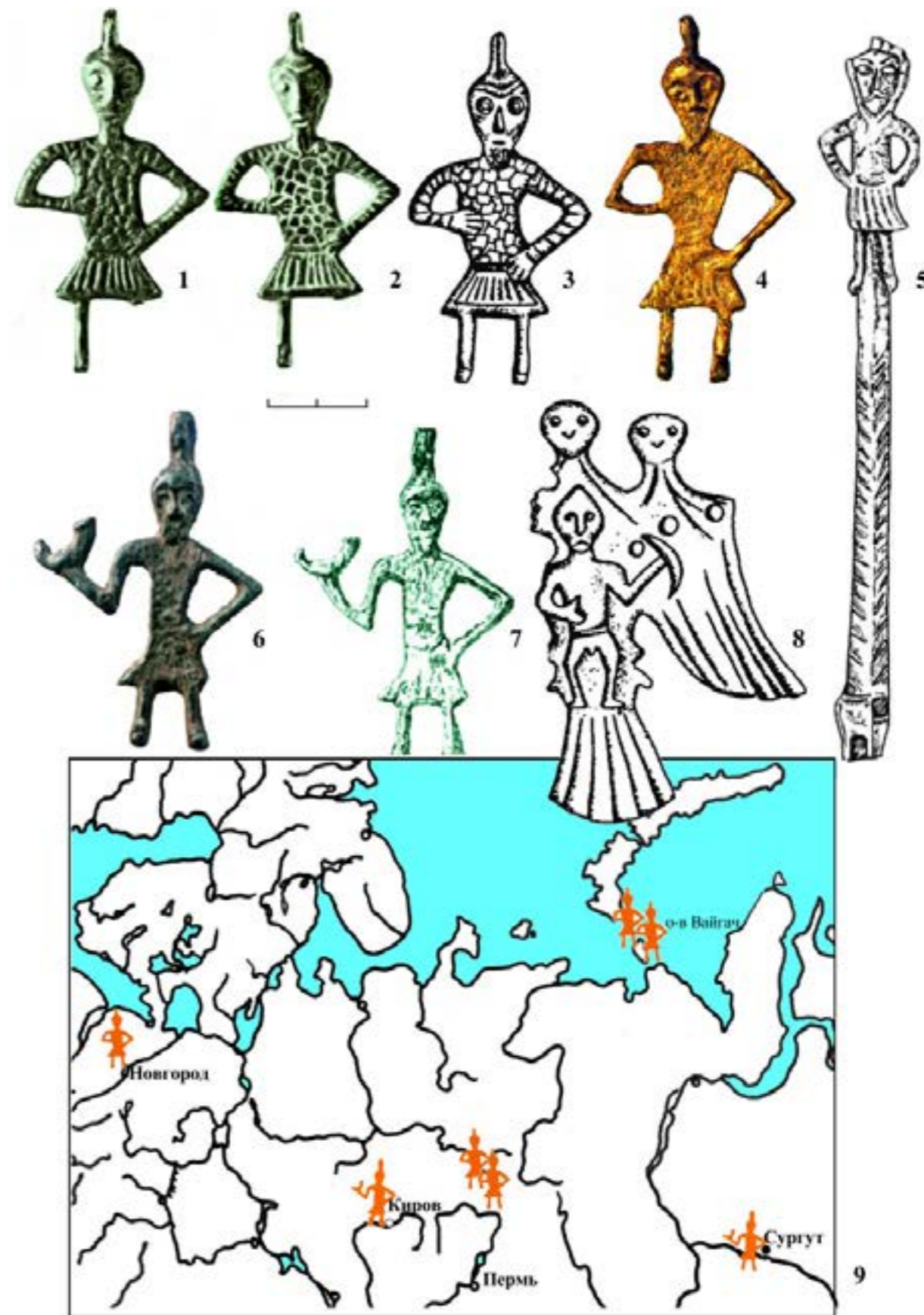

Рис. 2. Изделия с о-ва Вайгач – 1; из Пермского края (2–Пермь/Редикар?; 3–Чердынь/Пянтег?); из Новгорода – 4,5; из Кинтусовского могильника – 6; из Вятки – 7; из с. В.Мошево (Пермский край) – 8; карта распространения антропоморфных фигурок – 9.

лянный, оловянный) для питья священного напитка. Так, на кинтусовской и вятской фигурках рог как раз находится в положении для питья, а не для того, чтобы трубить.

Отметим, что среди находок из Прикамья (с. Верхнее Мошево Соликамского района) имеется изображение трехголовой хищной птицы, на груди которой изображена фигурка человека с заостренной головой (в шлеме), правая рука этой фигурки упирается в грудь; как и у «перунчиков», а левая поднята вверх с рогом (рис. 2, ф. 8). Возможно, этот предмет передает полет Мир-сусне-хума на легендарном Карсе. Во всяком случае, аналогии человеческой фигурки с верхнемошевского предмета и с «перунчиками» из Вятки и Кинтусово весьма наглядны.

Таким образом, рассмотренные нами изображения следует признавать не славянскими «перунчиками» или коми «войпелями», а урало-сибирскими (угорскими) изображениями Мир-сусне-хума или грозного покровителя воинов Хотн-Торуа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. 1334-1598. — СПб.: в типографии экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. — №112. — С. 168-169.*
2. *Алешковский П.М. Языческий амулет-привеска из Новгорода // СА. 1980. № 4.*
3. *Арциховский А.В. Археологическое изучение Новгорода// Материалы и исследования по археологии СССР. № 55. Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1956.*
4. *Белавин А.М. Археологические свидетельства проникновения христианства в Прикамье в 1- первой половине 2 тысячелетия н.э. // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы третьих Халиковских чтений. 27-30 мая 2004 г., Казань-Болгар, 2004.*
5. *Белавин А.М. К вопросу об изображениях Мир-сусне-хума из Прикамья и Зауралья// Удмуртской археологической экспедиции 50 лет. УИИЯЛ. Ижевск, 2004а. С. 331-340*

6. *Белавин А.М. Камский торговый путь. Пермь: ПГПУ. 2000.*
7. *Бординских Г.А. К вопросу о месте Войпеля в язычестве древних коми-пермяков// Проблемы и тенденции развития Верхнекамского региона: История, культура, экономика. Березники, 1992.*
8. *Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск. 1998.*
9. *Конаков Н.Д. Войпель// Энциклопедия уральских мифологий. Т.1: Мифология народов Коми. М.; Сыктывкар, 1999.*
10. *Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X-XV вв. Ижевск, 2001.*
11. *Мельничук А.Ф. Бляхи и медальоны с «охотничьим сюжетом» из Верхнего Прикамья - назначение, семантика, происхождение// Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы третьих Халиковских чтений. 27-30 мая 2004 г. Казань-Болгар. 2004.*
12. *Недошивина Н. Г. Ритуальные литые фигурки со святилищ острова Вайгач // Российская археология. 1996. № 2.*
13. *Оборин В.А. Коми-пермяки//Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 1999.*
14. *Овсянников О.В. Русский Север: культуры и традиции северной тайги и тундры в позднем железном веке// Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Материалы Международного научного симпозиума. Киров, 1997.*
15. *Первухин Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка. Эскиз №1. 1886.*
16. *Хлобыстин Л.П. Древние святилища Вайгача // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики / Под ред. П.В. Боярского. — М., 1990. — С. 120-135.*
17. *Янин В.Л., Колчин Б.А., Хорошев А.С. Новгородская экспедиция// АО — 1975. М., 1976.*

Сокращения: АО — археологические открытия; ГИМ — Государственный исторический музей; ПГПУ — Пермский государственный педагогический университет; СА — советская археология; УИИЯЛ — Удмуртский институт истории, языка, литературы; УрО РАН — Уральское отделение Российской академии наук; ЧКМ — Чердынский краеведческий музей им. А.С. Пушкина.

Йенс Шнеевайсс
г. Геттинген

МАГИЧЕСКИЕ И КУЛЬТОВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ (V В. ДО Н.Э. – V В. Н.Э.)

Территориальные рамки настоящей работы — северная часть средней Европы и южная Скандинавия, хронологические — IV-V века до н. э. и н. э. В это время можно уже более или менее уверенно говорить о германцах как о некоей этнической и культурной общности. Основная проблема при изучении религиозных представлений и действий дохристианского населения заключается в том, что противопоставление терминологических пар мирской/религиозный, рационально/иррационально, естественно/сверхъестественно вошло в науку в том виде, в котором это противопоставление видели исследователи периода просвещения XVIII в. Наши рассуждения в таких категориях могут привести к недоразумениям. Была ли вообще в те времена «германская» религия? Религии как замкнутой системы представлений о верховных существах и соответствующих этим представлениям действий не было ни в римском, ни тем более в германском обществе. Так, в древнегерманском языке нет слова или понятия «поклонение богу» в прямом смысле, а встречаются только слова для определенных религиозных практик или действий [Pohl, 2004, 81].

Информация о религиозных практиках содержится, прежде всего, в результатах исследований археологического материала и лишь во вторую очередь — в немногочисленных римских письменных источниках. Собственных германских письменных источников в это время еще не было, они появились на несколько веков позднее.

Тем не менее, важным источником является «Германия» римского историка Тацита: описание германских племен на исходе I в. н.э., живших в то время за пределами Римской империи.

Цезарь писал, что германцы знали и практиковали только поклонение природным силам. В

отличие от него Тацит перечисляет в главе 9 своей «Германии» германских богов, среди них — три самых главных, которых уважали больше всех. Он сравнивал их со своими, римскими богами и называл их Меркур, Геркулес и Марс. Этот способ называется «interpretatio Romana», то есть «смотреть на мир римскими глазами». Сегодня обычно приравнивают Меркур к Водану, богу войны и мертвых, Геркулеса — к Донарону-Торому, богу грома, и Марса — к Циу-Тыру, богу войны [Pohl, 2004, 81; Mildenerger, 1972, 90f]. Однако точные свидетельства для отождествления германских и римских богов можно найти не раньше раннего средневековья, да и тогда в первую очередь это касается отождествления Водана с Меркуром. Поэтому остается неизвестным, о ком именно шла речь у Тацита, когда он называл их «главными богами», неизвестно были ли они вообще общегерманскими богами: могло быть и так, что Тацит переносил галло-римские аналогии на германцев; это особенно вероятно для Меркура, поклонение которому много раз доказано для римской Германии [Timpe, 1992].

Культовые места и обряды по письменным источникам

Больше, чем о богах, мы знаем о культовых местах, местах жертвоприношений и совершения религиозных практик [Ср. старый обзор: Jankuhn, 1970; и более новый: Müller-Wille, 1989.]. Важным для нашего представления о них является рассказ Тацита в главе 39, где он описывает святой лесок семнонов. В него можно было входить только в окопах, там приносили человеческие жертвы:

«Среди свебов, как утверждают семноны, их племя самое древнее и прославленное; что их

происхождение и в самом деле уходит в далекие прошлые, подтверждается их священнодействиями. В установленный день представители всех связанных с ними по крови народностей сходятся в лес, почитаемый ими священным, поскольку в нем их предкам были даны прорицания, и он издревле внушает им благочестивый трепет, и, начав с заклятия человеческой жертвы, от имени всего племени торжественно отправляют жуткие таинства своего варварского обряда. Благоговение перед этою рощей проявляется у них и по-другому: никто не входит в нее иначе, как в оковах, чем подчеркивается его приниженность и бессилие перед всемогуществом божества. И если кому случится упасть, не дозволено ни поднять его, ни ему самому встать на ноги, и они выбирают из рощи, перекачываясь по земле с боку на бок. Все эти религиозные предписания связаны с представлением, что именно здесь получило начало их племя, что тут местопребывание властвующего над всеми бога и что все прочее — в его воле и ему повинуются. Влиятельность семнонов подкрепляется их благоденствием: ими заселено сто округов, и их многочисленность и сплоченность приводят к тому, что они считают себя главенствующими над свебами»¹.

Где именно находился этот кусок леса, неизвестно. Вероятнее всего, на территории сегодняшней северо-восточной Германии, но точно идентифицировать его вряд ли возможно.

Германские рунические надписи часто связаны с магическими действиями, однако их употребление распространилось только в III в. н.э. [Düwel, 1982; Düwel, 1998]. Их происхождение неизвестно. Рунические надписи Германии, как правило, очень кратки и наносились в числе прочего на оружие, фибулы и бытовые предметы. Они часто содержат имена и/или целебные формулы. Большая часть датируется только VI-VII вв. Надписи часто трудно понять. Раньше их толковали прежде всего как магические, но с 1980-х г. точка зрения изменилась. Теперь рунические надписи видят в первую очередь

как средство для коммуникации, магическое употребление которого не является само собой разумеющимся. Для такой интерпретации необходим определенный контекст [Pohl 2004, 85].

Из разных, часто довольно поздних источников можно реконструировать, насколько это возможно, что главные праздники германцев происходили поздней осенью или в начале зимы, в середине зимнего времени (в середине января), а также поздней весной и в начале летнего времени. Отмечали также праздник середины лета (Mittsommerfest). Это были праздники времени года, и жертвы обычно приносили для хорошего роста, для хорошего урожая и мира, а иногда, наверное, и для победы в военных столкновениях. У праздничного цикла была определенная структура и различные варианты проведения. Дух плодородия был воплощен в конкретном представителе — обычно человеке или животном. После окончания или перед началом нового периода плодородия этого представителя убивали, хотя бы символически. Потом воплощением стал персонаж — наследник представителя, которого до этого ритуально убивал представитель духа (бога) плодородия. Убитого или символ его сжигали, захоронивали, или предавали воде. Когда наступала весна, праздновали появление нового духа (бога) плодородия, которого воспринимали как возродившегося или наследника убитого. В жертву приносили животных, прежде всего, лошадь. Культовую пищу и питье часто употребляли совместно. Кровь жертвенных животных содержали в сосудах или рассеивали на алтаре и вокруг него. В церковных источниках также упомянуто, что такие жертвоприношения сопровождалось танцами и пением.

Археологические памятники

А что могут рассказать археологические раскопки и находки? Феликс Мюллер, австрийский археолог, описывал ситуацию следующим образом: «Все, что связано с религиозными дей-

Рис. 1. Расположение памятников в долине реки Иллеруп, Дания (по Müller-Wille 1999)

Рис. 2. Деревянные идолы из болота у с. Брааке, Германия (по Müller-Wille 1999)

¹ Vetustissimos se nobilissimosque Sueborum Semnones memorant; fides antiquitatis religione firmatur. Stato tempore in silvam auguriis patrum et prisca formidine sacram omnes eiusdem sanguinis populi legationibus coeunt caesoque publice homine celebrant barbari ritus horrenda primordia. Est et alia luco reverentia: nemo nisi vinculo ligatus ingreditur, ut minor et potestatem numinis prae se ferens. Si forte prolapsus est, attolli et insurgere haud licitum: per humum evolvuntur. Eoque omnis superstitio respicit, tamquam inde initia gentis, ibi regnator omnium deus, cetera subiecta atque parentia. Adicit auctoritatem fortuna Semnonum: centum pagi iis habitantur magnoque corpore efficitur ut se Sueborum caput credant.» Корнелий Тацит. Перевод А.С. Бобовича.

ствиями и представлениями, в археологических источниках представлено крайне бедно и очень трудно поддается истолкованию. [...] Как можно найти след того, чего мы сами не знаем?» [Müller, 1993, 177; см. также Müller, 2002].

Однако в северной Германии и южной Скандинавии в течение последних 180 лет стали известны многочисленные следы магических или культовых действий германцев. Это, прежде всего, широко известные места жертвоприношений из Ютландии (Дания), такие, как Hjortspring, Thorsberg, Nydam, Ejsbøl и Illerup Ådal. Относительно недавно был открыт новый памятник на датском острове Фюн: в Гульме (Gudme) был раскопан крупный центр, который датируется около 500 г. н.э., содержащий культовые места, погребения, здания и хозяйственные постройки [Thrane, 1987; Grimm/Pesch, 2011]. Места жертвоприношения — это, как правило, сакральные захоронения людей и животных в болотах, во влажных низменностях и в водах. Эти ритуалы изменились после римского времени, когда культовые действия были перенесены на сушу, в определенные здания или священные места, которые можно определять как «сознательно архитектурно оформленные» [Haffner, 1995].

Характер жертвоприношений также менялся со временем. В них отражался и характер общества. В доримское время (вторая половина I тыс. до н.э.) картина медленно меняется от крестьянского мира к военному миру.

Хорошим примером этому положению могут служить археологические памятники болотистой долины реки Иллеруп, где было найдено несколько мест с жертвоприношениями (рис. 1). На самом древнем из них, Фёрлев Нимёлле (Foerlev Nymølle (рис. 1, 2), приносили жертвы в доримское время. Их остатки представлены скоплениями керамических сосудов, деревянных предметов, вязанок льна, а также костей животных и человека. Немного позднее, началом римского периода на рубеже эр, датируются памятники Вэдебро (Vædebro) и Иллеруп мозе (Illerup mose) (рис. 1, 1), где были найдены керамические сосуды, оружие, деревянные кольца и останки 25-30 мужчин, которые синхронно с сосудами попали в болото. Наконец, еще более позднее культовое место в этой же долине, Иллеруп Одал (Illerup Ådal

(рис. 1, 3) обнаружено на месте бывшего озера, в которое положили многочисленные предметы вооружения, снаряжения воинов и конскую упряжь, орудия труда и принесенных в жертву лошадей. Культовое место датируется периодом 200 по 500 л. н.э. [Ilkjær, 2000]. Важно отметить, что орудия и оружие деформировали и разрушали перед тем, как их приносили в жертву. Иллеруп Одал является, видимо, типичным местом жертвоприношений военных трофеев.

На этих примерах можно проследить общее развитие, которое начинается с наиболее древних индивидуальных жертвоприношений керамики, пищи или украшений и доводится до крупных совместных жертвоприношений людей или военных трофеев, перед тем как совсем прекратиться к концу VI века н.э. [Fabech, 1994, p. 169f].

Типичным для древних германцев является наличие деревянных идолов, чему можно привести целый ряд примеров. Женский идол высотой почти 3 м был найден в 1960 г. под кучей камней во влажной низменности у Фёрлев Нимёлле (Foerlev Nymølle), самом древнем культовым памятнике в долине реки Иллеруп. Рядом с идолом и камнями лежали многочисленные кости животных, среди них — кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади, собаки, зайца, а также человеческая лопатка и многочисленные фрагменты керамики. Данная ситуация интерпретируется таким образом: деревянный идол являлся символом плодородия, располагался на куче камней, ему приносили в жертву части животных и пищу в керамических сосудах [Capelle, 1995, 23].

Самыми известными идолами являются, наверное, дубовые фигуры из болота Аукампер Моог недалеко от села Брааке в восточном Хольштейне (рис. 2) [Mildenberger, 92-95]. Они были найдены в 1946 г. при добывании торфа. Идолы лежали горизонтально рядом друг с другом на дне болота. У женского идола была высота 2,40 м, у мужского идола — 2,75 м. Оба имеют отверстия для рук, которые можно было туда прикреплять. Датировка этих идолов проблематична, вероятнее всего — середина первого тыс. до н.э.

Антропоморфные кольца-идолы различных форм были найдены также дальше от моря; примеры известны из Обердорлы и Поссендорфа в Тюрингии. В озерном культовом комплек-

Рис. 3. Памятник Фитце-63, Германия. Дно культовой ямы с рогами благородного оленя, камнями, фрагменты жерновов, керамики и алтари.

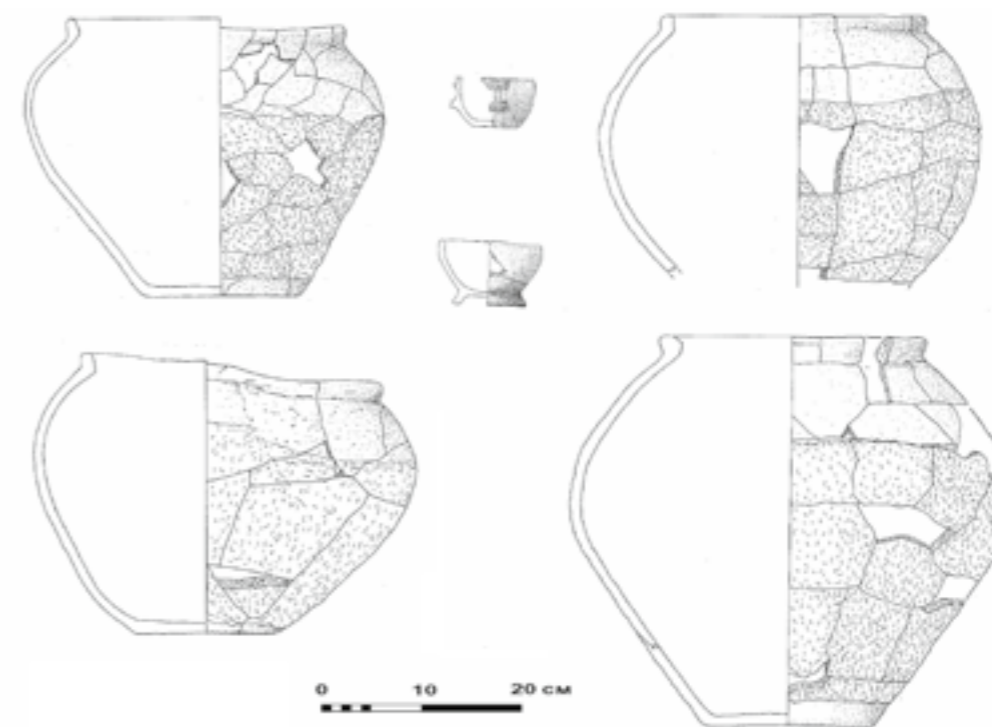

Рис. 4. Памятник Фитце-63, Германия. Реконструированные сосуды из культовой ямы (выбор). В ней находилось не меньше 12 больших сосудов и 2 чашки.

се Обердорла обнаружались заборы, идола, следы жертвоприношений животных и людей и культовые колья, на которых укреплялись черепа животных [Die Germanen 1, 381-383]. Деревянные идола датируются римским периодом. Культовый комплекс был расположен вокруг «культового озера». Его использовали долгое время, начиная с гальштатского времени до периода переселения народов. В разных местах находились алтари, многочисленные колья, кости человека и животных, предметы из дерева, фрагменты керамики и т.д. В нескольких метрах от культового места III в. н.э. был найден череп благородного оленя с рогами (14 отростков), а к нему прилагались также еще кости оленя. Это редкий случай принесения в жертву диких животных.

Антропоморфные деревянные фигуры известны уже с конца бронзового века. Надо отметить, что до раннего средневековья речь идет о безымянных идолах, которые стояли прежде всего на культовых местах, а иногда также у дорог. Они явно были связаны с культом плодородия. Деревянные фигуры богов появились только в последней фазе язычества, то есть в викингское и славянское времена [Capelle, 1995, 63f].

Во многих болотах северной Европы сохранились так называемые «болотные трупы», на сегодняшний день их известно более чем 700. Большинство из них датируются железным веком, прежде всего — периодом рубежа эр и римского времени. Преобладают везде мужские трупы, за исключением Дании где доля обоих полов равна. Из-за того, что часть этих трупов была закована, сложилось мнение, что они попали в болото при жертвоприношении или наказании [Pohl, 2004, 83]. В 1960-х годах А. Дик опубликовал богатое собрание материалов по болотным трупам [Dieck, 1965]. С тех пор у нас имеется более дифференцированная картина причин, по которым люди могли попасть в болото и умереть там [Germanen 1, 1978, 376f].

Известны находки безголовых мужчин, так же, как и отдельных голов, как, например, голова 50-летнего мужчины из болота Кёлмор у деревни Остерби (Köhlmoor bei Osterby). Она была найдена в 1948 г. упакованной в шкуру благородного оленя. По причёске можно без сомнения определить, что человек был гер-

манец и член племени свебов. Тацит описал именно эту причёску, известны также изображения свебов с такой причёской из римского контекста. С помощью радиоуглеродной датировки выяснилось, что голова датируется ранним римским периодом, то есть временем Тацита. Самый известный в Германии труп из болота, наверное, «мальчик из Виндеби». На момент смерти ему было 15 лет, и долгие годы разные легенды существовали об интерпретации его смерти (тогда еще думали, что речь идет о трупe девушки). Его, видимо, захоронили. Лучшее сохранился так называемый «мужчина из Толлунда», которого задушили верёвкой. Обычно это воспринимают как жертвоприношение. Не исключено, однако, что он был жертвой наказания, описанного Тацитом в главе 12: «На таком народном собрании можно также предъявить обвинение и потребовать осуждения на смертную казнь. Суровость наказания определяется тяжестью преступления: предателей и перебежчиков они вешают на деревьях, трусов и оплошавших в бою, а также обесчестивших свое тело, топят в грязи и болоте, забрасывая поверх валежником».

Очень часто приносили в жертву животных или их части. Это были, как правило, домашние животные. На первом месте стояла лошадь, но также часто бывали крупный и мелкий рогатый скот, свинья и собака.

В Хёртспринге (Hjortspring) в 1920–1921 гг. проводились раскопки, маленькое болото было полностью раскопано. Тогда нашли лодку из липы для 20 гребцов длиной более чем 15 м, шириной 2 м. Датировка IV веком до н.э. проверена радиоуглеродом, хотя подобный тип лодки известен уже с бронзового века. Вместе с лодкой нашли много оружия (169 наконечников копий, 11 мечей, 64 щитов) и много деревянных сосудов. Таким образом, Хёртспринг является на сегодняшний день самым древним памятником жертвоприношения военных трофеев в северной Европе. Он предшествует появлению многочисленных приношений оружия и военного снаряжения в северной и северо-восточной Европе во время римского периода и периода переселения народов. В целом известно более 30 подобных памятников в Дании, северной Германии и Швеции. Кроме Хёртспринг, самыми известными яв-

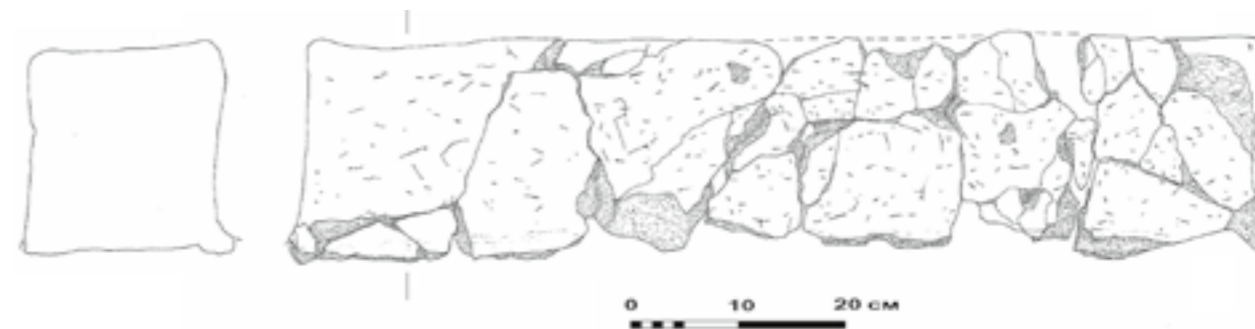

Рис. 5. Памятник Фитце-63, Германия.
Блок из обожженной глины; может быть, алтарь.

ляются, наверное, Торсберг (Thorsberg), Нидам (Nydam) и Иллеруп Одал (Illerup Ådal).

В 10 км от Хёртспринга, в понижении, находится Нидамское болото. Здесь речь также идет о бывшем озере. Первые находки отсюда стали известны уже в конце XVIII в., раскопки велись в середине XIX в., в 1860-х г. Торсберг, Нидам и Вимозе были раскопаны начиная с 1840-х г., результаты были опубликованы в 1860-х г. Карлом Энгельхардом в Копенгагене [Engelhardt, 1865]. Через сто лет Херберт Янкун [Jankuhn, 1964] вновь обрабатывал материалы из Нидама. Совсем недавно появилась публикация новых анализов старых и новых материалов из Нидама, проведенных на современном уровне [Rau, 2010]. Самая сенсационная находка из Нидама была обнаружена в 1863 г. — Нидамский дубовый корабль длиной 23 м и шириной 3,3 м. Его построили в начале IV века н.э., и он был затоплен целенаправленно. В целом из Нидама на сегодняшний день известны остатки 4 лодок. Вместе с лодками было найдено огромное количество оружия: около 200 мечей, многие из них роскошные, более 500 наконечников копий, 40 топоров, части от почти 100 щитов [Ср. Engelhardt, 1863; Raddatz, 1987]. Почти у всех предметов обнаружались следы использования, многие оружия намеренно деформированы и разрушены. Известные роскошные ножны и бляхи ножен мечей также были использованы и разрушены, но реставрация их полностью восстановила. Самая роскошная бляха из Нидама дала название «Нидамскому стилю». Нидамский стиль датируется ранним V в., он — «предок» германского звериного стиля I. В 1984 г. велись новые раскопки в Нидаме, при кото-

рых было найдено еще 1500 предметов, опять в основном оружия раннего V в. Последним открытием было положение в яме: на площади 2 x 2 м было найдено около 1000 предметов, в основном, оружие и личное военное снаряжение, вокруг ямы перпендикулярно поверхности в грунте стояли 30 мечей и 1 копьё. Этот комплекс датируется второй половиной V в. — таким образом, он относится к самым поздним находкам оружия в предложенном нами контексте. В V в. лодки больше не затапливали.

Торсберг, как и Хёртспринг, — маленькое болото, которое полностью раскопано. Более правильное название — болото Торсберга. Само название «Торсберг» («гора бога Тор»), вероятнее всего, пришло из викингского времени, так как в это время район вокруг горы был обильно заселен после определенного хиатуса. Жертвенное место в болоте было окружено забором, деревянный мост доходил до середины озера, где было обнаружено большинство находок. Было найдено около 200 керамических и деревянных сосудов I в. до н.э. и I в. н.э., но большая часть предметов — оружие и военное снаряжение. Общее количество предметов не известно, так как раскопки велись еще в 1860-х гг. При раскопках были найдены уникальные, широко известные находки: это, прежде всего, две серебряные с золотом орнаментальные пластины и серебряная маска III в. н.э., которые, видимо, являются вещами германского производства, сделанными под сильным римским влиянием.

Особенная группа — жертвоприношения сосудов. Клады сосудов были известны в бронзовом веке и тогда уже были широко распространены. В железном веке они обнаружены в

отличие от бронзового века только в районе южной Скандинавии и северо-восточной Германии, исключительно в болотах и водах. Таких жертвоприношений известно несколько сотен, большинство из них датируется доримским периодом, только незначительная часть относится к более позднему, римскому периоду, или периоду переселения народов. В земле Шлезвиг-Гольштейн почти все подобные находки датируются веками вокруг рубежа эр. Многие сосуды содержали кости животных. Ярким примером является Ваброгорд (Vabrogård), где на площади 10 x 20 м под болотом были найдены фрагменты от 114 сосудов раннего римского периода. В сосудах и рядом с ними находились кости животных (собаки, крупного и мелкого рогатого скота, лошади) а также фрагменты нескольких так называемых Feuerbock. Это блоки из обожженной глины, функция которых до сих пор не совсем понятна. Возможно они использовались в качестве алтарей.

Три года назад во время раскопок был открыт совершенно новый комплекс остатков культовых действий германцев, который относится примерно к тому же времени, что и Усть-Полуй (I в. до н.э. — рубеж эр). Он находится на краю германского поселения Фитце на берегу реки Эльбы. Комплекс в целом необычен и остается пока без параллели (рис. 3) [Schneeweiß 2010].² Однако у него есть некоторые черты, которые связывают его с другими местами жертвоприношений. В то время как германские крестьяне обычно приносили в жертву домашних животных — лошадь, крупный и мелкий рогатый скот, свинью или собаку, здесь, напротив, был захоронен череп благородного оленя с рогами (18 отростков). Захоронение сопровождалось ритуальным разрушением и сожжением многочисленных керамических сосудов (рис. 4), жерновов и предмета из обожженной глины (т.н. «Feuerbock»), который нами интерпретируется как алтарь (рис. 5). Он является единственным на сегодняшний день полностью реконструированным экземпляром. Точный размер всех остальных не был известен. Охота у эльбских германцев не играла особой роли, поэтому данный комплекс, наверное, связан с культом плодородия. Благород-

ный олень воспринимался во многих культурах как мифическое существо обновления и перехода. В связи с этим можно подумать и о жертвоприношении в связи с переходом через реку или с переходом в другой мир, в мир мертвых, но для этого у нас нет реальных доказательств.

Со второй половины первого тысячелетия до н.э. до середины первого тысячелетия н.э. можно проследить развитие характера жертвоприношений у древних германцев: сначала это в основном крестьянские жертвы, связанные с культом плодородия, впоследствии становится все больше и больше жертвоприношений военных трофеев. Есть два пика депонирования оружия и военного снаряжения — в начале римского периода (рубеж эр) и в начале периода переселения народов (конец IV - начало V в. н.э.) было разрушено и затоплено огромное богатство. Жертвы приносила, по-видимому, определенная элита, которая магическими и культовыми действиями повышала свой престиж. Более традиционные жертвы плодородия потеряли в это время значение. После V в. прекратятся жертвоприношения военного характера, главное значение приобретут изображения и названия богов.

Культовые депонирования у древних германцев были обычной частью их жизни. Они сопровождались комплексными магическими и культовыми действиями, полностью понять и реконструировать которые мы не можем. Все жертвоприношения объединяет общая черта, которая отражается в принесении в жертву предметов, бывших в употреблении [Ср. Müller-Wille, 1999, p. 8]. Дополнительные действия, такие, как разрушение и уничтожение, убийства жертв, сожжение, оставление на разложение, выливание или рассеивание, закапывание или затопление, символизируют перенос принесенных жертв к богам.

ИСТОЧНИКИ

Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т.1. Анналы. Малые произведения. Л., Наука, 1969. Перевод А.С.Бобовича.

ЛИТЕРАТУРА

1. G. Behm-Blancke, *Heiligtümer der Germanen und ihrer Vorgänger in Thüringen. Die Kultstätte Oberdorla. Forschungen zum alteuropäischen Religions- und Kultwesen. Teil 1: Text und Fototafeln* (Stuttgart 2003).
2. G. Behm-Blancke, *Heiligtümer der Germanen und ihrer Vorgänger in Thüringen. Die Kultstätte Oberdorla. Forschungen zum alteuropäischen Religions- und Kultwesen. Teil 2: Katalog der Heiligtümer und Funde* (Stuttgart 2002).
3. T. Capelle, *Anthropomorphe Holzidole in Mittel- und Nordeuropa. Scripta Minora Regiae Societatis Humaniorum Litterarum Lundensis 1995-1996: 1.*
4. A. Dieck, *Die europäischen Moorleichenfunde. m. 1* (Neumünster 1965).
5. K. Düwel, *Runenkunde* (Stuttgart 21982).
6. K. Düwel (Hrsg.), *Runeninschriften als Quellen interdisziplinärer Forschung. Berlin/New York 1998.*
7. C. Engelhardt, *Thorsbjerg Mosefund. Beskrivelse af de Oldsager (Kjöbenhavn 1863) [Sønderjyske og fynske Mosefund. Bind I. Thorsberg Mosefund (Forlaget Zac 1969)].*
8. C. Engelhardt, *Nydam Mosefund 1859-1863 (Kjöbenhavn 1865) [Sønderjyske og fynske Mosefund. Bind II. Nydam Mosefund (Forlaget Zac 1970)].*
9. Ch. Fabeck, *Reading Society from the Cultural Landscape. South Scandinavia between Sacral and Political Power. // P.O.Nielsen/K. Randsborg/H. Thrane (ed.), The Archaeology of Gudme and Lundeborg. Papers presented to a Conference at Svendborg, October 1991. Arkæologiske Studier 10 (Kopenhagen 1994), pp. 169-183.*
10. *Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa. Ed. by B. Krüger. 2 m. (Berlin 1978).*
11. O. Grimm/A. Pesch (Ed.), *The Gudme/Gudhem Phenomenon. Papers presented at a workshop organized by the Centre for Baltic and Scandinavian Archaeology (ZBSA). Schleswig, April 26th and 27th, 2010 (Neumünster 2011).*
12. A. Haffner, *Heiligtümer und Opferkulte der Kelten* (Stuttgart 1995).
13. J. Ilkjær, *Illerup Ådal et arkæologisk tryllespejl* (Moesgård 2000).
14. H. Jankuhn, *Nydam und Thorsberg* (Neumünster 1964).
15. H. Jankuhn (Ed.), *Vorgeschichtliche Heiligtümer und Opferplätze in Mittel- und Nordeuropa. (Göttingen 1970).*
16. G. Mildenerberger, *Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Germanen* (Stuttgart 1972).
17. F. Müller, *Kultplätze und Opferbräuche // H. Dannheimer/R. Gebhard (Ed.), Das keltische Jahrtausend. Ausstellungskatalog der prähistorischen Staatssammlung 23 (Mainz 1993) pp. 177-188.*
18. Müller, *Götter, Gräber, Rituale. Religion in der Frühgeschichte Europas* (Mainz 2002).
19. M. Müller-Wille, *Heidnische Opferplätze im frühgeschichtlichen Europa nördlich der Alpen. (Hamburg 1989).*
20. M. Müller-Wille, *Opferkulte der Germanen und Slawen* (Stuttgart 1999).
21. W. Pohl, *Die Germanen (München 2004).*
22. K. Raddatz, *Der Thorsberger Moorfund. Katalog. Teile von Waffen und Pferdegeschirr, sonstige Fundstücke aus Metall und Glas, Ton und Holzgefäße, Steingeräte* (Neumünster 1987).
23. A. Rau, *Nydam mose 1-2. Die personengebundenen Gegenstände. Grabungen 1989-1999. Jernalderen i Nordeuropa [= Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter 72] (Aarhus 2010).*
24. J. Schneeweiß, *Feuerbock und Hirschgeweih – Eine germanische Kultgrube an der Elbe // Archäologie in Niedersachsen 13, 2010, pp. 52-55.*
25. H. Thrane, *Das Gudme-Problem und die Gudme-Untersuchung // Frühmittelalterstudien 21 (1987) pp. 1-48.*
26. D. Timpe, *Tacitus' Germania als religionsgeschichtliche Quelle // H. Beck/D. Ellmers/K. Schier (Ed.), Germanische Religionsgeschichte. Quellen und Quellenprobleme (Berlin/New York 1992) pp. 434-458.*

² Данная культовая яма была представлена впервые на III северном археологическом конгрессе в 2010 г. Schneeweiß 2010.

Клима Ласло
г. Будапешт

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯХ НАРОДОВ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ И ТУНДРЫ ЕВРАЗИИ

На археологическом памятнике Усть-Полуй археологические раскопки начались около восьмидесяти лет тому назад. Конференция, организованная по поводу юбилея его открытия, означает хорошую возможность для показа достижений и обсуждения проблем. Однако кроме этого, юбилей даёт возможность и для выяснения перспектив дальнейшего изучения этого выдающегося памятника. Спустя восемьдесят лет стоит заняться историей исследования местонахождения. По прошествии восьмидесяти лет можно оценивать историко-географическое значение Усть-Полуя и усть-полуйской культуры. С помощью нескольких исторических источников я хотел бы помочь в обработке и осмыслении археологических находок.

По археологическим данным можно установить, что люди, посещавшие в древности Усть-Полуйское жертвенное место, иногда приходили из очень далёких мест — из более южных территорий Сибири или с европейской стороны Урала.

Район современного города Салехарда был конечным пунктом нескольких путей. Один из них связывал северную и южную часть Западной Сибири. Разные пути, берущие начало на юге, доходя до Иртыша, потом до Оби, вели на север. Район устья Оби тысячелетиями имел хорошо известные связи с европейской стороной Урала. На европейской стороне связью служила речная система «Кама-Печора». Кама, вливаясь в Волгу, давала возможность для дальнейших маршрутов на запад и на юго-запад. А Сухона и дальше Вымь или Печора вели на Северный Урал со стороны Прибалтики и Скандинавии.

Конечные пункты евроазиатской торговли находились очень далеко друг от друга. Торговцы, путешественники, встречавшиеся на местах отдыха, обменивались не только товарами,

но и информацией. Их известия повествуют об очень интересных обычаях, о странных людях.

Официальное название памятника археологии Усть-Полуй — «Древнее святилище Усть-Полуй». Исходя из данного названия, мне хотелось бы рассмотреть источники, содержащие информацию об обряде жертвоприношения аборигенов лесной полосы и тундры Евразии.

Геродот

Греческий историк древних времён написал свою работу о войнах греков и персов приблизительно за четыреста лет до функционирования Усть-Полуйского святилища. Из его произведения можно узнать, что автор никогда не был в северных краях. Он не только не доехал до народов лесной полосы, но даже о народах, населявших степную полосу, слышал только от других. Несмотря на это, его описания народов, живущих севернее скифов, имеют огромное значение. Не имея другой письменной информации того времени, можно изучать только данный источник.

Геродот упоминает о народах, живущих в соседстве со скифами, в связи с описаниями страны скифов и скифо-персидской войной. Вопрос о местожительстве и этнической принадлежности этих народов до сих пор не решён. Авторы древних времён часто не точно определяют край, о котором они пишут. Хорошим примером для этого служит местоположение Рифейских гор, которые, по их описаниям, тянутся с запада на восток. Дискуссия на тему отождествления их с конкретными горными хребтами ведётся давно, многие полагают, что имеется в виду Уральский хребет, хотя он тянется с севера на юг. Не исключено, что древние авторы подразумевали Алтайские горы

[см., например, Пьянков, 2005, с. 33]. Если принять эту точку зрения, то тогда наиболее далёкие народы в описании Геродота можно представлять на окраинах Западной Сибири.

Описание Геродота, по всей вероятности, имеет в виду торговый путь от побережья Чёрного моря до Южного Урала. Почти слышен голос его информатора: «После долгого перехода по этой каменистой области придёшь в страну, где у подножия высоких гор обитают люди» [Геродот, 1972. IV. 23].

Похоронный обряд исседонов у Геродота

В IV. 26. главе своего произведения «Греко-персидская война» Геродот в связи с исседонским народом пишет о жертвоприношениях, связанных с похоронами. Некоторые исследователи считают, что исседоны обитали в Зауралье, не исключено их палеосибирское происхождение. На основе археологических находок некоторые исследователи связывают исседонов с археологическими культурами, изученными в Казахстане, на территориях Зауралья и в краях, располагающихся еще севернее. По мнению Р. Груссе [Grousset, 1970, с. 10–11, а также в замечаниях: Notes/Chapter 1. с. 547:14], этот народ финно-угорского происхождения,¹ К.В. Сальников связал его с саргатско-гороховской археологической культурой, причем относил его к угорской подгруппе внутри финно-угорской группы [Сальников, 1966, с. 124]. Исседоны, по мнению И.В. Пьянкова, были уграми, они относились к подгруппе, из которой позже формировались венгры [Пьянков, 2005, с. 30]. Некоторые из исследователей считают, что этноним «исседон» происходит от названия реки Исеть [Эйхвальд, 1838, с. 92 сл.; Herrmann, 1916, с. 2235, 2244; Жебелёв, 1953, с. 337 сл., 346; Томсон, 1953, с. 101; Phillips, 1955, с. 169 сл.; Bolton, 1962, с. 114 сл., 180; Бонгард-Левин – Грантовский, 1983, с. 97]. По мнению венгерского учёного, Яноша Харматты, народ исседон тождествен енисейским остякам (кетам). [Harmatta, 1997, с. 120–123].

IV. 26. «Об обычаях исседонов рассказывают следующее. Когда умирает чей-нибудь отец, все родственники пригоняют скот, закалывают его и разрубаят мясо на куски. Затем разрезают на

части также и тело покойного отца того, к кому они пришли. Потом всё мясо смешивают и устраивают пиршество. С черепа покойника снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят как священный кумир. Этому кумиру ежегодно приносят обильные жертвы. Жертвоприношения совершает сын в честь отца, подобно тому, как это происходит на поминальном празднике у эллинов. Этих людей также считают праведными, а женщины у них совершенно равноправны с мужчинами».

IV. 27. «Итак, об исседонах у нас есть ещё сведения. Выше исседонов, по их собственным рассказам, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы» [Геродот, 1972].

Тацит

Публий Корнелий Тацит написал несколько исторических произведений. В своей работе *De origine et situ Germanorum* (О происхождении и местоположении германцев), которая цитируется под кратким названием *Germania*, он писал о жизни и обществе германских племён, появившихся в окрестностях Рима и грозивших ему.

В работе «Германия» три этнонима связываются с финно-уграми. По описанию Тацита, местожительство народа, упоминаемого под названием *aestii*, могло располагаться на побережье Балтийского моря, на территории между Вислой и Финским заливом. Название данного народа совпадает с названием современного эстонского народа, но упомянутый Тацитом народ — германского происхождения, поэтому исследование относит его к какому-то балтийскому народу. Думается, что этноним позже стал относиться к народу финно-угорского происхождения, поселившегося вблизи балтийцев, к эстонцам. Тацит коротко пишет о верованиях народа *aestius*.

Тацит о представлениях о мире народа *aestius* (45.) «[...] обычаи и облик которых такие же, как у свебов, а язык — ближе к британскому. Эстии поклоняются праматери богов и как отличительный знак своего культа носят на себе изображения вепрей; они им заменяют оружие и оберегают чтящих богиню даже в гуще врагов» [Тацит, 1969].

¹ Груссе ссылается на установления Таллгрена по археологии [Tallgren, A. M.: Sur l'origine des antiquités dites mordviennes. Eurasia Septentrionalis Antiqua XI. (1937) 122–133.]. Однако часть археологических находок, упоминаемых Таллгреном, не относится к финно-уграм.

Викинские саги

В викингских сагах в нескольких вариантах сохранился рассказ о разграблении церкви народа по имени бьярма и о богато украшенном идоле в их храме. Этноним «бьярма» некоторые исследователи относят к этнониму «Пермь», а бьярмов считают саами, карелами или пермяками.

Йомали, бог бьярмов

В произведении Снорри Стурлусона (Heimskringla — Круг Земной), суммирующем саги, возникшие раньше, появляется Йомали, бог бьярмов: «В ограде стоит также бог бьярмов, который называется Йомали» [Стурлусон, 1980]. Его имя этимологически относится к кругу слова финского языка jumala — «бог». По тексту, идол Йомали стоял в какой-то роще.

Русские летописи и жития

В русских летописях, вошедших в свод «Повести временных лет», описывается, как колдует чудской кудесник-шаман. Этноним «чудь» служил общим названием нескольких маленьких прибалтийско-финских народностей, но в летописях так называли и эстонцев.

Посещение новгородцем чудского шамана (ПВЛ)

В летописи описывается типичный шаманский обряд: шаман впадает в транс, потом в таком состоянии общается с духами: [...] «В то же время, в те же годы, случилось некоему новгородцу прийти в землю Чудскую. И пришёл к кудеснику, прося волхования его. Тот же по обычаю своему начал призывать бесов в дом свой. Новгородец же сидел на пороге того дома, а кудесник лежал в оцепенении, и ударил им бес. [...] Бесы же, тряся его, поведали то, ради чего пришёл новгородец. [...] Новгородец же сказал: «А каковы боги ваши, где живут?» Кудесник же сказал: «Боги наши живут в безднах. Обличьем они черны, крылаты, имеют хвосты; взбираются же и под небо послушать ваших богов. Ваши ведь боги на небесах. Если

кто умрёт из ваших людей, то его возносят на небо, если же кто из наших умирает, его несут к нашим богам в бездну» [ПВЛ, в год 6579 (1071)].

Святитель Стефан Пермский разрушает языческие идолы

Святитель Стефан Пермский в 1379-м году отправился на землю пермского (коми-зырянского) народа с целью обратить народ в христианство. О его легендарной жизни написал его товарищ-монах и друг, Епифаний Премудрый. В житии можно прочесть и об идолах. В летописях, сообщающих о смерти Святителя Стефана Пермского, также упоминается о том, что епископ разрушил языческих идолов [Никоновская летопись, 2000, в лето 6904 (1396), с. 164].

«В один же из дней преподобный раб Божий, помолившись Богу, сотворив молитву, после молитвы пошёл в некое место, где находилась их главная кумирница, и попытался идолов их разрушить. И он опрокинул их алтари, а богов их разбил, и Божьей силой главную их кумирницу зажгёт, пламенем запалил её» [Святитель Стефан Пермский 1995, с. 100–101].

Как видно, перечень очень короткий, и в нём мало достоверных данных. Исторических данных, которые относились бы к территории, на которой расположен археологический памятник Усть-Полуй, то есть к устью реки Оби, и к тому времени, когда святилище функционировало, мы вообще не имеем.

Однако приблизительно через 800-900 лет после окончания существования Усть-Полуйского святилища оживляются Восточно-Европейские и Западно-Сибирские торговые пути. Посредством волжских болгар финно-угорские и самодийские народы, живущие на двух сторонах Урала, включаются в дальнюю торговлю гораздо активнее, чем в более ранние периоды. Караваны торговцев переезжали через пустыни и степи. Свои товары довозили до городов волжских болгар, откуда болгарские торговцы возили дальше. В последнее время этому было найдено много археологических свидетельств, в том числе и в пределах территории современного Ямало-Ненецкого округа.¹

Информация о северных краях появляется в произведениях мусульманских географов и путешественников. Их первые известия — как, например, описание путешествия Ибн Фадлана 922–923-го г. — появляются раньше самых ранних сообщений русских летописей. Даже описание путешествия отрока купца Гюряты Роговича появляется в ПВЛ только в 1096-м году.

Мусульманские географы и путешественники о северных краях

Описания Ал-Бируни, ал-Марвази, Абу Хамида ал-Гарнати и Ибн-Баттуты о стране Юра, о море темноты, о народе Гога и Магога общеизвестны, поэтому не буду их цитировать. Обращаю внимание только на то, что они являются первыми описаниями, которые указывают, несомненно, на северную тундру, в записках Абу Хамида ал-Гарнати встречается даже сказочное описание охоты на кита на северных морях.

Абу Хамид ал-Гарнати о верованиях одного лесного народа

По Абу Хамиду ал-Гарнати, около славян живёт лесная народность, бреящая бороды. Описание ритуальной, человеческой жертвы, может быть, относится к этому финно-угорскому народу. Маловероятно, чтобы среди русских, к тому времени уже принявших христианство, встречались подобные случаи.

«А вокруг них — народность, живущая среди деревьев, бреящая бороды. Живут они на [берегах] огромной реки и охотятся на бобров в этой реке. Мне рассказывали о них, что у них каждые десять лет становится много колдовства, а вредят им их женщины из старух-колдуний. Тогда они хватают всех старух в своей стране, связывают им руки и ноги и бросают в реку: ту старуху, которая тонет, оставляют и знают, что она не колдунья, а которая остаётся поверх воды — сжигают на огне. [...] И нет у них религии, они почитают некое дерево, перед которым кладут земные поклоны» [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати].

Два путешествия Герберштейна в Россию — начало нового времени

О финно-угорских народах России дипломат Габсбургов, Сигизмунд Герберштейн принёс новую информацию в Европу. По его запискам стало известно об идоле Золотая Баба. По тексту можно установить, что в начале 1500-х уже шла оккупация русскими устья Оби.

«Золотая Баба (Slata baba), т. е. Золотая Старуха, — это идол, стоящий при устье Оби в области Обдора (Obdora), на том (ulterior, jenig) берегу. По берегам Оби и по соседним рекам расположено повсюду много крепостей, правители (domini) которых, как говорят, все подчинены государю московскому. Рассказывают, а выражаясь вернее, баснословят, будто идол Золотой Старухи — это статуя в виде старухи, держащей на коленях (in gremio) сына, и там уже снова виден ещё ребёнок, про которого говорят, что это её внук. Более того, будто бы она поставила там некие инструменты, издающие постоянный звук вроде труб. Если это и так, то я полагаю, что это происходит от сильно и постоянно дующего на эти инструменты ветра» [Герберштейн, 1988, с. 160].

После книги Герберштейна Европа начала интересоваться данным краем. Новые путевые записки — работы А. Гваньини (Alessandro Guagnini) и Дж. Флетчер (Giles Fletcher) — не содержали новой информации о Золотой Бабе, потому что авторы взяли свои данные у Герберштейна. Описание идола Герберштейном не кажется особенно вероятным. Это понятно, ибо информация дипломата Габсбургов, услышанная в Москве, могла происходить от людей, самих не видевших идола. После записок Герберштейна Золотая Баба на картах, изготовленных в европейских странах, появлялась в форме скульптурной композиции в стиле барокко.

Вслед за появлением записок Герберштейна английские торговцы стали организовывать экспедиции с целью открытия Северного морского пути, так как полагали, что по реке Оби можно доехать до Китая. С точки зрения нашей темы, из этих описаний самым интересным является описание Сти-

¹ См. публикации А.В. Бауло и Н.В. Федоровой в журнале Археология, этнография и антропология Евразии (с дальнейшими ссылками) — <http://www.archaeology.nsc.ru/Lists/List9/AllItems.aspx>

вена Бэрроу (Stephen Borough/Burrough).

Стивен Бэрроу ещё в 1553-м году принял участие в первой экспедиции англичан. Он служил боцманом на корабле Ричарда Ченслора (или Ченслера — Richard Chancellor). Вместе с ним простым матросом служил его младший брат, семнадцатилетний Уильям. Новые возможности открытия торговых путей настолько волновали компанию (The Company of Merchant Adventurers), организованную для открытия новых торговых путей, что не только Ченслора отправили обратно в Россию, а в 1556-м году оборудовали и под руководством Стивена Бэрроу отправили в путь корабль им. Серчсрифта (Serchthrift). Маленький корабль, обойдя Кольский полуостров, доплыл до Новой Земли, причалил к острову Вайгач, потом доплыл до самого устья Оби.

Третьего августа 1555-го года корабль Стивена Бэрроу причалил к маленькому острову вблизи Вайгача. Некий русский капитан корабля, называемый Лошак, с которым англичане встретились ещё раньше, довел англичан до идолов самодийцев. Стивен Бэрроу очень подробно описал зрелище:

«Число их было более 300, самой плохой и неисконной работы, какую я когда-либо видел. У многих из них глаза и рты были вымазаны кровью; они имели грубо сделанный облик мужчин, женщин и детей; то, что было намечено из других частей тела, также было обрызгано кровью. Некоторые из их идолов были ничем иным, как старыми кольями с двумя, тремя нарезками, сделанными ножом. Я увидел много следов названных самоедов и следов саней, на которых они ездят. Тут же, у кучи идолов, лежала одна пара сломанных саней и оленья шкура, загаженная птицами. Перед некоторыми идолами были сделаны плахи высотой до рта идола; все они были в крови, и я подумал, что эти плахи служат жертвенниками» [Английские путешественники 1937, с. 108].

В доклад о пути Стивена Бэрроу включен рассказ боцмана Ричарда Джонсона (Richard Johnson) о шаманском обряде. Событие произошло пятого января 1556-го года. Текст немножко путаный, местами трудный для понимания. В конце концов, Джонсон не писатель, а моряк. Вот несколько фрагментов из длинного описания:

«Когда вышеупомянутые самоеды, живущие на берегах Печоры и находящиеся в подданстве у русского царя, желают перейти из одного места в другое, они совершают жертвоприношения следующим образом. Каждый род приносит жертву в своей собственной палатке; старейший по возрасту бывает у них жрецом. Прежде всего жрец начинает бить в предмет, похожий на большое решето и обтянутый с одной стороны кожей, подобно барабану. Палочка, которой он бьёт, — в ладонь длиной: один конец её кругл, как мяч, и покрыт оленьей кожей. У жреца на голове белый предмет, похожий на гирлянду, лицо же его покрыто куском кольчуги с множеством ленточек и зубов рыб и диких зверей, привешенных к ней. Потом он начинает петь, как мы здесь, в Англии, кричим на собак во время охоты; остальные отвечают ему криками «оутис, айга, айга, айга», а он снова отвечает им своими восклицаниями. Так они обмениваются теми же словами много раз. Наконец, он как бы впадает в беспамятство и падает наземь, как мёртвый, и лежит на спине в одной рубашке. Я едва замечал его дыханье. Я спросил у остальных, почему он так лежит, и мне ответили, что теперь наш бог говорит ему, что мы будем делать и куда мы пойдём» [Английские путешественники, 1937, с. 114].

До сих пор всё ясно — речь идёт о классическом шаманском обряде, в конце которого шаман впадает в транс и связывается с миром духов. Только обряд не кончается на этом. Этот шаман знал ещё кое-что:

[Когда он пришёл в себя] «...он приказал им убить пять больших оленей (olens or great deere) и снова всё продолжал петь, как и раньше. Затем он взял меч длиной в локоть с ладонью (я сам его смерил) и вонзил его себе в брюхо до половины или немного меньше, но раны не было видно (остальные же продолжали тихо петь). Тогда он положил меч на огонь и держал его, пока он не согрелся, и в таком виде вложил его в разрез своей рубашки и пронзил им своё тело, как я думал, от пупа до седалища. Так как последнее было обнажено, я приложил к нему палец; тогда он вынул меч и сел».

После того как шаман пронзил себя, произошли дальнейшие странности: вскипятили воды и скотили сиденье. Вот дальнейшие события: [Шаман] «...подошёл к сиденью, сел на

него по-портновски и стал петь или улюлюкать громким голосом. Тогда другие взяли тонкий шнур из оленьей кожи длиной в 2 сажени; небольшим узлом жрец прикрепил его к своей шее и пропустил его под левое плечо, отдав концы шнура двум людям, стоявшим по обе стороны от него. Концы шнура они держали вместе. Тогда котёл с горячей водой поставили перед жрецом на квадратное сиденье. Всё это время последнее оставалось непокрытыми; теперь жреца и сиденье покрыли одеждой из широкого холста без подкладки, какую носят русские. Тогда оба человека, которые держали концы шнура, начали их тянуть, пока не стянули их вместе. Тогда я услышал, что в котёл с водой, который стоял в палатке перед жрецом, что-то упало. Я спросил сидевшего рядом со мной, что же упало в воду, стоявшую перед жрецом. Они ответили, что упала его голова, левое плечо и рука, отрезанные шнуром, т. е., думаю я, узлом, который я после видел стянутым. Тогда я встал и хотел удостовериться, было ли это так или нет, но они удержали меня, сказав, что если увидеть жреца плотскими глазами, то умрёшь».

Очевидец-англичанин подозревал их в обмане, но у него не было времени думать, ибо на его глазах произошли новые чудеса:

«...я увидел нечто похожее на человеческий палец, в двух местах просунутый через одежду, покрывавшую жреца. Они ответили, что это не его палец, так как он всё ещё мёртв, но что-то, что я будто видел, было зверем, а каким, они не знали или не хотели мне сказать. [...] Вот что из их богослужения я видел в течение нескольких часов. Но как они чтут своих идолов, этого я не видел, потому что они забирают всё своё добро, прежде чем уйти с того места, где находятся идолы» [Английские путешественники, 1937, с. 115].

В первую очередь, мы должны решить, можно ли использовать описание шаманского обряда для реконструкции обычаев более древнего времени. Английские разведчики посетили «маленький остров вблизи Вайгача» на 1600 лет позже времени функционирования Усть-Полуйского святилища. Если мы предположим, что на основе данного описания возможно представить себе, что происходило на Усть-Полуе в ходе совершения жертвенных обрядов, то в описании английских путешественников мы долж-

ны обратить внимание на элементы, которые, по данным археологии, наблюдать невозможно.

Один из таких элементов — мазание идолов кровью. Второй — серия хитростей и обманов — театральная игра, в ходе которой «упала» голова шамана. О подобных явлениях имеются этнографические наблюдения, сделанные также намного позже усть-полуйского времени.

Однако в тексте есть нечто, что, может быть, имеет связь с археологическими наблюдениями. Боцман Стивена Бэрроу как участник обряда вдруг заметил, что через одежду, покрывающую жреца, в двух местах высовывается «нечто похожее на человеческий палец». Что это такое? «Они ответили, что это не его палец, [...] но что-то, что я будто видел, было зверём».

На археологических раскопках в Усть-Полуе, проведённых в 1993–1995 годах, были найдены скелет пушного зверя и отдельные челюсти пушных животных. Условия, в которых это было сделано, по мнению археологов, говорят о культовом использовании убитых пушных зверей или их частей. Может быть, боцман Джонсон видел именно это?

Позднейшие наблюдатели народов России в XVIII и XIX столетиях оставили нам описания о шаманских обрядах. Учёные-этнографы продолжают исследования и в наши дни. О шаманских обрядах, существовавших на разных территориях и в разных культурах, уже имеются аудио- и видеозаписи.

Суммируя сказанное, можно констатировать, что этнографические наблюдения и исторические источники могут помочь в понимании тех действий, которые происходили на древнем святилище Усть-Полуй.

ЛИТЕРАТУРА

1. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. – Перевод с английского Ю.В. Готье. – Л.: Соцэкгиз, 1937. – 314 с.
2. Bolton J.D.P. *Aristeas of Proconnesus* – Oxford: Oxford Univ Press, 1962. – 272 с.
3. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. *От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история* – М.: Мысль, 2-е изд. 1983. – 208 с.
4. Герберштейн С. *Записки о Московии*. – М. 1988. – 430 с. – <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Gerberstein/frameset6.htm>
5. Геродот *История в девяти книгах* – Л.: Изд-во «Наука», Перевод и примечания Г.А. Стратановского, под общей редакцией С.Л. Утченко, 1972. – 604 с. — <http://ancientrome.ru/antlitrt.htm?a=1287899831#023>
6. Grousset, R. *The Empire of the Steppes. A History of the Central Asia* – New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1970. – 718 с.
7. Жебелёв С.А. *Северное Причерноморье* – М-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1953. – 388 с.
8. Никоновская летопись *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью* – ПСРЛ Т. XI. – М.: Языки русской культуры, 2000. 254 с.
9. ПВЛ *Повесть временных лет* // Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН – <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4869>
10. Phillips E.D. *The Legend of Aristeas: Fact and Fancy in Early Greek Notions of East Russia, Siberia, and Inner Asia* // *Artibus Asiae*. – 1955. Vol. XVIII. – № 2. – С. 161–177.
11. *Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу: 1131-1153* – Перевод: Болашак, О.Г., комм. Монгайт, А. Л. – М.: Изд-во «Наука», 1971. – 134 с. – <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frameset1.htm>
12. Пьянков И.В. *Аристей: путешествие к исседонам // Исседон: альманах по древней истории и культуре*. 3. (2005) – С. 15–35.
13. *Сайт Культуры Ямала Городище (жертвенное место) Усть-Полуй // Сайт Культуры Ямала* - <http://www.cultura-yamala.ru/obektinaslediya/informobjects/detail.php?ID=1105>
14. Сальников К.В. *Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время // Советская Этнография*. – 1966. – № 5. – С. 118–124.
15. *Святитель Стефан Пермский* – Редактор издания Г.М. Прохоров. – Санкт-Петербург: Глаголь, 1995. – 279 с.
16. Стурлусон С. *Круг Земной*. – Издание подготовили: А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. – М.: Изд-во «Наука», 1980. – 687 с. – <http://norse.ulver.com/heimskringla/h7.html>
17. Тацит К. *Сочинения в двух томах Т.1. Анналы. Малые произведения*. – Перевод А. С. Бобовича. – Л.: Наука, 1969. – 444 с. – <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/tacit.htm>
18. Томсон Дж. О. *История древней географии* – М.: Изд-во Ил, 1953. – 591 с.
19. Harmatta J. *A magyarok nevei a görög nyelvű forrásokban // Honfoglalás és nyelvészet. A honfoglalásról sok szemmel*, III. Szerk. Kovács László, Veszprémy László. – Budapest: Balassi Kiadó, 1997. – С. 119–140.
20. Herrmann A. *Issedoi // Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft (PWRE)* – IX. (1916) – С. 2235–2246.
21. Эйхвальд Э. *О древнейших обиталищах племен славянских, финских, турецких и монгольских в Южной России, по Геродоту // Библиотека для чтения* – СПб. 1838. Т. XXVII. Отд. 3. – С. 53–93.

III. ДРЕВНЕЕ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСКУССТВО СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

В.В. Питулько
г. Санкт-Петербург

ДРЕВНЕЙШЕЕ ИСКУССТВО АРКТИКИ (ОБЪЁМНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЯНСКОЙ СТОЯНКИ: ЗООМОРФНАЯ СКУЛЬПТУРА И БИВНИ С ГРАВИРОВКОЙ)

На протяжении длительного времени представления об искусстве палеолита Сибири в значительной степени были связаны с мальтинско-буретским комплексом. В последнее десятилетие количество памятников, в материалах которых представлены предметы не утилитарного назначения, несколько возросло. Важно отметить при этом, что новые объекты, в основном, характеризуют ранний этап верхнего палеолита. На Алтае это Кара-Бом, уровень 5, слой 11 Денисовой Пещеры [Деревянко, Рыбин, 2003], на юге Сибири и в Забайкалье — стоянки Хотык, Каменка, Подзвонкая и др. [Лбова 2000; Деревянко, Рыбин, 2003; Ташак, 2009].

На северо-востоке России свидетельства символической деятельности до начала работ на Янской стоянке [Pitulko et al., 2004] были единичны. Они происходят из предголоценовых горизонтов стоянки Ушки I, слой 6 и 7 на Камчатке [Диков, 1979], комплексов стоянок Уптар и Хета в Верхнем Приколывье [Слободин, 1999] и из Берелехского геонархеологического комплекса в бассейне Нижней Индигирки [Питулько, 2011]. Предположительно, отсюда же происходит гравированное изображение мамонта [Abramova, 1995]. Благодаря исследованиям Янской стоянки [Pitulko et al., 2012] впервые для арктической зоны Евразии получены серийные находки предметов с не утилитарными функциями (бусы, подвески, украшения, скульптура и другие изделия).

Группа объектов, вошедших в научный оборот как Янская стоянка, находится на левом берегу р. Яна приблизительно в 100 км по прямой от ее устья и в 30 км выше села Казачье, на ее левом берегу, под 71° с.ш. Здесь выявлено в общей сложности шесть участков, в преде-

лах которых распространен археологический материал, при этом три из них имеют культурные слои различной степени сохранности [Питулько, Павлова, 2010]. Наиболее изучены культурные отложения на участке Северном (основной раскоп). Уровень поверхности обитания в перерывах между стоянками имеет незначительные вариации по высоте положения в разрезе и охарактеризован фаунистическими остатками и единичными осколками камня. Частью пространственной структуры памятника является костеносная линза (янское «кладбище мамонтов», или УММ), вскрытая местными жителями в ходе добычи бивней. Данный объект содержал кости практически исключительно мамонтов, с незначительным количеством артефактов [Basilyan et al., 2011].

Общий облик материала стоянки из раскопок и сборов и 14С определения возраста для слоёв, изученных в раскопах и расчистках, дают основания думать, что выявленные участки представляют собой отдельные стоянки, отмечающие близкие по времени эпизоды заселения, суммарная длительность которых укладывается в пределах стандартной ошибки 14С метода определения возраста. Каждая из них, скорее всего, возникла в результате нескольких циклов обитания, однако ни стратиграфически, ни на основании статистики 14С дат они в данный момент не расчленимы.

Возраст культурного слоя определяется в интервале 28500–27000 л. н. серийными 14С датами, полученными по фаунистическим остаткам, очажным массам, растительным макроостаткам, органической составляющей вмещающих отложений и прямым датированием органических артефактов. Все вместе

они служат надежным обоснованием хронологической позиции этого древнейшего в пределах Северо-Восточной Азии материала [Pitulko et al., 2004; Питулько, Павлова, 2010].

Среди изделий из органических материалов, полученных при раскопках Янской стоянки, имеются серии предметов, которые мы называем объёмными (рис. 1-3), с тем, чтобы подчеркнуть разницу между ними и другими предметами, имеющими, в основном, неутилитарные функции (украшения), а также и декорированными вполне утилитарными предметами. Эти серии немногочисленны (кроме зооморфной скульптуры), однако важно, что такие предметы обнаружены как в культурном слое на участке Северном, так и в костеносной линзе УММ (рис. 1, 3).

Значительной серией (29 экз.) представлены объёмные предметы, изготовленные из основания сброшенных рогов северного оленя (рис. 1: 1, 2, 4-8), ещё один предмет (рис. 1:4) изготовлен из бивня мамонта. Их размер, разумеется, зависит от исходного материала, но в целом, диаметр основания находится в пределах 30-40 мм, а диаметр изделия из бивня — наибольший в серии (50,25 мм). Отношение высоты предметов к максимальному размеру оказалось весьма интересным (рис. 2). Это бимодальное распределение с модами 0,5 и 0,8, что в явной форме указывает на стандартизацию изделий, скорее всего, не связанную с размером исходного материала.

Порядок изготовления этих предметов очевиден. Сначала основание рога аккуратно отделялось от его штанги (в большинстве случаев линия отреза находилась ниже надглазничного отростка). Образовавшаяся по линии отреза поверхность тщательно скруглялась строганием. Поскольку в естественном состоянии основания сброшенных рогов оленя слабовыпуклые, основания фигурок уплощались абразивной обработкой для устойчивости при установке (?) на горизонтальную поверхность. Фактура поверхности основания рога, образованная наплывами коркового вещества, вызывает ассоциации со свисающей шерстью. Возможно, это обстоятельство играло определенную роль при выборе материала.

Судя по характеру обработки, эти предметы находятся в различной стадии завершенности. Кроме того, поверхность большинства

из них растворена в результате воздействия почвенных процессов, а также циклов промерзания/оттаивания в период пребывания культурного слоя вблизи фронта промерзания до его перехода в многолетнемерзлое состояние. Тем не менее, поверхность, по крайней мере, некоторых из этих изделий была тщательно обработана. Характер материала, из которого они изготовлены, обычно не предполагает хорошей сохранности поверхности. Можно, однако, отметить, что в крайне редких случаях сохраняются островки заполированной поверхности, на которой различимы очень тонкие дополнительные декоративные штрихи. Это, несомненно, свидетельствует о намеренности полировки и последующей отделке.

Один из таких предметов, видимо, наиболее завершенный, имеет дополнительно сформированное ребро, украшенное поперечными насечками (рис. 1: 2). Поверхность его (там, где она сохранилась) несет следы тщательной заполировки и покрыта мелкими дополнительными штрихами. С нашей точки зрения, представляется возможным интерпретировать его в качестве полиэikonического изображения мамонта (соответственно, «лицо» и силуэт при взгляде в фас и в профиль). Большинство изделий имеет асимметричные, «горбатые» очертания (рис. 1:1-7), в отдельных случаях отчетливо обозначена голова (рис. 1:1, 5). Скорее всего, их можно рассматривать в качестве изображений мамонта. В то же время отдельные изделия, например, скульптурка на рис. 1:8, могут быть интерпретированы как изображение голов животных.

Видимо, вся эта серия представляет собой сильно схематизированные зооморфные изображения наподобие хорошо известных изделий из мергеля, найденных в Костенках [Абрамова, 2003-2004; Abramova, 1995], которые обладают различной степенью детальности. Очевидно, в ряде случаев весьма обобщенное изображение мамонта или бизона было достаточным. Такие изделия широко представлены в Костенках 1, 4 и 11 [Абрамова, 1962], а в Западной Европе известны в гроте Истюрц [Абрамова, 2005]. Большая серия глиняных скульптурок, но гораздо более выразительных, известна в Моравии. Упомянутые костенковские статуэтки на несколько тысяч лет моложе янских, но находка

Рис. 1. Объёмные зооморфные изображения из Янской стоянки (1-8) и стоянок европейской части Евразии (9-22);

- 1 — 44743 (кв. 4А37), Янская стоянка, 2008 г.; 2 — 9406 (кв. Е18), Янская стоянка, 2005 г.;
  - 3 — пункт Южный, УММ, Янская стоянка, 2008 г.; 4 — 56847 (кв. 2G33), Янская стоянка, 2010 г.;
  - 5 — 47022 (4М34), Янская стоянка, 2009 г.; 6 — 14298 (кв. Е23), Янская стоянка, 2006 г.;
  - 7 — 14268 (кв. 2Т21), Янская стоянка, 2006 г.; 8 — 65731 (кв. 2J37), Янская стоянка, 2010 г.;
  - 9-19 — фигурки животных, Аносовка II/Костёнки II (по Абрамова, 1962);
  - 20 — поделка, Аносовка II/Костёнки II (по Абрамова, 1962);
  - 21 — фигурка мамонта, Пржедмостье (по Абрамова, 2005 г.).
- Материал: 1, 2, 3-8 — рог северного оленя; 3, 22 — бивень мамонта; 9-21 — мергель.

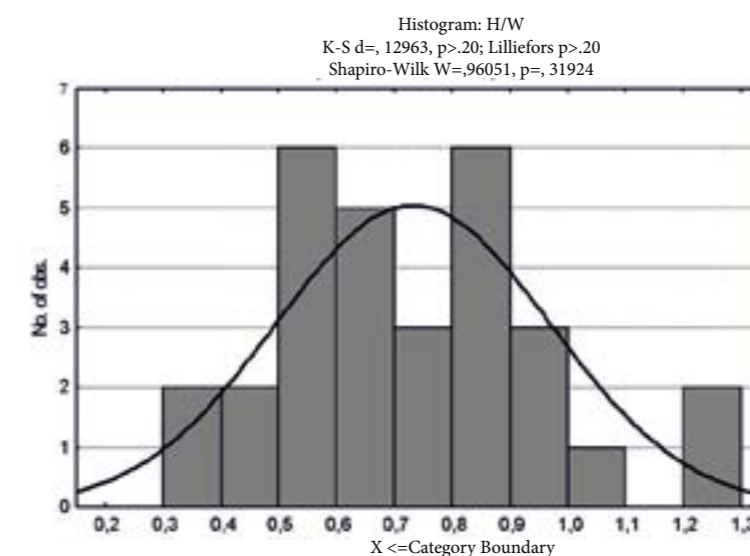

Рис. 2. Распределение отношений «высота/ширина» для зооморфных скульптурок из Янской стоянки

из Истюриц относится к слою типичного ориньяка. Известны подобные предметы и в других европейских комплексах, близких по времени к Янской стоянке или чуть более молодых — в моравских памятниках, где они представлены изделиями из глины и бивня мамонта с различной степенью обобщённости [Абрамова, 1962, 2005], а также в Авдеево (рис. 1: 9-22). Степень детализации этих изображений различна.

Невозможно сказать, какова была функция этих предметов, однако можно предположить, что такие обобщенные фигурки могли быть частью какой-то логической игры или детской игрушкой. Так, например, в этнографии кетов, манси, хантов, а также саамов, описаны комплекты «фигур», употреблявшихся в каких-то логических играх, правила которых ныне неизвестны [Иванов, 1970].

Многие из них являются весьма обобщёнными. Это, как правило, небольшие изделия. Наиболее близкой к янским находкам в стилистическом отношении является группа скульптурок из Костенок 11. Они имеют плоское основание, а их размерность часто весьма близка к янским скульптуркам и составляет, по максимальному линейному размеру, примерно три сантиметра. Примечательно, что подобные изделия могут быть как единичными (в большинстве памятников, где такие находки известны), так и серийными, как в Янской стоянке и в Костенках 11, при этом серийные находки отличаются большей степенью обобщения образа.

Бивни с гравированными изображениями найдены в нескольких экземплярах (рис. 3, 1-6). Это кончики бивней молодых мамонтов, аккуратно отделенные от целого бивня и тщательно заполированные, диаметром 40-50 мм, длина как целых, так и фрагментированных изделий вариабельна. Поверхность каждого из них разделена на две симметричные плоскости рядами коротких поперечных штрихов. Сохранность поверхностей, как правило, неравноценна: верхняя по положению в культурном слое плоскость сильно повреждена химическим выветриванием (почвенными процессами и циклами промерзания/оттаивания в момент пребывания предмета на границе сезонно-талого слоя). Рисунки, если они и были нанесены на такие поверхности, утрачены, за исключением единичных, глубоко проникающих в тело бив-

ня бессистемных бороздок и точек. Плоскости, сохранившие рисунки, в художественном отношении неравноценны. Весьма интересно, что бивни с рисунками подвергались последующему использованию в качестве отдельного сырья, об этом свидетельствуют отщепы с фрагментами каких-то гравированных изображений.

Имеется всего один бивень с сохранившейся (по крайней мере, на одной поверхности) гравировкой. На нём представлена линейно организованная композиция, состоящая из двух рядов изображений (рис. 3: 4). Гравировка выполнена очень твердым инструментом с узким лезвием, возможно, простым отщепом горного хрусталя, который применялся обитателями Янской стоянки для изготовления микроорудий для обработки бивня. В нижнем ряду, в порядке слева направо, изображены: группа вертикальных линий, поверх которых нанесена тщательная штриховка, образующая прямоугольник и как бы отменяющая их, следом изображены две стоящие рядом крупные антропоморфные фигуры, и, наконец, прочерчены наклонные линии, объединенные в группы по 3, 2 и 1 линии (рис. 3: 4). Верхний ряд изображений представлен еще более обобщенными антропоморфными символами намного меньшего размера. Они расположены полукругом, в центре которого неясными косыми штрихами изображено нечто, лежащее на земле (рис. 3 - 4). Стоящие вокруг этого объекта фигуры (по крайней мере, часть из них) можно определить как мужчин-охотников, либо просто мужчин.

Вероятно, данная композиция была бы понятнее, если бы удалось прочесть утраченную вторую часть, находившуюся на обратной стороне бивня. Отдельные островки поверхности, сохранившиеся на ней, содержат разрозненные штрихи, указывающие на наличие в прошлом второй части рисунка.

Трактовать композицию, нанесенную на лицевую сторону, можно различными способами, однако в любом случае она имеет определенный сюжет и, скорее всего, является мнемонической записью или пиктограммой, облегчающей рассказ о каком-то реальном бытовом, мифическом или космогоническом событии. В последнем варианте сюжет вполне укладывается в рамки рассказа о том, что когда-то, давным-давно, когда еще ничего не было, жили два брата-близ-

Рис. 3. Обломки бивней с нарезками, рисунком и орнаментом из Янской стоянки (1-6) и стоянок европейской части Евразии (7-11):

- 1 — 58033 (кв. 2М52), Янская стоянка, 2010 г.; 2 — 65413 (кв. 2U49), Янская стоянка, 2010 г.;
3 — 62823 (кв. Y52), Янская стоянка, 2010 г.; 4 — 12965 (кв. K22), Янская стоянка, 2005 г.;
5 — пункт Южный, УММ, Янская стоянка, 2009 г.; 6 — 14171 (кв. G22), Янская сторона, 2006 г.;
7-8 — бивни с орнаментом, Тимоновка (по Абрамова, 1962);
9 — обломок бивня с орнаментом, Горцы (по Абрамова, 1962);
10 — бивень с нарезками, Авдеево (по Абрамова, 1962);
11 — бивень с орнаментом, Клинец (по Абрамова, 1962)

неца (или просто два брата, или брат и сестра), которые затем тем или иным путем создали мир и людей. Иначе говоря, ее можно рассматривать как вариант мифа о Божественных Близнецах. Близнецный миф является одним из наиболее распространенных в мире и, следовательно, наиболее древним. Возможно, данная композиция указывает на его глубокую древность.

Вне зависимости от взглядов на содержание композиции, относительно нее можно сделать несколько важных замечаний. Во-первых, люди, создававшие ее, обладали развитой способностью к абстрактно-символическому мышлению, что подтверждает и развитый комплекс украшений и орнаментов, найденных на Янской стоянке [Питулько и др., 2012а; Питулько и др., 2012б]. Во-вторых, рисунок в техническом отношении весьма совершенен. В нем передана зрительная перспектива (крупные изображения на переднем плане и мелкие — на заднем, а также расстановка схематических антропоморфных фигур в верхней части композиции). Концепция визуальной перспективы появляется в европейском палеолите лишь после 20000 л. н. [Clottes, 2000]. В-третьих, эти люди обладали потребностью создавать подобные формы серийно, что предполагает наличие у них какой-то простейшей системы хранения и передачи информации.

Среди орнаментированных фрагментов бивня и — в отдельных случаях — крупных костей мамонта, найденных на стоянках Евразии [Marshak 1972; Abramova 1995], сюжетных изображений, за исключением Янской находки, нет. Подавляющее большинство гравировок, кроме того, существенно моложе и имеет возраст менее 20000 л.н. Даже бивни с рисунком, найденные в Павлове [Klima, 1988] и в Пржедмости [Svoboda et al., 1996], несколько моложе янских. Эти гравировки часто интерпретируют в качестве карт [Klima, 1988; Abramova 1995; Svoboda et al., 1996], хотя указывают и на их ритуальную функцию. Все они различны, но в то же время необходимо отметить, что все изделия этого рода имеют более или менее сходные размеры (в пределах 15-25 см), и их удобно держать в руке. В этом смысле весьма интересно вспомнить так называемую «Венеру с рогом» из Лоссель [Abramova, 2005, рис. 11], которую А.К. Филиппов помещал в общий контекст

женских статуэток [Филиппов, 2004, с. 101, рис. 33]. Вполне можно думать, что это «Венера с бивнем», тем более что на предмете в её руке отчётливо видны короткие поперечные нарезки, положение которых на предмете и его пропорции отвечает таковым янского и других упомянутых предметов этого рода.

Общей чертой таких изделий является деление поверхности на две равные части путем нанесения коротких поперечных штрихов. Сложность орнамента или рисунка может быть различной, но чаще всего это изделия со сложной абстрактной орнаментацией или стилизованными изображениями [Marshak, 1972]. Подобные предметы широко представлены в памятниках Русской равнины — в стоянках Елисеевичи, Юдиново, Кирилловская, Клинец, [Абрамова, 1962], Оболонья [Stupak, 2011] и др.

От них резко отличается бивень с зарубками, найденный при исследованиях в Мамонтовой Курье [Pavlov et al., 2001; Svendsen, Pavlov, 2003 и др.]. Прежде всего, он принадлежит к иному размерному классу. Это примерно полуметровый кусок бивня с глубокими (1-2 мм) зарубками на одной из сторон, которые трудно воспринимать как отражение некоего творческого акта, что признают и сами исследователи [Svendsen, Pavlov, 2003: 119]. В лучшем случае это свидетельство каких-то технологических операций, возможно, не связанных с обработкой бивня, или, например, счётных действий. Время их появления на бивне также не вполне понятно. Учитывая довольно сложную геологию Мамонтовой Курьи, возраст которой очевидным образом переоценен [Питулько и др., 2011], дальнейшее обсуждение этой находки в данном контексте будет, видимо, излишним.

О назначении бивней с гравированными рисунками можно только гадать, однако янская находка (рис. 3: 4), несомненно, содержит мнемоническую запись какого-то реального или мифологического события. Содержание этого сюжета можно рассматривать как вариант (?) мифа о Божественных Близнецах [Ward, 1968], одного из древнейших мифологических сюжетов, известных человечеству. Этот предмет также может быть связан с шаманским культом, который, возможно, существовал у обитателей Янской стоянки [Питулько и др., 2012б]. Время возникновения шаманских куль-

тов неизвестно, однако часть ориньякских фигуративных изображений из памятников юго-западной Германии (Фогельхерд, Гайзенкlostерле, Холенштааль-Штадель) заведомо более солидного возраста, чем янские, рассматриваются в этом ключе [Dowson, Porr, 2001]. Возможность существования шаманских культов не отрицается и для среднего палеолита [Mussi et al., 2000]. Высокий уровень развития символической деятельности, очевидный для Янской стоянки, делает допустимым подобное предположение и для этого памятника.

Находки из Янской стоянки обнаруживают широкие аналогии в материалах памятников, которые удалены от неё как территориально, так и хронологически. Они, однако, лишь дополняют иные параллели, которые находят проявления символической деятельности палеолита Сибири и Алтая в европейских памятниках — например, пронизки с кольцевыми нарезками [Синицын, 2005], широко известные женские статуэтки и некоторые другие предметы и орнаменты [Питулько и др., 2012б; Pitulko et al., 2012]. Представляется, что в совокупности они указывают на наличие в прошлом единого североевразийского культурного субстрата, исходного для культуры палеолита различных регионов севера континента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. – Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962. – 84 с.
2. Абрамова З.А. Каталог изображений мамонта в европейском палеолитическом искусстве малых форм // *Stratum plus*. – 2003-2004 – №1. – С. 23 – 67.
3. Абрамова З.А. Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. – Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2005. – 352 с.
4. Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2003. – №3. – С. 27 – 50.

5. Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). – Москва: Наука, 1979. – 352 с.
6. Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири. – Ленинград: Наука, 1970. 296 с.
7. Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. – 238 с.
8. Питулько В.В. Археологическая составляющая Берелёхского комплекса // *Записки ИИМК РАН*. 2011. – №6. – С. 85 – 103.
9. Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. – Санкт-Петербург: Наука, 2010. – 264 с.
10. Питулько В.В., Никольский П.А., Басилян А.Э., Павлова Е.Ю. Датирование массовых скоплений остатков мамонтов в арктической Евразии / Корсакова О.П., Колька В.В. (ред.). *Материалы VII-го Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода: «Квартер во всем его многообразии. Фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований»*. 12-17 сентября 2011 г. г. Апатиты. – Апатиты.: Геологический институт Кольского научного центра РАН. 2011. – Т. 2. – С. 146 – 149.
11. Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В. Символическая деятельность верхнепалеолитического населения Арктической Сибири (бусы и подвески Янской стоянки) / Деревянко А.П., Куделин А.Б., Тишков В.А. (ред.). *Историко-культурное наследие и духовные ценности России*. – Москва: РОС-СПЭН, 2012а. – С. 38 – 46.
12. Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В. Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики // *Российский археологический ежегодник*. – 2012б. – №2. – С. 33 – 102.

13. Сеницын А.А. *Стилистический аспект анализа. Кремневый инвентарь, орнаменты, нательные украшения/ Дервянко А.П., Шуньков М.В. (ред.). Актуальные вопросы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: ИААЭТ СО РАН, 2005. – С. 172–178.*
14. Слободин С.Б. *Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. – Магадан: СВКНИИ СВНЦ ДВО РАН, 1999. – 235 с.*
15. Ташак В.И. *Символизм в начале верхнего палеолита Западного Забайкалья // Записки ИИМК РАН. – 2009. – №4. – С. 50–62.*
16. Филиппов А.К. *Хаос и гармония в искусстве палеолита. – Санкт-Петербург: ЛООО «Сохранение природы и культурного наследия», 2004. – 223 с.*
17. Abramova Z.A. *L'art Paléolithique d'Europe Orientale et de Sibérie. Grenoble: Gêrôme Millon Editions, 1995. – 368 p.*
18. Basilyan A.E., Anisimov M.A., Nikolsky P.A., Pitulko V.V. *Woolly mammoth mass accumulation next to the Paleolithic Yana RHS site, Arctic Siberia: its geology, age, and relation to past human activity // Journal of Archaeological Science. – 2011. – V. 38. – P. 2461-2474.*
19. Clottes J. *Art between 30 000 and 20 000 bp / Roebrocks W., Mussi M., Svoboda J., Fennema K. (eds.). Hunters of the Golden Age. – Leiden: University of Leiden, 2000. – P. 87–103.*
20. Dowson T., Porr M. *Special objects – special creatures: shamanistic imagery and Aurignacian art of south-west Germany / Price N. (ed.). The Archaeology of Shamanism. – London, New York: Routledge, 2001. – P. 165–177.*
21. Klima B. *Nejstrší moravská mapa/ V. Frolec (ed.). Rodná země. Brno: Muzejní a vlastivědná spol., 1988. – P. 110–121.*
22. Marshak A. *The Roots of Civilization. – New York: McGraw-Hill Book Company, 1972. – 413 p.*
23. Mussi M., Cinq-Mars J., Bolduc P. *Echoes from the mammoth steppe: the case of the Balzi Rossi / Roebrocks W., Mussi M., Svoboda J., Fennema K. (eds.). Hunters of the Golden Age. – Leiden: University of Leiden, 2000. – P. 105–123.*
24. Pavlov P., Svendsen J.I., Indrelid S. *Human presence in the European Arctic nearly 40,000 years ago // Nature. – 2001. – V. 413. P. 64–67.*
25. Pitulko V.V., Nikolsky P.A., Giryа E.Y., Basilyan A.E., Tumskey V.E., Kulakov S.A., Astakhov S.N., Pavlova E.Y., Anisimov M.A. *Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation // Science. – 2004. – V. 303. – P. 52–56.*
26. Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Nikolskiy P.A., Ivanova V.V. *The Oldest Art of Eurasian Arctic // Antiquity. – 2012. – V. 86. – No. 333. – P. 642-659.*
27. Stupak D.V. *Study of epi-Gravettian sites of the South of the Desna River Middle Region // Archaeology. – 2011. – No. 1. – P. 51–68.*
28. Svendsen J.I., Pavlov P. *Mamontovaya Kurya: an enigmatic, nearly 40 000 years old Paleolithic site in the Russian Arctic / Zilhão J., d'Errico F. (eds.). The Chronology of the Aurignacian and of the Transtional Technocomplexes. – Lisboa: UISPP, 2003. – P. 109–120.*
29. Svoboda J., Ložek V., Vlček E. 1996. *Hunters between East and West. The Paleolithic of Moravia. New York and London: Plenum Press, 1996. – 307 p.*
30. Ward D. *The Divine Twins. University of California Press: Berkeley and Los Angeles, 1968. – 288 p.*

О.С. Тупахина
г. Салехард

ГЛИНЯНАЯ ПЛАСТИКА ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНЫЙ САМОТНЁЛ-1 (ЭПОХА ЭНЕОЛИТА)

Поселение Горный Самогнёл-1 обнаружено в 2009 году в правобережье реки Обь в ее нижнем течении (Приуральский район ЯНАО). В 2010 году на памятнике начаты стационарные работы, которые продолжаются в настоящее время. Раскопками исследован небольшой участок, примыкающий к береговому обрыву, общей площадью 214 кв. м. Мощность культурного слоя поселения до 2 м. Количество полученных артефактов превышает 20 тысяч. Поселение датировано 3050-2900 гг. до н.э.

В результате работ было обнаружено несколько объектов.

Объект № 1 выявлен при зачистке берегового обрыва, первоначально определен как часть разрушенного жилища. Представляет собой котлован глубиной 1 м, шириной 2 м, перекрытый частично обгоревшей конструкцией из деревянных плах, травы и бересты. Дно котлована выстлано циновкой толщиной 5 см, сплетенной из длинных травинки осоки и веток.

Объект № 2 — хозяйственная постройка № 1, размеры 2,0 x 2,5 м, глубина котлована около 90 см. Дно постройки выстлано полотном, сшитым из крупных листов бересты. В центре и на одном из углов строения обнаружены частично сохранившиеся опорные столбы высотой чуть более метра, диаметром 7,5 см, уходящие заостренной частью в материк на 40 см.

Объект № 3 — хозяйственная постройка № 2 (яма), стенки которой были укреплены деревянными плахами. Имеет расплывчатые овальные очертания, глубина — около 90 см, дно частично выстлано сшитыми листьями бересты. Яма соединена короткими узкими переходами с объектами № 2 и № 4.

Объект № 4 — деревянный настил или навес. Имеет прямоугольные очертания контура, состоит из наложенных друг на друга

деревянных плах разной ширины. Сверху конструкция частично была покрыта слоем травы и бересты. Под конструкцией не было котлована, только небольшой промыв.

Объект № 5. Представляет собой ров с неровными извилистыми контурами, средней глубиной около 80 см, протянувшийся через поселение по направлению северо-западно-юго-восток-юг.

Коллекция полученных артефактов состоит из большого количества различных каменных орудий и керамики. Керамический комплекс представлен полностью орнаментированными сосудами баночных, чашевидных, ладьевидных форм. В декоре посуды прослеживается сложный симбиоз различных техник нанесения и стилей. Ведущее место занимает стиль геометризма. Нередко на венчиках и стенках сосудов встречаются разнообразные скульптурные украшения. Всего к настоящему времени на памятнике обнаружена 61 археологически целая скульптура, поддающаяся определению и описанию, и множество фрагментов, в том числе две головы водоплавающих птиц и несколько обломков фигур неопределенного вида.

Скульптурные изображения на керамике — довольно распространенное явление как во времени, так и в пространственном отношении. Только по опубликованным источникам, на территории Урала и Западной Сибири известна информация не менее чем о 95 сосудах с налпами, происходящих с 28 археологических памятников. Кроме того, зооморфные, антропоморфные и орнитоморфные изображения отмечены на обширной территории Восточной Сибири, Украины, Кавказа, Средней Азии, лесной зоны Европейской части России, прежде всего — Волго-Окского междуречья и северных областей этого региона, Прибалтики, Финляндии,

Карелии. Во временном отношении глиняные налепы фиксируются с периода раннего неолита до эпохи железа. В зависимости от территории и времени бытования глиняная скульптура имеет свои специфические особенности.

В древней скульптуре охотников-рыболовов поселения Горный Самотнёл-1 нашли свое воплощение три главные темы: зверь, птица и человек. Особенно выделяется количеством и разнообразием зооморфная скульптура. Фигурки чаще всего оформлены в виде вертикально поставленных ручек-петелек, изображающих, вероятно, выгнутые спинки мелких пушных зверьков (рис. 1. — 1-3, 5-7). Голова зверька налепная, ориентирована вверх, реже — вниз. В некоторых случаях голова трансформирована из кромки путем отгиба и вытягивания изнутри, а ребро сосуда оформлено как часть тела животного (рис. 1. — 4, 8). Кроме этого, найдено два скульптурных изображения головы медведя (рис. 2. — 1, 2). Первая фигурка представляет собой налеп в виде головы и шеи хищника с ярко выраженными глазами и ноздрями, выполненными наколом остроконечной палочки. Переход ото лба к носу дополнительно обозначен горизонтальной продавленной линией. Пасть отмечена глубоким надрезом. Хорошо выражены немного прижатые уши. Скульптура возвышается над кромкой венчика на 1,5 см и является частью ладьевидного сосуда. Голова медведя ориентирована лицевой частью наружу. Вторая скульптура — представляет собой голову зверя без шеи, прикрепленную к кромке венчика сосуда лицевой частью наружу. В целом соответствует описанию первой фигурки, однако выглядит более реалистичной. Глаза скульптуры инкрустированы черным камнем.

Антропоморфная скульптура представлена одной полной фигурой человека на фрагменте ладьевидного сосуда и тремя личинами. На сохранившейся носовой части ладьевидного сосуда скульптура представляет собой фигуру человека с раскинутыми в стороны руками и ногами, изогнувшегося по профилю ёмкости и заглядывающего внутрь сосуда (рис. 3, 4). Голова фигурки гладкая, слегка вытянутая по вертикальной оси. Глаза обозначены углублениями, массивный нос — налепом. Личины представляют собой налепы на венчиках сосудов в виде лица человека

(рис. 3 — 1-3). Лицо округлое, немного вытянуто и приострено к подбородку. Глаза и рот отмечены глубокими наколами или вдавлениями, нос сформирован перемещением и вытягиванием глиняной массы из основной заготовки. Два изображения повернуты лицом к внешней поверхности сосуда, одно — ко внутренней.

В прошедшем полевом сезоне коллекцию пополнила еще одна необычная налепная фигура, принадлежность которой сложно определить: изображение имеет признаки и антропоморфа, и орнитоморфа (рис. 3 — 5).

Некоторые сходства антропоморфной скульптуры поселения Горный Самотнёл-1 можно обнаружить с изображениями памятников каргопольской (Архангельская область) и волосовской культур (Нижегородская, Владимирская области). Для них характерны сильная изогнутость туловища, наличие спинного гребня, сделанного защипами, утрированно большой нос и орнаментация поверхности скульптуры гребенчатого штампа. Однако изгиб туловища фигурки с Самотнёла объясняется изгибом ладьевидного сосуда, а поверхность скульптуры орнаментирована оттисками уголкового штампа с острым рабочим краем. Следует также отметить, что все сосуды с фигурными налепами, обнаруженные на поселении, не содержат в орнаментальной композиции гребенчатый штамп, в то время как на большинстве известных памятников эту группу глиняной пластики связывают с культурой типичной гребенчатой керамики. Орнитоморфная скульптура представлена на поселении изображениями водоплавающих птиц и фигуркой совы. Изображения водоплавающих птиц представляют собой часть венчиков ладьевидных сосудов (рис. 4 — 1). Изображения лишены деталей и лишь силуэтом передают образ, имеющий, тем не менее, очень устойчивую иконографию. Налеп, определенный как фигурка полярной совы, оформлен в виде вертикально закрепленной декоративной ручки-петельки, увенчанной «ушастой» головкой (рис. 4, 2). Голова птицы ориентирована лицевой частью наружу и немного возвышается над кромкой венчика сосуда. Мастер максимально точно передал видовые особенности изображаемой птицы: небольшими срезами снизу обозначены очертания крючковатого клюва; глаза

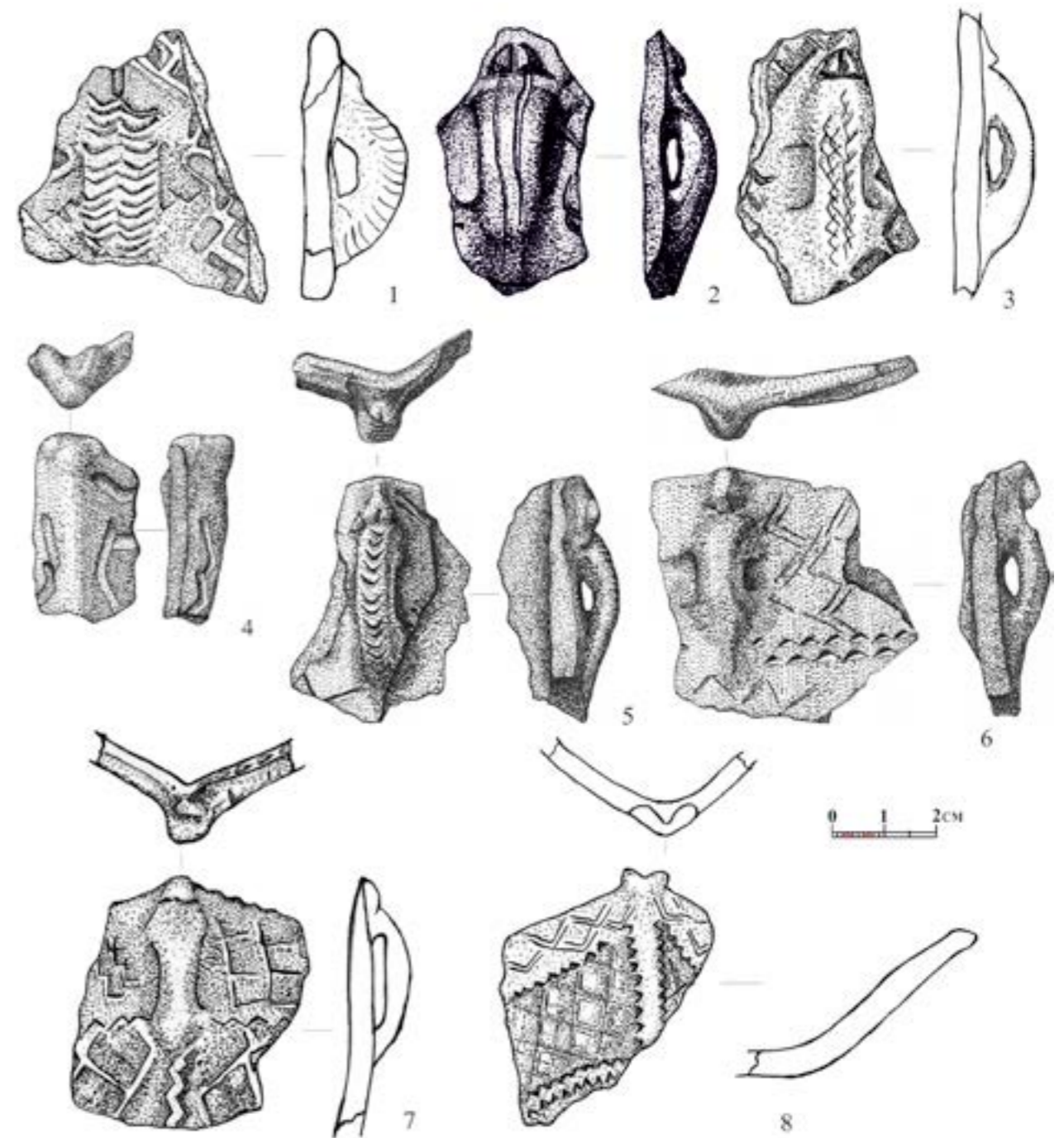

Рис. 1. Поселение Горный Самотнёл-1. Фрагменты сосудов с зооморфными изображениями.

переданы глубокими полукруглыми оттисками; тело, покрытое тремя вертикальными линиями мелких полукруглых оттисков, ассоциируется с пышным оперением полярной совы.

Примечательно, что во всех случаях с налепной скульптурой стенки сосудов орнаментировались либо оттисками уголкового штампа с острым рабочим краем, либо оттисками плоского штампа с крупной ячеистой нарезкой в форме ромбов или шестиугольников. Оттиски уголкового штампа на всех сосу-

дах группируются в узор ромбической сетки.

Рассмотренные образцы первобытного искусства отличаются многообразием форм и свидетельствуют о существовании определенных художественных традиций в трактовке образов. Эти предметы, несомненно, отражают особенности мировоззрения древних охотников-рыболовов лесотундровой зоны Севера Западной Сибири, тесно связанного с их хозяйственной деятельностью, и наполнены практическим смыслом.

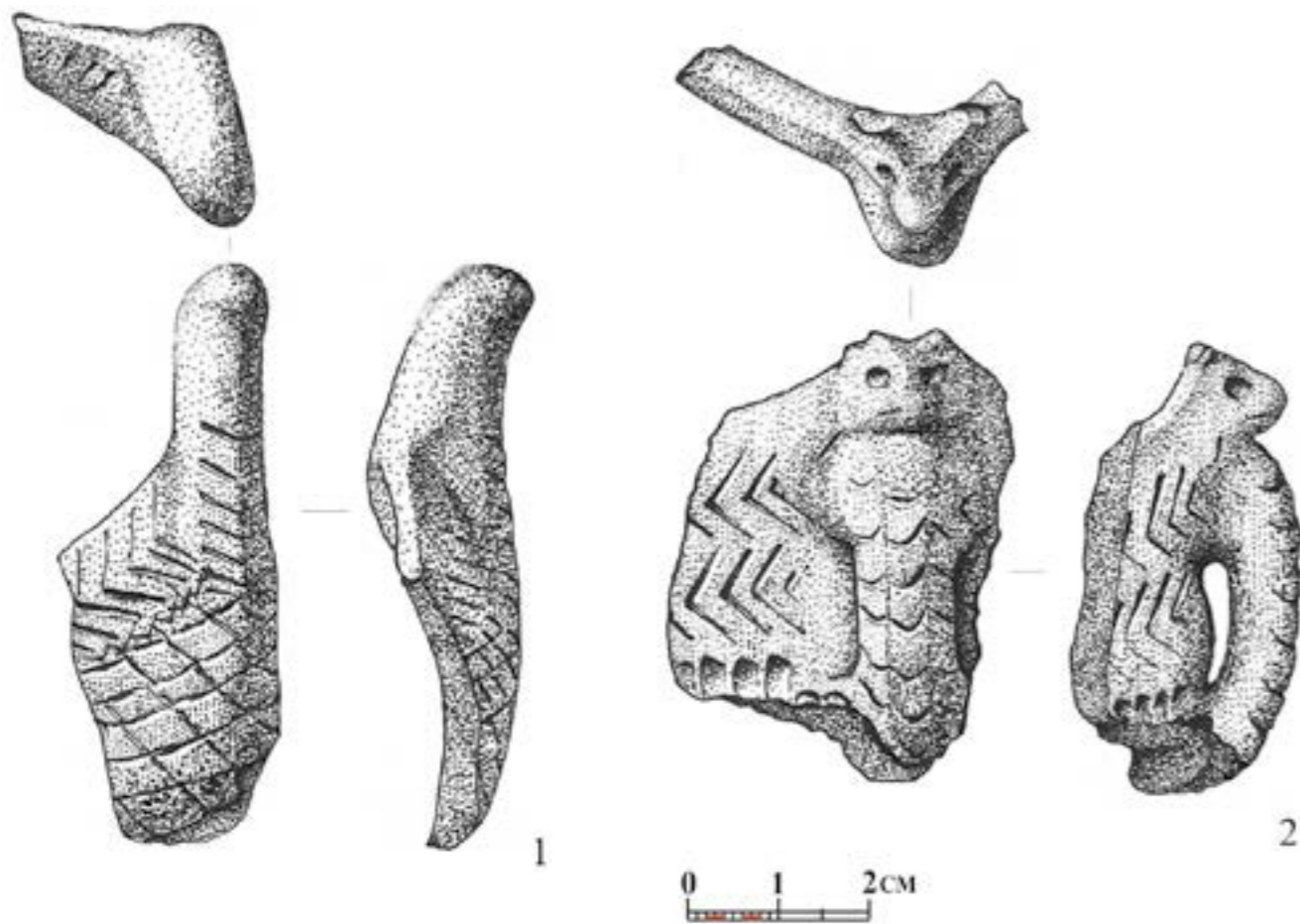

Рис. 4. Поселение Горный Самотнёл-1. Фрагменты сосудов с орнитоморфными изображениями.

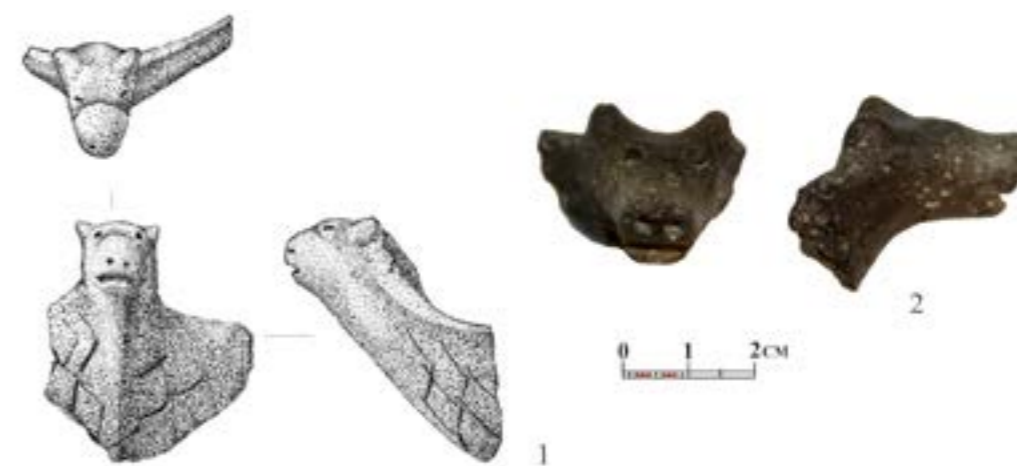

Рис. 2. Поселение Горный Самотнёл - 1. Фрагменты сосудов с изображением медведя.

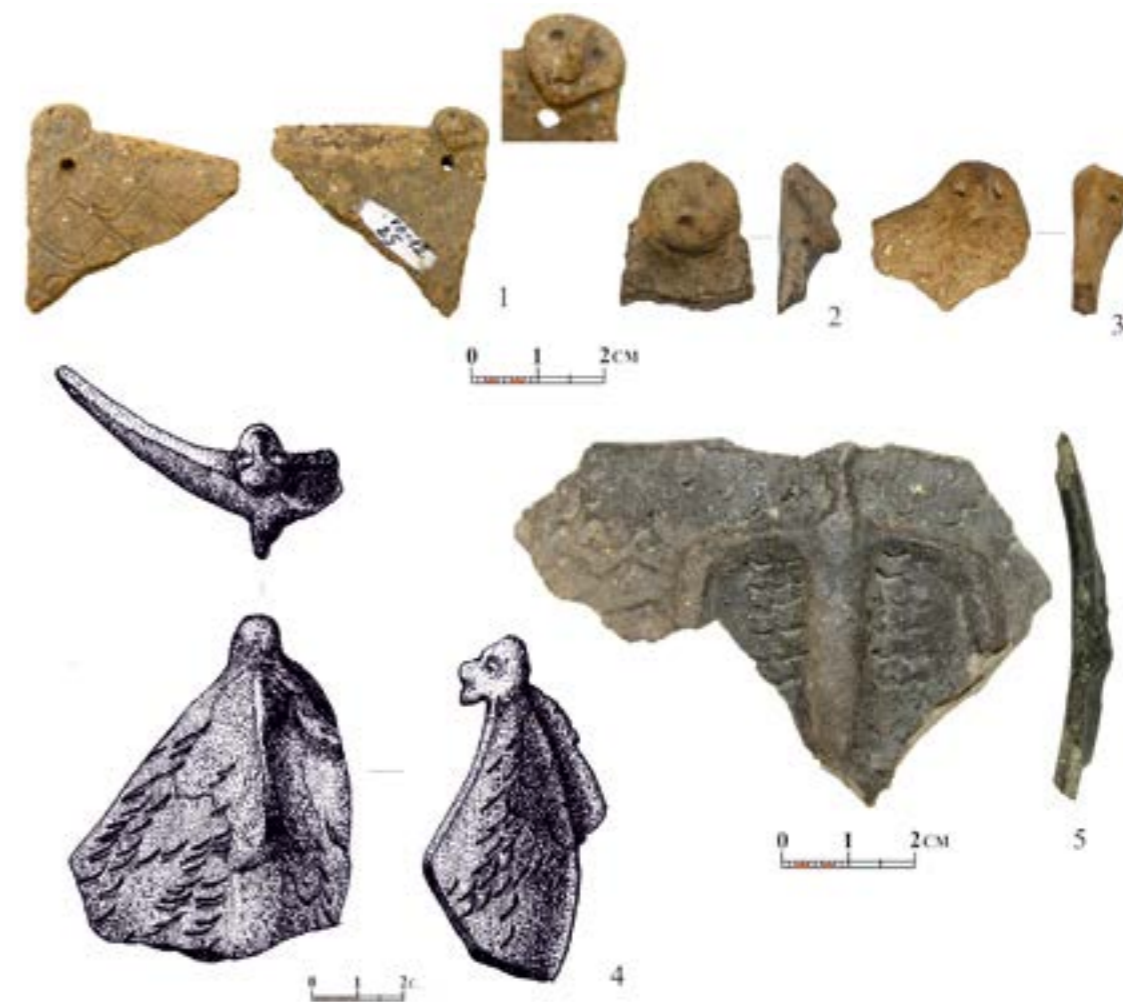

Рис. 3. Поселение Горный Самотнёл - 1. Фрагменты сосудов с антропоморфными изображениями.

И.В. Калинина
г. Санкт-Петербург

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ ОБРАЗОВ ЛОСЯ И МЕДВЕДЯ В ДРЕВНЕМ ИСКУССТВЕ ПРИУРАЛЬЯ

Археологи поддерживают целостность своей науки, несмотря на тенденцию к узкой специализации, и личным интересом к исследованиям друг друга, и публикациями статей по разным разделам археологии в одних и тех же журналах, и докладами на пленарных заседаниях, в которых затрагиваются проблемы, в дальнейшем обсуждаемые на отдельных секциях. Так, на первом Северном Археологическом Конгрессе мне довелось заслушать доклад и прочитать статью по докладу Н.В. Фёдоровой: «Западносибирское средневековье в зеркале художественного металла» [2002]. Н.В. Фёдоровой была поднята проблема, выходящая за рамки интересов археологов, специализирующихся на изучении артефактов средневековья.

В четко выстроенном докладе аргументированно обосновывалось, что в средневековье в таежной зоне Западной Сибири «население представляло собой не изолированные в болотах и тайге мелкие общины охотников и рыбаков, как их до сих пор рассматривают большинство исследователей, но вполне мобильное, открытое для контактов общество» [Фёдорова, 2002, с. 220]. Что же касается художественного металла, то, по мнению Н.В. Фёдоровой, «внимательное изучение массива изделий VIII-XIV вв. приводит к выводу о том, что... интересовала передача не столько видовых признаков животного, сколько особого смысла, закодированного в зооморфных символах» [2002, с. 216]. При этом отмеченная «развитая зооморфная символика» рассматривается «вне сакральной сферы» [2002, с. 214]. По словам Н.В. Фёдоровой, массовость и удивительная похожесть указывают на «светский», если можно так выразиться, характер изделий [2002, с. 216]. Только с присоединением к Российскому государству «художественный

металл сконцентрировался на святилищах, «ритуализировался», став своего рода овеществленной памятью прошлого» [2002, с. 220].

Вопрос о «светском» или культовом характере художественных средневековых изделий не снимает вопроса об их семантике — мировоззренческом смысле. По-прежнему остается неразработанной проблема мировоззрения общества, отразившегося в зеркале художественного металла. Согласно Л.С. Грибовой, «в Приуралье при развитой обработке металла, наличии земледелия и скотоводства, больших торговых связей с югом в течение всего I тысячелетия н.э. существовали тотемические представления... Это кажущееся недоразумение... рассеивается, если учесть, что при всех хозяйственных достижениях население Приуралья в I тысячелетии н.э. продолжало сохранять те формы охоты и рыболовства, которые были выработаны за несколько тысячелетий раньше» [1975, с. 116]. Однако если по характеру общества, это уже не изолированные мелкие общины охотников и рыбаков, то и мировоззрение, соответствующее этому обществу, вероятно, должно быть иным. Но в зеркале художественного металла мировоззрение, говоря образно, не отражается, зеркало замутнено.

Зооморфную символику сохраняет и традиционное искусство финно-угорских народов. На неоднородность («слоеный пирог») традиционного мировоззрения неоднократно ссылались этнографы. В современном мировоззрении хантов В.М. Кулемзин выделяет древнейший автохтонно-сибирский пласт: южный скотоводческий этап биографии угров до прихода их в таежную зону и христианский, отражающий тесные контакты с русским населением. При этом он отмечает, что «в некоторых случаях элементы этих известных, а, возможно, и пока не-

известных мировоззрений очень глубоко проникали друг в друга»; «материалы позволяют допустить, что культ медведя был основой мировоззренческой системы, которая деформировалась под влиянием другой (*шаманизма* – И.К.)» [1996, с. 198, 204]. Т.А. Молданова связывает формы отдельных орнаментальных мотивов угорского орнамента с разными археологическими культурами. Однако генезис изобразительной системы в целом возводит опять-таки к охотничьему мировоззрению [1999].

При изучении мировоззрения, если принять за рабочую гипотезу положение, что образные смыслы мировоззрения отражают структуру общества, то именно на структуру общества следует обратить особое внимание. Н.В. Фёдорова отмечает появление на севере Западной Сибири около рубежа эр военнотрудовой прослойки: «контекст культуры на рубеже эр указывает на то, что такие образования появились и активно действовали в это время» [2002, с. 218]. Но если привозные серебряные сосуды с нанесенными на них гравировками использовались, по ее мнению, «во время пиров, устраиваемых военным вождем для своей дружины с целью скрепить свое новое, специфически мужское, воинское родство и положение» [2002, с. 216], то серия украшений, стиль оформления которых сложился в основном к концу VIII в. н.э., отражает наличие «массового и достаточно демократического слоя потребителей продукции мастеров-бронзолитейщиков» [2002, с. 220]. Структура нового общества, сохраняющего преемственность звериного стиля, представляет, полагаю, интерес не только с точки зрения социальной значимости, принадлежности вещей, их престижности, но и семантики этих вещей. Появление стратифицированного общества знаменует изменение глубинных основ мировоззрения, ставит вопрос о новой семантике образных систем.

В свое время М.В. Крюков выявил сосуществование в древнекитайском обществе I тыс. до н.э. родовой и патронимической организаций, отличающихся по своей структуре [1967]. Г.И. Пелих пришла к сходным выводам о наличии двух форм социальной организации у селькупов в XVII [1981]. В данном случае нас интересуют отличия в мировоззрении обществ с родовой и патронимической организацией.

М.В. Крюковым замечено: «Лишь глубокие изменения в структуре общества, выдвигание на первый план... качественно иной, чем род, социальной ячейки приводят к появлению понятия «первопредок» как своеобразной точки отсчета в схеме родственных отношений, основанной не на классификационном, как ранее, а на генеалогическом принципе» [1989, с. 184]. Тем не менее, различные по структуре родовое и патронимическое мировоззрения исследователи рассматривают как единое, а именно — *тотемическое мировоззрение*.

Для многих этнографов в культе медведя очевидна тотемическая основа — как у обских угров, так и других народов Сибири. Археологи вслед за этнографами, которые считают, что «культ медведя и культ лося должны были существовать одновременно, в эпоху господства культов промысловых животных, т.е. во времена развитых тотемических представлений» [Грибова, 1975, с. 85], полагают, что образы медведя, лося и даже коня в бронзовых украшениях Прикамья были взаимозаменяемы [Липина, 2006, с. 16].

Обратимся к археологическому материалу. В искусстве неолита-энеолита образ лося явно доминирует и связан, как можно предположить, с родовыми (тотемическими) представлениями, что было замечено не только археологами. В.Н. Топоров писал: «Лось как объект религиозно-мифологической системы, по всей видимости, появляется в северной части Евразии и Америки, начиная с неолита» [Молданова, 1999, с. 139].

Лось (лосиха) остаются доминантными образами для родовой структуры общества и в эпоху сосуществования рода и патронимии. У хантов «в старинных песнях и в былинах лось имеет почетное название (*«куринг сыр вой»* — «ногами обладающий родовой зверь» — И.К.), которое он получает благодаря вставке в обычное название лося... (*«куринг вой»* — «ногами обладающий зверь» — И.К.) древнего слова «сыр» — «род», «родовая община». Это слово... до сих пор сохраняется в языке казымских хантов, каждое семейство которых знает, к какому «сыр» — «роду» — оно принадлежит. ... на медвежьем празднике лучшие танцоры исполняют «танец лося», состоящий из подражания походке и движениям лося» [Сенкевич-Гудкова, 1949, с. 157].

«Медведь у казымских хантов пользуется не меньшим уважением, чем лось» [Сенкевич-Гудкова, 1949, с. 158]. Но если образ лося сохраняет связь с родовой идеологией, то медведь — это «герой нового времени» — времени формирования патронимической организации, двойной генеалогии: родства по отцу (отец – сын) и родства по матери (брат матери – племянник) [Калинина, 2003, с. 71-78]. Медведь-богатырь — доминантный мужской образ. «По хантыйским преданиям, медведь был сыном бога Торыма, который его спустил на землю в железной люльке» [Сенкевич-Гудкова, 1949, с. 158]. Герой коми-пермяцких преданий, богатырь Кудым Ош — буквально, «медведь с устья реки Ку», ради счастья своего народа «пошел на великую жертву, женившись на уродливой княжне манси, которая до замужества имела облик получеловека-полузверя. Именно она должна была родить богатыря для народа. <...> Лицо невесты Кудыма напоминало, — по мнению Л.С. Грибовой, — скорее всего, лосиную морду» [1975, с. 72].

Образные представления о разделении Неба и Земли определяют трансформацию мировоззрения. Земной и небесный планы коррелируются с появлением в быту интимной женской сферы, затрагивающей глубинные, духовные смыслы культуры, что находит отражение в понятиях «женское» и «мужское» искусство традиционной культуры. У народностей Амура, как писал С.В. Иванов, «изображений медведя вообще нет в женском искусстве дореволюционного периода» [1937, с. 3]. Хантыйские мастерицы относят изображение медведя к священным узорам — хур [Молданова, 1999, с.146]. По Т.А. Молдановой, хур «имеет общий корень со словом «хурты» — «разделять» (тушу) [1999, с. 176], то есть, понятие «хур» связано с обрядами жертвоприношений почитаемых животных. На медвежьем празднике «особенно много почестей воздается шкуре убитого медведя... <...> Перед мордой убитого медведя кладут вылепленное из теста изображение «мув-хор'а», в которого, по мнению хантов, и обращается дух убитого медведя». Женщины долго и старательно пляшут вокруг убитого медведя, «чтобы в текущем году медведем был послан урожай ягод» [Сенкевич-Гудкова, 1949, с. 158].

По мифологическим воззрениям хантов, до появления людей на Земле уже жили духи:

миш и менк (менкв). Духи миш, «имеют на одной ноге лосиное копыто» [Молданова, 1999, с. 138]. Они «отличаются от других персонажей тем, что живут в домах, полных соболями» [1999, с. 105]. Духи миш боятся медведя [1999, с. 33], духов менквов, напротив, маркирует медведь: «менквы живут в листовничных домах, где «у них немало хранится медвежьих шкур, которые служат им постелью» [1999, с. 148]. В хантыйских сказках рассказывается о великанах менквов, которые «охотились на лосей и, положив убитого зверя себе на плечо, спешили домой, чтобы в огромном котле сварить целиком» [Сенкевич-Гудкова, 1949, с. 158].

У хантов, согласно Т. А. Молдановой, «в основе орнаментальной системы... находятся два основных понятия: пант — «след»... и «хур» «изображение» [1999, с.176]. «Непрерывные... бордюры, вобравшие в себя идею «следа», т.е. названия, относящиеся к следу... соотносятся... с фольклорными персонажами миш» [1999, с. 178]. «Более всего связь непрерывных бордюров с миш проявляется в том, что единственное целое животное — «соболь», представленное в наименовании узоров, маркирует именно этих лесных духов» [1999, с. 179]. Но хантыйские мастерицы воспринимают свои орнаменты и как «жизнь оленя» [Калинина, 2009, с. 238]. Т.А. Молданова считает, что под влиянием торговых отношений, когда пушнина становится эквивалентом обмена, происходит трансформация образа миш и почитание их уже не в облике лося, а в облике соболя. «Теперь та же идея изобилия символизируется не лосем, а соболем» [1999, с. 139].

Заметим, что орнаменты, наносимые челюстью соболя, зафиксированы в Прикамье и Зауралье на неолитической-энеолитической керамике, то есть в эпоху доминирующего образа лося (лосихи). Наблюдается локализация этих орнаментов, так же как и орнаментов, выполненных челюстями бобра, зайца [Калинина, Гаджиева, 1993, с. 83-94], что, очевидно, связано с тотемическими представлениями. О культе медведя, формирующем в иной социальной среде в эпоху металла, возможно, свидетельствуют отпечатки os penis'а медведя на волосовской керамике [Калинина, 1996, с. 293-296]. На предшествующей на этой территории неолитической ямочно-гребенчатой

керамике встречены только отпечатки фаланг и метоподий бобра [Костылева, Калинина].

В заключение. Возможно, представленный материал воспринимается не более чем перечень археологических и этнографических артефактов, которые группируются вокруг рабочей гипотезы о различиях доминирующих мировоззренческих образов в родовом и стратифицированном обществе. Тем не менее, для снятия устоявшихся штампов, стереотипов в изучении семантики древних изображений необходимы, по-видимому, и косвенные, расширяющие исследовательское поле наблюдения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибова Л.С. Пермский звериный стиль (проблема семантики). М.: Наука, 1975. – 148 с.
2. Иванов С.В. Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура // Сб. Памяти В.Г. Богораза (1865-1936). М.; Л.: изд. Акад. наук СССР, 1937. – С. 1-45.
3. Калинина И.В. Орнаментация сосуда Скрабы III // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996. С. 293-296.
4. Калинина И.В. Структурированность потестарного общества в семантическом аспекте // Теория и методология археологии // I. Стратиграфия культуры // Материалы теоретического семинара. Вып. 3. СПб., 2003. – С. 71-78.
5. Калинина И.В. Очерки по исторической семантике. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. Ун-та, 2009. – 272 с.
6. Калинина И.В. Гаджиева Е.А. Архаические орнаменты для керамики // AD POLUS // Памяти Л. П. Хлобыстина // Археологические изыскания. Вып. 10. СПб.: ИИМК РАН, 1993. – С. 83-94.
7. Костылева Е.Л., Калинина И.В. Использование костей животных для орнаментации ямочно-гребенчатой керамики // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь: Тверск. гос. объедин. музей, 2002. С. 248-256.
8. Крюков М.В. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации // СЭ 1967. №6 – С. 83-94.
9. Крюков М.В. Обсуждение книги В.В. Евсюкова Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры яншао. Новосибирск, 1988. // Народы Азии и Африки 1989. №6 – С. 182-185.
10. Кулемзин В.М. Медвежий праздник и шаманизм в хантыйском мировоззрении // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск: ТомГУ, 1996. С. 198-204.
11. Липина Л.И. Семантика бронзовых зооморфных украшений прикамского костюма (сер. I тыс. до н.э. – нач. II тыс до н.э.): Автореф... канд. ист. наук. – Ижевск. 2006. – 23 с.
12. Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – 261 с.
13. Сенкевич-Гудкова В.В. Мамонт в фольклоре и изобразительном искусстве казымских хантов // Сб. МАЭ Т. XI. М.; Л., 1949. – С. 156-159.
13. Федорова Н.В. Западносибирское средневековье в зеркале художественного металла (VIII-XIV в.в.) // Северный Археологический Конгресс. Доклады. 9-14 сентября 2002 г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 210-221.

С.Н. Панина
г. Екатеринбург

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ КУЛЬТОВОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКИ ИТКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ. РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Феномен иткульской культовой медной пластики состоит в том, что его основными образами являются изображения орнитоморфов (преимущественно хищных птиц) и антропоморфов.

На протяжении двух веков исследователи обращаются к этим выразительным атрибутам духовной культуры населения Зауралья в раннем железном веке [Теплоухов, 1893; Heikel, 1894; Анучин, 1899; Спицын, 1906; Бортвин, 1949; Берс Е.М., 1959; Федорова, 1994; Бельтикова, 2002; Викторова, 1996, 2004; Чемякин, Кузьминых, 2011].

Птицевидные идола иткульской культуры в большом количестве найдены на территории иткульских «гнезд» меднолитейного производства: в верховьях Исети, близ Полевского на горе Караульной, Азов, на Иткульском озере, в районе озера Багаряк, на Аятском озере в так называемых «кладах», на вершинах гор, а также в виде единичных находок, как правило, на местах металлургических производств, в единичном случае — в погребении на Скворцовской горе V на Шигирском торфянике.

Клады можно подразделить на два вида: в одних найдены только птицевидные идола (гора Караульная, грот Сухореченский, озеро Куяш-Огневское), в других — устойчивый набор, состоящий из антропоморфа (-ов) с солнечными лучами на голове, птицевидного (-ных) идола (-ов) и круглых медных блях (зеркал) с ушками или без них на оборотной стороне (Адуйский камень, Палкинский клад, клад с Азов-горы).

В настоящее время часть исследователей придерживается гипотезы, что клады с птицевидными идолами, бляхами, зеркалами и антропоморфами связаны с обрядом погребения душ литейщиков-кузнецов [Викторова В.Д., Непомнящих А.В., Непомнящих О.В., 1999],

другие считают эти находки святилищными (жертвенными) комплексами [Чемякин, Кузьминых, 2011].

В последнее время появились новые находки культовой пластики раннего железного века (большинство, к сожалению, благодаря хищническим работам «черных археологов»). Но материалы их на сегодняшний день доступны для анализа.

Целью моей работы является описание новых поступлений и анализ некоторых признаков иконографической типологии орнитоморфных и антропоморфных идолов, что, возможно, позволит проследить развитие типа в его хронологической плоскости.

Попытки частичного иконографического анализа птицевидных идолов предпринимались еще в конце XIX–нач. XX вв. [Теплоухов, 1893; Спицын, 1906].

Наиболее полно основные признаки иконографической типологии представлены в работе Д.Н. Анучина «К истории искусства и верований у приуральской чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ». Он выделяет такие основные признаки: позу, материал, технику изготовления, наличие или отсутствие системы крепления предмета с обратной стороны.

В дальнейшем ряд авторов дополнил список признаков типологии, включив в него такие характеристики, как статика-динамика, моделировка деталей, способ изображения пропорции фигуры [Широков, Чаиркин, Чемякин, 2000], деление изображений на реалистические, стилистические и схематические [Ченченкова, 1996].

Для иконографического анализа пластики раннего железного века чрезвычайно важны работы Е.И. Оятевой по пермскому звериному стилю, в которых она для выделения типов

рассматривает деление на простые и сложные композиции, распределение сложных фигур по ярусам — мирам Верхний, Средний, Нижний — с выделением главного персонажа. Е.И. Оятева вводит понятие «кодовый язык», в который включает иконографические признаки фигуры: позу (статика-динамика, фас-профиль), расположение конечностей, относительные размеры [Оятева, 1995].

Н.В. Федорова, рассматривая бронзовую художественную пластику Горного Урала раннего железного века, тоже отмечает наличие только двух сюжетов (орнитоморфы и антропоморфы) и подчеркивает, что иконография этих образов строго канонизирована. Часть идолов одновременно несет в себе черты антропоморфа и орнитоморфа. Вслед за В.Н. Чернецовым и В.И. Мошинской на основе изучения техники изображения она делает важный вывод об использовании культовой пластики однократно, в обряде, или многократно, когда она нашивается на одежду и служит оберегом. Этот вывод позволил ей хронологически разделить пластику на раннюю и позднюю [Федорова, 1994].

В 90-е гг. прошлого века изучением иткульских святилищ и находками на них занялась В.Д. Викторова. В серии работ она возвращается к публикации клада с Азов-горы [Викторова В.Д., Непомнящих А.В., Непомнящих О.В., 1999; Викторова В.Д., 2004], обращается к иконографическому анализу птицевидных идолов, определяя наиболее значимые признаки для характеристики устойчивости типа (поза анфас, голова передана в высоком рельефе, крылья ластообразные, опущенные вниз, глаза моделированы полугорошинами, оперенье передано узкими валиками, вертикальными на хвосте, горизонтальными или косыми на крыльях). На туловище часто выражена выступающая килевидная часть.

В другой работе она дает полное описание кладов раннего железного века, найденных на вершинах гор. В.Д. Викторова предположила, что клады Горного Урала сопоставимы с западносибирскими, в частности, клад с Азов-горы — с Холмогорским, и их назначение — захоронение душ умерших.

Валентина Дмитриевна Викторова анализирует все антропоморфные и орнитоморфные изображения на культовых отливках,

одиночные и найденные в кладах, а также все известные литейные формы этих изображений, отмечая технологические особенности (небрежность исполнения, тщательность отделки), способы передачи объемов и деталей фигур, моделировку деталей. Анализ позволил выстроить две иконографические цепочки в образе антропоморфов. Первая цепочка (табл. 1 - 1, 8, 9) — от тщательно проработанных деталей трехчленной структуры мира (Адуйский идол) к постепенной схематизации (идолы палкинского клада, литейная форма с озера Щелкун). Вторая — от образа пяти или трех антропоморфных фигур, соединенных одним литником снизу (литейная форма с поселения Березки II, литейная форма из Кузинского района), к трехфигурной форме, на которой изображены антропоморфы, соединенные перемышкой на уровне груди (форма с оз. Багаряк, отливка из клада с Азов-горы) (табл. 1 - 6, 7). Применяв иконографический анализ в исследовании культовой пластики раннего железного века, В.Д. Викторова делает вывод, что «иконаграфия так же, как и состав и сочетание кодов, в совокупности своей связана с культурно-историческими общностями определенного времени. Такое сочетание и есть форма изображений мифологической картины мира конкретного общества или стиль. Стиль отвечает на вопрос, как оформлено содержание, как оформлен смысл знаков и мифологического текста» [Викторова, в печати].

Прежде чем приступить к описанию находок, вернемся к определению Н.В. Федоровой, которая одним из признаков иконографической типологии орнитоморфной пластики Горного Урала определила полиморфизм некоторых образов (сочетание орнитоморфных и антропоморфных черт в одной отливке). Рассматривая под этим углом корпус источников, можно разделить все изображения на простые — изображения разных по видовому составу хищных птиц. Традиционно к ним относят ястреба, сокола, коршуна, единичны находки изображения совы [Викторова В.Д., 1996], а также дятлов и воронов [Чемякин Ю.П., Кузьминых С.В., 2011]. Во всех случаях это образ птицы с различной моделировкой деталей — хвостового оперения, абриса фигуры, крыльев, головы (табл. 1 - 12-16).

К сложным изображениям относятся полиморфические фигуры, так называемые «перевертыши», сочетающие в себе признаки орнитоморфа и антропоморфа в бинарной оппозиции (табл. 1 — 10, 11, 18, 19).

Соответственно, клады (жертвенные комплексы) состоят либо целиком из простых орнитоморфов (г. Караульная — культовые памятники...с. 427, рис. 107), либо из простых и сложных орнитоморфов (клад у оз. Огневского — культовые памятники...с. 428, рис. 108).

Обратимся к находкам. На территории верховьев р. Исети в 2011-2012 гг. было обнаружено, выкопано и продано коллекционерам четыре клада орнитоморфных идолов. Три из них доступны для описания. В первом найдены 7 идолов, круглая медная бляха, наконечник копья, во втором — двенадцать идолов и круглая медная бляха, в третьем — двадцать орнитоморфов, собранных с территории до десятка метров. Все идолы небольших размеров, без петли на оборотной стороне. Все они относятся к чистым орнитоморфам, с простой иконографией, моделировка деталей только в нескольких случаях выходит за рамки типичной.

На нескольких изображениях фиксируются выступы на верхних частях крыльев (табл. 1 - 14, 15). Такие же выступы разной конфигурации имеются на хорошо известном орнитоморфе с оз. Огневского (табл. 1 - 13) и асимметричный выступ на левом крыле у птицевидного идола с г. Матаиха (табл. 1 - 12). Предположить, что эти выступы являются следами облоя (затеки между створками формы), затруднительно, так как отверстие литника фиксируется сверху, а выступы имеют правильную форму и вполне осмысленную конфигурацию. Логично предположить, что этот типологический признак сформирован сознательно. Возможно, мы имеем дело с инновацией иконографии образа, которая впоследствии оформилась в традицию изображения трехголовых орнитоморфов в поздней хронологии и на других территориях.

Исследователи иткульской культуры [Бельтикова] рассматривают места медеплавильного производства в хронологической последовательности. Ранними являются район верховьев р. Исети и озеро Иткуль (VII-VI вв. до н.э.), Полевской район — относится к бо-

лее позднему времени — V в., Сысертский район, оз. Багаряк и оз. Аятское — одни из самых поздних гнезд медеплавильного производства — относятся к IV-III вв. до н.э.

Логично предположить, что признаки иконографической типологии орнитоморфов из верховьев р. Исети, описанные выше (небольшие размеры, небрежность проработки деталей, отсутствие петли на оборотной стороне), относятся к фазе становления иконографии типа орнитоморфных образов. К этому же времени будут относиться и птицевидные идолы из погребения Скворцовская гора V Шигирского торфяника [Чаиркина, 2011, с. 133, рис. 37].

Клад с Азов-горы близ Полевского, в котором орнитоморфные изображения проработаны более тщательно, без заусениц, некоторые снабжены глухим ушком на оборотной стороне, следует относить к фазе расцвета орнитоморфного стиля.

В 2010 г. в Свердловский областной краеведческий музей поступила медная отливка антропоморфного идола с берегов р. Исети в районе Уктуса (табл. 2 - 8). Это фронтально стоящая фигура высотой 11 см с изображением человеческого лица с выступающим треугольным носом, глаза моделированы полугорошинами с четырьмя расходящимися от них лучиками. На голове — корона из солнечных лучей. Ручки короткие, трехпалые, в отличие от Адуйского и Палкинских идолов (табл. 1 - 1, 8, 9) фигура имеет две ноги, снизу — остатки металла из литника.

Идолы, подобных Адуйскому, в литературе принято называть «столбообразными» или «древовидными» либо фитоморфными. Определения, на наш взгляд, некорректны. Называть столбообразной фигуру плоского литья неверно. Название «древовидный» укоренилось с конца XIX в., когда солнечные лучи над головой ошибочно принимали за крону дерева. Более подходящим, возможно, является определение «солнцеголовый», так как лучи над головой — это определяющий признак типа, который встречается на всех изображениях сложных антропоморфов иткульской культуры (табл. 1 - 1, 4, 8, 9, 6, 7; табл. 2 - 8, 9). Антропоморф в рамке из клада с Азов-горы тоже несет солнечные лучи над головой (табл. 1 - 5), а не шлем [Викторова В.Д., 2004].

С появлением нового персонажа сре-

Табл. 1.

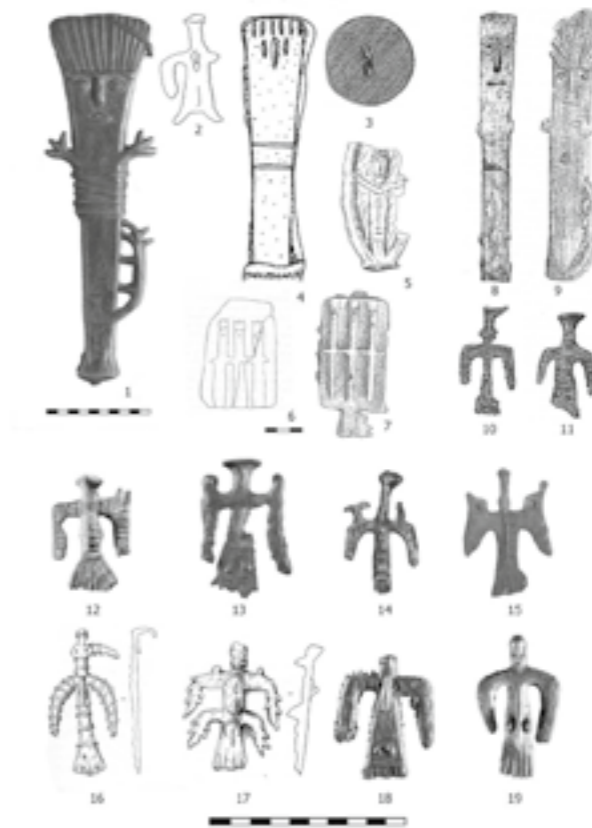

Табл. 2.

ди солнцеголовых, твердо стоящего на двух ногах, возникла необходимость построить еще одну иконографическую цепочку — от Адуйского и Палкинских солнцеголовых антропоморфов (табл. 1 - 1, 4, 8, 9) к стоящему на двух ногах — сначала на литнике (табл. 2 - 8), а затем без литника (табл. 2 - 9).

«Черный археолог» из Каменска-Уральского вскрыл на левом берегу р. Исети в районе Смолинской пещеры святилище (отрезок вала?), на котором в радиусе 1,5-2 м нашел четыре клада (жертвенных комплексов). Первый состоял из трех антропоморфных фигур, две из них были поставлены вертикально, третья лежала (табл. 2 — 1-3) рядом с орнитоморфным идолом (табл. 2 - 5), медной бляхой (табл. 2 - 4) и неудавшейся отливкой с неясным изображением антропоморфа (табл. 2 - 6). Впоследствии последняя была передана другому лицу. В 1,5 м от первого клада были найдены вместе антропоморфный идол (табл. 2 - 10) и медная бляха (табл. 2 - 7). Отдельно, на расстоянии 1 м от второго клада, был найден еще один антропоморфный идол с косичкой, в 0,5 м от него были зафиксированы отбитый литник и фрагмент крыла орнитоморфа.

Орнитоморфный идол из первого клада/комплекса массивный, слегка согнутый, высотой 9 см, с массивной глухой петлей на оборотной стороне, которая посажена низко у хвоста (обычно петля располагается в верхней части отливки). Он относится к сложному типу — перевернув его вниз головой, получим изображение личины солнцеголового (табл. 2 - 5).

Три антропоморфных фигуры в отличие от птицевидного, который вполне вписывается в рамки иткульской культуры, необычны.

Они представляют собой фигуры, стоящие фронтально, с маленькими личинами, увенчанными подобием солнечных лучей. Глаза моделированы полугорошинами, нос — валиком, короткие руки опущены книзу, сразу от рук начинаются слегка расставленные ноги, ниже расположен массивный фрагмент металла, оставшийся от литника (табл. 2 — 1-3). В этих изображениях угадывается прежний образ, важнейшим признаком которого являются солнечные лучи над головой, вместе с тем, появляется новация — изображение тела с конечностями. Бляха с глухим ушком размера-

ми 4,8 x 6,8, по-видимому, брак производства.

Ко второму комплексу относится бляха с глухим ушком на оборотной стороне, с бубном в центре на лицевой и сохранившимся металлом из литника сбоку. Диаметр бляхи — 7 см (табл. 2 - 7). К этому же комплексу относится антропоморф, на голове которого слабо обозначены солнечные лучи, что сближает его с солнцеголовыми иткульской культуры. Лицо вытянутое, глаза обозначены полугорошинами, нос, усы (?) и, возможно, следы татуировки под глазами обозначены длинными валиками (табл. 2 - 6).

С исетским антропоморфом (табл. 2 - 8) его сближает проработка нижних конечностей. Заусеница справа и бугорок слева от лица, возможно, сильная стилизация коротких ручек.

Отдельно найденный антропоморфный идол высотой 10 см в корне отличается от вышеописанных. Это фигура, стоящая фронтально, со сдвинутыми вплотную ногами, на лице обозначены валиками нос, рот и брови, глаза — овальные выпуклости. На голове — остатки металла из литника, слева от лица — косичка. Только глухая петля на оборотной стороне подобна петлям на изделиях иткульской культуры.

Смолинское святилище, по-видимому, существовало на позднем этапе иткульской культуры; не исключено, что оно посещалось уже иным населением в более позднее время, вплоть до середины I тыс. н.э.

Новые данные позволяют нам изменить иконографическую цепочку образов солнцеголовых антропоморфов.

Вероятно, ранним этапом становления типа являются Палкинские идола, возможно, идол из Куганакского клада (табл. 1 - 4, 8, 9), на которых пока только появляются изображения Среднего (пояс) и Нижнего (изображение животного) миров. Период расцвета образа — Адуйский идол с тщательно проработанными деталями, трехчленной структурой мира (табл. 1 - 1). Фаза затухания традиции изображения антропоморфов — идола Смолинского святилища (табл. 2 — 1-3, 10, 11).

Основным и самым содержательным признаком иконографии антропоморфов, существовавшим на всех этапах развития образа является знак солнечных лучей — принадлежность духа к Верхнему миру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анучин Д.Н. К истории искусства и верований у приуральской чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ (из материалов по археологии восточных губерний). - М.: Изд-во ИМАО, 1899. - Т. III.
2. Бельтикова Г.В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. - Екатеринбург.: Изд-во Уральского ун-та, 2005. - С. 162-186.
3. Бортвин Н.Н. Находка на горе Азов на Урале // КСИИМК, 1949. - Вып. 25.
4. Викторова В.Д., Непомнящих А.В., Непомнящих О.В. Находки на Азов-горе // 120 лет археологии Восточного склона Урала. - Екатеринбург.: БКИ, 1999.
5. Викторова В.Д. Клады на вершинах гор // Культурные памятники горно-лесного Урала. - Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 2004. - С. 158-173.
6. Викторова В.Д. Поиск подходов к анализу духовной сферы древних обществ Урала (в печати).
7. Оятева Е.И. К вопросу о методе изучения художественной металлической пластики Прикамья I - нач. II тысячелетия н.э. // АС. - СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1995. - Вып. 32. - С. 105-119.
8. Спицын А.А. Шаманские изображения // ЗОРСА ИМАО, 1906. - Т. VIII. - Вып. 1. - С. 29-145.
9. Теплоухов Ф.А. Древности пермской Чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край, 1893. - Т. II.
10. Федорова Н.В. Бронзовая художественная пластика // Угорское наследие. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994.
11. Чаиркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи неолита и раннего железного века. - Екатеринбург, 2011. - 205 с.
12. Чемякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зоны) // Тверской сборник. - Тверь, 2011. - Вып. 11. - С. 43-73.
13. Ченченкова О.П. О стилистическом единстве древней каменной скульптуры Западно-Сибирской лесостепи и сопредельных территорий // Археология Сибири. Историкогеография и источники. - Омск, 1996. - С. 156.
14. Широков В.Н., Чаиркин С.Е., Чемякин Ю.П. Уральские писаницы. Река Нейва. - Екатеринбург: БКИ, 2000.
15. Axel Heikel. Antiquites de la Societe Finno-Ougrienn.-Hels.-V. VI. 1894.

Ю.П. Чемякин
г. Екатеринбург

**УСТЬ-ПОЛУЙСКАЯ ИЛИ КУЛАЙСКАЯ?
(О МЕТАЛЛОПЛАСТИКЕ УСТЬ-ПОЛУЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ)**

Исторически сложилось так, что под кулайской металлопластикой традиционно понимают предметы, происходящие с территории Томско-Нарымского и Верхнего Приобья. В то же время уже является общепризнанным мнение, что кулайская культурно-историческая общность (КИО) в период своего расцвета занимала территорию практически всего таежного Приобья (Обь-Иртышья) — от ленточных боров в Новосибирской области и Алтайском крае на юге до Обской губы и даже Ямала на севере [Чиндина, 1984]. Разногласия остаются в вопросах о времени формирования культур, входящих в нее, и об их генезисе. На наш взгляд, кулайские древности на большей части Обь-Иртышья формируются на местной основе, уходящей корнями в культуры эпохи бронзы. Между бронзовым веком и кулайской эпохой (этапом) в границах раннего железного века (РЖВ) мы выделяем переходный период, или белоярско-васюганский этап (VIII–VII–IV вв. до н.э.), характеризовавшийся ломкой культурных стереотипов предшествующего времени, распадом культурных образований эпохи бронзы и формированием новых [Чемякин, 1993; 2006]. Усть-полуйская культура является самым северным локальным вариантом в границах кулайской КИО.

В связи с этим встает вопрос о времени и месте появления «кулайского» литья, а также о самом понятии «кулайское литье» и его стилях. Исторически сложилось так, что под кулайским литьем понимают преимущественно ажурное литье Томско-Нарымского Приобья, на позднем, саровском этапе постепенно сменившееся сплошным. Даже в одной из последних обобщающих работ, посвященных кулайскому литью, Ж.Н. Труфанова ограничилась анализом находок из Томско-Нарымского, Новосибирского и Барнаульского Приобья, которые она объединила понятием «Верхнее Приобье» [2003, с. 13]. Абсолютное большинство изде-

лий из Томско-Нарымского Приобья происходит из случайных сборов или из памятников, не содержащих узкодатирующий материал или керамику. Тем не менее, Л.А. Чиндина разделила всю совокупность кулайской металлопластики на три типа и соотнесла их с васюганским и саровским этапами [1984, с. 40-43, 72-76]. В результате проведенной «корреляции типов литья с соответствующими датированными сериями вещей и керамикой» она пришла к выводу, что I-й тип возник и господствовал в пределах V–III вв. до н.э., II-й тип зародился во II в. до н.э., а III-й — не ранее III в. н.э. [1984, с. 106, 107]. По ее мнению, возможно, в VI в. до н.э. культовые предметы еще не появились. Удачную, на наш взгляд, попытку пересмотреть датировку находок кулайской металлопластики (из т.н. кладов и культовых мест) в сторону сужения их хронологических рамок предпринял Я.А. Яковлев [2001, с. 243-257]. Сделанный им анализ показывает, что собственно кулайское литье вряд ли появляется ранее III в. до н.э., и мы с этим в целом согласны.

Однако истоки его уходят в эпоху бронзы. Е.А. Васильев отмечал находку фигурки медведя, выполненной в технике плоского литья, вместе с атлымскими сосудами (X–VIII вв. до н.э.) на поселении Шеркалы XIII. Ближайшие аналогии ей он видит среди кулайских древностей [Васильев, 1983, с. 190]. Таким образом, в Нижнем Приобье можно найти истоки плоского литья уже в эпоху поздней бронзы. Две поделки вместе с алтымской керамикой недавно найдены на селище Мохтикъёган 8 в Сургутском Приобье [Перевалова, Карачаров, 2008, с. 50]. В Омском Прииртышье прототипы кулайской металлопластики датируются еще раньше — XIV–XIII вв. до н.э. — и относятся к черноозерско-томскому варианту андроновской КИО. Они найдены в могильниках Черноозерье I и Боровянка XVII [Стефанов, 2004; Погодин, Полеводов, Труфанова, 2008]. Как писала

Ж.Н. Труфанова, «сравнение иконографии боровянского изображения с кулайскими показало, что боровянский комплекс полностью соответствует первому иконографическому типу кулайских фигур и первому иконографическому типу кулайских личин» [Труфанова, 2003, с. 15, 16, 21; Погодин, Полеводов, Труфанова, 2008, с. 202].

При этом она отмечала, что материалы с территорий Сургутского Приобья, Среднего и Нижнего Прииртышья «несравнимы с верхнеобскими в количественном отношении» и существенно отличаются от них в морфологическом отношении [Труфанова, 2003а, с. 57]. Соглашаясь во многом со вторым утвержде-

нием, посмотрим, насколько правомерно первое. Нами проведен статистический анализ находок с территории, занимаемой кулайской КИО, от Барнаульского Приобья на юге до Нижнего Приобья на севере, включая такие локальные и хронологические ее варианты, как фоминская, среднеиртышская и усть-полуйская культуры (под Обь-Енисейским междуречьем мы условно объединили материалы из верховьев рр. Томь, Чулым, Кеть). Он показал, что сегодня материалы из всех регионов сравнимы по количеству. Более того, в Сургутском и Нижнем Приобье их значительно больше, чем в Томском и Верхнем (табл. 1¹).

Таблица 1. Распределение культового литья по регионам лесной зоны Западной Сибири

	Всего (плоское литье)	Личины	Фигуры / части тела	Копытные	Хищные	Другие зооморфы / Гады	Орнитоморфы	Древовидные / солярные	Геометрические композиции	Диадемы	Фрагменты, обломки	Объемные фигуры
Нарымское Приобье	195	11	17/2	32	22	8/5	16		58	22	2	5
	100%	5,6%	8,7/1%	16,4%	11,3%	4,1/2,7	8,2%		29,7%	11,3%	1,0%	
Томское Приобье	40	1	16/8		4	1/1	4		5			3
	100%	2,5%	40/20%		10,0%	2,5/2,5	10,0%		12,5%			
«Обь-Енисейское междуречье»	49*	5	2	5	9		12		11	5		1
	100%	10,2%	4,1%	10,2%	18,4%		24,5%		22,4%	10,2%		
Верхнее Приобье	7	1	1		1				4			1
	100%	14,3%	14,3%		14,3%				57,1%			
Сургутское Приобье	196*	80	32	4	12	22/6	21	10/1	2		6	
	100%	40,8%	16,3%	2,0%	6,2%	11,2/3,1	10,7%	5,1/0,5	1,0%		3,1%	
<i>в т.ч. Барсова Гора</i>	96*	34	12	2	9	15/3	12	8			1	
	100%	35,4%	12,5%	2,1%	9,4%	15,6/3,1	12,5%	8,4%			1,0%	
Нижнее Приобье >400 ²	>314* //14**	>53	>88 //8**	1	>8	>140 //2**	24 //4**					35
	100%	17,0%	28,2%	0,3%	2,6%	44,9%	7,0%					
Прииртышье	77	8	18	1	17	16	16	/1				
	100%	10,3%	23,4%	1,3%	22,1%	20,8%	20,8%	1,3%				
Всего	>876	159	184	43	73	199	90	12	80	27	9	45
		18,2%	21,0%	4,9%	8,3%	22,7%	10,3%	1,4%	9,1%	3,1%	1,0%	

* С учетом известных мне находок из грабительских «раскопок».

** Сланцевые модели из Усть-Полуя.

¹ Предложенные типологии образов культового литья, различающиеся в двух таблицах, являются рабочими.

² В Нижнем Приобье мне известно более 400 находок, однако отсутствие публикаций большинства изделий с городища Няксимволь и из Лозьвинского клада не позволило включить все в статистическую обработку. Нет полных данных и по Усть-Полуйскому городищу. Статистика приведена по 312 изделиям (100 %).

При этом следует учитывать, что многие находки из Томско-Нарымского и Верхнего Приобья неоднократно публиковались, в том числе в специальных, монографических исследованиях, в то время как информация о поделках западной части кулайского ареала в основном разбросана по небольшим публикациям, а то и совсем отсутствует. Кроме того, западные регионы сейчас активно грабятся «черными археологами», кладоискательские сайты пестрят сообщениями о находках в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, Тюменской области, на севере Западной Сибири [Ширин, Яковлев, 2010; Яковлев, 2011; Бауло, 2011]. Поэтому в реальности число культовых изделий отсюда превышает учтенное количество. Разделив всю совокупность находок на 10 групп, не считая неопределимых фрагментов, мы понимаем всю условность этого деления и в настоящей работе не преследуем цели классической типологии. Среди рассматриваемых групп нет полиморфных изображений, хотя таковые присутствуют в коллекциях из всех регионов. Эти изделия распределялись исходя из доминирующей (на наш взгляд) фигуры. Сведено в одну группу и все многообразие «геометрических композиций» (по Ж.Н. Труфановой [2003, с. 14]). Это вызвано тем, что в Нижнем и Сургутском Приобье они практически отсутствуют. Некоторые изделия настолько абстрактны, что отнесение их к той или иной группе зависит от их трактовки исследователем. Тем не менее, предложенное деление на группы позволяет выявить соотношение различных сюжетов в разных регионах кулайского ареала.

Обзор усть-полуйской металлопластики, происходящей с городищ-святилищ Усть-Полуй, Няксимволь, Ус-Нёл, из Лозьвинского клада и других памятников Нижнего Приобья (более 400 изделий, табл. 2), показывает, что в регионе преобладает сплошное относительно миниатюрное литье (рис. 1, 2). Выделяется собрание фигурок бобров, найденное в священном сундуке в одном из поселков манси на р. Ляпин, куда они были принесены с культового места на правом берегу реки. Они отличаются большими размерами, что более характерно для кулайского литья Нарымского Приобья [Гемев и др., 1984; Гемев, Сага-

лаев, 1986, с. 156-166]. Не исключено, что эти фигурки сделаны в более позднее, чем ранний железный век, время. В процентном соотношении в Нижнем Приобье найдено много зооморфов, среди которых явно доминируют изображения бобров. Есть фигурки медведей, волков (?), но практически нет копытных. По этому признаку нижеобская металлопластика близка к литью из Сургутского Приобья. На втором и третьем местах по численности стоят антропоморфы — фигуры и личины, на четвертом — орнитоморфы. Многие изображения имеют иную иконографию по сравнению с более восточными кулайскими территориями, в них чувствуется приуральское влияние, однако назвать их приуральскими нельзя.

Беглое сравнение коллекций, происходящих из разных районов кулайской КИО, показывает их своеобразие, наличие, наряду со сходством, различий и по иконографии, стилистике, и по сюжетам. Вероятно, как минимум можно будет говорить о томско-нарымском, сургутском и усть-полуйском (нижеобском) вариантах кулайского литья. Возможно, особые варианты выделятся и в Прииртышье, и в бассейне Агана, но количество изделий, найденных здесь, пока недостаточно для анализа. Следует разделять также находки из Среднего Прииртышья, во многом близкие пластике Томско-Нарымского Приобья, и из Нижнего (в том числе из бассейна Конды), имеющие сходство с материалами Сургутского и Нижнего Приобья. Поэтому эволюцию металлопластики (культовой, художественной), прослеженную на томско-нарымских материалах, не следует слепо переносить на другие территории кулайской общности, а также южнотаёжных культур, синхронных ей (богочановской, кашинской). В то же время своеобразие отдельных регионов вполне укладывается в рамки образов, распространенных в урало-сибирской тайге, что позволяет говорить о едином транскультурном феномене.

Таблица 2. Распределение культового литья по образцам (нижнее Приобье)

Памятник	Всего (плоское литье)	Личины	Фигуры	Всадники	Копытные	Хищные	Медведи	Волки / собаки	Бобры / белки	Куньи (Выдры)	Гады	Прочие зооморфы	Орнитоморфы	Объемные фигуры
Вершина Войкара, пос.	1		1											
Вуграсян-Вад	90							11	71/3	2		3		2
ГОМ ПиЧ + Кунсткамера	15	1	14											
сборы Гондатти	≥19	1	6						4			7	1	
Йипыг-ойки, манс. святилище (ок. Хурумпауля)	12								12					28
Кемпаж, р., манс. святилище (ХМАО Березовский р-н)														1
Кислоры, озеро**	3		1						1				1	
Лозьвинский клад	>45	1	10			1			2			3	3	
Макар-Висынг-Тур, пос.	2	1			1									
Няксимволь, гор.	>70	>4	>4				>2		>4			>2		
Октябрьский р-н ХМАО	1												1	
Приобье, клад напротив поселка (ХМАО Октябрьск. р-н)	3	3												
Север Западной Сибири	3	3												
Северная Сосьва	2								1				1	
Советский р-н ХМАО	3	3											1	
Ус-нёл, гор.	82	33	42				1		2				4	
Усть-Полуйское гор.	24/14	1	7//8	1			2		2//2				11//4	2
Хурумпауль, поселок	21		10				3		6		1	1		2
Хурумпауль, окр-ти поселка	2	1				1								1
Хурумпауль, в свящ. сундуке	9								9					1
Шурышкарский р-н ЯНАО	1		1											
Шурышкарский р-н, берег Шурышкарского сора	2										1		1	
Щекурья, поселок	1								1					
Итого >400 + 14 сланц. моделей + 37 объемных фигур	>400 //12	>52	>96 //8	1	1	2	>8	11	111/3 //2	2	2	>16	24 //4	37

13 – литейные формы и модели из сланца.

* Учитывая, что многие изделия происходят из случайных сборов, этнографических коллекций, а часть – с кладоискательских сайтов, мы не можем быть уверены в правильной датировке ряда находок. Не исключено, что некоторые из них относятся к более позднему времени.

** Не исключено, что находки на оз. Кислоры датируются средневековьем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических коллекций и случайных сборов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 260 с.
2. Васильев Е.А. Исследования в Нижнем Приобье // АО–1981. – М.: Наука, 1983. – С. 189-190.
3. Гемуев И.Н., Молодин В.И., Сагалаев А.М. Древняя бронза в обрядности манси // Проблемы реконструкций в этнографии. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 62-80.
4. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культурные места (XIX — начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – 192 с.
5. Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и ее обитатели. – Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «ГРАФО», 2006. – 352 с.
6. Погодин Л.И., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Бронзовая антропоморфная пластика могильника Боровянка XVII // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. – Екатеринбург–Сургут: Урал. изд-во, 2008. – С. 170-194.
7. Старков В.Ф. Новые находки плоского литья в Нижнем Приобье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 208-219.
8. Стефанов В.И. Забытая находка из Черноозерского могильника // РА. – 2004. – № 4. – С. 114-118.
9. Труфанова Ж.Н. Плоское ажурное литье кулайской культуры (стилистико-иконографический анализ): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / УдмГУ. – Ижевск, 2003. – 26 с.
10. Труфанова Ж.Н. Плоское ажурное литье кулайской культуры (стилистико-иконографический анализ): Дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2003а. – 207 с. + Приложения.
11. Чемякин Ю.П. К вопросу о белоярско-васюганском этапе в раннем железном веке таежного Обь-Иртышья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. – Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 1993. – С. 218-219.
12. Чемякин Ю.П. Кулайская культурно-историческая общность // II Северный археологический конгресс. Доклады. – Екатеринбург–Ханты-Мансийск: Изд-во «Чароид», 2006. – С. 376-403.
13. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – 256 с.
14. Чиндина Л.А. Проблемы кулайской культуры: вчера и сегодня // II Северный археологический конгресс. Доклады. – Екатеринбург–Ханты-Мансийск: Изд-во «Чароид», 2006. – С. 404-420.
15. Ширин Ю.В., Яковлев Я.А. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 8. – С. 21-62.
16. Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 274 с.
17. Яковлев Я.А. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. Вып. 9. – С. 10-81.

Рис. 1. Святилище на городище Барсов городок 1/9. Вещи из раскопок и находки рыбаков (1973 г.): 1 — бронза, нить; 7 — глина; остальное — бронза.

Рис. 2. Городище Барсов городок 1/20: 1-3 — жилище 1; 4 — площадка городища; 5-9 — погребение; 10-24 — клад (9 — глина; 19 — стекло; 21 — железо; остальное — бронза)

Н.Б. Крыласова
г. Пермь

УРАЛО–СИБИРСКИЕ ЗООМОРФНЫЕ НАВЕРШИЯ РУКОЯТЕЙ ПЛЕТЕЙ

В средневековых коллекциях древностей существуют отдельные категории предметов, истинное назначение которых сложно интерпретировать, опираясь на современные представления о функциональном назначении вещей. Как правило, в таких случаях исследователи обычно склонны оценивать подобные предметы как культовые.

К числу таких предметов принадлежит серия металлических наверший, выполненных в виде трубочки, завершающейся объемным изображением головы оленя (лося), реже — коня.

Всего по публикациям удалось собрать сведения о 14 таких находках. Из них 6 происходят с территории Предуралья (Билярск, Подчеремский клад — 2 экз., Губдорская волость Чердынского уезда, д. Плес, п. 47 Редикарского могильника) [Лихачев, 1886, табл. VI/2; Городцов, 1937, табл. III/4-5; Рисунки древностей..., 1897, табл. V/5; Оборин, 1976, №226; Спицин, 1902, табл. XXXI/12; Белавин, 2007, рис. 9/3]. 8 предметов обнаружено на севере Западной Сибири (Барсовский I могильник, Барсов городок, Сайгатинское I святилище, Сайгатинский могильник, п. 13 могильника Большая Умытъя 28, Нанто, Овгорт) [Угорское наследие, 1994, №112-113; Сокровища Приобья, 1996, рис. на с. 57/9; Сокровища Приобья, 2003, №52; Карачаров, 1993, рис. 2/3-4; Чемякин, 2008, рис. 3/12; Зыков, Кокшаров, Лабаури, 2006, рис. 4/4].

Навершия представляют собой трубочку длиной около 3 см диаметром около 1,5 см, зачастую граненую, оформленную на конце 1-5 рядами выпуклых валиков; на противоположном конце под тупым углом к трубочке располагается объемное реалистичное изображение головы животного. В большинстве случаев это изображение головы оленя с характерными

ажурными ветвистыми рогами (рис. 1. — 1-6, 11-12). На двух предметах (из Плесинского и Сайгатинского могильников) рога обломаны (рис. 1. — 7-8). В одном случае (Барсовский I могильник) изображено безрогое животное, по характерному изгибу носа больше похожее на лося (лосиху), а не на оленя (рис. 1 - 9). Похожую морду имеет и одна из отливок Подчеремского клада (рис. 1 - 10). Как отмечал В.А. Городцов, нижняя часть морды этого животного напоминает лося, но оно имеет рога, как у барана, переданные художником не очень реалистично [Городцов, 1937, с. 138]. Длинные витые рога, как у горного козла, изображены на фигурке из погр. 13 могильника Большая Умытъя 28 [Зыков, Кокшаров, Лабаури, 2006, с. 228, рис. 4 - 4] (рис. 1 - 13). Такие же рога имеет животное на случайной находке с Барсовой горы; на голове его стоит пушной зверек, терзающий нос жертвы [Чемякин, 2008, с. 37. рис. 3 - 12] (рис. 1 — 14).

Все предметы объединяет множество сходных признаков. У большинства отливок ноздри и рот прорезные. Очень похоже выполнены глаза каплевидной формы с круглыми зрачками. Уши животных вытянуты, приостренные на конце. Почти в половине случаев в ушах — перлы (рис. 1 — 3-5, 10-13). У двух фигурок из Овгорта и могильника Большая Умытъя под подбородком — жгутик, в одном случае — ложновитой (рис. 1 - 11), во втором — из перлов (рис. 1 - 13).

Еще первые публикаторы таких находок — А.Ф. Лихачев и В.А. Городцов — отмечали высокое качество рассматриваемых наверший. Вот, к примеру, как описана В.А. Городцовым фигурка оленя из Подчеремского клада: «Фигура полая, ажурная, работы очень хорошей; особенно хороша отливка, требующая очень сложной литейной формы. После отливки предмет тщатель-

но пройден резцом и выглажен. Стиль строгий и довольно изящный» [Городцов, 1937, с. 137].

Анализ территории распространения наверший позволяет сделать вывод, что данные изделия принадлежат к категории вещей, практически одинаково распространенных по обе стороны Уральского хребта. При этом довольно сложно определить, какая территория является исходной для данных изделий. По мнению А.В. Гордиенко, появление изображений лося в виде наверший в раннесредневековой металлопластике Сургутского Приобья, скорее всего, обуславливается культурными связями с соседними историко-культурными областями, прежде всего, с Приуральем [Гордиенко, 2008, с. 130]. На наш взгляд, по манере исполнения навершия лучше соотносятся с западносибирской металлопластикой. В любом случае стилистическая близость этих предметов, бытовавших в Предуралье и Западной Сибири, несмотря на то, что каждый из них индивидуален, свидетельствует о том, что канон их изображения основывался на общей идеологической базе, распространенной в родственной этнической среде.

Авторы, публиковавшие навершия, датировали их в весьма широком диапазоне. В.А. Городцов отнес Подчеремский клад к IV в. н.э. [Городцов, 1937, с. 143]. Но сейчас совершенно понятно, что в кладе присутствуют разновременные материалы, в частности, есть комплекс вещей VIII-X вв. Навершие из с. Губдор В.А. Обориным было датировано VII-VIII вв. [Оборин, 1976, №226]. К.Г. Карачаров отнес навершия к материалам последней четверти VIII-IX вв. [Карачаров, 1993, с. 115]. Наиболее поздняя дата определена для фигурки оленя из Сайгатинского I святилища — X-XI вв. [Угорское наследие, 1994, с. 138]. Однако значительное сходство фигурок, их относительно редкая встречаемость дают основание предполагать, что они бытовали в ограниченный отрезок времени. Более точную датировку дают материалы могильников, где навершия обнаружены в погребениях. Погр. 13 могильника Большая Умытъя 28 отнесено ко второй половине X — самому началу XI вв. [Зыков, Кокшаров, Лабаури, 2006, с. 228]. Аналогично X — началом XI в. датировано и погр. 47 Редикарского могильника [Белавин, 2007, с. 49]. Очевидно, что период X—начала XI вв. — наиболее до-

стоверная дата бытования данных наверший.

К комплексу рассматриваемых находок примыкает также пока единственное навершие с головой коня, обнаруженное в погр. 27 Ликинского могильника, датируемого X-XIII вв. [Викторова, 2008, с. 182, № 260] (рис. 1 - 15). Оно представляет собой трубочку такого же диаметра, как у наверший с оленями, аналогично оформленную по краю валиками. Головка коня выполнена более стилизованно, но общие черты — манера оформления глаз, ушей с перлами — позволяют поставить предмет в общий ряд с навершиями-оленями.

Наибольшую сложность вызывает трактовка данных предметов. В том, что это навершия, все исследователи единодушны, поскольку сама форма изделий исключает иные интерпретации. Но для чего служили навершиями данные предметы, пока остается загадкой.

Еще А.Ф. Лихачев, описывая первую находку навершия в виде головы оленя вместе с навершиями с головами барана и хищной птицы, найденными в окрестностях Билярска, отметил, что, судя по округлой цилиндрической форме втулок и основываясь на том, что в некоторых из них были найдены остатки дерева (следовательно, они надевались на палку), можно предположить, что они служили украшением кнотовища плеток [Лихачев, 1886, с. 180].

В.А. Городцов предложил идею о том, что данные предметы служили, вероятнее всего, навершиями жезлов [Городцов, 1937, с. 137].

Обе эти идеи продолжают сосуществовать и в равной мере поддерживаются разными исследователями, хотя многие авторы совершенно справедливо предпочитают не уточнять, навершиями каких именно предметов являлись рассматриваемые изделия.

Не отрицая правомерность определения данных предметов как наверший жезлов, попробуем доказать возможность их использования в качестве наверший плеток. Побуждением к этому является то, что, как уже указывалось, в археологии слишком часто, затрудняясь определить область применения непонятного предмета, его относят к числу культовых.

Как указывает А.Н. Кирпичников, плети в археологических находках долгое время не могли правильно опознавать, и именно А.Ф. Лихачев был одним из первых, кто определил назначе-

ние металлических наверший как частей нагаек [Кирпичников, 1973, с. 132]. Археологические данные определяют появление плеток в конной практике примерно с IX в. Они использовались в качестве универсального средства управления конем как при верховой, так и при специально военной езде. Кроме того, А.Н. Кирпичников отдельно подчеркивает, что большинство остатков плетей в древнерусских курганах обнаружено в сочетании с оружием [Кирпичников, 1973, с. 132], очевидно, намекая на то, что плети могли использоваться и как боевое оружие. И в современных энциклопедиях плеть понимается не только и не столько как средство управления конем, но и как разновидность оружия.

Рассматриваемые навершия могут быть сопоставимы с известными бронзовыми и костяными затыльниками плетей с боковым выступом, предотвращающим выскальзывание плети из руки. Такие плети использовались для езды по-восточному, исключая применение шпор [Кирпичников, 1973, с. 132].

Большой проблемой оказывается то, что конструкция плети с металлическим или костяным затыльником остается не вполне понятной. К примеру, А.Ф. Лихачев упоминал об остатках древесины [Лихачев, 1886, с. 180], а А.Н. Кирпичников предполагает, что долевое отверстие в затыльнике предназначалось для пропуска мягкого бича [Кирпичников, 1973, с. 136].

В действительности разновидностей плетей и способов их плетения известно множество. Искусство изготовления плеток продолжает развиваться по сей день. В частности, плетки активно используются в рядах современного казачества. И в большинстве вариантов плеток в качестве сердечника рукояти используется металлический или деревянный стержень, к которому крепятся ремешки для плетения кнутовища. Сверху рукоять также оплетается ремешками, достигая толщины, удобной для охвата рукой.

Это обстоятельство, возможно, развеет сомнения В.Д. Викторовой, которая указывает, что навершия, к примеру, с головой коня или степной птицы слишком малы и неудобны для охвата мужской рукой, поэтому она видит в них навершия жезлов — знаков власти вождей [Викторова В.Д., 2008, с. 108].

Один из наиболее достоверных примеров

использования зооморфного навершия именно в качестве основания рукояти плети — костяная рукоять плетки, завершающаяся головой коня (рис. 1 - 16), обнаруженная в погребении №26 Плесинского могильника IX-X вв. на севере Пермского края. Инвентарь погребения отличался наличием большого комплекса разнообразного вооружения, включающего меч в остатках деревянных ножен с серебряными накладками и скобами для крепления к портупее, 3 наконечника копий, 5 наконечников стрел, топор, кинжал с костяной цилиндрической рукоятью, а также комплекса конского снаряжения: удила, стремя, подпружная пряжка. Рукоять плетки, которая изначально именно так была интерпретирована автором раскопок [Оборин, 1962, с. 27], располагалась справа у пояса. Эта рукоять в целом напоминает бронзовое навершие с головой коня из Ликинского могильника, снабженное удлиненной трубкой. Она представляла собой костяную трубочку длиной 13,5 см с зооморфным навершием, которая, очевидно, дополнительно насаживалась на деревянный стержень. О том, что трубочка была оплетена кожей, может свидетельствовать то, что геометрический орнамент, покрывавший ее центральную часть, сохранился очень хорошо, а верхняя часть предмета сильно стерта в процессе использования. Нахождение зооморфного навершия в комплексе с конским снаряжением, расположение его у пояса, где обычно носили плетки, может свидетельствовать о его верной трактовке как рукояти плети. Кроме богатого комплекса вооружения конного воина, о принадлежности погребенного к элитарной части общества свидетельствуют наличие серебряной погребальной маски и относительно обильный для мужчины набор костюмного убранства, включающий детали пояса с пряжкой, наконечником ремня и остатками поясной привески в виде низки медных бус с колокольчиком на конце, два браслета и костяной гребень с зооморфной спинкой, который был подвешен к поясу. Кстати, гребень с парой коней в полный рост является единственным среди гребней данного типа, у которого кони изображены с седлом и подпружными ремнями [Крыласова, 2007, рис. 1. — 4].

Навершия в виде головы оленя (лося) получили распространение на Урале и в Западной

Рис. 1. Зооморфные навершия рукоятей плетей

1. с. Губдор [Обдорин, 1976, № 226];
2. оз. Нанто [Сокровища Приобья, 2003, № 52];
3. Подчеремский клад [Городцов, 1937, табл. III/4];
4. Сургутское Приобье;
5. Биляр [Лихачев, 1886, табл. VI/2];
6. Сайгатинское святилище [Угорское наследие, 1994, № 112];
7. Сайгатинский могильник [Карачаров, 1993, рис. 2/3];
8. с. Плес [Спицин, 1902, табл. XXXI/12];
9. Барсовский I могильник [Угорское наследие, 1994, № 113];
10. Подчеремский клад [Городцов, 1937, табл. III/5];
11. п. Овгорт [Сокровища Приобья, 1996, на стр. 57/9];
12. Редикарский могильник [Беланин, 2007, рис. 9/3];
13. Могильник Большая Умытья 28 [Зыков, Кокшаров, Лабаурн, 2006, рис. 4/4];
14. Барсов городок [Чемякин, 2008, рис. 3/12];
15. Ликинский могильник [Викторова, 2008, стр. 182, № 260];
16. Плесинский могильник.

Сибири как раз в то время, когда здесь появляются костяные и металлические затыльники плетей как массовых вариантов, так и индивидуальные, выполненные в зооморфном стиле. Среди них в Прикамье, к примеру, известны металлические затыльники с изображениями грифона, лошади и даже верблюда [Белавин, 2000, с. 120]. Под влиянием этих изделий на Урале вполне мог возникнуть собственный вид зооморфных наверший плетей, имевших особое символическое значение.

Разумеется, в таежных землях Урала, а тем более Западной Сибири, конница вряд ли могла иметь самостоятельное военное значение. Если в Предуралье в мужских погребениях можно относительно часто встретить элементы конского снаряжения (удила, стремяна, детали узды), то в Западной Сибири такие находки единичны. Например, А.В. Гордиенко указывает на находки в Сургутском Приобье единственных железных удил с псалиями и рукояти плети с железным навершием [Гордиенко, 2008, с. 50].

Тем не менее, уже в период раннего железного века на Урале и в Западной Сибири появились изображения всадников, имеющие явно сакральное значение. Это могло быть вызвано выделением в обществе воинской верхушки, которая, стремясь подчеркнуть свое особое положение, копировала облик лучших воинов того времени — степных кочевников. Наибольшее значение образ всадника приобрел в IX-XI вв., когда, как показывают материалы прикамских и западносибирских могильников, в угорском обществе действительно возникла прослойка воинов, чьи погребения сопровождаются разнообразным вооружением, а в Прикамье — еще и элементами конского снаряжения. Особый статус погребенных подчеркивался наличием серебряных погребальных масок, наборных поясов, сабель и иных знаковых предметов, среди которых были и нагрудные подвески-всадники. Мы можем с полным основанием считать подвески со всадником символом высокого социального положения владельца — родового вождя или старейшины [Белавин, 2004, с. 338], предводителя вождества — промежуточной формы социополитической организации с централизованным управлением и наследственной клановой иерархией вождей. Высокий семантический

статус подвесок со всадниками подчеркивается тем, что всадники, изображенные по схожим канонам, присутствуют и на ряде культовых плакеток т.н. «пермского» звериного стиля [Белавин, Крыласова, 2010, рис. 2 — 12, 20-21; рис. 3. - 8].

Территория наибольшей концентрации находок подвесок IX-XI вв. с изображением всадников примерно совпадает с территорией распространения рассматриваемых наверший. Любопытно, что на наиболее ранних подвесках-всадниках и на ряде культовых плакеток всадник восседает не на коне, а на лосе или олене. Возможно, в этом имеется какая-то взаимосвязь с изображениями на рассматриваемых навершиях.

Таким образом, несмотря на то, что наличие конного войска в условиях таежной природы Урала и Западной Сибири весьма сомнительно, вполне могла существовать элитарная прослойка, которая выступала в качестве хорошо вооруженных всадников и могла иметь в составе своего снаряжения плети, использовавшиеся для управления конем и в качестве разновидности оружия. Одновременно плеть являлась особым знаком принадлежности к этой прослойке, и, таким образом, представления о том, что зооморфные навершия являлись жезлами, в целом близки к предложенной интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

- Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. — Пермь: ПГПУ, 2000. — 200 с.
- Белавин А.М. К вопросу об изображениях Мир-сусне-хума из Прикамья и Зауралья // Удмуртской археологической экспедиции — 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции. — Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 2004. — С. 331-339
- Белавин А.М., 2007. Редикарский археологический комплекс (по материалам раскопок 1996 г.) // Труды КАЭЭ. Вып. IV. — Пермь: ПГПУ. — С. 23-50
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Предметы с изображением сюжета «животное/всадник на основании» в культуре средневекового населения Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. №2(42). — Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2010. — С. 79-88.
- Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала. Страницы ранней истории манси. — Екатеринбург: Квадрат, 2008. — 208 с.
- Гордиенко А.В. Культурные связи Сургутского Приобья в эпоху раннего средневековья /дис. канд. ист. наук, рукопись. — СПб., 2008. — 317 с.
- Городцов В.А. Подчеремский клад // СА, № 2. — М.-Л.: АН СССР, 1937. — С. 113-150
- Зыков А.П., Кокишаров С.Ф., Лабаури А.Н. Исследования могильника Большая Умытья 28 // Ханты-мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 3. — Томск-Ханты-Мансийск: изд-во Томского ун-та, 2006. — С. 211-229
- Карачаров К.Г. Хронология средневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. — Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1993. — С. 110-118
- Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ, вып. Е1-36. — Л.: Наука, 1973. — 194 с.
- Крыласова Н.Б. Зооморфные роговые гребни в материальной культуре севера Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. №1 (29). — Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2007. С. 73-80
- Лихачев А.Ф. Скифские элементы в чудских древностях Казанской губернии // Труды VI археологического съезда в Одессе (1884). — Одесса: Тип. А. Шульца, 1886. — С. 135-188
- Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. — Пермь: Пермское кн. изд-во, 1976. — 192 с.
- Оборин В.А. Отчет о работе археологической экспедиции ПГУ и Коми-окружного краеведческого музея в июле 1961г. / рукопись. РА ИА РАН ф. 1 д. 2280. — Пермь, 1962.
- Рисунки древностей Пермской чуди, принадлежащие Пермскому музею. — Пермь, 1897. — Табл. I-XVI.
- Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. — Салехард-СПб., 2003. — 96 с.
- Сокровища Приобья. Каталог выставки /под ред. Б.И. Маршака, М.Г. Крамаровского. — СПб.: «Формика», 1996
- Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. Вып.26. — СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1902. — 109 с., илл.
- Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. — Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. — 160 с.
- Чемякин Ю.П. Случайные находки на Барсовой горе // Барсова гора. Древности таежного Приобья. — Екатеринбург-Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 28-43.

Б.А. Раев
г. Ростов-на-Дону

СЕРЕБРЯНЫЙ СОСУД ИЗ С. МАЙКОР (ПЕРМСКИЙ КРАЙ)

В 1909 г. в атласе «Восточное серебро» (табл. LXXXVI, № 153) Я.И. Смирнов опубликовал сосуд, найденный в с. Майкор Соликамского уезда Пермской губ. Из сведений о находке, приведенных в атласе, известно только, что сосуд был найден на кладбище Никитинского завода ранее 1894 года. Никаких данных об обстоятельствах находки, о том, был ли сосуд единичной находкой или входил в состав комплекса (клад? захоронение?), в публикации нет [«Восточное серебро», 1909, с. 10]. Непонятно даже, из какого материала сделан сосуд: в тексте нет его описания, а по черно-белой фотографии определяется тонкостенность, характер декора, но не материал. Майкорский кувшин мог быть и золотым, поскольку в издание включено много сосудов из золота.

Сосуд примечателен своим необычным орнаментом: тулово в придонной части оформлено узкими ложками, в средней — опоясано фризом, на котором изображены птицы с хохлом на голове и длинным широким хвостом (павлины?), выше, на плечиках, — фриз с изображениями рыб с широкими плавниками и крупной чешуей (сазан?). Зауженное невысокое горло под венчиком опоясано «бегущей волной». Пояса орнамента отделены друг от друга горизонтальными валиками (рис. 1). Орнамент на поверхности сосуда прочеканен небрежно, работа мастера выглядит грубой и непрофессиональной. Мастер не смог даже рассчитать количество и форму ложков в нижней части тулова, из-за чего некоторые из них расширяются не к середине тулова, а ко дну (рис. 1 - 1).

К настоящему времени сосуд, вероятно, утрачен. До 1917 г. он хранился в музее Пермской ученой архивной комиссии, попытки разыскать его в Пермском краевом музее не дали резуль-

татов¹. Среди находок, поступивших в 1920-е гг. из Пермской ученой архивной комиссии в Эрмитаж, найти этот сосуд также не удалось.

По общему виду и манере исполнения сосуд из Майкора напоминает небольшую деревянную облицованную тонким золотым листом кружку из Перещеино [Залеская, Львова, Маршак, Соколова, Фонякова, 1997, кат. 70]. Кружка входит в V группу изделий, объединенных формами, техникой и стилем декора, находящими ближайшими аналогиями у тюрков при заметном влиянии согдийского орнамента [там же, с. 80]. По мнению Б.И. Маршака, форма перещепинского сосуда связывает в одну цепочку тюркские и киргизские сосуды с более ранними аварскими. Автор отмечал, что немногочисленные аналогии из кладов раннего средневековья, к сожалению, не заполняют пробелы в эволюционном ряду подобных сосудов [Marshak 1986, Nr. 103, S. 325 ff.].

Кувшин из Майкора вряд ли имел деревянную основу. Деревянные кружки с боковыми кольцевидными или зооморфными ручками обычно круглодонные или со слегка уплощенным дном. Такие особенности Майкорского кувшина, как тонкостенность и ложчатый орнамент придонной части стенок, сближают его с ранними образцами серебряных сосудов школы В, выделенной Б.И. Маршаком. [Маршак, 1971, с. 23–27]. Ложчатые фиалы из кладов в Чилеке и Мунчак-тепе, которые и составляют раннюю группу школы В, близки к парфянским, которые, в свою очередь, восходят к ахеменидским образцам [там же, с. 40].

Безусловным влиянием провинциально-римских торевтов можно считать фриз в виде «бегущей волны», которым оформлена верхняя часть плечика Майкорского сосуда.

Ложчатый орнамент на стенках металлических сосудов эллинистического и римского времени чрезвычайно редок: я знаю лишь два бронзовых кувшина, украшенных ложками: из погребения II в. н.э. в Чугуно-Крепинке [Simonenko 2008, Taf. 58] и из погребения III в. н.э. в Страже [Kras-kovská, 1978, p. 19, Fig. 11, 2]. Оба сосуда, вероятнее всего, были изготовлены в мастерских восточных провинций или в Египте, влияние которых на мастеров Центральной Азии общепризнано.

Другие специфические элементы декора стенок нашего сосуда находят аналогичные в творчестве античного времени, ни в восточном серебре эпохи раннего средневековья, но могут быть сопоставлены с посудой более раннего времени.

Наиболее показательным является двухъярусный фриз, прямое соответствие которому можно видеть на серебряной пиксиде из погребения начала I в. н.э. из с. Косика на юге Астраханской области [Федоров-Давыдов, Дворниченко, 1993, с. 147]. На трехъярусном фризе, заполняющем всю поверхность стенок, изображены рыбы, птицы и сцена охоты на птиц [I tesori, 2005, No 93]. Развернутые влево рельефные изображения животных и лучников частично плакированы золотом (рис. 2; 2а). Некоторые особенности изображений, техника плакировки золотом и элементы декора позволяют отнести пиксиду, как и другие найденные в Косике сосуды, к изделиям парфянских мастеров.

Рыбы на пиксиде изображены схематичней, чем на кувшине; несмотря на крупную чешую и крупные плавники, определить их породу трудно. Интересно, что на обоих сосудах изображено по четыре рыбы.

В первой публикации авторы определили двухптиц нижнего фриза пиксиды как цапель (?), а двух других отнесли к семейству утиных [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 147]. С первым определением трудно согласиться: характерный горбатый клюв крайней левой птицы на рис. 2а дает основания предположить, что изображен или пеликан, или гриф. В верхнем фризе две крайние птицы из породы утиных, а центральная — с горбатым клювом. Несмотря на то, что на обоих фризах изображены птицы разной породы, мне кажется, что они объединены общим сюжетом, разворачивающимся снизу вверх, но в нижнем фризе

слева направо, а в верхнем — справа налево.

Две первые птицы идут друг за другом, следующая показана с крыльями, поднятыми и напряженными перед взлетом, следующая — с небольшим размахом крыла. Размах крыльев следующих птиц увеличивается, и, наконец, последнюю из них поражает стрела коленопреклоненного лучника. На последнем персонаже остановимся подробнее.

Поза, неестественная для стрельбы из лука, дополняется необычным способом натяжения тетивы: оба персонажа держат короткие луки «скифского типа» в правой руке, левая, оттягивающая тетиву, заведена за спину. М.Ю. Трейстер, описывая предметы вооружения на сосудах из Косики, предположил, что на пиксиде изображены вильчатые с тремя остриями наконечники стрел, которые употреблялись для охоты на птицу [Трейстер, 1994, с. 184]. Менее вероятным автор считал отождествление наконечников с хуннскими ступенчатыми I в. до – I в. н.э. [там же, с. 185]. Представляется, однако, что наконечники стрел с выступающим центральным жалом и пламевидно расходящимися от него лопастями изображены настолько реалистично, что отнести их к какому-то иному типу, кроме как к хуннским ступенчатым, невозможно.

Подобные наконечники в хуннских памятниках Забайкалья и Монголии датируются I в. до н.э. – I в. н.э., в Туве (Кокельский могильник) они относятся к I–II вв. н.э. Считается, что в евразийских степях они появляются только в IV–V вв. н.э. [Засецкая, 1988, с. 77, рис. 3, 10–19], однако отдельные экземпляры попадали в Центральную Азию и даже в Причерноморье в более раннее время [ср.: Подушкин, 2012, с. 43, рис. 1, 14; Пардаев, Тошбоев, Грицина, 2009, с. 193, рис. 5; Симоненко, 2010, с. 99]. Железные наконечники стрел не являются престижным предметом, меняющим владельцев и, таким образом, перемещающимся на большое расстояние. Скорее всего, их раннее проникновение в Центральную Азию и далее на запад связано с инфильтрацией отдельных групп гуннского населения.

В наборах стрел трехжальные наконечники встречаются в единичных экземплярах, и это может быть обусловлено их небоевым применением [ср.: Раев, 2012, с. 384 и сл.]. Ко-

¹ Письмо директора музея О.С. Юдиной от 02.04.09. Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность сотрудникам музея за консультацию.

ленопреклоненная поза лучников с оттянутой за спиной тетивой, изображения грифов, мультипликация взлета утки свидетельствуют скорее о каких-то ритуальных действиях, нежели воспроизводят сцену рядовой охоты на водоплавающих. Специальное (ритуальное?) назначение подобных наконечников объясняет не только их малочисленность, но и использование в течение длительного времени, вплоть до VIII в. н.э. [Литвинский, 2001, с. 116, табл. 31, 33]. Как инструмент охоты на птиц подобные наконечники должны были бы существовать у многих, не только степных народов, и не в единичных экземплярах.

Любопытную и единственную известную мне параллель изображениям лучников удалось обнаружить на костяных пластинах из кургана I Шиловского могильника. находка, сделанная в 1992 г., породила уже целую серию статей, интерпретирующих изображения в диапазоне от опирающихся на аналоги трактовок отдельных изображений [Флерова, 2001, с. 82–86] до вольного пересказа гипотетически восстановленного сюжета [ср.: Фонякова, 2012, с. 330–333. Здесь же вся предшествующая литература].

Нас на пластинах интересуют изображения лучников в характерной коленапреклоненной позе (рис. 3). Один из лучников изображен обращенным к медведю и как будто целится в него (рис. 3, 1). Он одет в подпоясанную длинную наплечную одежду, судя по нанесенной на 2/3 длины рукава штриховке — кандис*. Второй лучник в длинной подпоясанной, видимо, кольчужной рубахе изображен за тяжеловооруженными атакующими воинами (рис. 3, 2). Авторами уже отмечалось, что с луком на медведя не охотятся [Фонякова, 2012, с. 331], столь же маловероятной представляется мне поддержка тяжеловооруженных копьеносцев лучником, находящимся за строем пехоты.

Возвращаясь к нашим сосудам, следует надеяться, что сюжет верхнего фриза пиксиды из Косики найдет соответствие в иранской мифологии, как, например, изображение, выполненное в той же технике на серебряном кувшине из Высочино [ср.: Лукьяшко, 2000, с. 163–171]. Не обладая необходимыми знаниями в этой области, расшифровку изображений на пиксиде я считаю необходимым оставить специалистам. Не исключаю, что это

позволит по-новому интерпретировать изображения на Шиловских костяных пластинах.

На пермском сосуде нет сцен охоты с лучниками, повторены только два нижних фриза, птицы и рыбы изображены более натуралистично, определение их породы не вызывает трудностей. Несмотря на значительный хронологический разрыв (не менее 500 лет!) и различия в технике изготовления, генетическая связь изображений на обоих сосудах представляется очевидной.

Аналогии Майкорскому кувшину среди изделий ранних школ согдийской торевтики позволяют говорить о его изготовлении, скорее всего, в мастерских Центральной Азии. В то же время сюжетная близость изображений на нем и на пиксиде из Косики дает возможность высказать предположение о связи традиций парфянских мастеров и мастеров ранних школ торевтики средневекового Востока.

Рис. 1. Сосуд из с. Майкор (Пермский край) по: Восточное серебро, 1909, Табл. LXXXVI, № 153].

Рис. 2. Серебряная пиксида из погребения у с. Косика (Астраханская обл.) [Рис. Н.Е. Беспалой].

Рис. 2 а. То же, развертка изображения.

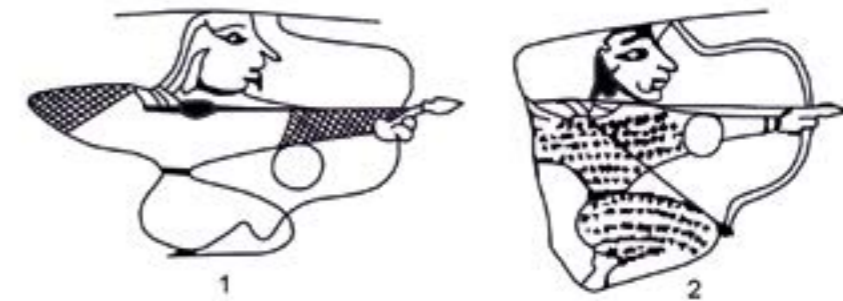

Рис. 3. Лучники на костяных пластинах из Шиловского кургана [по: Флерова, 2001, рис. 1, 1, 3; обводка автора].

* Кандис — приталенный кафтан с узкими рукавами, собранными в складки на 2/3 длины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи [Предисл. Я.И. Смирнова]. – СПб., 1909. – 18 с., 130 отд. л. ил.
2. Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. – 1993. – №2. – С. 141–179.
3. Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фоякова Н.А. Сокровища хана Курбата. Перещепинский клад. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1997. – 335 с.
4. Засецкая И.П. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV – V вв. н.э.) // История и культура сарматов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1988. – С. 70–84.
5. Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). – Т.2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 528 с.
6. Лукьяшко С.И. О семантике изображений на серебряном кувшине из кургана 28 группы Высочино VII // НАВ. – Вып. 3. – Волгоград, 2000. – С. 163–171.
7. Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. – М.: «Наука», 1971. – 191 с.
8. Пардаев М.Х., Тошбоев Ф.Э., Грицина А.А. Фулбо мозоркўргонлари мажмуасини ўрганилиши хусусида // Археологические исследования в Узбекистане 2006–2007 годы. – Ташкент: «ФАН», 2009. – Вып. 6. – С. 187–195.
9. Подушкин А.Н. К этнической истории государства Кангюй II в. до – I в. н.э. (по материалам могильников Орлат и Культобе) // *Stratum plus*. – 2012. – № 4. – С. 31–53.
10. Раев Б.А. К интерпретации редких типов наконечников стрел из Новолабинского могильника // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. – СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. – С. 384–389.
11. Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; *Нестор-История*, 2010. – 328 с.
12. Трейстер М.Ю. Сарматская школа художественной торевтики (К открытие сервиса из Косики). – ВДИ, – №1. – С. 172–203.
13. Флерова В.Е. Согдийское ремесло и кочевники VII–VIII вв.: о происхождении накладок седла из Шиловского кургана // *Средневековые древности евразийских степей*. – Воронеж, 2001. – С. 82–85. [Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 15].
14. Фоякова (Чувилло) Н.А. Загадка Шилловских пластин // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. – СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 1. – С. 330–333.
15. *I tesori della steppa di Astrakhan* (Roma, Palazzo Venezia, 17 marzo – 29 maggio 2005). – Milano, 2005. – 183 p.
16. Kraskovská L. *Roman Bronze Vessels from Slovakia* [BAR, Int.Ser. 44]. – Oxford, 1978. – 81 p.
17. Marshak B.I. *Die Silberschätze des Orients. Metallkunst des 3.–13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität*. – Leipzig: E.A. Seeman, 1986. – 438 S.
18. Simonenko A.V. *Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban* [Archäologie in Eurasien. Bd. 25]. – Mainz: von Zabern, 2008. S. 1–264.

IV. ФОРМИРОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ АДАПТАЦИЙ

Г.Н. Паранина
г. Санкт-Петербург

КАМЕННЫЕ ЛАБИРИНТЫ-ГНОМОНЫ В СИСТЕМЕ СОЛЯРНОЙ НАВИГАЦИИ

Оседлый образ жизни Человека Разумного связывают с переходом от присваивающего типа хозяйства к производящему в начале голоцена — 10-12 тыс. лет, а до этого тысячи и миллионы лет человек вел подвижный образ жизни, следовательно, накапливал опыт освоения пространства и совершенствовал способы навигации.

Определение навигации включает две составляющие: собственно движение и его информационное обеспечение — ориентирование в пространстве-времени. Элементы астрономической навигации проявляются у всех биологических видов (фотопериодизм растений, биологические часы, лунные циклы, миграции на далекие расстояния рыб, птиц, млекопитающих...). Причина этого — надежность астрономических ориентиров — значительно большая устойчивость по сравнению динамичными — ландшафтными. Можно предположить, что человек никогда не утрачивал природной способности к астрономической навигации, а, наоборот, в процессе освоения географического пространства развивал её на новой — инструментальной — основе. Первые календари, известные по археологическим находкам, имеют возраст более 20-30 тыс. лет.

Фундамент исследований навигации ближайших тысячелетий заложен трудами Дж. Хокинса, Дж. Вуда, В.А. Фролова, В.Е. Ларичева и др. [Хокинс, 1977; Вуд, 1981; Фролов, 1992; Ларичев, 1999]. В частности, установлено следующее: 1) в основе трансконтинентальных графических универсалий каменного века лежит астрономо-математическое знание; 2) первобытный человек создал различные формы календарей, основанных на движениях Солнца и Луны; 3) ряд древних мегалитических объектов использовался при астрономических наблюдениях. Это свидетельствует о развитой

системе навигации в доисторическое время.

Существенный вклад в понимание системы культурных коммуникаций прошлого вносит теория антропологии движения В.А. Головнева [Головнев, 2009]. Представляется перспективной идея геополитических экстраполяции, основанная на объективной оценке географического положения территории городища-святилища Усть-Полуй, а сегодня — г. Салехарда, которое предопределяет его роль в региональной надсистеме. Аналогичные выводы были сделаны ранее для Карельского перешейка (о. Рус, из арабских источников) и г. Санкт-Петербурга, расположенного на перекрестке трансконтинентальных путей и обреченного на выполнение столичных функций [Паранин, 1990, 1998]. Эти и множество подобных примеров показывают роль элементов навигации в появлении городищ как мест коммуникации и сакральных центров, а позже — городов — локальных стратегических объектов, обеспечивающих контроль и управление территориальными системами.

Основу наших исследований роли навигации в формировании геокультурного (освоенного) пространства составляют научные обобщения В.И. Паранина, сформулированные в работах по исторической географии: 1) о международном разделении функций регионов, основанном на различиях природно-ресурсного потенциала и системе коммуникаций; 2) о ключевой роли Северо-Западного региона России в евразийском пространстве; 3) о топонимической маркировке структуры территориальных систем разного уровня; 4) определение структурообразующей роли трансконтинентальных путей как потоков вещества, энергии и информации, формирующих геокультурное пространство; 5) обоснование полицентричности геокультур-

ного пространства и его циклической динамики, связанной с ритмами природных процессов, и как следствие — несовпадение его моделей, созданных в разные эпохи. Разработка и применение этих методологических принципов позволили В.И. Паранину решить проблемы локализации многих известных по описаниям древних источников объектов, «потерянных» или перенесенных в другие регионы, поскольку географические условия в течение голоцена изменялись и в прошлом были иными, нежели те, что наблюдают поколения древних и современных исследователей [Паранин, 1990, 1998].

Для развития представлений о структуре геокультурного пространства и его отражении в социокультурной парадигме необходима разработка понятий «коммуникационная проточность ландшафта», «информационная модель мира», «система солярной навигации».

Коммуникационная проточность ландшафта — характеристика, предложенная нами для его свойств, обеспечивающих средства (способы), направления и устойчивость потока (пропускной режим) передвижения человека и продуктов его деятельности. В основу этого понятия положено определение А.Д. Армандом проточности как всеобщего свойства природных систем, отражающего степень их открытости [Арманд, 1988], положения теоретической географии об общих свойствах территориальных сетей [Родоман, 1999] и концептуальная формула «поток организует пространство» [Викторов, 2000]. Для объективного анализа эволюции евразийского геокультурного пространства представляется актуальным создание серии карт коммуникационной проточности на основе палеогеографических данных об изменении природных обстановок, с учетом археологических и исторических свидетельств.

Информационная модель мира (ИММ). Наши исследования, посвященные календарной расшифровке каменных лабиринтов с помощью гномона — астрономического инструмента обратного визирования, позволили установить алгоритм кодирования знаков природы «природный процесс — знак — мифологический образ», увидеть отражение пространственно-временного континуума в ностратической основе языка, сакральных знаках и символах, широко употребляемых знаковых

системах и известных мифологических сюжетах [Паранина, Паранин, 2009; Паранина, 2010, 2011, 2012]. Формы кодирования информации: знак — графическая модель природного процесса (реальное его отражение, абстрактное для восприятия); образ — художественная модель знака (идеален по содержанию, конкретен по форме); миф — обобщенная образно-сюжетная модель природного процесса.

Блоки разработанной нами ИММ различаются по функциям: базисным и структурообразующим является навигационный блок, который создает семантический фундамент, пронизывает всю совокупность кодирующих и тиражирующих частей (лингвистический, топонимический, семиотический, мифологический и др. блоки) и составляет суть сакрального блока (культурных традиций). Принимая во внимание доминирующее значение солнечной энергии в организации географического пространства и его моделей, можно констатировать, что проток солнечной энергии организует время, пространство и информацию, иными словами, солнечный свет — основа порядка. Объективная оценка роли навигации в формировании ИММ в древности опирается на её универсальные возможности в определении любого объекта по его положению в пространстве-времени.

С этим согласуется и универсальный символизм Времени, который охватывает: 1) рождение; 2) этапы жизни (статус, переходы-инициации); 3) порядок пространства-времени (Мир — измеренный, упорядоченный Хаос; колесовремени: линейность, векторность, цикличность); 4) воспроизводство благ, плодородие, изобилие (мельница-сампо, рог изобилия); 5) прогноз и управление («предупрежден — значит спасен»); 6) знание: власть и сила, закон и порядок (геральдические символы, включая посох, жезл, скипетр); 7) вечность — возрождение (в мемориальных объектах). Очевидно, что именно связь с Жизнью определяет значимость, следовательно, сакральность навигационных знаний.

Сегодня, в эпоху мощного развития всех видов коммуникаций, понятие «навигация» употребляется в отношении поиска необходимой информации. Представляется, что глубокое понимание наиболее общих алгоритмов протекания информационных процессов (ранжиро-

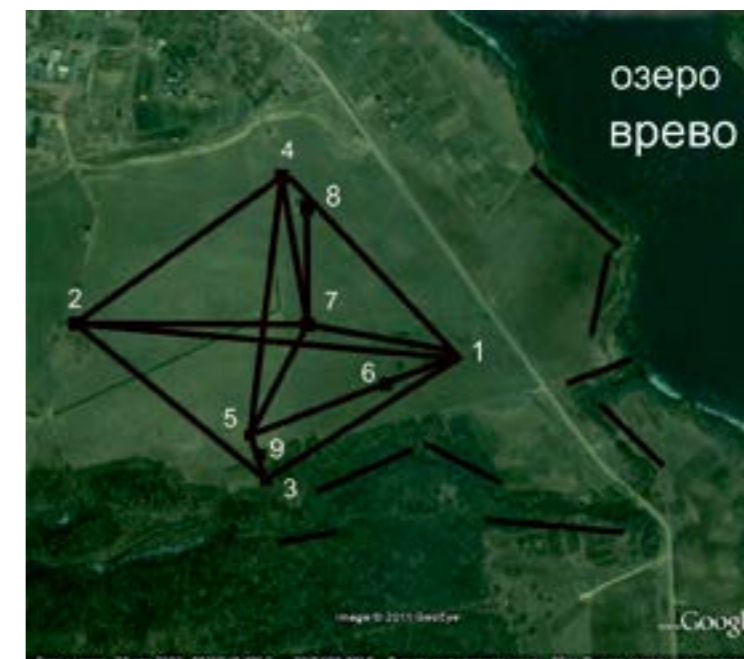

Рис. 1

Рис. 2

вание, кодирование, трансформация, сохранение, воспроизведение) может быть полезно для наведения порядка в информационном пространстве по уже проверенной схеме «Мир — из Хаоса».

Система солярной навигации — информационная основа коммуникаций. В географических исследованиях природа традиционно

рассматривается как иерархически построенная система, в которой принято выделять три основных уровня: глобальный, региональный и локальный. Большое значение придается конструктивной роли надсистемы по отношению к подсистеме (вертикальные связи) и соседству, сопряженному развитию (горизонтальные связи).

Можно предположить, что первыми информационнозначимыми локальными элементами навигационной системы были хорошо заметные и обеспечивающие обзор природные объекты и местоположения, а функцию долговременного хранения эталонов пространства и времени выполняли устойчивые объекты и процессы: скальные породы и тектонические трещины, линейные формы эрозионного мезо- и макрорельефа и др. Дополнительную энергию человек прикладывал к ним по необходимости — для выделения в ландшафте, повышения надежности получения информации.

Многие археологические памятники и почитаемые объекты содержат в своей форме или планировочной структуре сакрального пространства направления, соответствующие основным ориентирам пространства и времени. Наши исследования 2010-2012 гг. показали, что расположение петроглифов согласовано не только с ландшафтом (размещение на элементах рельефа, обеспечивающих движение, в заметных местах, удобных для отдыха и ориентирования), но и со значимыми астрономическими и географическими направлениями. Например, наскальные рисунки Старой Залавруги (р. Выг, Беломорское побережье) возрастом 6000 лет связаны с направлением трещин на скалах, а их календарные сюжеты — с направлениями С-Ю, З-В; главное панно петроглифов Калбак-Таш (р. Чуя, Горный Алтай) расположено на ступеньке в рельефе, ориентированной З-В, что позволяет использовать останец на склоне речной долины для определения дней весеннего и осеннего равноденствия, разделяющих год на зиму и лето.

Информативна структура и более поздних объектов. Салбыкское курганное поле в Хакасии и мегалитический комплекс с почитаемым камнем Святой Параскевы Пятницы в Ленинградской области расположены на элементах рельефа, ориентированных по линии ЮВ-СЗ природными процессами: водной эрозией в предгорной наклонной части Салбыкской долины и интенсивностью тектонических процессов в самой глубокой котловине Черемнецких озер (ЮЗ берег оз. Врево). Линейные элементы ландшафтного рисунка в обоих случаях соответствуют азимутам восхода в зимнее / захода в летнее солнцестояние

(рис. 1), а сакральные объекты повторяют основное и добавляют другие важные календарные направления: З-В, СВ-ЮВ. [Марсадилов, Паранина, 2010; Паранина, Марсадилов, 2010].

Исследования почитаемых природных и рукотворных объектов показали, что при некотором сходстве они все-таки неповторимы. Например, у освященных камней, носящих имя Параскевы, форма кресла и треугольный водоем индивидуальны, и это не позволяет их перепутать. Уникальность северных лабиринтов-гномонов находит очевидное объяснение также во влиянии географической широты. Если до 50 параллели широтные различия в азимутах восхода/захода Солнца в дни солнцестояний незначительны, то в более высоких широтах изменения нарастают скачкообразно, и азимут входа в лабиринт, отмечающий начало нового годового цикла, на разных широтах значительно различается. К этому следует добавить влияние рельефа при его несовпадении с линией астрономического горизонта и отклонения, связанные со смещением тропиков и полярных кругов по ходу длительно-периодических ритмов. Таким образом, все сакральные объекты уникальны, могут быть использованы как хорошо различимые маркеры пространства и локальные инструменты навигации.

Региональные элементы. Расположение локальных инструментов в географическом пространстве не случайно: они часто находятся на одной линии, возможно, в соответствии с принципом построения астрономо-геодезической сети более высокого уровня. На территории Ленинградской и прилегающих областей было выделено несколько линейных структур (рис. 2). На одной параллели расположены почитаемые камни Св. Параскевы Пятницы, курган Шум-гора и Перынь; СПб и курганы Ст. Ладоги; на одном меридиане — четыре объекта, связанные с почитанием Параскевы Пятницы. На линии СВ-ЮЗ расположены о-ва Валаам, Коневец, Санкт-Петербург, камень Св. Параскевы в Плюсском районе Псковской области [Григорьев, Паранина, 2012].

Региональные топонимы могут отражать цветовую характеристику, указывающую на положение частей в пространственной системе [Паранин, 1990]. Элементы водных путей часто имеют маркировку топонимами с единой

основой, например «вол/вал» (Волга, Валдай, Волхов, Валаам и топонимы в Карелии), «гол/кол» (Па де Кале, Англия, Голландия, Кольский п-в), «он» (Онежское озеро и река). В Карелии и на Кольском полуострове часто встречаются гидронимы, включающие корень «тул», которые ассоциируются с загадочным «последним Туле», упомянутым в античное время как предел суши на Севере. Интересно, что в английском языке это слово означает «инструмент».

Глобальная система. Заслуживает внимания расположение ряда крупных сакральных объектов Азии на широте 52°, а Стоунхенджа и Мостищенского лабиринта — на 51° с.ш. По мнению ведущего научного сотрудника ГАО РАН С.С. Смирнова, расположение на этой же широте ряда известных городов — древних культурных центров на крупнейших реках Европы, также не случайно: причиной популярности 51-й параллели в древности могло быть то, что это одна из границ семи климатов — зон с различным режимом солнечного освещения, описание которых известно из трудов ученых Древнего Вавилона ($90^\circ/7 = 12,857^\circ$, $12,857^\circ \times 4 = 51,4^\circ$) [Смирнов, 2011]. Для выделения пространственных границ это обстоятельство являлось серьезным аргументом и, как видим, выдерживалось в достаточной удаленных регионах, представляя собой выражение единой парадигмы в навигации.

Анализ карт мира показывает, что астрономически чувствительные зоны — границы поясов освещения (полярные круги и тропики) — совпадают с областями, для которых характерно большое количество солнечных дней в году, что объясняет развитие там солярных культов.

Наиболее устойчива солнечная погода в тропиках, где высокое атмосферное давление сохраняется в течение всего года, — эти регионы планеты известны своими памятниками: Египет, Мексика, Перу и другие. Их сохранению способствовали сакральность и монументальность объектов, сухость климата.

Сухой экстраконтинентальный климат в центре Евразии — природная основа развития солнечного культа на территориях, в настоящее время принадлежащих к ареалу «лунных» культурных предпочтений. Подтверждением этого служат мегалитические памятники тагарского времени, особенно окуневской куль-

туры в Хакасии, датируемые 2000 л. до н.э., топонимика и древние наскальные изображения солярных быков, кругов, спиральных и концентрических лабиринтов в Саяно-Алтае.

Особенность приполярной зоны, где сосредоточены каменные лабиринты, состоит в том, что летом, в период активной хозяйственной деятельности, из наблюдения исключены все ориентиры ночного неба — полярный день и белые ночи делают их малозаметными. Другая особенность этого региона состоит в том, что в течение года космографическая ситуация на северном (и южном) полярном круге предоставляет возможности, которых нет нигде на планете: «Только на этих особенных параллелях один раз за каждые сутки линия горизонта пересекает одновременно все зодиакальные созвездия. Ежедневно на Северном полярном круге в 18 часов Звездного времени плоскости истинного горизонта и эклиптики совпадают» [Смирнов, 2011, с. 127].

Сакральность: традиции и инновации. Многочисленные примеры показывают наследование сакральности объектов или их месторасположения при смене идеологии, власти и т.п. Такая проверка временем свидетельствует о том, что глубинная суть их почитания относится к разряду безусловных жизненноважных категорий, а главное их свойство — положение в географическом пространстве...

Семантическая реконструкция планиграфии мегалитического комплекса на о. Врево позволяет выделить три дублирующие, но технологически самостоятельные части навигационного назначения. Первая в качестве визирных линий может использовать линейные элементы ландшафта — крутой спрямленный участок берега озера на южной оконечности озера (от урочища Крутик в дер. Конезерье). Две другие расположены на террасах в 100 м от воды. Крупные камни, поставленные на большом расстоянии друг от друга, образуют равнобедренный треугольник в понижении рельефа, что очень удобно для прямого визирования точек восхода/ захода Солнца у ближнего горизонта. Более мелкие камни на приподнятой, хорошо освещенной площадке образуют треугольник меньших размеров (с признаками подобия первому), удобный для обратного визирования по тени. Эта более совершенная — компакт-

ная и независимая от ландшафта обсерватория занимает меньше места, не нуждается в визуальных ориентирах на линии горизонта, вероятно, более поздняя по времени создания.

Во время христианизации Севера многие почитаемые объекты были уничтожены, а некоторые — освящены или заменены часовнями, церквями. Деградации навигационных навыков и знаний способствовало разрушение системы коммуникаций жесткими границами в пространстве, индивидуальном и общественном сознании. Первичная причина сакрализации оказалась забыта и заменена, но мотивы почитания остались все те же — универсалии жизни и Времени.

Основные этапы мотивации почитания: жизненно важная информационная система навигации («знания — дары космоса»); материальное взаимодействие с богами (по схеме «я тебе — ты мне» в форме жертвоприношений); места силы сегодня (для «подпитки жизненных сил природной энергией»).

Эволюция социокультурной парадигмы: коллективное осознанное почитание (экологическое сознание: знание природных процессов, целостное восприятие); неосознанное коллективное почитание (гуманитарное сознание, порождение искусственной городской культуры); мистификация, индивидуальное использование (в том числе в оздоровительных, а сегодня — и в коммерческих целях).

Разноаспектный и многоуровневый анализ процессов развития системы евразийских и планетарных коммуникаций может обеспечить формирование целостной картины — адекватной информационной модели мира и осмысленной связи прошлого, настоящего и будущего.

Выводы

1. Навигация в пространстве-времени — основа системы жизнеобеспечения и информационных моделей мира в древности.

2. Основа единства знаковых систем — порядок пространства-времени, где основой инварианта являются глобальные ритмические процессы, а вариации создает региональная специфика их проявления

3. Новый взгляд на отражение реального пространства-времени в культуре: мифологические воплощения многогранные и обоб-

щенные, знаки и символы — универсальны и региональны (специфичны), объекты — оригинальны и рациональны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арманд А.Д. Самоорганизация и саморегулирование географических систем. М.: Наука, 1988. – 261 с.
2. Викторов А.С. Основные проблемы математической морфологии ландшафта / М.: Наука, 2006. – 252 с.
3. Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). – Екатеринбург. УрО РАН, Волот, 2009. – 496 с.
4. Григорьев А.А., Паранина Г.Н. Древнее наследие Северо-Запада России. Географические аспекты. СПб.: Астерион. – 130 с.
5. Гусаков М. Городища-святилища между Днепром и Волгой: опыт археоастрономии // Русская традиция. 2006. №4 – С. 5-117.
6. Ларичев В.Е. Заря астрологии: Зодиак троглодитов, Луна, Солнце и «блуждающие звезды». – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. – (Серия «История науки и техники»). – 320 с.
7. Марсадалов Л.С., Паранина Г.Н., Григорьев Ал.А. Новые подходы к изучению объектов природного и культурного наследия // География: проблемы науки и образования. Материалы ежегодной Международной научно-практической конференции «LXV Герценовские чтения», посвященной 215-летию Герценовского университета и 80-летию факультета географии, Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И.Герцена, 19-21 апреля 2012 года – СПб.: Астерион, 2012. – С. 71-80
8. Марсадалов Л.С., Паранина Г.Н., Угдыжков С.А., Боргояков С.А. Информационный анализ сакрального пространства Салбыкской долины. // Современные трансформационные экономические и социально-политические процессы. Тез. докл. II межд. научно-практ. конф. – Абакан: РИО Хакас. техн. ин-та. 2010 – С. 132-138
9. Паранин В.И. Историческая география летописной Руси. – Петрозаводск. 1990. 152 с.

10. Паранин В.И. История варваров. – СПб.: изд. РГО. 1998. 184 с.
11. Паранина Г.Н. Свет в лабиринте: время, пространство, информация. – СПб.: Астерион. 2010. 123 с.
12. Паранина Г.Н. Северный лабиринт-гномон: компас, часы, календарь // Квартер во всем его многообразии. Фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Том 2. Материалы VII Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. – Апатиты, 12-17 сентября 2011 г. – С. 137-140.
13. Паранина Г.Н. Сакральные места Севера – элементы информационной системы жизнеобеспечения древнего мира // Региональная политика. Экономика. Социология. N 3-4. 2012. С. 24-28.
14. Паранина Г.Н. Каменные лабиринты в системе древней навигации // Дивногорский сборник: Труды музея-заповедника «Дивногорье» Вып. 3 Воронеж: Научная книга, 2012 – С. 209-221.
15. Паранина Г.Н. Семиотика географического пространства как основа моделирования и информационно-семантического анализа // Гуманитарные науки в Якутии: исследования молодых ученых: сб. науч. ст. – Вып. 3. – Якутск: изд-во ИГИ-иПМНС СО РАН, 2012. С. 71-86.
16. Паранина Г.Н. Глобальная и региональная география наследия соляных культов // Глобальные и региональные проблемы исторической географии Матер. IV межд. конф. по истор. географии СПб. 2011 С. 732-738.
17. Паранина Г.Н., Паранин Р.В. Лабиринт: ориентация в географическом пространстве и эволюция знака // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика. [Материалы IV Поморских чтений по семиотике культуры, 7-11 июля 2008 г., Пинежский заповедник] – Архангельск: Поморский ун-т. 2009, – С. 516-518.
18. Паранина Г.Н., Паранин Р.В. Древняя система ориентации Европейского Севера // Устойчивое развитие и геоэкологические проблемы Балтийского региона. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 1150-ле-

тию В. Новгорода 23-25 октября 2009 г., г. Новгород. С. 249 - 254.

19. Паранина Г.Н., Субетто Д.А. Гномон — ключ лабиринта // Природа, №3, 2010. – С. 44-52.
20. Паранина Г.Н., Марсадалов Л.С. Объекты культурного и природного наследия как информационный ресурс геокультурного пространства. // Развитие туризма в Балтийском регионе: предпосылки, современное состояние и перспективы. Конференция с международным участием 18-19 ноября 2010 года. – Псков: Псковский педуниверситет. 2010. – С. 24-27.
21. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. / Смоленск, 1999. – 256 с.
22. Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж: ВГПУ. 2001. – 192 с.
23. Смирнов С.С. Двенадцать лучей звезды Петербург. Космография северной столицы // Время. Ландшафт. Культура. / Материалы науч.-практ. семинара «Этнокультурная география и семиотика географического пространства» 2011-го г. Вып. 2 – СПб.: Астерион, 2011. – С. 126-129.
24. Фролов Б.А. Первобытная графика Европы. – М.: Наука. 1992 – 200 с.
25. Хокинс Дж. Кроме Стоунхенджа. – М.: Мир, 1977. – 268 с.
26. Paraniina G. Northern Labirinths – gnomon and models of geographical space // Ельзевир, 2011. P. 593-601.
27. Paraniina G. Navigation in space-time-a basis of information models of the world / Montreal Internat. Engineering Forum 2012, Febr. 9-10. 2012. Montreal, Canada. Program and Abstract Book.
28. Paraniina G. Northern Labyrinths in North Europe: A Key to Time and Space // Environment and Ecology in the Mediterranean Region. – Chapter 33 Cambridge Scholars Publishing. Newcastle upon Tyne. 2012. P. 393-408.
29. Paraniina G. The Labyrinth – a key Space, Time, the Information // International Simp. on Kaz Mountains (Mount Ida) and Edremit. Proceed. and Abstracts. Izmir, Turkey. 2011. P. 106-107.

В.А. Борзунов
г. Екатеринбург

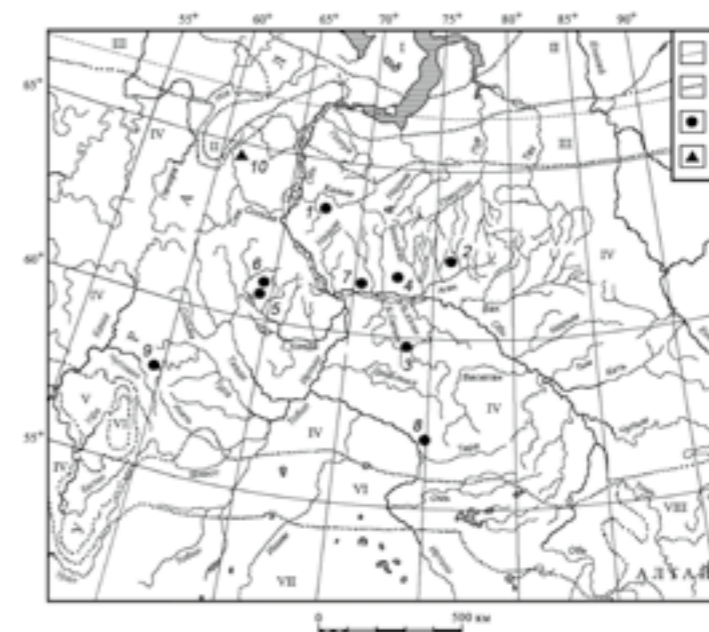
ДРЕВНЕЙШИЕ УКРЕПЛЕНИЯ СЕВЕРА ЕВРАЗИИ: НЕОЛИТ

Одним из последствий неолитической революции, обусловленной зарождением производящего хозяйства, стал генезис укрепленных поселений и их прототипов – селищ на естественно защищенных высоких местах, башенных жилищ, городищ и протогородов, окруженных подпорными, обводными и оборонительными стенами, рвами и водоотводными канавами. Первые укрепления были построены в VIII–VI тыс. до н.э. ранними земледельцами-скотоводами Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья (Иерихон А, Б, Тель Магзалия, Тель Эс-Савван, Хаджилар II, Чатал-Хююк, Хирокития и др.). В V–IV тыс. до н.э. ареал строительства укрепленных объектов включал Переднюю Азию, отдельные области Европы (юг Италии, запад Франции, Западное и Северное Причерноморье), Средней Азии (юг Туркмении), возможно, Китая (долина Хуанхэ). Расширение зоны производящей экономики в VI–IV тыс. до н.э. связывают с культурной диффузией, обусловленной усилением межэтнических общений, в том числе обменных операций, а также с переселениями групп земледельцев-скотоводов из Передней Азии на окружающие территории. По всей вероятности, в системе новшеств неолита (производящая экономика, глиняная посуда, мелкая пластика, крашенный декор, усовершенствованный орудийный комплекс, оригинальная планировка и архитектура поселений, земледельческие культы и т.д.) охватывала новые регионы идея укрепленного поселения. Строительство оборонительных сооружений вокруг поселков в очагах раннего земледелия и скотоводства диктовалось комплексом причин, в первую очередь — необхо-

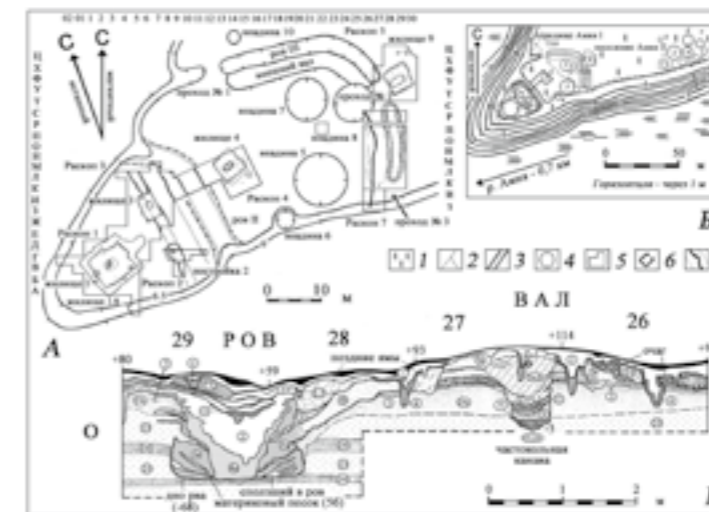
димостью эффективной защиты общинных земель и произведенного на них сельскохозяйственного продукта от соседей и варваров, а также демографическим взрывом и увеличением плотности населения и как следствие — резко возросшей военной активностью.

В настоящее время можно выделить еще один — самый северный в Евразии и на планете — ареал строительства неолитических укрепленных поселений и их прототипов. Он охватывал западные области таежного Приобья и Среднее Зауралье, расположенные между 56°40' и 64°14' с.ш. (рис. 1). Пока в нем известны десять памятников: городища Амня I, Имнъёган 2.1, Каюково 2, поселения Большая Умытъя 9, Большая Умытъя 57, Полудёнка I, Быстрый Кульёган 66 (рис. 2–8), Микишкино 5, Усть-Тара XVIII, Чес-тый-Яг¹. Согласно результатам радиоуглеродных тестов и традиционным методам датирования, они распределяются в интервале VII/VI–IV тыс. до н.э., но вероятное время их существования — VI – рубеж IV/III тыс. до н.э. По климатической шкале северные неолитические памятники соответствуют различным стадиям атлантического периода голоцена (АТ-1, АТ-2, АТ-3). Отдельные самые ранние («мезолитические») даты, установленные по С14, заходят в бореал (БО-2). Впрочем, это может объясняться только расхождением между традиционными и радиоуглеродными датами, последние из которых обычно отличаются большими значениями.

Неолитические укрепления таежного Приобья и Зауралья, а также их прототипы были небольшими: площадью от 260 до 900 кв. м, реже — 1600–1900 кв. м, с одним–тремя либо с пятью–семью жилищами. Вместе с тем, по сравнению с объектами предыдущих эпох их планировка и

Рис. 1. Карта неолитических укрепленных поселений и их прототипов Западной Сибири и Зауралья
1 - городище Амня I; 2 - городище Имнъёган-2,1; 3 - городище Каюково-2;
4 - поселение Быстрый Кульёган-66; 5 - поселение Большая Умытъя-9; 6 - поселение Большая Умытъя-57;
7 - поселение Микишкино-5; 8 - поселение Усть-Тара XXVIII; 9 - поселение Полудёнка I;
10 - поселение Чес-тый-Яг. а - Северный полярный круг;
б - границы современных природно-климатических зон (I - тундра; II - лесотундра; III - редколесье; IV - тайга; V - широколиственно-лесная; VI - лесостепь; VII - степь; VIII - горные районы);
в - поселения с остатками фортификаций и дренажных систем; г - поселение на острове среди болот.

Рис. 2. Городище Амня I. Раскопки В.М. Морозова 1987-1989 гг., В.И. Стефанова 1988, 1989, 1993, 2000 гг., В.А. Борзунова 1993, 2000 гг.
А - план городища; Б - городище неолита Амня I и поселение энеолита Амня II;
В - разрез внешней оборонительной системы городища Амня I.
1 - лес; 2 - тропа; 3 - рок; 4 - жилищная впадина; 5 - раскоп; 6 - котлован жилища;
7 - частокольная канавка под валом. На разрезе: 1 - лесная подстилка; 2 - черный и пепельно-серый подзол;
3 - серый и темно-серый погребенный подзол (древняя почва); 4 - ржаво-коричневый ортзанд; 4е - коричневый ортзанд; 5а - светло-желтый переотложенный песок; 5б - желтый переотложенный песок;
5в - темно-желтый переотложенный песок; 6 - желто-серый углистый песок; 9 - серо-желтый углистый песок;
11 - темно-серый и черный углистый песок; 19 - розоватый охристый песок; 23 - белый материковый песок; 23б - яично-желтый слоистый материковый песок; 24 - оранжево-розовый прокаленный песок.

¹ Авторы раскопок и разведок – В.Н. Чернецов, О.Н. Бадер, В.Ф. Старков, Е.А. Васильев, В.М. Морозов, В.И. Стефанов, В.А. Борзунов, Л.Л. Косинская, Л.В. Ивасько, О.В. Кардаш, А.А. Погодин, П.В. Миронов, Т.А. Горбунова, И.В. Толпеко, А.Н. Бессмертных, К.Г. Карачаров.

архитектура вариабельнее, сложнее и совершеннее, не говоря уже о наличии неизвестных ранее защитных систем вокруг некоторых поселков или их частей. В целом, памятники довольно разнообразны. Они представлены мысовыми одноплощадочными и, возможно, двухплощадочными городищами (Амня I, Имнѣган 2.1); одноплощадочными кольцевыми укреплениями на мысу (Большая Умытъя 9, Полудѣнка I) и гриве (Каюково 2); одним подпрямоугольного плана трехплощадочным укреплением в глубине мысовидного выступа (Большая Умытъя 57); укрепленными жилищами первого типа — обычными малыми постройками на стрелках мысов, огражденными защитными стенами и рвами (Амня I — первый этап, Микишкино 5); предшественниками больших (360–400 кв. м) прямоугольных укрепленных жилищ на краю террасы (Быстрый Кульѣган 66) и в глубине берега (Усть-Тара XXVIII). Рядом с укреплениями Амня I, Полудѣнка I, Большая Умытъя 9 и 57 обнаружены синхронные селища. Неолитический поселок — Чэс-Тый-Яг — самый большой в таежном Приобье (1,314 га), «островного» типа, не имел искусственных укреплений, но был защищен естественным образом. Он находится на мысу коренного песчаного останца, окруженного топкими болотами (остатки древнего водоема); из 20 выявленных на нем землянок все раскопанные (3–5, 8, 10) функционировали одновременно. Даже самое раннее укрепление Севера Евразии Амня I (рис. 2) демонстрирует постоянное совершенствование оборонительных систем и развитие типа поселка — от малого однодворного укрепленного жилища к «цитадели» с тремя постройками и «посадам» и затем, возможно, к большому двухплощадочному городищу. Жилища на городищах и примыкающих к ним селищах, как правило, представлены землянками и полуземлянками каркасно-столбовой конструкции с квадратными и прямоугольными котлованами, укрепленными деревянной опалубкой. Полы помещений горизонтальные, покрыты охрой и частично — деревянным настилом. Наземная часть построек сооружалась из бревен, жердей и плах. Она четырехскатная, усеченно-пирамидальной формы, с наклоном стен от 30° до 45° и высотой от пола до 2,5 м (для предотвращения задымления помещения и пожара в нем). Крыша и верхняя

часть стен жилища опирались на систему лаг, закрепленных на вертикальных столбах, установленных в котловане. Основание стен находилось за пределами котлована и было присыпано песком. В летнее время здесь возводились временные каркасные хозяйственные постройки и навесы над производственными площадками. На городище Каюково 2, по данным авторов раскопок, жилища низкие, с вертикальными дощатыми стенами, установленными в канавки у стенок котлованов, что весьма спорно. Защитные стены укреплений — однорядные, обычно частокольные, укрепленные в основании песком. Их остатками являются сохранившиеся под валами траншеи треугольного и подтрапециевидного профиля, шириной от 30 до 112 см, глубиной 40–120 см, заполненные углистой супесью (Амня I, Большая Умытъя 9, Большая Умытъя 57, Полудѣнка I). По-видимому, возводились также оборонительные стены горизонтальной кладки, в первую очередь, на склонах мысовых городищ Амня I и Имнѣган 2.1: типа заплота или забора, укрепленного вертикальными столбами, либо стены-«тургэ», опиравшейся на растущие и частично спиленные деревья. Я не исключаю также наличия изгороди вдоль внутреннего края прерывистого ровика на поселении Быстрый Кульѣган 66, остатками которой являлись ямки от столбов, хотя это отрицает автор раскопок (Л.Л. Косинская). На городище Каюково 2 предполагаются два варианта защиты: частокол в узкой кольцевой канаве или соединенные между собой внешние стены построек, выстроенных по кольцу. Изнутри к оборонительным стенам пристраивались помосты для наблюдения и стрельбы из лука, снаружи — опоры-контрфорсы: следы одного из них выявлены у внешнего частокола Амни I. Выкопанные в песке рвы шириной по верху от 1,2 до 5,0 м и глубиной от 0,6 до 1,5 м, в разрезе — трапециевидные с плоским дном, вертикальными или слегка отогнутыми стенками, укрепленными деревом. С внутренней стороны рва оставялась узкая горизонтальная площадка — берма, замедлявшая осыпание песка из вала в ров. Напольные фортификации в глубине мысов и на гривах — замкнутые кольцевые и прямоугольные, на стрелках мысов — прямые поперечные, слабоизогнутые и угловые. Тем не менее, общая система оборо-

Рис. 3. Городище Имнѣган-2.1.

Разведка А.Н. Бессмертных и К.Г. Качарова 1995 г. Общий план. 1 - лес; 2 - заболоченная пойма; 3 - жилищная впадина; 4 - ров; 5 - вал; 6 - шурф.

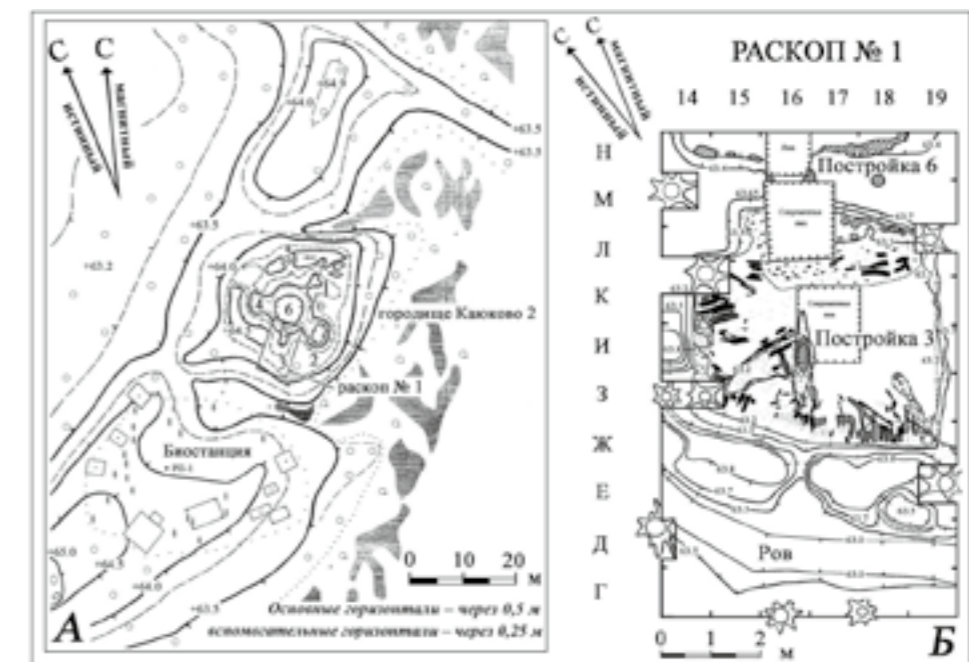

Рис. 4. Городище Каюково-2.

Раскопки Л.В. Ивасько и О.В. Кардаша 2000-2002 гг. А - общий план; Б - раскоп № 1 (2000-2001 гг.), постройка 3 и отрезок рва.

нительных стен всегда была замкнутой. Дело в том, что сравнительно невысокие склоны песчаных сибирских террас без дополнительных укреплений легкодоступны для противника даже при наличии мощных фортификаций с напольной стороны городищ. Проходы в оборонительных стенах оборудовались воротами. Наиболее сложные входные коридорные устройства можно предположить на городище Каюково 2 и поселении Большая Умытъя 9.

Относительно происхождения северных укрепленных поселений нет единства. Одна группа исследователей (Е.А. Васильев, В.Т. Ковалева, С.Ю. Зырянова, Л.В. Ивасько, О.В. Кардаш) полагает, что данные поселки и их фортификации были построены ранними скотоводами и земледельцами, проникшими в тайгу Западной Сибири из Передней Азии и Юго-Восточной Европы. Переселенцы принесли с собой навыки изготовления керамики, украшенной отступающе-накольчатой орнаментацией, в то время как потомки местных мезолитических племен украшали свою посуду гребенчатым и ямочно-гребенчатым декором. Некоторые укрепления (Каюково 2, Микишкино 5) Л.В. Ивасько считает культовыми центрами, которые погибли в результате намеренного ритуального сожжения. Последнее маловероятно: пожары в тайге — явление обычное. Их следы зафиксированы на большинстве лесных городищ как древних, так и средневековых. Что же касается круглоплановой системы поселка Каюково 2, то аналоги ей можно найти не только в кольцевых энеолитических городищах Анатолии, поселениях Западного и Северного Причерноморья и укреплениях эпохи бронзы евразийских степей. Она известна по всему миру, у обществ, стоящих на разных ступенях развития, в том числе у первобытных охотников, рыболовов и собирателей. На неолитических памятниках таежного Приобья и Зауралья не зафиксированы следы скотоводства и земледелия, а глиняная посуда могла появиться здесь в результате культурной диффузии, без притока земледельческо-скотоводческого населения. В целом, я и мои коллеги (Л.Л. Косинская, Л.Н. Корякова, П.А. Косинцев) считаем быстрые марш-броски земледельцев и скотоводов (Е.А. Васильев и др.) и даже степных охотников и рыболовов (В.А. Зах) че-

рез несколько природно-климатических зон вглубь приобской тайги крайне спорными, хотя допускаем проникновение неолитических групп охотников и рыболовов из Приаралья, Прикаспия, Поволжья, Южного Урала, Казахстана и Алтая на юг Западной Сибири, их постепенное приспособление к новым климатическим условиям и социальному окружению, а также смешение с аборигенами. Далее на Приобский Север продвигались уже гетерогенные коллективы, вступающие во взаимодействие с потомками таежных мезолитических общин.

Древнейшие укрепленные поселения Западной Сибири и их защитные системы были построены и, возможно, изобретены различными по происхождению и уровню развития первобытными коллективами рыболовов и охотников с керамикой амнинского, каюковского, сумпаньинского, быстринского, полуденского и других типов. Дело в том, что бревенчатая дерево-земляная архитектура вообще является продуктом лесных, а не степных и горных коллективов. Частоколы также наиболее оптимальны и распространены в местностях, богатых строевым лесом, в первую очередь — хвойными породами деревьев (сосна, лиственница, кедр). Вряд ли их стоит искать в евразийских степях, горных районах Юго-Восточной Европы, Передней и Центральной Азии. В данном конкретном случае палисады, по-видимому, также являются изобретением местных западносибирских и зауральских лесных общин. Возможно, к открытию частокольных систем можно было подойти самостоятельно, без внешнего воздействия, в процессе сооружения свайных жилищ, хозяйственных и культовых построек («амбарчики», «избушки на курьих ножках»), а также запорных устройств (запоры, заколы) на ручьях, реках и озерах для постоянной и высокопроизводительной рыбной ловли. В Западной Европе (неолитические озерные и «болотные» посёлки Швейцарии, Австрии, Франции, Италии, Великобритании, Ирландии, Дании и т.д.), Юго-Восточной Азии и других частях Старого Света к этой идее могли прийти путем строительства свайных жилищ, плотин и запруд. В целом же частокольные конструкции в Западной Сибири были крайне редки до начала средневековья, а в Зауралье — до раннего железного века.

Кроме того, данные неолитические посе-

Рис. 5. Поселение Быстрый Кульёган-66. Раскопки Л.Л. Косинской 1997, 1998, 2001 гг.

А - общий план; Б - план раскопок I-III. Жилища 2, 2а и дно рва.

- 1 - лес; 2 - вырубка; 3 - заболоченная пойма; 4 - грунтовые дороги; 5 - дорожный откос; 6 - линия электропередач; 7 - жилищная впадина с обваловкой; 8 - яма, углубление; 9 - ров; 10 - ямки от столбов; 11 - очаг; 12 - раздавленный сосуд.

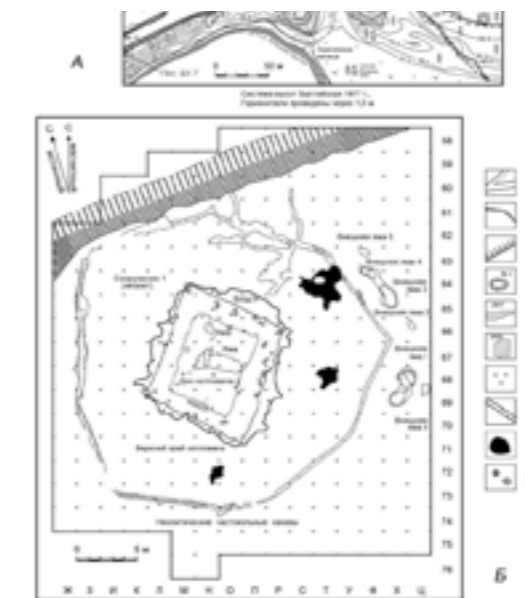

Рис. 6. Поселение Большая Умытъя-9. Раскопки А.А. Погодина 2007, 2008 гг.

А - общий план поселений Большая Умытъя-8 и Большая Умытъя-9;

Б - поселение Большая Умытъя-9, раскоп 2 (2008 г.), объект (сооружение) № 1.

- 1 - грунтовые дороги; 2 - обрыв; 3 - дорожный откос; 4 - шурф; 5 - раскоп № 1 (2007 г.); 6 - раскоп № 2 (2008 г.); 7 - места сборов артефактов на поверхности; 8 - канавка ограды (частокол?); 9 - буро-коричневый очажный слой; 10 - ямки от столбов.

ления были полифункциональными. Судя по найденным на них остаткам, это были центры общинных и, возможно, формирующихся племенных территорий, форпосты на новых освоенных землях, постоянные, а не временные убежища, стационарные круглогодичные поселения, места сосредоточения производственной, хозяйственной и, безусловно, культовой деятельности. Убедительных данных, что это были узкоспециализированные культовые центры, пока нет. Небольшие однодворные укрепления с одним-тремя жилищами стандартного размера являлись местами постоянного обитания и жизнедеятельности, по-видимому, одной или нескольких больших семей. Многофункциональность и часто «функциональная недифференцированность» (В.М. Массон), вообще является характерной чертой всех ранних фортификаций, а также их элементов и укрепленных центров в целом. Бревенчатые стены, заборы и частоколы, помимо своего основного оборонительного назначения, обозначали границы стационарного посёлка, защищали его жителей от дикой фауны, отчасти — от наводнений, ветров, оползней, эрозии грунтов и т.д. Валы первобытных городищ были не самостоятельными объектами, а только основными элементами фортификаций: они не возводились без оборонительных стен. Кроме того, валы в западносибирской тайге крайне редко являлись подиумами для возведения защитных стен, а в эпоху неолита вообще не использовались в таком качестве. Насыпи вокруг городищ, которые мы сейчас воспринимаем как валы, представляют собой остатки песчаных крепид основания бревенчатых стен разной конструкции (частокол, заплот, изгородь, дощатый забор и т.д.). Рвы неолитических укреплений, за исключением узких частокольных канав, в повседневной жизни чаще выполняли дренажную и водоотводную функцию, чем основную — заградительную и естественную первоначальную (место добычи песка для возведения насыпей).

Разнообразии ранних лесных фортификаций при малом их количестве отражает попытку создания для каждой территории оптимального и нестандартного варианта обороны посёлка, при этом посёлка, защищенного не столько от диких животных, сколько от враждебного социального окружения. Для защиты

от зверей достаточно костра и жилища. Главными целями строительства первых крепостей в тайге были раздел, удержание и закрепление за собой относительно свободных до этого времени и наиболее богатых рыболовных и охотничьих угодий в условиях притока нового населения с юга в период климатического оптимума и жесткой конкуренции между лесными общинами. Кроме того, довольно мощные и совершенные, по меркам Западной Сибири, укрепления эпохи камня типа Амни I, Имнъёгана 2.1, Каюково 2, Большой Умыты 57 — это проявление и наглядная демонстрация силы, высокого технического уровня и социальной организации создавших их коллективов.

После неолита городища в таежном Приобье исчезают до финала эпохи бронзы, причем преемственность между ними не наблюдается. В начале бронзового века у таежных охотников-рыболовов Западной Сибири независимо от внешних влияний формируется новый тип поселения — укрепленное жилище второго типа, мощное и обширное (более 200 м²) дерево-земляное сооружение, огражденное рвом и, возможно, дополнительной защитной стеной. Первые городища на юге Западной Сибири появляются в эпоху бронзы (около XVIII/XVII–XIII вв. до н.э.) в среде гетерогенных культур с комплексным производящим и присваивающим хозяйством, причем явно под влиянием оборонного зодчества оседлых скотоводов-земледельцев урало-казахстанских степей конца III – середины II тыс. до н.э. Строители укрепленных поселений финала бронзы — начала железного века западносибирской тайги и лесостепи наследуют и развивают опыт предков, сочетая каноны лесного и степного «градостроительства».

Рис. 7. Поселение Большая Умытыя-57.

Раскопки А.А. Погодина и П.В. Миронова 2007, 2008 гг.

- А — общий план; Б — раскоп 1, сооружение 1, наземные комплексы 1 — 3.
 1 - археологический объект; 2 - граница поселения;
 3 - места сборов артефактов на поверхности; 4 - шурф; 5 - раскоп 2007 г.;
 6 - раскоп 2008 г.; 7 - канавка ограды (частокол?); 8 - буро-коричневый очажный слой;
 9 - красно-коричневый охристый песок; 10 - ямки от столбов.

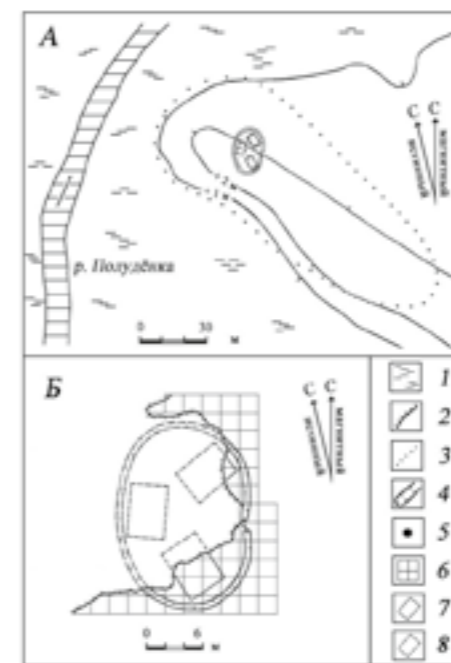

Рис. 8. Поселение Полудёнка I. Раскопки О.Н. Бадера 1944-1946 гг.

- А — общий план; Б — укрепленная часть.
 1 - болото; 2 - край карьера; 3 - граница поселения;
 4 - ровик бревенчатой ограды (частокол?);
 5 - ямка от столба; 6 - сетка участков раскопов;
 7 - раскопанная часть жилища;
 8 - предполагаемое жилище.

А.Н. Сарапулов
г. Пермь

**КОСТЯНЫЕ ДЕТАЛИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ УПРЯЖИ
НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ
(К ВОПРОСУ ОБ ОЛЕНЕВОДСТВЕ И СОБАКОВОДСТВЕ)**

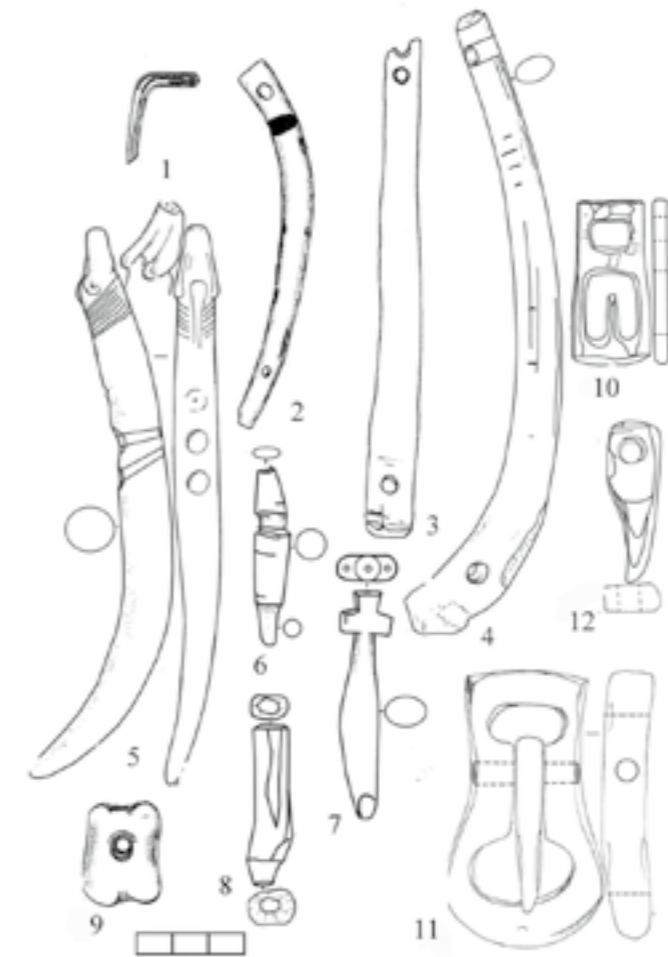
Среди костей животных, обнаруженных в культурном слое поселений Пермского Предуралья, встречаются кости собак и относительно много костей северного оленя. Кости северного оленя составляют значительный процент среди костных останков, собранных на поселенческих памятниках Пермского Предуралья. Как правило, наличие этих костей связывается исследователями с добычей охотников. Оленеводство как вид животноводства на рассматриваемой территории не выделяется. Однако находки элементов оленьей упряжи являются очевидным свидетельством существования оленеводства. Оно, судя по наличию костей среди кухонных остатков, было ориентировано на получение мяса (попутно — шкур, костей и рога), а по наличию упряжи — для транспортных целей. На Рождественском городище, к примеру, кости северного оленя составляют 13,5 %, на городище Анюшкар, не игравшем особой роли в транзитной торговле, — всего 2,2 % [Белавин, Крыласова, 2008, с. 255]. Конечно, речь не идет о существовании крупностадного оленеводства в том виде, в каком оно существует у северных народов. Предполагается использование оленя как транспортного животного для осуществления дальних переездов с целью охоты или торговли. Кости собак составляют очень незначительный процент среди общего количества остеологического материала. На Рождественском городище их всего 1,8 % [Белавин, Крыласова, 2008, с. 255]. Однако это свидетельствует вовсе не о том, что собак было мало, а только о том, что их не употребляли в пищу. Собаки были необходимы для охраны поселений, для промысловой охоты, использовались как ездовые, возможно, как пастушеские.

Прежде чем описывать детали костяной у-

пряжи с территории Пермского Предуралья, стоит разобраться в том, что из себя в принципе представляли системы оленьей и собачьей упряжи.

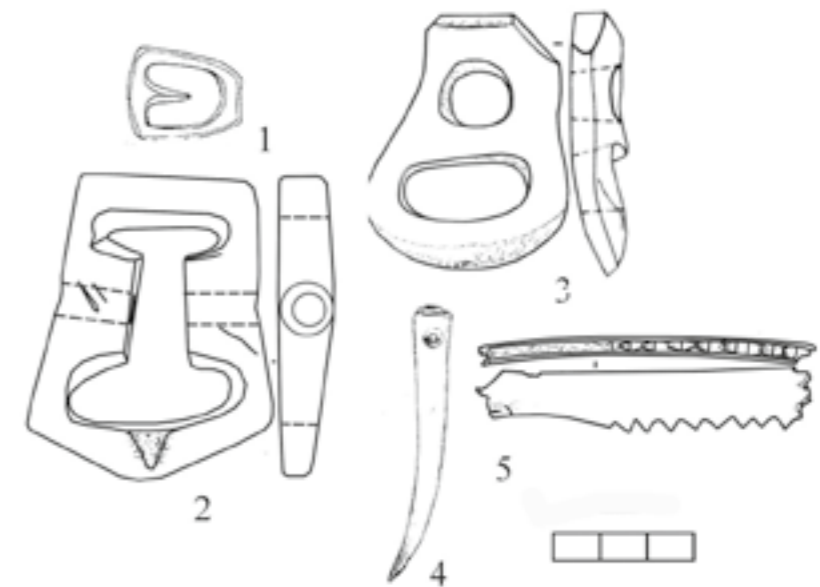
Оленья упряжь состоит из недоуздка с поводком и ляжки с тяжом. По своему устройству недоуздки делятся на два типа — простой и сложный. Простой недоуздок состоит из петли и поводка, а сложный недоуздок имеет петлю, составленную из ремешков и костяных пластин с тремя или двумя отверстиями, соединенных между собой, кроме этого, из костяных изделий там могут быть представлены застежки, блоки, пластины с зубчиками, вертлюги, пряжки [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, с. 22.]. Последние особенности важны для сопоставления с археологическим и этнографическим материалом, так как ременные части недоуздка в обычных условиях не могут сохраниться.

Собачья упряжь представляет собой кожаную петлю-ляжку с поперечной перемычкой посередине. В отверстие просовывалась голова собаки, так что перемычка ложилась ей на спину, а ляжка проходила по бокам. К концам ляжки прикреплялся узкий длинный ремень, который ложился собаке сбоку, для правой — слева, а для левой — справа. Этими ремнями собаки пристегивались к центральному ремню упряжки. Эта разновидность упряжи называется «косой». Наряду с ней существовала и «прямая» упряжь. Она состояла из тех же частей, что и «косая», но имела одну или даже две добавочные перемычки и снабжалась ремешком, проходящим под брюхом собаки [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, с. 56]. Из костяных деталей там использовались вертлюги, пясики, пластины для поводков.

Рис. 1. Костяные детали упряжи

- 1 — Кудымкарское городище;
- 2, 8 — городище Анюшкар, Лаврятское городище;
- 4-8, 10-12 — Купросское городище.

Рис. 2. Костяные детали упряжи

- 1 — 1, 3, 5 Рождественское городище, 4 — Саламатовское городище.

Деталь оленьего недоуздка в виде изогнутой костяной пластины, по сообщениям А.А. Спицина, была найдена на Кудымкорском городище (рис. 1 — 1).

Впервые В.А. Оборин в своей кандидатской диссертации, посвященной родановской культуре, выделил некоторые категории предметов, связанных с собачьей или оленьей упряжью. Позже Г.Т. Ленц, рассматривая костяные изделия городища Анюшкар, отметила наличие деталей упряжи и нарт [Ленц, 2002, с.229, рис.7].

Среди деталей упряжи, найденных на городище Анюшкар, можно выделить костяную пластину с отверстиями по краям, использовавшуюся для привязывания собак (рис. 1, 2). Такие пластины заменяют цепь и не дают собаке перегрызть ремень, до которого она таким образом не может дотянуться. Подобная же пластина была найдена в 1992 г. на Лаврятском городище (рис. 1, 3) (раскопки А.М. Белавина) [Белавин, 2011, с. 84].

В 2010 г. на городище Купрос (раскопки А.Н. Сарапулова) в сооружении 1 и рядом с ним собран комплекс костяных предметов, относящихся к элементам упряжи. Один из предметов этого комплекса представляет собой ребро медведя со сквозными отверстиями на концах (рис. 1 — 4), просверленными в разных плоскостях, который мог также использоваться в качестве поводка для собак. Но известно использование подобных выгнутых костяных стержней с отверстиями на концах и в составе оленьих недоузтков, где они обычно помещались на ремне в районе зобной части шеи оленя. К примеру, подобная деталь имеется в недоуздке из коллекции Оленецкого историко-этнографического музея народов Севера [arcticmuseum.com/gallery2/main.php].

Наиболее выразительной среди находок с Купросского городища является псалия из рога северного оленя (рис. 1 — 5). Один ее конец приострен, на другом вырезана голова медведя, на шее которого горизонтальными линиями обозначена шерсть, посередине просверлены два сквозных отверстия, рядом намечено, но не просверлено, еще одно отверстие. Назначение псалии остается неясным. В конской упряжи в период существования рассматриваемых городищ использование костяных псалий не фиксируется. Устройство собачьей и оленьей упряжи

не предусматривает использования псалий. Любопытную версию об использовании псалий с изображением головы медведя, известным в материалах раннего железного века, предложили Л.И. Липина и Е.М. Черных, по мнению которых они могли использоваться в устройствах типа намордника, ошейника или шлейки, предназначенных для содержания в неволе медведя [Липина, Черных, 2011, с. 134, рис. 1]. Хотя эта версия пока кажется несколько фантастичной, она не лишена права на существование. С другой стороны, рассматриваемый предмет мог использоваться не как собственно псалия, а как застежка, наподобие широко распространенных в средневековых материалах застежек-костыльков. Подобные застежки в виде стержня с отверстием в центре использовались в некоторых вариантах оленьих недоузтков [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, табл. II/5].

В комплексе предметов из сооружения 1 Купросского городища имеются также костяные стержни вертлюгов (рис. 1, 6-8), которые использовались в оленьей и собачьей упряжи для предотвращения скручивания ремней. Еще одна деталь вертлюга, сделанная из бараньего астрагала, была найдена на городище Анюшкар (рис. 1 — 9).

Кроме того, в составе комплекса сооружения 1 Купросского городища присутствуют костяные пряжки. Одна из них относительно небольшая вытянутой подпрямоугольной формы с неподвижным язычком (рис. 1 — 10). Вторая пряжка крупная восьмеркообразная с массивным язычком, который присоединялся к пряжке на штифте (рис. 1 — 11). Среди находок имеется еще один подобный язычок, сохранившийся отдельно от пряжки (рис. 1 — 12). Пряжка подобной конструкции встречена на Рождественском (рис. 2 — 1) и на Саламатовском (рис. 2 — 2) городищах. Костяные пряжки известны в средневековых материалах Восточной Европы, но встречаются они относительно редко. На территории Пермского края среди материалов обработанных коллекций такие пряжки известны только с трех описываемых памятников (Купросское городище, Рождественское городище, Саламатовское городище). Их обычно связывают со снаряжением коня и интерпретируют как подпружные [Культура Биляра, 1985, с. 202], но они, вероятно, могли использоваться

не только в конской упряжи; учитывая их нахождение в комплексе с другими предметами на Купросском городище, можно предполагать их использование, например, в оленьей упряжи.

Г.Т. Ленц отмечает, что на городище Анюшкар также были найдены пясники от недоуздка, пясники для собачьей упряжи (5 экз.), переходники для крепления нарт и вток (Ленц, 2002, с. 229). Кроме того, Г.Т. Ленц выделяет такую категорию костяных изделий, как приспособления для развязывания узлов в собачьей упряжи, представляющие собой костяные стержни с заостренным и изогнутым рабочим концом. Такой предмет, к примеру, был найден на городище Анюшкар (рис. 2, 3). Подобные изделия, называя их «свайки из метакарпальных косточек», выделяет В.И. Мошинская в материалах Усть-Полуя [Мошинская, 1953, с. 84]. Такие свайки широко применяются северными народами для развязывания узлов.

На Рождественском городище (раскопки Н.Б. Крыласовой) на раскопе VII были обнаружены два предмета, которые можно интерпретировать как возможные детали оленьей упряжи. Первый из них — костяной блок (рис. 2 — 4), который использовался в блоковом соединении; через него были протянуты потяги для крепления с нартами. Г.М. Василевич и М.Г. Левин отмечают, что использование блоков характерно для всех самоедских народностей и заимствовавших от них упряжку хантов, манси, кетов, долган и отдельных групп эвенков и якутов [Василевич, Левин, 1951, с. 68].

Еще один предмет, найденный на Рождественском городище, изначально был интерпретирован как орнамент для керамики [Абдулова, Крыласова, Сарапулов, 2012, с. 15] (рис. 2, 5). Для его изготовления использован обломок ребра крупного рогатого скота, по краю которого вырезаны треугольные зубцы. Зубцы довольно крупные и редкие, и при орнаментации должна была бы получаться редкая и глубокая гребенка, но на прикамских сосудах зубцы в гребенчатом орнаменте довольно часто и скученно расположены на стенках сосудов. Поэтому есть определенные основания считать, что это изделие могло быть не орнаментом, а деталью оленьей упряжи. В сложных недоузтках используются костяшки с зубчиками разной степени изогнутости, на концах

этих изделий имеются отверстия. Предмет, найденный на Рождественском городище, аналогичен подобным предметам, но он фрагментарен, и края, где имелись отверстия, возможно, обломаны. Назначение этих деталей — нажимать на чувствительное место, чтобы олень привыкал идти ровно и спокойно. Такие детали использовались у чукчей, коряков, эвенов, эвенков [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, с. 22]. Аналогичные рождественскому изделию имеются у долган [Шрамко, 1988, рис. 3, 3]. Сложные недоуздки с использованием пластин с зубцами применялись для тренировки оленей, для упряжи пристяжных оленей и во время охоты на диких оленей с оленем-манщиком. У тунгусов имеется следующее описание охоты с оленем-манщиком: «Манщик — самец или важенка — должен по окраске походить на дикого оленя. Когда охотник замечает стадо диких оленей, он пускает манщика против ветра к ним. Манщик все время находится на привязи у охотника, который ползет за ним. Охотник управляет манщиком при помощи ремня, заставляет его останавливаться, ложиться, направляться в ту или другую сторону. Хороший охотник с искусно дрессированным манщиком может убить много оленей из стада раньше, чем остальные дикие олени его обнаружат. В этих случаях при охоте обычно употребляют не ружья, а луки» [Мошинская, 1953, с. 79-80]. Такой способ охоты с манщиками был распространен и у других северных народов.

Таким образом, проанализировав находки деталей костяной упряжи в Пермском Предуралье можно утверждать, что северные олени использовались в качестве ездовых животных и, например, могли использоваться при охоте на северных оленей с помощью олень-манщика. Это вполне логично, учитывая, что мясо оленей употребляли в пищу, а кость и рог северного оленя были одним из основных материалов, использовавшихся в изготовлении различных костяных изделий. Стоит оговориться, что речь ни в коем случае не идет о крупностадном оленеводстве, как у северных народов. Несмотря на то, что северный олень обитает на крайнем северо-западе Пермского края, климатические условия не позволяют содержать стада северных оленей в зимнее время, так как снежный покров достигает до

1,5 м, и это, естественно, не позволяет оленям питаться ягелем [Назаров, Шарыгин, 1999, с. 48, 79]. Поэтому единственными возможными формами использования domesticiрованных северных оленей в эпоху средневековья в Пермском Предуралье были эпизодическое использование их в качестве ездовых животных и при охоте на своих же диких сородичей.

Что касается собаководства, то нет никаких сомнений в том, что собак использовали в качестве ездовых животных в эпоху средневековья, о чем имеются письменные свидетельства. Персидский писатель Ауфи, описывая по арабским источникам X в. поездки болгар в страну Югры, сообщает, что «жители Булгар совершают поездки в их страну и привозят одежду, соль и другие вещи, которые являются их товарами. Как средство перевозки тех товаров они готовили приборы вроде небольших повозок, в которые запрягались собаки, так как там много снега и какие-либо другие животные не в силах пересечь ту страну». Даже в XVII в., судя по сообщениям Герберштейна, в Перми Великой продолжали ездить на собаках [Материальная культура средневекового Предуралья, с. 2010, с. 143].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулова С.И., Крыласова Н.Б., Сарапулов А.Н. Редкие и уникальные изделия из кости и рога (по материалам раскопок городищ Пермского края 2008-2010 гг.) // *Казанская наука*. №9 2012г. – Казань: Изд-во «Казанский Издательский Дом», 2012. – 14-26 с.
2. Белавин А.М. Лаврятское городище (по раскопкам 1992 г.) // *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск VII: сб. науч. тр./ под общ. ред. А.М. Белавина; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2011. – 69-86 с.*
3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск / *Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. I. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 603 с.*

4. Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение // *СЭ*. 1951. №1.
5. *Историко-этнографический атлас Сибири. – М.-Л.: АН СССР, 1961. – 498 с.*
6. *Культура Биляра. Болгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. – М.: Наука, 1985. – 216 с.*
7. Лени Г.Т. Косторезное производство в Верхнем Прикамье // *Очерки по археологии Пермского Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2002. – С. 217-243.*
8. Липина Л.И., Черных Е.М. «Верхом на медведе?»: к интерпретации одного из прикамских сюжетов с образом медведя // *Шестые Берсовские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург: Свердлов. обл. краеведческий музей, 2011. – С. 133-138.*
9. *Материальная культура средневекового Предуралья. Ч.II. Белавин А.М. Культура производства. Вооружение. Торговля /А.М. Белавин, А.В. Данич, Н.Б. Крыласова, Г.Т. Лени, Ю.А. Подосенова, А.Н. Сарапулов. – Пермь: ПГПУ, 2010. – 189 с.*
10. Мошинская В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полюя // *МИА*. 1953. №35.
11. Назаров Н.Н., Шарыгин М.Д. География. Пермская область. Пермь, изд-во «Книжный мир», 1999. – 248 с.
12. Шрамко Б.А. Детали оленьей упряжи в Скифии // *Советская археология* 1988 №2.
13. Электронный ресурс. Режим доступа: arcticmuseum.com/gallery2/main.php (Дата обращения 15 января 2012 г.).

V. АРХЕОЛОГИЯ В МУЗЕЕ

Т.И. Щербакова
г. Санкт-Петербург

МАКЕТ НЕНЕЦКОГО СВЯТИЛИЩА В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ (СПБ.)

В апреле 2012 г. в Музее истории религии в Санкт-Петербурге открылась новая экспозиция, посвященная архаическим и традиционным верованиям. Одним из заметных экспонатов этой экспозиции стал макет ненецкого святилища на реке Нумги (рис. 1). В основу создания макета были положены материалы коллекции И.Ф. Скачкова, собранные в 1937 г. в Надымском районе Ямало-Ненецкого округа. Судьба этой коллекции была непростой. В силу обстоятельств она оказалась забытой и пролежала в музейных фондах более шестидесяти лет. Первоначально собрание И.Ф. Скачкова предназначалось Центральному антирелигиозному музею (ЦАМ) в Москве, где культовые предметы со святилищ надымских ненцев должны были пополнить экспозиционный раздел по первобытным верованиям. Расширение и обновление экспозиции ЦАМа в конце 30-х гг. было связано с его переездом в новое помещение на улице Каляевской, 23. Сейчас это улица Долгоруковская. [Тарасова, 1970-е гг.]. Однако у нас нет достоверных сведений о том, в каком объеме и как были задействованы материалы ненецкой коллекции в довоенной экспозиции ЦАМ, возможно, что они вообще не были в ней задействованы. По учетной документации известно только то, что в 1937 г. при поступлении в ЦАМ в коллекции было зарегистрировано 80 номеров – 118 единиц хранения. Тем не менее, проекты, связанные с экспонированием этих материалов у сотрудников ЦАМ, несомненно, были. Об этом можно судить по характеру сохранившейся полевой описи И.Ф. Скачкова, которая была приложена к акту поступления коллекции в ЦАМ. [Опись И.Ф. Скачкова, приложенная к акту №101 от 19/X. 1937 г.]. Этот уникальный документ спустя годы позволил заново открыть и понять, казалось бы, уже

навсегда «замолчавшие» материалы. Опись И.Ф. Скачкова — это десять листов из обычной школьной тетради, исписанных карандашом, очень мелким почерком. Но именно они дали возможность познакомиться с коллекцией как с комплексом взаимосвязанных предметов, некогда изъятых с трех культовых мест надымских ненцев. Опись представляет собой не сплошной текст, она определенным образом структурирована. Страница (по ширине) разделена на двенадцать граф с последующими наименованиями: №№ - порядковый номер// название// назначение// место нахождения// условия нахождения// условия поступления// материал// сохранность// количество предметов// особые наблюдения// народ// примечания. Такая система описания, используемая в полевых условиях, при демонтаже памятника (в данном случае — святилища), позволяет не только многое узнать о самих предметах, но и определить их расположение внутри комплекса. По всей видимости, образец такого описания И.Ф. Скачкову предоставили сотрудники ЦАМа, у которых были вполне осознанные намерения в отношении материалов со священных мест. Ориентируясь на записи собирателя, они могли в пространстве музея почти досконально воссоздать совершенно конкретный культовый комплекс, привезенный из конкретного региона. Как уже отмечалось, расширение и изменение экспозиции за счет новых поступлений являлось насущной задачей ЦАМа в конце 30-х гг. Такая политика, помимо переезда музея в новое помещение, была связана еще со сменой руководства и обновлением состава сотрудников, среди которых появились специалисты-этнографы, предлагавшие свои подходы и концепции развития музея. [Тарасова, 1970-е гг.]. Все эти перемены способствовали

ли тому, что ЦАМ начал активно приобретать культовые предметы и коллекции по традиционным верованиям народов СССР, а также командировать своих представителей для сбора материалов на местах. Поездка И.Ф. Скачкова в Ямало-Ненецкий округ явилась результатом этой новой музейной политики. Нет сомнения в том, что все напутствия относительно сбора материала и составления полевой описи он получил от специалистов. Интересная деталь: в описи есть неоднократные ссылки И.Ф. Скачкова на отчет – «см. Отчет», причем это слово он всегда пишет с большой буквы, может быть, придавая ему какую-то особую значимость. Напомним, что написание отчета является неотъемлемой частью экспедиционной работы, которую тоже был обязан выполнить собиратель. Но, к сожалению, отчет И.Ф. Скачкова не обнаружен среди архивных документов ЦАМа, хотя, по всей видимости, именно в нем содержатся наиболее подробные и ценные сведения о материалах изъятых ненецких святилищ.

Кем же был сам И.Ф. Скачков? Этот вопрос во многом остается открытым. Его фамилия появляется в документах ЦАМ в 1936 г., когда И.Ф. Скачков как частное лицо передал музею семь предметов, привезенных им с Камчатки. Он приобрел их у эвенов верховьев реки Пенжины [Акт №74 от 10 июля 1936 г.]. Совершенно очевидно, что И.Ф. Скачков не являлся сотрудником ЦАМ. В следующем, 1937 г. в актах на поступления материалов в ЦАМ опять встречается его фамилия. Речь идет о том, что «зав. фондов ЦАМа тов. Стриковский И.Х. и зав. отделом «Присхождение религии» тов. Стельмах Г.Е. с одной стороны и командированный ЦАМом (командировка №394 от 29/VII. 37 г.) в Ямальский национальный округ тов. Скачков И.Ф. для изучения религиозных верований народов Севера с другой, составили настоящий акт в том, что тов. И.Ф. Скачков сдал, а т.т. Стельмах Г.Е. и Стриковский И.Х. приняли собранные И.Ф. Скачковым культовые предметы у ненцев и хантов Ямальского Севера в количестве 118 предметов. 26/X. 37 г.». [Акт №101 от 19/X. 1937 г.]. Как видно, в этом документе фамилия И.Ф. Скачкова не дополняется должностным статусом, как у Г.Е. Стельмаха и И.Х. Стриковского, он всего лишь «тов. И.Ф. Скачков». Скорей всего, его оформили в

музей по договору с целью командирования в Ямало-Ненецкий округ. Такая практика имела место. У нас есть основание предполагать, что И.Ф. Скачков был художником. Об этом, в частности, свидетельствует относящийся к материалам коллекции акварельный рисунок, на обратной стороне которого почерком собирателя написано: «И.Ф. Скачков. Избушка шамана Хылнча у реки Хамбияга. (Надымский район, Ямало-Ненецкий округ)». На этой профессионально выполненной акварели изображено одно из культовых мест, которое посетил И.Ф. Скачков (рис. 2). Именно таким, в своем природном окружении, увидел это святилище собиратель перед тем, как приступить к демонтажу и изъятию культовых предметов. Судя по всему, этот его шаг не был случайным: прежде чем разрушать, была сделана точная и красочная фиксация в виде акварельного рисунка. Не исключено, что И.Ф. Скачков делал зарисовки и других объектов, но они либо не сохранились, либо еще не обнаружены. Однако наличие данной акварели в коллекции еще раз подтверждает, что намерение воссоздать в экспозиции ЦАМа реалистичный образ священного места, было серьезным.

Официальный характер поездки И.Ф. Скачкова в Ямало-Ненецкий округ обеспечил ему поддержку и содействие местных властей. Собирателю показали несколько священных мест в Надымском районе, значительно удаленных друг от друга и расположенных в труднодоступных местах, дорогу к которым могли знать только местные жители. Начальник НКВД Ямальского округа даже отдал для коллекции кольцо из железных колец и стальной шлем, конфискованные у шамана с реки Пур. [Опись И.Ф. Скачкова, приложенная к акту №101 от 19/X. 1937 г., с. 4]. Сам шаман, вероятно, был арестован или расстрелян. Это было время жесткой борьбы с религиозными пережитками, когда по всей стране уничтожались не только предметы, связанные с религиозными представлениями, но и носители этих представлений. Тот факт, что некоторые из культовых вещей оказались в музеях, можно рассматривать как своеобразное везение: их удалось сохранить, и сейчас, спустя много лет, эти свидетельства прошлого в том или ином виде могут возвратиться в свое культурное пространство.

Рис. 1. Макет ненецкого святилища на реке Нумги.

Рис. 2. «Избушка шамана Хылнча на р. Хамбияга». Акварельный рисунок И.Ф. Скачкова. 1937 г.

В 30-е гг. священные места ненцев находились в сфере живой традиционной культуры, но, как видно, с соответствующими документами и в сопровождении официальных лиц, было возможно все. И.Ф. Скачкову удалось целиком изъять материалы с двух святилищ. Это был священный комплекс шамана Хылнча с реки Хаби-яха (название реки собиратель со слов информаторов, на слух, записал как «Хамбияга») и святилище с реки Нумги, которое мы в виде макета представили в экспозиции. В записях И.Ф. Скачкова оно охарактеризовано как «жертвенное место кочевой стоянки на р. Нунги». Здесь также название реки было записано неверно. Эта ошибка привела к тому, что сначала это святилище было привязано к дельте Оби, где на одном из островов есть протока с названием «Нунги» [Информационная мультимедийная программа «Коллекция культовых предметов надымских ненцев», 2008]. Река же Нумги находится в бассейне реки Ныда в Надымском районе, на территории которого, как следует из документов, проводились сборы. Известно также, что И.Ф. Скачков с сопровождающими его лицами посетил еще Святой Мыс — самое почитаемое святилище надымских ненцев, связанное с именем их легендарного покровителя Мархы [Хомич, 1971, с. 240]. Святой Мыс расположен на берегу Обской Губы, недалеко от впадения в нее реки Надым, в 5-7 км от села Шуга. Это святилище в отличие от первых двух занимало очень большую площадь и не подходило для тех целей, которые стояли перед И.Ф. Скачковым. Отсюда он взял только несколько жертвенных узелков с завязанными в них монетами. Таким образом, основу его коллекции составили культовые предметы с двух небольших святилищ: это комплекс шамана Хылнча и священное место с реки Нумги.

Собранные в Ямало-Ненецком округе материалы были благополучно доставлены в Москву и, как уже отмечалось, сданы в Центральный антирелигиозный музей (ЦАМ). Вопрос об их экспонировании в довоенной экспозиции ЦАМ остается неясным; во время войны вся экспозиция была свернута, осуществлялось только хранение. В 1946 г. принимается решение о ликвидации Центрального антирелигиозного музея и передаче его коллекций вместе с учетной документацией Музею истории религии АН

СССР в Ленинграде. [Отношение Секретариата Президиума АН СССР, 1946]. Так неожиданно завершилась двадцатилетняя история одного из крупнейших антирелигиозных музеев нашей страны, созданного в 1926 г. союзом воинствующих безбожников на первой волне борьбы с религией. [Кандидов, 1926]. Перемещение материалов ЦАМа из Москвы в Ленинград происходило в течение нескольких лет. Музей истории религии располагался тогда в здании Казанского собора на Невском проспекте. Послевоенный период оказался очень сложным для сотрудников музея во всех отношениях. Остро стоял вопрос и с фондовыми помещениями. Здание собора изначально не было приспособлено для нужд музея, под фонды использовалось все, что возможно, и в таких условиях нужно было еще срочно принять достаточно значительное наследие ЦАМа. Поступающие ящики с коллекциями размещали в центральном нефе собора, и параллельно шла работа по организации фондовых помещений. Все материалы нужно было распаковать, зарегистрировать и разложить по соответствующим фондам. Их изучение и систематизация не являлись тогда насущной проблемой. Но отдельные экспонаты из новых поступлений, особенно яркие и выразительные, конечно, были задействованы в послевоенных и более поздних экспозициях. В 1961 г. Музей истории религии был выведен из состава Академии наук и получил новое название — «Музей истории религии и атеизма». По сути, он стал тогда музейным методическим центром по внедрению научного атеизма в массы. Перед сотрудниками были поставлены новые цели и задачи, которые нужно было воплощать в жизнь. Это также не способствовало детальному изучению материалов из ЦАМа. Лишь с середины 90-х гг., когда музей переехал из Казанского собора в здание на улице Почтамтской, 14, получил новые экспозиционные площади и специализированные фондовые помещения, а также вернул свое прежнее название «Музей истории религии», наметились некоторые перемены. Наконец, в связи с компьютеризацией фондов систематизация и изучение старых поступлений — 30-40-х гг. — стало реальной необходимостью. Именно к этому времени относится начало работы и первое знакомство с несколькими крупными коллекциями ЦАМа

по традиционным верованиям народов нашей страны, в том числе, и с коллекцией И.Ф. Скачкова [Щербакова, 2001]. Следует еще раз подчеркнуть, что только благодаря архивной документации ЦАМ удалось разобраться и по достоинству оценить так долго хранившиеся в наших фондах материалы. Спустя годы они все-таки были введены в научный оборот, к ним получили доступ специалисты, и стало возможным их полноценное использование в экспозиционном пространстве.

В 2009 г. при создании концепции новой экспозиции по архаическим и традиционным верованиям было решено представить макет ненецкого святилища. Предпочтение было отдано святилищу на реке Нумги, поскольку оно располагалось на открытом месте — на мысу. Представить комплекс шамана Хылнча, находящийся внутри «избушки», в музейном зале было бы достаточно проблематично. С этим комплексом можно познакомиться с помощью мультимедийной программы, которая демонстрируется на мониторе рядом с макетом. Такое дополнительное информационное поле, как показывает практика, активно осваивается и используется посетителями. Введение в новую, а значит, современную, экспозицию макета святилища, выполненного практически в натуральную величину и с претензией на натуралистичность, было воспринято неоднозначно. Для многих музейных работников макет ассоциируется с чем-то давно ушедшим — примерно с тридцатыми годами прошлого века. В этом есть свой резон, но макет, тем не менее, как один из старейших экспозиционных элементов, по-прежнему, остается востребованным. Предметный ансамбль, где вещи располагаются в обстановке и положениях, характерных для их бытования, где между ними присутствуют четкие смысловые связи, во многом усиливает эффективность восприятия. Особенно это относится к неевропейским культурам и культурам архаических и традиционных обществ, о которых большинство посетителей имеет весьма слабые представления [Крайнер, 1999].

Макет святилища на реке Нумги является доминантой второго экспозиционного зала, занимая основное его пространство. Фоном ему служит фотоизображение осенней тундры, соз-

дающее уходящую вдаль перспективу. Основа макета выложена настоящим ягелем, специально обработанным, что является необходимым в условиях музея. Именно таким образом имитируется естественная поверхность с ее растительностью и ландшафтными неровностями. Все это дополняется тремя небольшими, тоже настоящими, лиственницами и карликовой березкой*. Макет имеет выступающий вперед овальный край, что при рассказе экскурсовода или при прочтении сопроводительного текста, должно ассоциироваться с мысом реки, на котором располагалось святилище. В такой обстановке, хотя бы отчасти приближенной к натуре, воссоздается облик священного места в соответствии с описанием, оставленным И.Ф. Скачковым, и здесь уже используются подлинные коллекционные предметы. В центре помещено остроголовое деревянное изображение духа-хозяина данного святилища (местности), когда-то вкопанное своим основанием в землю. К его «одежде», то есть к сукну, которым окутано тулово, прикреплены многочисленные «приклады», принесенные людьми в дар духу-хозяину с благодарностью или просьбой о благополучии, здоровье и т.д. В качестве таких жертвенных «прикладов» выступают самые различные металлические изделия, включая пряжку от пояса. Если эти предметы, для постороннего взгляда очень неказистые, просто выложить в витрину, то они вообще не привлекут к себе внимание, к тому же очень трудно будет объяснить посетителю их значение и назначение. В обстановке же макета все наглядно, они сами «говорят» за себя, по крайней мере, понятно, кому это предназначено. Рядом с центральным изображением духа-хозяина на земле лежали два бубна, от которых сохранились только обечайки и рукоятки, несколько железных клинков от ножей, а также сломанная деревянная лопатка для отряхивания снега с меховой одежды. Самым высоким экспонатом макета-святилища является шест высотой 2 м 85 см, увенчанный изображением птицы, крылья которой утрачены. В средней его части вырезано изображение лица с намеченным носом и глазами. Эту личину (духа?) трудно различить, если специально не обратить на нее внимание. Для возможности транспортировки шест распилили на че-

* Приношу глубокую благодарность О.В. Хитун, к.б.н., научному сотруднику Ботанического института РАН им. В.Л. Комарова, за консультацию и помощь при создании тундрового ландшафта макета.

тыре части, которые впоследствии, в ЦАМе, были соединены с помощью железных штырей. Недалеко от шеста с птицей стояла священная нарта с ящиком для перевозки домашних духов-охранителей. Согласно комментариям И.Ф. Скачкова, она была оставлена на святилище в связи с уходом на летние пастбища. Но в книге поступлений ЦАМ нарты и ящик не зарегистрированы, там значатся только изображения домашних духов. По всей видимости, по какой-то причине ее не вывезли в Москву вместе со всей коллекцией. При создании нашего макета была использована ненецкая нарта, привезенная заведующим кафедрой антропологии и этнографии Санкт-Петербургского университета В.А. Козьминым в 1976 г. из экспедиции в Ямало-Ненецкий округ*. Еще одна фигура остроголового духа, по замечанию собирателя, была прислонена к дереву. Это изображение высотой 108 см также было распилено для удобства транспортировки. О наличии на нем «одежды» в описи нет никаких указаний. В коллекции представлено еще несколько рогов молодых оленей, которые были принесены в жертву. В макете они размещены на листовниках. Рога оленей являются постоянным и достаточно многочисленным компонентом священных мест ненцев, и, возможно, И.Ф. Скачков взял далеко не все имевшиеся на данном святилище рога. В целом, облик святилища на реке Нумги, воссозданный в виде макета в музейном зале, несмотря на все его погрешности, дает посетителям образное представление о том, как выглядело одно из многочисленных священных мест ненцев, когда-то разбросанных по всей тундре.

В результате проделанной работы возникает ощущение, что мы всего лишь воплотили замысел, когда-то связавший коллекцию И.Ф. Скачкова с идеей создания в музейном пространстве макета ненецкого святилища. Пусть это произошло спустя семьдесят пять лет, совсем в другом городе, в другом музее и, наверное, по-другому, но это все-таки произошло. Извлеченные из фондов материалы стали известны и посетителям музея, и специалистам. Их можно использовать в программе, которая проводится на территории Ямало-Ненецкого округа и связана с картированием священных мест.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акт № 74 от 10 июля 1936 г. Акты на поступления материалов в ЦАМ в 1936 г. С. 114 // Отдел учета и хранения ГМИР.*
2. *Акт № 101 от 19/X. 1937 г. Акты на поступления материалов в ЦАМ в 1937 г. С. 29 // Отдел учета и хранения ГМИР.*
3. *Информационная мультимедийная программа «Коллекция культовых предметов надымских ненцев. (По материалам И. Ф. Скачкова 1937 г.). СПб. 2008 // Постоянная экспозиция Государственного музея истории религии, раздел «Архаические и традиционные верования».*
4. *Кандидов Б. К вопросу об организации Центрального Антирелигиозного музея // Антирелигиозник. 1926. - № 12. - С. 48 - 52.*
5. *Крайнер Е.Н. Историко-культурное просвещение средствами художественно-образного воздействия: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. СПб., 1999. - 24 с.*
6. *Опись И.Ф. Скачкова, приложенная к акту № 101 от 19/X. 1937 г. Акты на поступления материалов в ЦАМ. 1937 г. С. 1 - 10 // Отдел учета и хранения ГМИР.*
7. *Отношение Секретариата Президиума АН СССР о распоряжении Совета Министров СССР № 1816-р от 14 декабря 1946 г. о ликвидации ЦАМ и передаче его материалов в Музей истории религии // ЛГАЛИ. Ф. 195, оп. 1, д. 51, лист 42.*
8. *Тарасова И.В. Историческая справка к фонду 31 (ЦАМ) // Научно-исторический архив ГМИР.*
9. *Хомич Л.В. О некоторых предметах культа надымских ненцев // Сб. МАЭ. Том XXVII. Л. 1971. - С. 239 - 247.*
10. *Щербакова Т.И. О некоторых сибирских материалах в собрании государственного музея истории религии // Труды государственного музея истории религии. Вып. 1. СПб. 2001 - С. 9-17.*

В.Ю. Могрицкая
г. Салехард

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФОНДЫ МУЗЕЯ ИМ. И.С. ШЕМАНОВСКОГО:
ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И МЕСТО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ

Археологические фонды Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского являются уникальными по всем параметрам и составляют предмет законной гордости сотрудников и руководства музея и удивления его гостей. Музею в декабре 2011 г. исполнилось 105 лет, история формирования его фондов вообще и археологических в частности является отражением сложного процесса становления музейного дела на северной окраине Российской империи — СССР — Российской Федерации.

В этой истории можно выделить три основных периода, которые можно назвать «периодом случайных находок», «периодом краеведческих сборов» и «периодом создания собрания древностей ЯНАО». Первый, датированный началом — первой половиной XX в., был изначально связан с музеем, созданным отцом Иринархом (И.С. Шемановским) в 1906 г. — «Хранилищем коллекций по этнографии инородцев Тобольского Севера». Его можно характеризовать как период случайного формирования археологического фонда музея. Пополнение шло за счёт эпизодического поступления единичных находок археологических предметов, сделанных и переданных в музей частными лицами. Можно предполагать, что фонды «Хранилища коллекций по этнографии инородцев Тобольского Севера» отца Иринарха включали в себя ряд предметов археологии, как это иногда случается и в наши дни, когда вещи археологического происхождения, иногда и весьма древние, становятся частью материальной культуры аборигенного населения. Но в силу сложных перипетий в судьбе музея первой трети XX в., пожара 1908 года, периодов безвременья, когда за состоянием фондов не было должного наблюдения и отсутствовала учёт-

ная документация, установить это практически невозможно. Очевидно, что в эти сложные переломные моменты в истории государства даже уже поступившие коллекции беднели.

На 1920-1930-е гг. пришлось первая волна археологического изучения края, хотя и несколько запоздавшая в сравнении с другими регионами Западной Сибири. Уже в конце 20-х годов XX в. появились первые «древние черепки», добытые ссыльным Д.Д. Редриковым и другими членами местного краеведческого кружка. Эти первые археологические экспонаты, к сожалению, не сохранились, нет документации и о том, каким образом попали в собрание музея такие загадочные вещи, как скифский бронзовый кинжал, датированный серединой I тысячелетия до н.э. и произведенный где-то на Алтае. Он хранится в особой кладовой МВК и, по-видимому, может считаться одним из самых ранних предметов «дальнего импорта» на севере Западной Сибири.

Толчком к началу археологических изысканий в крае стали политические события в стране, когда не угодная новой власти образованная интеллигенция стала вытесняться из центров на периферию. Одним из таких уголков и стал Обдорск-Салехард. Эти первые работы по археологическому изучению региона не нашли своего отражения в местном музейном собрании. Коллекции, если даже и собирались, то оказывались в учреждении, откуда шло финансирование экспедиции, либо просто в каком-то из центральных музеев, а иногда и вовсе утрачивались. Очевидно, что причиной тому было общее состояние музея тех лет, а также негласная установка, согласно которой коллекции поступали, как правило, в центральные научные учреждения страны, поскольку только там присутствовали специалисты, способные работать с теми или иными категория-

* Приношу глубокую благодарность В.А. Козьмину, предоставившему в дар Музею истории религии ненецкую нарту.

ми предметов. Отсутствие сотрудников, знающих музейное дело, специалистов в отдельных областях знания, стало ключевой характеристикой первого этапа комплектования музейного собрания в целом. А практика вывоза коллекций продолжала существовать многие годы. Особенно показательным примером такой практики можно считать то, что коллекции из раскопок В.С. Адрианова на Усть-Полуе 1935–1936 гг. даже не предполагалось оставить в Салехарде — они были вывезены в Кунсткамеру.

С середины XX в. начался второй период формирования фондов музея. В 1968–1970 гг. совместной экспедицией ААНИИ и ЛОИА АН СССР под руководством М.И. Белова были проведены первые крупномасштабные раскопки на территории округа — исследования на городище Мангазея. В 1970 г. в раскопках Мангазеи принимала участие тогдашний директор Окружного музея, и фонды учреждения были пополнены 159 предметами русской материальной культуры XVII в. Набор вещей оказался достаточно прост: фрагменты деревянных изделий, железные судовые скобы, фрагменты кожаной обуви, обломки стеклянного графина и другое.

В 1976 г. Л.П. Хлобыстиным был выявлен первый памятник эпохи мезолита — стоянка Корчаги 1Б. Часть археологической коллекции со стоянки стала одной из первых документированных коллекций, переданной в фонды Окружного музея автором работ. В ней представлено около двух десятков каменных орудий, массивное каменное скребло, несколько шлифованных наконечников стрел, мелкие чешуйчатые отщепы и сколы.

Наконец, с начала 90-х гг. XX в. можно отсчитывать начало третьего периода — целенаправленного создания собрания древностей ЯНАО. В начале 90-х годов на полуострове Ямал и в Приуральском районе произвели разведочные обследования и стационарные раскопки поселения Паром I экспедиция ИПОС СОРАН. В 1990–1992 гг. экспедицией ТГПИ проведены стационарные раскопки на городище Ярте VI на р. Юрибей (п-в Ямал). С 1993 по 1995 гг. экспедиция под руководством к. и. н. Н.В. Федоровой вновь раскапывала древнее святилище Усть-Полуй. Именно с начала-середины 1990-х гг. начинаются те изменения, которые впоследствии приведут к

качественному скачку археологических исследований в регионе. Во-первых, к этому времени по всей стране происходит изменение отношения к региональной истории, которая на волне определённой децентрализации власти всё больше привлекает внимание. Осознание ценности местной истории, а тем более в регионе со столь хорошо сохранившимся традиционным укладом жизни, занимает должные позиции в понимании местной власти. Так, в частности, возобновление археологических исследований на Усть-Полуе было приурочено к празднованию 400-летнего юбилея Обдорска-Салехарда. Именно с работ на Усть-Полуе берёт своё начало деятельность Ямальской археологической экспедиции, организованной Н.В. Федоровой. В последующем участниками этого коллектива начнётся интенсивное пополнение археологического фонда МВК.

Археологические коллекции, получаемые в ходе археологических раскопок древнего святилища Усть-Полуй, памятников полуострова Ямал, археологического комплекса у поселка Зеленый Яр в конце 1990-х — начале 2000-х гг., были переданы на хранение в фонды МВК им. И.С. Шемановского.

В настоящее время на основе финансовой поддержки окружного правительства, ведутся стационарные раскопки на таких значимых для древней и средневековой истории округа памятниках, как древнее святилище Усть-Полуй (руководитель работ А.В. Гусев), поселение энеолита-бронзы Горный Самотнёл (О.С. Тупахина), Надымский городок и поселение в бухте Находка (О.В. Кардаш), городище Мангазея (Г.П. Визгалов).

На сегодняшний день в археологическом собрании МВК им. И.С. Шемановского имеются коллекции, иллюстрирующие почти все периоды времени, за исключением каменного века. К эпохе камня можно отнести лишь одну коллекцию — предметы из стоянки Корчаги 1Б, которая была обнаружена Л.П. Хлобыстиным в 1976 г.

К эпохе энеолита-бронзы относится несколько коллекций: это поселения Вары-Хадыта II, Лов-Санг-Хум (раскопки Е.А. Васильева, г. Томск), Горный Самотнёл, стоянка Салехард I (раскопки О.В. Кардаша, г. Нефтеюганск), Йоркутинская стоянка (сборы

Л.П. Хлобыстина, г. Ленинград), поселение Паром (раскопки ИПОС СОРАН).

Ранний железный век в собрании МВК — это, прежде всего, древнее святилище Усть-Полуй, самая объёмная и самая разнообразная коллекция, которая продолжает пополняться удивительными артефактами. Кроме того, ранний железный век представлен единичными находками из старых случайных поступлений.

Наиболее полно представлены эпоха средневековья и позднего средневековья. Это, прежде всего, комплекс памятников у посёлка Зелёный Яр, поселения на полуострове Ямал — Тиутей-Сале и Ярте VI, Бухта «Находка», большое количество разведочных материалов из Яртенского археологического микрорайона, городище Питляр, поселения в черте г. Салехарда — Зелёная горка, Полярный круг. Также имеется обширная коллекция бронзовых изделий средневековья из кладов и случайных поступлений. Большинство кладов было найдено на территории Шурышкарского района ЯНАО. К эпохе средневековья также относится значительная коллекция, закупленная музеем в начале 90-х гг. у врача Б.И. Василенко. Часть этого собрания происходит из могильника Хето-се на юге полуострова Ямал.

Большие и крайне интересные по сохранности предметы из органических материалов коллекции происходят из раскопок памятников позднего средневековья и нового времени — периода освоения Севера русскими. Это так называемые аборигенные городки — Надымский, Войкарский и Полуйский (мысовой).

Одной из самых знаменитых и значимых для истории освоения Севера русским населением является коллекция артефактов с памятника федерального значения — Городище Мангазея. Это единственный в ЯНАО русский город за Полярным кругом, просуществовавший всего 71 год.

Отдельного упоминания заслуживает собрание Особой кладовой МВК им. И.С. Шемановского. В ее фондах хранится коллекция художественных изделий из серебра и бронзы эпохи средневековья. Большая часть этих предметов была обнаружена в составе кладов. По полноте охвата некоторых составляющих этой коллекции, например, серебра Волжской Болгарии XI–XV вв., мы уступаем, пожалуй, толь-

ко хранилищу Государственного Эрмитажа. Эти предметы не только позволяют проследить историю развития искусства в нашем регионе, но и представить себе межрегиональные и международные торговые связи севера Западной Сибири с миром средневековых цивилизаций.

Предметы из Особой кладовой можно разделить на группы соответственно стране их происхождения. Иран представлен несколькими бронзовыми чашами, украшенными циркульным орнаментом и серебряной ложкой, на некоторые предметы нанесены так называемые гравировки — местные рисунки, процарапанные железным ножом поверх декора изделия. В Сирии была произведена небольшая серебряная чашечка с изображением аллегорической фигуры с веслом и чудовища. Скандинавия представлена одним предметом — застёжкой-фибулой. Самый великолепный памятник искусства, найденный на территории ЯНАО, — блюдо с изображением сцены полёта Александра Македонского на грифонах — демонстрирует высокие достижения торевтов Византии. В 2003 г. предмет был подарен Губернатором ЯНАО Государственному Эрмитажу. В МВК и в Шурышкарский музей были переданы выполненные в Эрмитаже гальванокопии этого сосуда. В Западной Европе произведены четыре чаши, точнее, две крышки и два резервуара, которые являются высокохудожественными образцами средневекового европейского искусства. Территория так называемой Великой Венгрии представлена двумя блюдами с изображением всадников и фрагментами еще одного. Самая обширная коллекция предметов, хранящихся в Особой кладовой, — это посуда и украшения из серебра, произведенные мастерами Волжской Болгарии, а именно — два блюда, браслеты, височные подвески, очелья, гривны, накладки. Особая категория — серебряные щитки для защиты руки от тетивы, украшенные мастерски выполненной чеканкой, чернью, позолотой. Кроме того, здесь хранится большая коллекция высокохудожественного западносибирского бронзового литья раннего железного века и средневековья.

Археологические коллекции МВК им. И.С. Шемановского постоянно экспонируются на экспозициях в самом музее, на передвижных выставках и на выездных мероприятиях. Перечислю лишь некоторые из них.

Выставки в музее

«Сокровища Приобья: север Западной Сибири на торговых путях средневековья» (2003 г.); «Усть-Полуй: I в. до н.э.» (2003 г.); «По улицам олень бегущий» (межрегиональный выставочный проект, инициатор — Сургутский краеведческий музей) (2004 г.); «2000 лет искусства Ямала» (2006 г.); «Исчезнувшие города Заполярья» (2008 г.); «История ямальского оленеводства» (2008 г.); «Златокипящая Мангазея» (2009 г.); «На полпути земного бытия» (2010 г.); «Древности Ямала» (2010 г.)

Передвижные выставки

«Сокровища Приобья» (Государственный Эрмитаж, 1996 г.); Выставка «Арктика и Антарктика», (Бонне, раздел «Культурное наследие Ямала», 1997 г.); «Во дни предначальные» (Вторая Красноярская Биеннале, 1997 г.); «Свердловский музей изобразительного искусства» (1998 г.); «Овеянные тайной лет» (гг. Нарьян-Мар и Новый Уренгой, 2009 г.).

В 2011 г. правительством Ямало-Ненецкого автономного округа была принята долгосрочная целевая программа «Развитие научной деятельности ЯНАО в области археологии на 2012-2015 годы». В рамках этой программы планируется продолжение широкомасштабных исследований уже известных памятников и выявление новых. Эта программа имеет большое значение и как фактор постоянного пополнения археологических фондов музея. В ней же предусмотрены и значительные работы по изданию археологического наследия региона, его популяризации.

Последнее является одним из основных аспектов деятельности научных сотрудников музея. Только за последние 10 лет изданы каталоги и буклеты выставок, востребованные как научным сообществом, так и широкой публикой.

Археология Арктики

Материалы международной научно-практической конференции,
посвященной 80-летию открытия памятника археологии
«Древнее святилище Усть-Полуй»

Ответственный редактор: Наталья Федорова

Редактор: Галина Ручинская

Корректор: Диана Уманская

Разработка оформления, верстка и подготовка к печати: Вячеслав Пономарев

Издательство «Деловая пресса», г. Екатеринбург
www.iddp.ru

Подписано в печать 31.12.2012.

Печать офсетная. Тираж 250 экз. Заказ № 312.